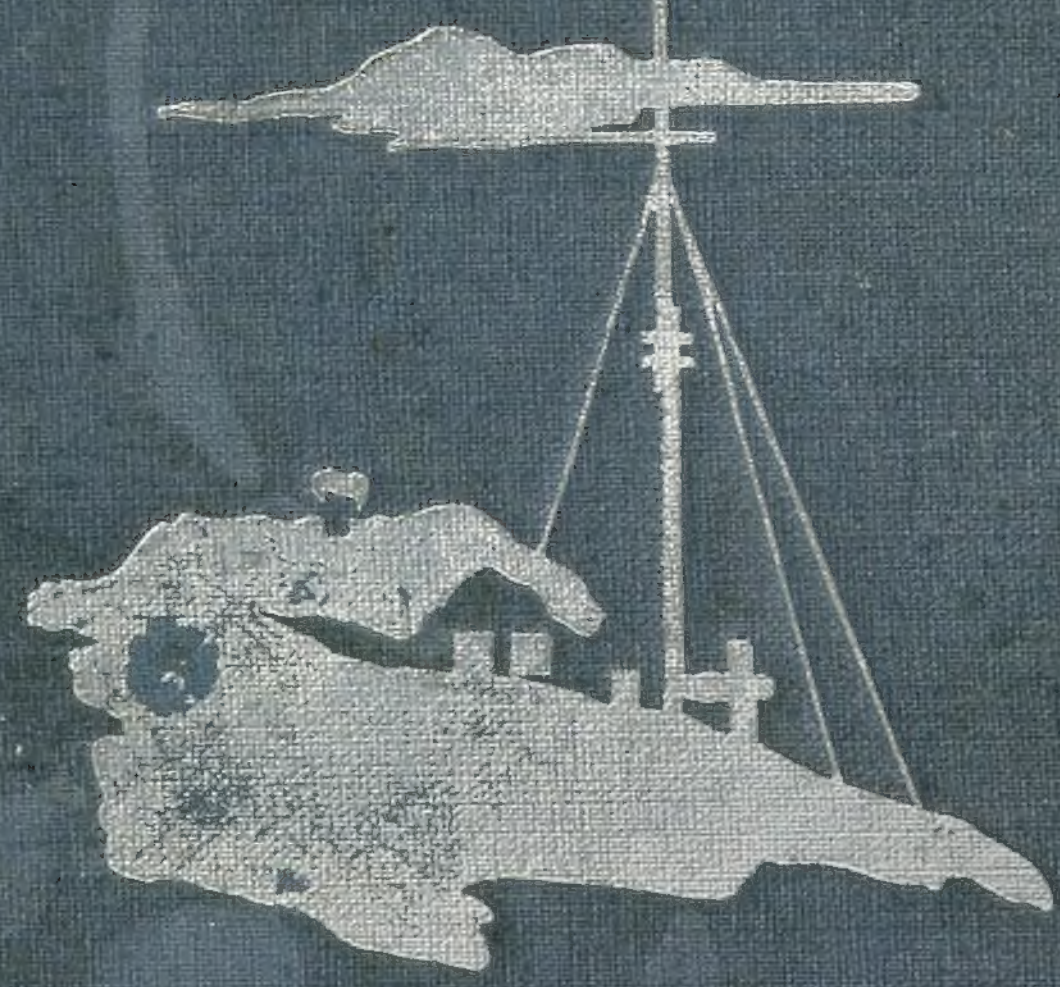


Шк. Б-15
Полка 5
Год 2
№ 19

...ап № 3

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

М.2				
4-М.61-П				
				✓

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 476—20000

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверена-58 г.

ПРОВЕРЕНА-58

ПРОВЕРЕНО-85

Б-15
Полка 5
Ряд 2
№ 19

А. И. МИНЕЕВ

ПЯТЬ ЛЕТ НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ

Переплет художн. Н. А. ТРАВИНА
Фото автора

6196

ГЛАВНАЯ МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Инв. № 17910
„27" I 1937 г.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1936

Издательство обращается к читателям и библиотекам с просьбой сообщить свое мнение о настоящей книге, а также о качестве издания.

Отзывы просьба сообщить в адрес: Ленинград, Проспект 25-го Октября, д. 28, „Молодая Гвардия".

91
М-61

ВВЕДЕНИЕ

Ему, любимому, великому, чьим гением призваны к жизни громадные пространства, еще восемнадцать лет тому назад бывшие страшной каторгой для тех, кто не мог мириться с диким произволом дворянско-капиталистического строя.

Ему, прозорливо разглядевшему через толщи снега и льда, через дикость и бездорожье, через безлюдность и отдаленность прекрасное социалистическое будущее заснеженной страны.

Ему, указавшему путь блестящего разрешения задачи, — над которой в течение пяти веков тщетно трудились лучшие представители культурного человечества, — географической задачи северо-восточного прохода, разрешенной теперь окончательно и переведенной в новую хозяйственно-политическую ступень.

Ему, великому вождю великой Ленинской партии, вождю и другу народов, любимому С т а л и н у — первое слово этой книги.

Волей партии шесть лет тому назад на одном из участков северо-востока нашей Арктики, совместно с другими товарищами, высадился человек, ранее севернее Иваново-Вознесенска не забиравшийся, больше того — три четверти жизни проживший в знойной Средней Азии.

А. И. Минеев.

В. Ф. Власова.

Многие предрекали ему верную гибель или, в лучшем случае, полную инвалидность.

Прошло пять невероятно трудных лет. Человек этот не погиб и не стал инвалидом. Он возмужал, окреп и, самое главное, узнал и полюбил Арктику, ставшую для него родной, желанной областью нашего великого СССР.

Человек этот — автор настоящей книги.

Он не писатель, да и не думает стать им. Но виденное и испытанное на протяжении пяти лет заставило его засесть за письменный стол и рассказать молодежи об Арктике, о ее красотах, недостатках, показать ее такою, какою он ее видел и полюбил.

Об Арктике писали и пишут как будто бы много, но если не считать специальной литературы, то остальное представляет собою большей частью путевые экспедиционные записки и дневники, показывающие Арктику в короткий летний период, по пути следования автора. Как бы много ни издавалось такой литературы, она не может исчерпать всего многообразия и богатства явлений и всех сторон жизни в нашей Арктике. Есть, с другой стороны, литература, — правда, ее не так много, — рисующая Арктику, как страну ужасов, непригодную не только для жилья, но даже для кратковременного посещения. Тут руку приложили разные «великие писатели земли русской», совсем не видевшие Севера и знающие о нем кое-что из кое-каких книжек или, в лучшем случае, проехавшиеся однажды на судне или самолете по одному из многочисленных арктических путей. Это вынуждает их идти по проторенной стезе, рассчитанной на обывательскую чувствительность, и наворачивать «Гауризанкары» ужасов и страхов.

Поэтому автору хотелось показать Арктику не с точки зрения путешественника, перед взором которого мельком проходят местности, люди и вещи; не с точки зрения ученого, ищущего, прежде всего, в Арктике объект исследования и обращающего все свое внимание на какую-либо окаменелость, животное или растение,

а с точки зрения человека, длительно живущего в Арктике, в нормальных условиях общежития.

Справился ли автор с поставленной задачей и насколько хорошо, пусть судит читатель.

Работая над книгой, автор не думал удовлетворить досужую любознательность. Ради этого не стоило бы марать чернилами бумагу.

Еще недавно пустынные и бедные по виду области нашего крайнего Севера были почти безлюдны, только кое-где туземец сопровождал стада оленей. Теперь же безлюдный Север бурно людиеет. В ряде мест первоначально возникают одна-две избушки, а через год-два виднеются улицы домов, заправских поселений с клубами, кино, радио и прочими культурными учреждениями.

Необозримы богатства советской Арктики. Сколько добра лежит здесь под спудом!

Здесь уголь, нефть, соль, медь, никкель, олово, вольфрам, молибден, свинец, кобальт, флюориты, исландский шпат, графит, слюда и многое другое, так необходимое нашему бурно растущему хозяйству. Гигантские лесные угодья, громадные выпасы для оленя, обилие ценнейшего зверья от белки до драгоценной чернобурой лисицы, неисчерпаемые рыбные богатства. Все это требует рук людей, которые бы разработали, добыли, взяли. Много, очень много нужно будет людей самых различных специальностей, чтобы добыть нефть Хатанги, угли Норильска и Сангара, флюориты Амдермы, графиты Курейки, соль Нордвика и Вилюя, олово, вольфрам и молибден Чукотки. Трудно перечислить все места, богатые различными ископаемыми. В устьях рек и на островах создаются порты и судоремонтные базы и даже громадные заводы, как Мурманский судоремонтный, лесопильные и консервные заводы. Растут такие центры, как Игарка, Тикси, Диксон, Амдерм и Нордвик, превращаясь из зимовок в крупные поселения промышленного городского типа.

С каждым годом Арктика требует все больше и больше людей. Пока вопрос шел о первых незначительных группах поселенцев, призванных обжить то или иное место, можно было разрешать его посылкой экспедиционных групп на год два. Теперь наступает время, когда в ряде мест уже нужны сотни и тысячи людей. Тут экспедиционным путем ничего не сделаешь. Нужно говорить о закреплении кадров на постоянную работу, на длительные сроки.

Это характерно не только для Арктики. Так строил и строит победивший социализм множество крупнейших городов, строек. Еще недавно на том или ином месте была вековечная таежная глухомань, окутанная дремотной тишиной, изредка нарушаемой голосом зверя или ревом стихий. Но вот слышались первые удары звенящего топора, и скоро от дремы лесной не оставалось и следа. Вырастал Магнитогорск, Кировск, Комсомольск и множество других индустриальных центров. Это не медвежьи дыры старой царской уездной провинции. Нет, это наиболее современный, наиболее совершенный, социалистический тип человеческого общежития. Жить в одном из таких городов не хуже, чем в любом крупном краевом культурном центре, а в некоторых городах даже лучше. Первые группы комсомольцев-энтузиастов, пришедшие в глухие дебри Амурской тайги, чтобы на берегах этой мощной красавицы реки заложить город имени нашего славного орденоносного Ленинского комсомола, испытали немало трудностей и невзгод. Но теперь, когда на дикой ранее земле раскинулся прекрасный новый город, как приятно им, первым зачинателям, пошедшим на зов партии и своего родного комсомола, ходить по прекрасным улицам города, построенного, в буквальном смысле этого слова, их руками, начиная от тротуарной тумбы и кончая громадными заводами. Теперь, вероятно, немногие захотят покинуть этот, ставший им родным, город, хотя ехали они туда на определенный

срок. Люди закрепляются надолго, навсегда, они полюбили свой новый край.

Арктика наша меняет свое лицо, как меняет его вся наша прекрасная родная страна. Если не так давно в Арктику шли, как в страшную неизвестность, только храбрые одиночки, то теперь народ густо пошел в наши северные окраины. Но пошел все еще не надолго, «на срок», поработать. посмотреть и... возвратиться к «родным углам». Но уже находятся и такие желающие, которые выезжают целыми семьями и остаются там надолго.

Наш комсомол должен и в этом случае двинуться первой когортой в Арктику и заселить, благоустроить, сделать культурным каждый район, каждое полярное поселение, сделать удобным для работы и жизни наш невероятно богатый, но мало обитаемый Советский крайний север.

Если эта книжка поселит в читателе интерес к Арктике, если в результате прочтения ее возникнет желание испытать самому, на «своей шкуре» все трудности и все прекрасное, что дает Арктика, автор будет считать, что его труд не напрасен.

А кто хоть однажды побывал в Арктике, тот опять туда пойдет.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор этой книги тов. А. И. Минеев, член ВКП(б) с 1918 г., красный партизан, участник гражданской войны. До поездки на остров Врангеля работал на Дальнем Востоке, в Краевом комитете ВКП(б).

На острове Врангеля все 5 лет с тов. Минеевым была его жена — В. Ф. Власова, член ВКП(б) с 1918 г., также участник гражданской войны.

Сейчас, когда эта книга написана и сдана в набор, автор ее готовится к новой зимовке на островах де-Лонга — там, где не была еще нога советского человека. Это будет трудная и ответственная зимовка, но недаром партия и правительство посылают туда А. И. Минеева, который блестяще, как и подобает большевику, справился со своей задачей во время такой трудной зимовки, как пятилетняя зимовка на острове Врангеля.

Лен. Отд. Изд-ва ЦК ВЛКСМ
„Молодая Гвардия".

Ленинград.
Январь 1936 г.

Глава I

ОТЪЕЗД НА ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

Итак, решено, я еду на остров Врангеля.

Дальневосточный Краевой комитет партии и Крайисполком уже вынесли свое решение по этому вопросу.

Сразу на меня свалились до того необычные дела и обязанности. Нужно было знакомиться с материалами подготовки экспедиции и включиться в самую подготовку, а тут еще одно осложнение — Крайком ВКП(б) вначале не отпускал мою жену В. Ф. Власову, заведывавшую Истпартотделом Крайкома. Но наконец и это улажено. Теперь можно все свое время посвятить экспедиции.

Прежде всего следовало ознакомиться с планами организации экспедиции, ее задачами, людским составом и прочим. Все эти вопросы меня крайне интересовали.

Планы организации экспедиции и зимовки я нашел в Дальневосточном Комитете Севера. Председатель Комитета Севера Лукс оказывал мне в этом деле всяческое содействие.

Уже одно беглое знакомство с колонизационным планом и спецификациями материального снабжения экспедиции показало, что это большое дело. Однако, кроме этих материалов в Хабаровске ничего не было. Хотелось знать еще многое: что собою представляет остров Врангеля, что было завезено на остров в 1926 году, какие постройки, инвентарь, как жили там люди последние три года,

и так далее. Больше всего интересовало меня, в какой степени проведены работы по приобретению и доставке во Владивосток запроектированного снабжения, как обстоит дело с персоналом зимовки. Все это можно было выяснить во Владивостоке, где шла подготовка экспедиции и где находилось правление Акционерного Камчатского Общества (АКО), которому поручено правительством снабжение острова и эксплоатация его природных богатств.

Через несколько дней после назначения, 7 июня 1929 года, я выехал во Владивосток.

Во Владивостоке дело обстояло неплохо. Большая часть грузов, предназначенных для снабжения населения острова и состава экспедиции с зимовочным запасом, уже находилась на складах АКО, а недостающее закупалось на внутреннем рынке или шло на судах из Америки, а кое-что мы должны были закупить в Японии — в Хакодате, по пути к острову, а также догрузить в Петропавловске-на-Камчатке.

Корабль, на котором мы направимся к острову, находился на пути из Черного моря во Владивосток. Вопрос о судне для экспедиции на остров Врангеля вызвал много толков. Ледорез «Ф. Литке» имел не только сторонников, но и противников. Многие считали «Литке» непригодным для этого рейса и предлагали суда типа «Ставрополь», ходившего на остров в 1926 году. К счастью, остановились на «Ф. Литке», в противном же случае в 1929 году на остров мы не попали бы.

Помимо ознакомления с ходом работ по снабжению экспедиции, мне удалось разыскать в делах АКО некоторые документы об острове Врангеля. Собрание документов было крайне убогое. Единственно заслуживающими внимания документами были: письмо А. Г. Ушакова, начальника острова, посланное им летом 1927 года, и план дома, завезенного на остров в 1926 году. Все остальное, хоть и касалось острова, но помощи в ознакомлении с ним оказать не могло. Письмо Ушакова при крайней

его лаконичности все же говорило о суровости климата на острове, где температура доходила до —60°, и о других особенностях жизни. План дома сильно подвел нас. По плану в доме было пять жилых комнат и кухня. Соответственно этому строился и новый дом. Позже оказалось, что в доме только три жилых комнаты.

Если в отношении материального снабжения можно было считать положение благополучным, то в отношении снабжения зимовки культурно-бытовым инвентарем, литературой и прочим, значение коих в условиях оторванности от культурных центров огромно, ничего сделано не было. По плану и на эту сторону снабжения были отпущены крупные средства, но реализация их еще не начиналась. Я решил взять эту работу на себя.

Нужно было возвращаться в Хабаровск, сдать дела, и 10 июня я выехал из Владивостока.

После сдачи дел я занялся подбором литературы для библиотеки острова. Мы не имели представления о том, что завезено на остров в 1926 году, а потому решили комплектовать библиотеку так, как если бы на острове она вовсе отсутствовала. Вместе с Власовой мы решили подбирать литературу с расчетом на самые различные надобности. Нас лично интересовала главным образом литература экономическая, философская и историческая, но так как мы ехали туда не одни, а кроме того там не будет книжного магазина и общественной библиотеки, откуда можно было бы достать любую книгу, поэтому мы расширили список книг настолько, насколько это могли удовлетворить книготоргующие организации Дальнего Востока, а частично и общественные организации, вплоть до общественных библиотек и книжных фондов учебных организаций.

Большую помощь в этом деле нам оказал Волынский — один из директоров «Книжного дела», объединявшего в то время на Дальнем Востоке всю книготорговлю и издательское дело. Благодаря ему мы получили непосредственный доступ к книгохранилищам Общества и

отбирали с Власовой все заслуживающее внимания. В помощь нам был выделен сотрудник, тут же составлявший фактуры на отобранную нами литературу и направлявший ее для упаковки.

Такой способ подбора литературы позволил нам получить даже мало известные работы в различных областях знания. Мы не «брезгали» математикой, физикой, химией, медициной — в самых различных ее отраслях, мы подбирали учебники, научно-популярную литературу, академические издания и др.

Одновременно с подбором этих «духовных ценностей» я решил начать знакомство с материальной частью экспедиции и особенно с людьми. Начал я это знакомством с радиостанцией и радистами. Вызвал к себе поочередно обоих работников рации.

Первым пришел ко мне старший радист, он же заведующий рацией, Феодосий Тарасович Шатинский. Он оказался неряшливо одетым человеком лет за сорок, с изрядным «серебром» на наполовину голом черепе. Запущенная бородка клинышком и почти украинские усы, светлоголубые, не глядящие на собеседника глаза — внешность, не говорившая в его пользу. Начались взаимные расспросы. Я интересовался характером и состоянием радиоустановки, Шатинский же налегал на вопросы снабжения, жилья и т. д.

— Расскажите мне, товарищ Шатинский, о радиохозяйстве, забрасываемом Управлением связи на остров. Что оно собой представляет?

— Мы везем с собой передатчик на 150 ватт, мотор типа «Дуглас» в десять сил, альтернатор переменного тока, динамо для зарядки аккумуляторов, приемники на короткие и длинные волны и все необходимое для монтажа станции.

— На каком горючем работает двигатель?

— Двигатель наш авиационного типа, этот тип обычно работает на бензине, но у нас в мастерских его приспособили на керосин.

— Горючего достаточно?

— Керосину нам дают достаточно. Беда с тарой. Для части горючего нет бочек, а бензин, необходимый для запуска мотора, весь в бидонах.

— Вы хорошо знакомы с коротковолновой установкой? Осложнений в работе не будет?

— Товарищ начальник, я старый радист, двадцать лет проработал на рациях Севера, а потом мы с Богановым — это второй радист — уже четыре месяца работаем с нашей установкой. Мы ее собрали здесь в Хабаровске и здесь же испытали. Я уверен, что недоразумений на месте не будет.

— В чем у вас есть недостаток, нужна ли вам моя помощь?

— У нас есть все кроме аккумуляторов. Для накала мы везем банки и пластины и будем собирать батарею на месте, а для анода приемной установки аккумулятора совсем нет, и нам для этой цели дают батарею медно-цинковых элементов. Желательно было бы добыть анодные аккумуляторы.

— Попытаюсь добыть аккумуляторы. Если их нет на внутреннем рынке, купим в Японии. Скажите, вы едете с семьей или один?

— Один.

— Почему?

— Я не могу ехать с семьей. Мои дочери учатся в школе, я не хочу отрывать их от учения, а оставить их без матери считаю невозможным.

— Что вам хотелось бы знать еще об экспедиции?

— Меня интересует вопрос о снабжении продовольствием, топливом, разными вещами, необходимыми на острове. Надо ли нам запасаться чем-нибудь?

— У меня имеются спецификации снабжения острова, в них предусмотрено все необходимое. Целый универмаг. Не имея представления о ваших запросах, могу все же сказать, что нормальные потребности человека во всем

их многообразии будут удовлетворены, вплоть до деликатесов.

— А черемша[1] есть?

— Да, черемшу мы погрузим в Петропавловске.

— Хорошо. Затем вот что. Управление Связи просит вас выхлопотать для нужд рации, — Шатинский при этом подал мне отношение, — две винтовки трехлинейного образца и шесть тысяч патронов к ним. Я, знаете ли, прожил на севере двадцать лет и без винтовок на север не поеду, так как может случиться, что только они и будут нас и кормить, и одевать, и отапливать.

— Трехлинеек я вам достать не обещаю, но у нас будут охотничьи винтовки типа «Винчестер». Эти винтовки для рации будут отпущены, а патроны в нужном количестве будете получать со складов на общих условиях.

Разговаривая с Шатинским, я думал о том, как тяжело будет работать с такими сотрудниками. Это ощущение еще больше укрепилось во мне после разговора с младшим радистом Валентином Фомичем Богановым. Боганов — совсем молодой человек, полтора года тому назад кончил семилетку и поступил на семимесячные радиокурсы Управления Связи и по окончании их работал на радиостанции в Хабаровске. Здоровенный парнище, но какой-то сырой и дикий. Из него пришлось буквально вытягивать интересующие меня сведения. Он едет один, жена не может ехать по состоянию здоровья. Не комсомолец, ничто его не интересует из того, чем обычно интересуется молодежь его возраста. Мне хотелось спросить его, зачем он едет в Арктику, но я воздержался от этого вопроса, так как было ясно, что и он и Шатинский едут на север за «длинным рублем», работа же интересует их меньше всего. Работать они будут без всякого огонька.

---

[1] *Черемша — растение, листья которого употребляются в качестве антицынготного средства.*

— Чем могу быть вам полезен? — спросил я Богданова. — Может быть нужно что-либо устроить перед отъездом, в чем-нибудь помочь?

— Очень трудно достать железнодорожные билеты. Если можете, устройте два билета в жестком вагоне до Владивостока, а так — больше ничего.

Билеты я обещал устроить.

Первое знакомство с радистами оставило во мне неприятный осадок. А ведь с ними предстоит прожить три года в тяжелых условиях полярной зимовки, вдали от родного материка.

Познакомился я и со своими обязанностями как уполномоченного Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета Советов по управлению островами Врангеля и Геральд. Кроме «Положения по управлению» названными островами, утвержденного Дальневосточным Крайисполкомом 11 мая 1926 года, никаких других материалов не было.

Покончив с главными делами в Хабаровске, я решил окончательно выехать во Владивосток 21 июня. Так как Власова еще не закончила передачи дел, я выехал один, а она должна была выехать двумя-тремя днями позже. К этому же времени из Хабаровска выезжали радисты. Оборудование для радиостанции отправили несколько раньше.

Во Владивостоке подготовка экспедиции шла полным ходом. Судно уже стояло на якоре в бухте Золотой Рог и готовилось стать на ремонт в сухой док Дальзавода.

На меня сразу свалилось очень много забот. В правлении АКО к этому времени остался только один тов. Шеин, и мне приходилось постоянно общаться с ним по делам экспедиции. Наши отношения с ним оставили у меня наилучшее впечатление, и его советы по ряду вопросов много помогли мне и в процессе подготовительных работ, и позже — при работе на острове.

На второй день по приезде я познакомился в АКО с Константином Александровичем Дублицким — капитаном ледореза «Ф. Литке» и начальником экспедиции на

остров Врангеля. Крупный человек, с лицом, хорошо «выдубленным» ветрами отечественных и чужестранных морей. Открытый взгляд голубых глаз. Усы викинга. Неторопливая, спокойная речь, за низкими звуками которой чувствовалась большая воля, закаленная на водных путях и перепутьях от тропиков до полярных льдов. Все это сразу располагало в его пользу.

Пока судно стояло в доке, я лазил по складам, рефрижератору, смотрел и щупал все предназначенное к отправке на остров. К. А. Дублицкий позже составил комиссию по проверке снабжения команды и зимовочного запаса. Мы снова ходили по складам, нюхали, пробовали, щупали.

В Гнилом Углу на стройбазе АКО строился дом для рации острова, там же делался каркас для склада под горючее. Едем с Константином Александровичем туда, смотрим дом. Дом совершенно собран. Полы настланы, потолок подбит, рамы вставлены, двери навешены, даже внутренние переборки на месте, нет только печей. В стенах зияют большие дыры — место для печей, — создавая впечатление необжитости и необычности. Тут же тесались бревна для мачты островной рации.

Дом нас удовлетворил. Осталось только перенумеровать все его части, разобрать и погрузить на судно.

— Ареф Иванович, я посоветую вам, — обратился ко мне Дублицкий во время осмотра построек, — взять с собой небольшую баньку. Она вам всем на острове сильно пригодится.

— Но, Константин Александрович, ведь грузоподъемность «Литке» уже предельно использована. Я думал об этом, но как возьмешь ее, когда некуда грузить?

— Я решил выкинуть с судна ряд вещей, без которых можно обойтись, — разный хлам, накапливающийся на судах годами, запасной гребной вал и прочее. За счет этого можно будет взять несколько лишних тонн угля, ну и для баньки как-нибудь найдем место, не так уж она тяжела.

В тот же день я просил Шеина о постройке и погрузке небольшой бани.

В пушном отделе АКО меня знакомили с вопросами звероводства и звероловства. Я сидел и разбирался в брошюрках по разведению серебристой лисицы. На столе лежала «синька», на которой белели легкие очертания ловушки-кормушки для песцов.

— Здравствуйте, товарищ Минеев.

Поднимаю голову. Перед столом стоит небольшой крепкий паренек лет 22—23, в морской форме, рука у козырька фуражки. Фигура подтянута, чувствуется спортсмен, все на нем прилажено, подогнано. Грубоватое лицо пышет румянцем и здоровьем. Серые глаза смотрят открыто и весело, но в складках рта чувствуется характер: парень в обиду себя не даст.

— Я старший наблюдатель гиместанции острова Врангеля, Званцев.

— А, зимовщик, приятно... Здравствуйте! — крепкая рука. — Садитесь. Ну, рассказывайте, как у вас дела с подготовкой к отъезду.

— У меня все готово, можно грузить. Да и груза у меня немного: две будки, столбики для них, два ящика с приборами, ящик с бланковым материалом и метеокнижками. Самое громоздкое — это письменный стол да небольшой шкаф; вот и все, а личного имущества у меня один чемодан. Мне тут в АКО говорили, что там на острове будет все необходимое, поэтому я решил с собой барахла не набирать. Меня беспокоят только канцелярские принадлежности. Мне нужен письменный прибор, много бумаги и прочее. Будет ли это?

— Все это будет, товарищ Званцев. Если и не будет письменного прибора, то уж чернильниц будет достаточно. Скажите, товарищ Званцев, как обстоят ваши семейные дела?

— Женился. Три дня тому назад женился. Жену нашел себе, ну просто прелесть.

— То-то вы так сияете. Значит, едете с женой? Это хорошо!

— Нет, товарищ Минеев, она не хочет ехать, — в его голосе было подлинное огорчение, — она боится качки, хотя сама из семьи моряков. Да это, пожалуй, и лучше, — оживился он, — я зимовал на Маре-Сале и знаю, как трудно на зимовке. Мужчинам — и то трудно, ну а женщине будет еще труднее. Нет, уж лучше пусть побудет здесь, а то ведь три года — это не шутка.

— Когда вы зимовали на Маре-Сале?

— В 1925 году. Нас было всего трое, я был самый младший. Но ничего, выдержал, а зимовка была трудная, особенно когда мои два товарища зацынговали. Как ни плохо нам было, а жили мы, товарищ Минеев, дружно, скандалов и ругани не было, а на зимовке это самое главное.

— На каких условиях вы едете на остров?

— Я работаю в Убеко[1] и получаю двести рублей, плюс семьдесят рублей на паек, ну и обмундирование и, конечно, отопление и освещение. Трудно будет, так как мне нужно будет оставить денег жене. Ну да это ничего, я ведь не ради денег еду на остров, а потому что люблю север и северное море.

— Чем вы сейчас заняты, что вы считали бы необходимым приобрести для острова?

— Мы с женой много веселимся, ходим в кино, в театр, катаемся по бухте, ездим на автомобиле за город. Скоро ведь в море, а там особенно не повеселишься. Вы спрашиваете, что нужно для острова? Мне бы хотелось, чтобы на зимовке был разный спортинвентарь — перчатки для бокса, штанга, мячи для футбола, лыжи. Я купил себе пару перчаток, но остальное купить не могу.

---

[1] *Убеко — Управление безопасности кораблевождения.*

— Так вот что, зайдите в магазин, отберите все необходимое и скажите, что это для острова Врангеля, а я дам распоряжение упаковать и погрузить на судно.

— Прекрасно. Ну, я побегу, а то меня жена ждет, будет сердиться. Пока. Да, чуть было не забыл, — скажите, кто еще едет с нами на остров?

— Всего едут на остров шесть человек. Со мной едет моя жена Власова, потом два радиста — Шатинский и Боганов, врач Синадский да вы. Мы с женой — оба члены партии, вы — комсомолец, а остальные беспартийные. Жаль вот, что жена ваша не едет, а то народу было бы больше.

— Где же остальные зимовщики? Хотелось бы познакомиться с ними.

— Радисты уже здесь, живут рядом со мной, а о враче пока не имею сведений. Он был где-то в Средней Азии, отбывал воинскую повинность и теперь едет сюда. Боюсь, как бы он не опоздал к отходу судна. Я уже дал по линии телеграмму, чтобы он нигде не задерживался. Познакомиться же с радистами просто, приходите к нам как-нибудь с женой — и познакомитесь, я вас познакомлю с моей женой, а вы меня со своей. Мы ее поагитируем, чтобы она ехала на остров вместе с вами.

— Хорошо, я, может быть, даже сегодня буду у вас.

Во Владивостоке мы с женой продолжали подбор литературы для островной библиотеки. Книготоргующие организации предоставили нам возможность получить все, что у них было; кроме того нам посчастливилось напасть на букиниста, у которого мы нашли классиков старых изданий, и русских и иностранных; у него же нашелся комплект словаря Брокгауза и Ефрона.

В результате набралось больше 2000 книг, среди которых можно было найти книгу на любой вкус. Особенно полно были представлены классики марксизма-ленинизма и вообще политическая книга, затем следовала художественная литература. Из естественных наук особенно полно была представлена медицина, почти во всех своих

отраслях, но и физика, химия, геология, математика, география, астрономия и другие науки не были забыты. Последующие годы показали нам, как мудро мы поступили, собрав такую библиотеку, и только иногда мы досадовали на невозможность ее пополнить новыми изданиями.

«Литке» уже вышел из дока и стал на погрузку. Из Америки пришли последние грузы. Через несколько дней нужно выходить в море, а врача все еще не было. Я поставил в правлении АКО вопрос о подборе врача на случай неприезда Синадского, так как К. А. Дублицкий заявлял, что ждать врача и запаздывать выходом из Владивостока нельзя, надо торопиться.

Наконец 9 июля Синадский приехал во Владивосток. Нашел он меня в АКО. Я что-то писал. К столу подошел человек среднего роста, по одежде наполовину красноармеец, наполовину штатский.

— Вы начальник острова, товарищ Минеев?

— Да.

— Здравствуйте, я врач Синадский.

— Садитесь. Наконец-то вы приехали, а я уж тут, грешным делом, потеряв всякие надежды на ваш приезд, начал поиски нового врача. Вы где остановились и как устроились?

— Я с поезда прямо на «Литке». Мне ведь не впервой отправляться в экспедиции на север, так по привычке. Там лучше, чем в любой гостинице, да и с вещами лишний раз не таскаться.

— В каких экспедициях на север вы участвовали?

— Я плавал судовым врачом в нескольких экспедициях в Карском, Баренцовом морях, ходил на Новую Землю, на судах Плавморнина [1], а потом ГОИНа, [2] но мне попутно приходилось выполнять и обязанности биохимика.

---

[1] *Плавморнин — Плавучий Морской Научный Институт.*

[2] *ГОИН — Государственный Океанографический Институт.*

— Хорошо. Где вы еще работали в качестве врача?

— Собственно, врачом я работал мало. Кроме упомянутых экспедиций, я полгода работал врачом в Вятской губернии и теперь восемь месяцев в Кулябе в военном госпитале — ординатором. Начиная с университетской скамьи я работал на научной работе, как биохимик, а попутно иногда практиковал как врач.

— Вы едете без семьи?

— Да. Моя жена врач, на острове без работы она потеряет квалификацию, к тому же она сейчас на большой и интересной медицинской работе. Кроме того, Север ее не интересует.

— Товарищ Синадский, вот вам спецификации медснабжения, просмотрите их. В случае, если есть какие-либо недостатки медикаментов, инструментария, амбулаторного оборудования и прочего, попытайтесь добыть все здесь до отхода судна. Чего нельзя будет получить на нашем рынке, сделайте заявку на Хакодате, мы туда на несколько дней зайдем.

Погрузка шла полным ходом. День и ночь к борту «Литке» подходят груженые шаланды. Они выбрасывают разные ящики, мешки, бидоны, бочки с надписями «о. Врангеля», с черными и красными полосами, указывающими, что̀ идет для зимовочного запаса судна, а что для снабжения населения острова. Начали грузить разобранные постройки. Бревнами и другими стройматериалами были завалены палубы так, что «Литке» со стороны напоминал загроможденный лесом лесовоз, а не экспедиционное судно, направляющееся в полярный рейс.

До поездки на остров Врангеля большинство зимовщиков, в том числе и я, не имели даже приблизительного представления о наших полярных районах и условиях работы и жизни в них. Мы были знакомы по популярной литературе с некоторыми описаниями арктических путешествий, но такое же знакомство с этим вопросом имел любой культурный человек. Эти знания, конечно, совер-

Колония о. Врангеля, завезенная в 1929 г. Сидят (слева): Власова, Минеев, Синадский. Стоят: Шатинский, Богапов, Петрик, Званцев.

шенно недостаточны для работы в условиях полярной зимовки.

Сознавая недостаток наших знаний, мы решили прибегнуть к литературным источникам. Наши поиски арктической литературы были безуспешны, так как ее в книготоргующих организациях Дальнего Востока не было совершенно, а обратиться за литературой в Москву или Ленинград мы не имели времени. Единственное, что нам удалось найти, — это брошюра «Поход канлодки «Красный Октябрь» на остров Врангеля в 1924 году», гидрографа Давыдова.

Людей, из бесед с которыми мы могли бы почерпнуть хоть что-либо в этом отношении, тоже не было, если не считать кратковременной беседы с Г. Д. Красинским. На основании его советов мы не запаслись удобной болотной обувью, так как он утверждал, что обычные болотные кожаные сапоги на севере непригодны, что там можно ходить только в местной обуви — торбозах[1]. Позже, живя на острове и испытав на себе все последствия этого «совета», мы усердно ругали себя за легковерие, сильно помешавшее нам в наших летних работах.

Арктическому опыту и знаниям нам предстояло учиться там, на острове, непосредственно из практики. Мы тогда не имели еще специальной теории по завоеванию, а главное по освоению наших заполярных районов. Такой теории вообще не было до тех пор, пока советские люди, руководимые большевистской партией и тов. Сталиным, не взялись за освоение Севера. Только теперь, в процессе упорного завоевания Севера, создается подлинная теория массового производственного освоения Арктики, и планомерно, шаг за шагом изучаются и ставятся на службу социалистической родины громадные полярные пространства, и скрытые в них богатства, и новые пути, ранее считавшиеся гиблыми и бесполезными.

---

[1] *Торбоза — мягкие сапоги из оленьих лапок или шкуры нерпы.*

В чем состояли задачи, поставленные перед нами? Вот они:

1. Разработка планов развития хозяйства острова.
2. Руководство и управление хозяйством.
3. Ведение научной работы на острове.
4. Снабжение кораблей в навигационное время сведениями о состоянии метеорологических элементов и состоянии льдов у острова.
5. Ведение хозяйственной отчетности и всего прочего, связанного с управлением островом.
6. Работа по поднятию культурного уровня туземного населения.

Хозяйственные задания ограничились скупым устным указанием о необходимости «сделать все возможное для наиболее полной эксплоатации наличных богатств, чтобы сделать остров как можно менее убыточным». Исходя из этого, мне было поручено заняться выяснением возможности организации планового звероводства, разведением песца и другого ценного пушного зверя. Для этой цели на остров забрасывались ловушки-кормушки, мне были вручены планы постройки ловушки, а на «Литке» были погружены потребные для этого строительные материалы. Инструкций или каких-либо других указаний по этому поводу мне дано не было, да их почти и не было, если не считать брошюры о разведении серебристой лисицы в закрытых питомниках... в северной Америке. Мои личные познания в этом деле были исключительно мизерны. В этом деле мы были целиком предоставлены эмпиризму.

Кроме того, я предложил завезти на остров десяток-полтора оленей. Предложение имело двоякий смысл: для проверки возможности разведения оленей на острове и разрешения «мясной проблемы». Впрочем, «мясная проблема» нас особенно не беспокоила, так как из письма Ушакова нам было известно о том, что на острове много морского зверя и белых медведей. Но все же из Владивостока я дал радио рику в Уэллен на Чукотку — заготовить для острова десять оленей: пять важенок и пять

быков. Ответа я не дождался, надо было сниматься с якоря.

Хотя и было известно, что приостровные воды изобилуют морским зверем, особенно моржем, заданий по заготовке жира и шкур морского зверя я не получил. Заготовка их требует, с одной стороны, некоторого оборудования (жиротопки), а главное — тары для жира и склада для хранения соли и шкур моржа. «Литке» же и так был загружен сверх меры и больше ничего взять не мог. Таким образом, важнейшая часть промысловой деятельности населения острова из плана выпадала.

Хуже всего обстояло дело со сбором материалов по изучению острова. Никаких планов, инструкций и указаний мы не получили. Связаться с научными организациями Москвы и Ленинграда не было времени. В Хабаровске же и во Владивостоке нам никто в этом отношении помочь не мог.

Единственное, что сносно было подготовлено для острова, — это гидрометеорологическая станция, подчиненная Убеко Дальнего Востока. Станция полностью была снабжена аппаратурой и инструментарием, инструктивный материал был достаточен. Для обслуживания станции посылался специальный метеоролог К. М. Званцев. На самом острове станция и все приборы были установлены под руководством Березкина — одного из опытнейших советских полярных геофизиков. Званцев был единственным нашим научным специалистом.

Отсутствие ученых компенсировалось богатым научным инструментарием. Геологическое оборудование было широко представлено — от геологического молотка до изумительного поляризационного микроскопа и шлифовального станка; биологический инструментарий с прекрасным иммерсионным микроскопом; геодезические приборы — от буссоли до секстана и теодолита; хорошая фото-и киносъемочная аппаратура с большим запасом негативного и химического материала. Много самой разнообразной химической посуды и реактивов.

Научные сотрудники, следовавшие с «Литке» для работ в рейсе, отнеслись очень внимательно к нуждам острова; особенно надо отметить гидролога Ратманова и зоолога Ушакова, снабдивших нас материалами и аппаратами для гидрологических работ и сетками для планктонного лова и сборов бентоса.[1] Они же инструктировали врача Синадского, и под их руководством он практиковался на судне в этих работах; кроме того они были столь отзывчивы, что снабдили нас своей личной специальной литературой.

---

[1] *Бентос — животные организмы, живущие на дне.*

Глава II

В ПУТИ

Планы оборудования и снабжения зимовки составлялись так, как будто на острове было пустое место. В материалах, принятых от Дальневосточной конторы Совторгфлота, кроме указаний о наличии жилого дома и склада для товаров, ничего не говорилось о том, что было завезено на остров в 1926 году.

Мы знали, что на острове кроме русских зимовщиков есть несколько десятков туземцев. Хотя мы и рассчитывали, что туземцы в нашу смену могут уйти с острова на материк, но тем не менее продовольственное снабжение заготавливалось в расчете на всё население, включая и туземцев. Предполагая, что всего населения на острове будет 60 человек, мы на это количество и подбирали нужное продовольствие и предметы широкого потребления.

Первостепенное значение для полярной зимовки имеет меховая одежда. Туземцам нужно сырье на меховое шкурье для самостоятельной выделки и пошивки одежды и меховой обуви. Подбиралось все необходимое, а именно: для европейцев — готовые кухлянки, меховые брюки, торбоза камусные и летние нерпичьи голые непромокаемые «чижи меховые» [1], малахаи и камлейки. Для туземцев — оленьи постели [2] для пологов и постелей, недоросли

---

[1] *Меховые чижи — меховые чулки.*

[2] *Оленья постель — шкура взрослого оленя.*

и пыжики для одежды, камуса для торбозов и даже выпоротки для малахаев и шкуры россомахи для отделки кухлянок и малахаев. Всего этого запасалось на три года, так чтобы население не чувствовало недостатка. Промысловое снаряжение, завозимое на остров, также рассчитывалось, с одной стороны, для нужд зимовки, а с другой — для промыслового населения. Несмотря на то, что на остров завозилась одна кормушка-ловушка, основной упор был сделан на лов песца при помощи капканов. Этого инструмента мы закупили в достаточном количестве на все три года.

В условиях дикого и малонаселенного края, к тому же изобилующего таким крупным и свирепым хищником как белый медведь, особое значение имело огнестрельное оружие и боеприпасы. Оружие мы взяли двух видов: охотничьи винтовки системы Винчестера 30-го калибра и дробовые одно- и двухствольные ружья. Из боеприпасов мы имели несколько десятков тысяч патронов к винчестерам, все необходимое для самостоятельного изготовления пятидесяти тысяч патронов, полтонны черного пороха и больше тонны дроби разных номеров. Кроме этого, нас снабдили китобойным гарпунным ружьем и всем потребным к нему снаряжением, гарпунами, бомбами, тетивой и прочим. Ружье это, кстати сказать, так и пролежало без действия, — за все пять лет мы не видели ни одного кита.

Так как предполагалось, что к берегам острова подходит промысловая рыба, то нас снабдили неводами, крючками, твайном [1] и бечевой для устройства крючковых снастей.

В промысловое снабжение населения входили также готовые нарты, наборы для нарт и сырой материал для постройки их, а также тесьма для собачьей упряжки и остола [2].

Из письма Ушакова мы узнали, что значительная

---

[1] *Твайн — хлопчатобумажный шнур разной толщины.*

[2] *Остол — крепкая палка с железным наконечником, служащая для торможения нарты.*

часть завезенных в 1926 году на остров собак погибла. Необходимо было пополнение собачьей стаи. Мы заблаговременно заказали в Петропавловске-на-Камчатке сорок собак, и к моменту отхода из Владивостока собаки уже были закуплены и ожидали нас в Петропавловске.

В 1926 году группе Ушакова при отъезде на остров не было дано пловучих средств. Этот крупнейший недостаток был восполнен при нашем отъезде. В США для острова Врангеля были куплены три «посудины»: 30-футовый моторный китобойный вельбот, 30-футовый парусно-гребной и один 24-футовый, тоже парусно-гребной. К нему мы взяли один подвесной мотор. Кроме этого, предполагалось оставить на острове один из двух кунгасов, взятых «Литке» для ускорения разгрузочных операций. Таким образом, на остров предполагалось забросить «большущий флот», однако, по недостатку места на судне, пришлось отказаться от большого парусно-гребного вельбота. Наш «флот» сразу уменьшился на четвертую часть.

Еще во Владивостоке я провел испытание «флота» и был совершенно удовлетворен мореходными качествами вельботов. Впоследствии на протяжении всех пяти лет я не имел случая быть недовольным своей «флотилией».

Неплохо снабдили нас и всем необходимым для медицинского обслуживания зимовщиков и населения. Аптека была подобрана довольно разнообразная. Чего нельзя было получить на внутреннем рынке, было куплено за границей. Медицинский инвентарь, оборудование и инструментарий также были представлены неплохо. У нас было все — от кружки Эсмарха до довольно тонкого хирургического инструментария. Наш врач в этом отношении был поставлен совсем в неплохие условия.

Хуже обстояло дело с радиоприемным оборудованием. Радиостанция была достаточно снабжена приемно-передающим оборудованием для установления телеграфной связи, но я думал еще о хорошей приемной установке для приема широковещательных программ Хабаровской

станции, чтобы в культурно-просветительном обслуживании зимовщиков и туземцев не быть зависимым от работы телеграфа. Но, к крайнему сожалению, ни в Хабаровске, ни во Владивостоке ко времени нашего ухода в море кроме примитивных детекторных (кристаллических) приемников ничего не было. Я попытался восполнить этот недостаток в Хакодате в Японии, но в этом убогом городишке не нашел ничего мало-мальски удовлетворительного. Таким образом, наиболее современный вид культурного «инвентаря» в островном культурно-просветительном хозяйстве отсутствовал.

Еще в Хабаровске я получил из конторы «Совкино» несколько тысяч метров хроникального фильма. События, заснятые на этой пленке, к тому времени были довольно глубокой историей, но ведь на острове Врангеля находились люди, вообще не знавшие, что такое кинематограф. Впрочем, позже оказалось, что не только туземцы не сетовали по поводу «древности» картин, но мы сами всякий раз с большим удовольствием смотрели на эти «дела давно минувших дней».

Во Владивостоке я раздобыл кинопередвижку и динамо для нее. Самому осмотреть аппаратуру мне было недосуг, а люди, принимавшие киноаппаратуру, были, как видно, невнимательны; вместо кинопередвижки и динамо нам отгрузили... две кинопередвижки без динамо. Это лишило наш «кинотеатр» подвижности, и кинопередвижка превратилась в стационарное кино, расположенное в жилой части нашей радиостанции, так как в другом месте мы необходимого тока не имели.

Организационные формы зимовки, принятые на материке, были совершенно отличными от форм, принятых в данное время для всех зимовок Главного Управления Северного Морского Пути, организуемых нынче за полярным кругом. Объясняется это просто: зимовка, организованная в 1929 году на острове Врангеля, имела несколько хозяев, тогда как теперь все зимовочное дело во

всем его многообразии находится в руках одной организации.

Наша зимовка 1929 года имела трех хозяев. Последствия этих организационных неувязок нам пришлось позже расхлебывать.

На острове были представлены: Акционерное Камчатское Общество, Управление Связи Дальнего Востока и Убеко Дальнего Востока — аэро-гидро-метеорологическая служба.

Снабжение зимовщиков должно было происходить через врангелевский «универмаг» — склады АКО. Каждому зимовщику предоставлено было право за свой счет покупать в этом «универмаге» все, что для него нужно, в потребном количестве. Вопрос о коллективном питании вовсе не ставился этими организациями. Важнейшая на севере проблема, — когда большинство зимовщиков живет без семьи, а рестораны, столовые, булочные отсутствуют, — осталась неразрешенной. Все было предоставлено личному вкусу и кулинарным способностям каждого зимовщика в отдельности.

Зимовка и островное хозяйство возглавлялись уполномоченным Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета Советов, действовавшего на основе инструкции, утвержденной ВЦИК РСФСР. Он же совмещал и заведывание факторией и промысловым хозяйством АКО; ему как заведующему факторией непосредственно подчинялись служащие АКО, врач фактории и кладовщик. Радиостанция подчинялась начальнику зимовки в «общем порядке»; производственная, внутренняя жизнь ее была совершенно самостоятельна и регулировалась... Управлением Связи из Хабаровска. То же самое нужно сказать и о гидро-метеорологической станции.

Такое положение иногда крайне усложняло обстановку. Часто даже при доброй воле участников мы не могли разрешить пустячных по существу вопросов без обращения на материк в руководящие организации. Вот один из примеров. Однажды больной повар Петрик

в бреду решил... оповестить весь мир о своем состоянии. Он написал бредовую телеграмму в адрес своего сына. Заведующий радиостанцией, получив от больного телеграмму, прислал ее мне с запиской. Я написал ему, что телеграмму отправлять не следует, так как она исходит от душевнобольного, и что о состоянии больного родственники информируются врачом. Заведующий рацией запросил Управление Связи, указав, что начальник острова категорически возражает против отсылки телеграммы. Из Управления Связи пришел ответ, разъяснивший, что начальник острова не имеет права вмешиваться в досмотр проходящей корреспонденции, так как право контроля поручено органам Наркомпочтеля. И телеграмма бредового содержания пошла на материк. Мои обращения по сему поводу на материк остались безрезультатными...

В сумятице дней подготовки к отходу казалось, что мы никогда не будем готовы: то не было этого, то не хватало другого. Кое-чего не могли добыть, несмотря на все старания. За день до отхода пришел взволнованный старший радист Шатинский.

— Товарищ начальник, я так не могу! Ну, скажите, что они от меня хотят?

— Что такое произошло?

— Приказывают сгрузить бензин, а без него радиостанция не будет работать. Нет, я так ехать не могу! Я на старости лет отвечать не хочу.

— Да расскажите толком, что произошло, кто приказывает сгрузить, почему?

— Из порта пришли и говорят, что бензин нельзя везти в бидонах,—а где я им бочек возьму, когда нет их?

— Товарищ Шатинский, требование правильное, надо бочки добыть. Ну, а если не найдете их, сгружайте бензин. Сколько у вас бензина?

— Пудов шестьдесят, нам ведь только для запуска. Нет, товарищ начальник, это безобразие, я так не могу!

— Успокойтесь, никакого безобразия тут нет, противопожарные соображения заставляют быть крайне

осторожным, ведь мы собираемся в море, а там пожар не шутка. Идите, товарищ Шатинский, сгружайте бензин и ищите бочки.

— Бензин, наверное, уже сгрузили, меня об этом и не спрашивали.

— Тем лучше, — осталось, значит, только найти бочки, и дело в шляпе.

Ничего страшного не случилось. Шатинский быстро нашел бочки на складах Владивостокской почтово-телеграфной конторы, в этот же день горючее было перелито и вновь погружено на судно.

Накануне отхода в море «Литке» стоял уже у одной из городских набережных. Грузились остатки. Я был чем-то занят на корме, где меня нашел вахтенный матрос, сообщивший, что меня просит на бак ревизор.

Ревизор «Литке» и второй помощник капитана Бессмертный, спокойный, аккуратный, всегда чисто выбритый человек, работавший планомерно и без суеты, ко всему тому — хорошо знавший свое дело, не стал бы вызывать меня по пустякам.

Под бортом судна стояла шаланда, рядом пыхтел катерок. На палубе шаланды стоит громадный ящик, спеленутый тросом. Около него стояли грузчики и ревизор.

— Товарищ Минеев, не знаете, что за чертовщина в этом ящике?

— Понятия не имею.

— У вас по спецификации есть какие-нибудь большие машины?

— Нет, не должно быть. Возможно, это какой-нибудь агрегат радиостанции. Позовите, — обратился я к вахтенному матросу, — радиотехника Боганова, он, кажется, в кают-компании.

Вахтенный ушел. Бессмертный кричал с шаланды:

— Куда я его дену? Трюмы забиты доотказу, а если оставить на палубе, вряд ли его удастся хорошо укрепить. В случае шторма он смайнает за борт и изломает все вокруг себя.

Подошел радиотехник.

— Товарищ Боганов, — обратился я к нему, — это не ваш ящик?

— Наше оборудование, товарищ начальник, уже все давно погружено в трюмы. Да ничего такого большого у нас и не было.

— Чей же это груз? До Петропавловска нет грузов, товарищ Бессмертный?

— На Петропавловск погрузочных документов совершенно нет.

— Ребята, — обратился я к грузчикам, — здорово тяжелый ящик?

— А кто его знает, — ответил кто-то, — мы его там не грузили, мы тут принимали грузы.

— Кто же сопровождал шаланду? Товарищ Бессмертный, вы бы попробовали определить, тяжел ли ящик-то.

— По тросу судя, — очень тяжел. А ну, товарищи, берись.

Несколько человек навалились на тяжеловес и чуть не опрокинули его в море. Ящик оказался не по росту легким.

— Вот чортов ящик, мы-то тут думаем, что он страсть какой тяжелый, а он пустой! — сказал кто-то на шаланде.

— Что же в нем может быть? — Тут я вспомнил о меблировке и о шкафах. — Товарищ Бессмертный, этот «тяжеловес» просто-напросто пустой шкаф. Сбили вы меня с толку машиной, я и не подумал о шкафе.

— Меня этот чортов трос спутал. Какому дураку пришло в голову пеленать полуторадюймовым фалом пустой ящик! Или это озорство не к месту? Эй, там на лебедке, чего ворон ловишь, давай!

Вечером я зашел к Константину Александровичу в каюту. Он встретил меня словами:

— Завтра в 12 часов уходим. Как у вас — все готово?

— Как будто бы все.

— За своими людьми присмотрите, ждать не будем, мы и так запаздываем с выходом.

— Люди все погрузились, каюты получили, о времени отхода знают. Не думаю, чтобы кто-либо отстал.

— Отлично. Завтра коротенький митинг, и отдадим концы.

14 июля с утра набережная стала заполняться народом. Шли колонны с красными знаменами и лозунгами. Шли отдельными группками. «Литке» напоминал перенаселенный муравейник, так как у каждого уходящего в плавание были родственники, друзья и просто знакомые. Всем им хотелось в последний раз перед уходом перебросить словом-другим, пожать руку и выразить надежду на скорое возвращение и встречу.

Набережная уже не могла вместить всех желающих, и они скапливались на площади перед нею. Оркестр моряков без устали гремел, в воздухе стоял гул слившихся в одно возгласов, смеха, музыки.

Небо, хмурившееся все дни перед этим и даже утром плотно укрытое толщею серых туч, разгуливалось, все чаще синело. Солнце, нет-нет да брызнув лучами и огнем на землю, на корабль, дарило нас своим теплом.

Становилось жарко, но легкий ветерок, набегавший с моря, холодил и щекотал нос запахами, свойственными большому порту.

На судно прибыли представители краевых организаций. Короткий митинг. Последние рукопожатия и поцелуи людей, уходящих в море и остающихся на земле. Гости ушли. Швартовы отданы. Машинный телеграф в действии. Судно, отделившись от стенки, медленно отходит в бухту.

Вслед нам несутся возгласы тысяч людей, ветерок полощет легкие полотнища знамен, над головами провожающих мелькают в воздухе белые платки, головные уборы, руки.

Трудящиеся Владивостока приветствовали и провожали небольшой коллектив, уходивший в далекую арктическую окраину нашей необъятной родины.

Уже не слышно людских голосов. Судно, развернувшись, набирает ход. Бухта ревом гудков и сирен кораблей всех наций, стоявших в бухте «Золотого Рога», стоголосо посылает вслед кораблю свой последний привет.

Японский город Хакодате на острове Хокайдо был первым портом, куда должен был зайти «Литке». Там для нас советским торгпредством были заготовлены различные продукты, главным образом свежие овощи, которых еще не было к моменту нашего отхода во Владивостоке.

Японское море плотно укрылось туманом. Сирена «Литке» беспрестанно выла, указывая местонахождение судна. На палубе было сыро и холодно. Туман остался позади только у самых островов. Глубокой ночью стали на рейд Хакодате. Утром на судно пожаловали гости — члены советской колонии, работающей в этом городе. После короткого, но дружеского банкета в кают-компании имевшие разрешение от портовых властей съехали на берег. Я, в сопровождении сотрудника торгпредства, отправился по магазинам для закупок недостающего. Врачу поручил добыть некоторые инструменты и медикаменты, а радистов разослал на поиски аккумуляторов и прочего необходимого для радиостанции.

Все закупленное отправлялось на «Литке» и размещалось на и без того переполненном до невозможности судне. Но ревизор Бессмертный ухитрялся находить уголки, куда можно было сунуть то или другое.

Между судном и берегом беспрестанно сновали катера и сабуне,[1] отвозившие на судно всякую кладь и людей.

Многие наши надежды на Хакодате не оправдались. Хотя этот город является центром торговой деятель-

---

[1] *Сабуне — деревянная посудина с двигателем.*

ности острова Хокайдо (Иезо) и магазины, лавки и лавчонки заполнены товаром, многого нужного нам так и не удалось раздобыть. Не было совершенно радиоаппаратуры, нужный медицинский инструментарий отсутствовал. Попытки найти новейшую фотоаппаратуру успехом не увенчались, охотничье нарезное оружие хотя и имелось в магазинах, но его можно было купить только с разрешения хакодатского губернатора.

Суток, проведенных в японском городе, только-только хватило для закупок и устройства разных дел, а об осмотре городских достопримечательностей и думать было нечего. Видел я только главную торговую улицу города, с линией трамвая, множество авто, стоявших вереницами на стоянках. «Сыны страны восходящего солнца» предпочитали передвигаться «на своих двух», вооруженных деревянными «гета». Стук этой традиционной обуви наполнял улицу и создавал непривычную для европейца обстановку. Несмотря на оживленность улиц, яркость красок и ослепительность солнца, городок произвел впечатление старенького и запущенного.

Ко времени отхода на судно прибыла вся советская колония. Прощальный обед был короток и скромен. Так же, как и на набережной во Владивостоке, звучали речи провожавших и уходивших. На малюсеньком пловучем кусочке СССР, находившемся за тысячу километров от родины, мы чувствовали себя так, словно за стенами каюты была не Япония и судно стояло не в японском порту.

... Трап убран. Грохочет брашпиль, выбирающий якоря, а гости на катере троекратно обходят вокруг судна, приветствуя нас криками и взмахами рук.

Еще не замолк брашпиль, судно тихо пошло к выходу в море... Мы уходили от живописного острова. Прощай, сияющий остров! Скоро мы будем у берегов другого острова, холодного, сумрачного и пустынного, но нашего, родного, согретого пламенем Октября, растопившего льды капиталистической эксплоатации.

Опять вода... Вода и небо.

Море спокойно, небо ясно, солнце щедро. Идем к Петропавловску.

В Петропавловск мы пришли 23 июля в середине дня. Здесь «Литке» должен был бункероваться [1], и кроме того для населения острова должны были погрузить различную рухлядь [2] и оленьи шкуры, соленую рыбу, черемшу и прочее.

«Литке» подошел к угольной площадке для бункеровки. Рядом с грудой угля в непосредственной близости к воде на цепях сидело несколько десятков псов. Вид у них был самый невероятный. С боков свисали клочья шерсти, как будто бы каждая из них вынесла жесточайший бой и чудом уцелела. Цепи их, как видно, не угнетали, чувствовали они себя достаточно хорошо, но все были тощи и поджары. Это — стая, подготовленная для острова. Куда мы только будем их грузить? «Литке» и так стал «труднопроходимым». Если, к примеру, необходимо добраться до радиорубки, то нужно было карабкаться по самым невероятным предметам, чтобы сделать это.

— Куда же собак будем девать, товарищ Бессмертный? — осведомился я.

— Найдем где-нибудь место на палубе.

— Да, кажется, места-то нет.

— Ничего, товарищ Минеев, и место будет, и собак поместим. Тесновато будет им, это верно.

— Ничего, что тесно, лишь бы всех забрать. Я беспокоюсь, как бы не пришлось их оставить здесь, за недостатком места.

— Все погрузим, оставлять ничего нельзя.

На «Литке» до Петропавловска шли трое пассажиров. Это несколько стеснило зимовщиков. Теперь же зимов-

---

[1] *Бункеровка — погрузка топлива.*

[2] *Рухлядью называются предметы одежды, пошитые из меха.*

щики, врач и метеоролог получили каюты и чувствовали себя совсем хорошо.

Я поручил врачу заняться поисками хирургического инструментария, который мы не могли раздобыть в Хакодате и раньше во Владивостоке. Поиски неожиданно увенчались успехом. В городской больнице имелся лишний хирургический набор, так называемый «большой полковой». Теперь можно было считать медчасть полностью подобранной.

Рухлядь и шкурье были подготовлены заблаговременно, поэтому их оставалось только погрузить. Но рыбы не было. Свежий улов еще не был доставлен в Петропавловск, а кету-пласт старого засола мы взяли еще во Владивостоке. Тут же мы взяли несколько бочек соленой черемши. Кроме того, тут нам удалось пополнить наши запасы винтовок и патронов, а также взять полный груз охотничьей дроби разных номеров.

После бункеровки и погрузки собак «Литке» вошел в ковш [1] и ошвартовался у пристани под налив воды.

Несколько суток, проведенных в маленьком городке, где нас так приветливо встретили и оказывали всяческое внимание, пролетели быстро. Грузно осевший «Литке» медленно выходил из ковша, а на набережной стояли люди, махали платками, кричали слова приветствия и ободрения. На корабле все, кроме кочегаров и машинистов, собрались на палубе, отвечали на приветствия и смотрели на тихо уходящий берег.

Полоса воды, отделяющая судно от берега, расширялась. Винты взбаламутили воду, и на поверхность всплывал мусор. Жирные пятна нефти радужно искрились под лучами утреннего солнца.

Перед тем как отправиться к острову, «Литке» должен был еще зайти в Анадырь за некоторыми грузами, но анадырский лиман был забит льдом. Было решено взять курс на бухту Лаврентия.

---

[1] *Ковш — небольшая внутренняя бухточка.*

Поздней ночью, но такой же светлой как день, 31 июля, «Литке» вошел в бухту Лаврентия. Входя, встретили первые льдины, напомнившие о том, что «далекий север» рядом, под боком.

На рейде стоял пароход «Якут» — наша угольная база.

Бок-о-бок стоят красивый, стройный, с белыми надстройками «Литке» и неуклюжий кургузый «Якут». Круглые сутки напряженно, авралом работают команды судов, набивая утробу «Литке» углем. Надо взять больше 1 000 тонн угля. Времени мало. Гремит лебедка, громадная рука стрелы ворочается из стороны в сторону, пронося над бортами то уголь, то пустую тару. Уголь сыплют в люк, а там под палубой бегают черные как негры матросы. Они переносят уголь в мешках, набивая его везде, куда можно сунуть хоть килограмм угля. Не только бункера, но даже матросская кают-компания засыпается углем.

Шутками и смехом сопровождается эта почти нечеловеческая по темпам работа. Все прекрасно понимают, что успех рейса решает уголь.

На берегу у самой воды лежит большой бунт оленьих шкур. В нем лежат связанные большими пачками толстые оленьи постели, их больше 600 штук. Тут же вперемежку легкие пушистые пыжики, — им предстоит превратиться на острове в меховые рубахи, кухлянки и брюки.

Северное небо почти все время закрыто мрачными тучами, только иногда в щель раздвинувшихся туч ударят острия солнечных лучей, и все на земле засмеется, заискрится и заиграет. Но миг, и опять сумрачно, набегает частый гость, туман, и плачет небо мелкими осенними слезами. Мокнут будущие спальные мешки, брюки, кухлянки. Пока идет погрузка угля, шкурье грузить нельзя, иначе все оно будет черно от угольной пыли. Нужно укрыть шкурье; промокшее неизбежно пропадет. Добыл брезенты, и с помощью чукчей шкурье было укрыто.

В бухте Лаврентия встретился с председателем чукотского райисполкома Пономаревым. Меня интересовали олени, заказанные для острова еще из Владивостока по телеграфу.

— Хорошо, что я встретил вас, товарищ Пономарев. Как олени?

— Какие олени? — на его лице видно было изумление.

— Разве вы не получили мою телеграмму, в которой я просил приготовить десяток живых оленей для острова?

— Забыл, товарищ Минеев, совсем забыл. Как же, получил, да дела столько, что замотался совсем и забыл.

— Так... Значит оленей нет?

— Нет, олени есть.

— Вот это хорошо. Куда только девать их на судне?

— Постой, постой, олени-то есть, да нет их тут, в тундре они.

— Так надо пригнать их, только и делов.

— Сразу видно, что ты тут новый человек, вишь какой скорый. Дело-то видишь в чем, товарищ Минеев, — купить у чукчей живых оленей очень трудно, почти невозможно, не продадут они, да еще если узнают, что не на убой, а на вывоз на остров, ни за что не продадут.

— О каких же ты оленях говоришь?

— У рика есть свое стадо. Голов триста. Вот из них я и решил тебе выделить десятку. Загодя давать распоряжение я не стал, чтобы зря не гонять животину. Потом навалилась куча дел — я и забыл дать распоряжение. А теперь уж поздно.

— Почему?

— Далеко. Не поспеют они, а ждать вы, поди, не будете?

— Куда там ждать! Жаль, очень жаль. Я поэтому и мясного скота не взял, что на оленей рассчитывал.

Сено, взятое еще из Владивостока, выгрузили на берег.

На море шторм. Крупная волна идет в бухту, бьет суда борт о борт. Снимаемся с якорей и уходим отстаиваться в бухту. Досадно, погрузка закончена, можно бы выходить, но приходится ждать. Штормовать в море с такой перегрузкой и массой палубного груза опасно, многое можно растерять. Как только спадет ветер, выходим в море.

Остался последний этап, но самый серьезный и трудный. Для нас он был совершенно неизведанным. Что мы встретим за проливом, дойдем ли до цели или, может быть, вмерзнем надолго и будем нестись, влекомые льдами? Кто может сказать что-либо о капризах движения льда, послушного тайным течениям и дикой свирепости полярных ветров?

Зимовка во льдах нас не страшила, мы ведь приготовились засесть на острове на три года. Нас страшило больше всего то обстоятельство, что, не добившись цели, мы вынуждены будем возвратиться на материк.

Но эти мысли приходили изредка.

Глава III

У ЦЕЛИ

Рев гудка разбудил меня. Я вскочил с койки, быстро оделся и выбежал на палубу. Почти весь август мы толкались во льдах, среди дикого нагромождения торосов. Справа по борту, к северу от судна, все время торчал хорошо видимый скалистый остров Геральд, а остров Врангеля — наша цель — иногда чуть угадывался свинцовотемной массой, растянувшейся на горизонте прямо по носу. К ночи 28 августа мы все еще были в виду острова Геральд, только теперь он был уже к юго-востоку от нас. Остров Врангеля был близко, но темнота остановила судно, так как глубины были неизвестны и идти во льдах было опасно.

«Литке» стоял в виду земли, это была северная сторона острова. Вдалеке виднелась узкая темная полоса берега, а за ним чуть угадывалась серебристая полоса воды и дальше темнел массив земли, замыкавшийся призрачной гребенкой гор.

Небо было чисто. Низко висящее над водою солнце плавало в каком-то странном тумане, напоминавшем мглу во время больших лесных пожаров, оно было тускло, и на него можно было смотреть без боязни ослепнуть.

Рябь, поднимаемая небольшим ветерком с земли, темнила море.

Я поднялся на мостик и в большой бинокль старался рассмотреть подробности пейзажа. На узкой полосе зем-

ли поднимались какие-то небольшие правильной формы конуса. Это был плавник[1], сложенный людьми. Только это и говорило о присутствии человека на этой земле. В остальном — ни малейших признаков жизни — ни животной, ни растительной.

Берег произвел на меня невеселое впечатление. Низкий, почти без рельефа, только вдали чуть намечались горы, да слева по борту, на восток от судна, припал к воде, как затаившийся зверь, беловатый массив мыса Уэринг. Больше ничто не закрывало горизонта, если не считать скалу Геральда.

Цель была достигнута. Но надо было найти колонию, расположенную в юго-восточной части острова, в бухте Роджерса.

Мощная струя пара еще раз разорвала тишину, на баке выбирали якорь, судно, плавно развернувшись, пошло к восточному берегу. Уэринг становился выше, а потом сразу открылась панорама высокого скалистого берега. Шли кромкой льда, расталкивая редкие льдины. Мористее лежали поля сплошного льда, а к берегу была чистая вода, до самой земли. Шли медленно, постоянно щупая дно. За мысом Гавайи берег понизился, но был обрывист, а за ним лежали крутые увалы. Опять появилась узкая коса, отделившая от моря участок воды, — это и была бухта Роджерса, к которой мы стремились.

Невдалеке от берега против входа в бухту стали на якоря. Было раннее утро, и Константин Александрович, щадя сон людей на берегу, гудков не давал.

Я, вооружившись большой зрительной трубой, стоял на мостике и внимательно рассматривал берег. На палубе было все население корабля. Стоял гомон голосов, обсуждавших события последних часов, строивших разные предположения касательно чувств и настроений колони-

---

[1] *Плавник — лес, вынесенный реками в море и прибитый к берегу.*

стов в момент, когда они увидят судно на рейде. Кинооператор Радзиховский, шедший на «Литке», резво бегал со своей тяжелой треногой, расталкивал людей, просил посторониться и беспрестанно крутил ручку аппарата, запечатлевая на пленку унылый, безжизненный ландшафт бухты Роджерса.

У самой воды желтел небольшой, словно коробок спичек, домик, крытый железом, а позади него на вершине холма виднелся склад. Внизу, на галечном берегу, виднелись микроскопические шалаши и палатки. Люди, как видно, крепко спали. Только иногда доносилось взлаивание пса.

Я направил зрительную трубу на дом и внимательно всматривался в каждую деталь жилья, в котором нам предстояло прожить три года. Что-то метнулось в поле зрения трубы. Это «что-то» оказалось растрепанного вида туземной женщиной. Она усиленно стучала в окно и, как видно, что-то объясняла, указывая на море, потом бросилась к шалашам и палаткам.

Поселок просыпался. Появились люди, засновали от жилья к жилью, бежали к дому фактории, но все это безмолвно, так как расстояние гасило звуки. Вот, как видно, все население собралось у дома. Наконец все пошли к берегу, спустили на воду небольшую шлюпку, и трое отвалили от берега. Мерные взмахи весел гнали шлюпку медленно к судну. Лодчонка шла так медленно, а нетерпение наше было так велико, что нам казалось, будто люди, сидящие в ней, никогда не доберутся до нас.

Но вот шлюпка уже близко. Можно разобрать черты лица сидящего на корме, двое других гребли. Все, кто был на палубе, столпились у трапа. Люди с подошедшей байдары с трудом протискались на палубу.

С берега пришли начальник острова Георгий Алексеевич Ушаков, врач колонии Николай Петрович Савенко и старший промышленник [1] Иосиф Миронович Павлов. Пер-

[1] *Промышленник — охотник.*

вые люди, пришедшие с острова, выглядели прекрасно, лица их покрыты хорошим здоровым загаром, как будто они пришли не с полярного острова, на котором прожили три года оторванными от материка, а с курорта, где жили в прекрасных условиях, под наблюдением врачей. «Не так страшен чорт, как его малюют, — думал я, глядя на них, — и на острове Врангеля можно жить, работать и возвратиться не слякотью, а здоровыми людьми, годными к дальнейшим боям».

Литковцы, столпившиеся у трапа, расступились, пропуская трех отважных. Я жал руку стройного человека, лет около тридцати, одетого в пеструю оленью рубаху с капюшоном, смотревшего на меня спокойными глазами, защищенными желтыми очками-консервами.

— Добро пожаловать, товарищ Ушаков!

— Здравствуйте, товарищ Минеев, вам тоже добро пожаловать на остров Врангеля.

— По виду вашему и ваших спутников видно, что прожили вы эти три года на острове не плохо.

— Грех жаловаться, хотя временами было трудновато.

— Трудности и на Ривьере бывают, а тут как-никак семьдесят один градус северной широты.

Разговаривая, мы дошли до кают-компании. Стол был накрыт для приема гостей. Их усадили и начали потчевать разными разностями. Но гости приехали не с «голодающего острова» и особенного «ажиотажа» при виде яств и питий, им предложенных, не проявили.

Константин Александрович находился у себя, и Ушаков направился к нему в каюту. Я, немного замешкавшись в кают-компании за разговорами с врачами Савенко и Синадским, через несколько минут направился туда же.

Войдя в каюту, я увидел их склонившимися над большим белым листом. Подойдя к столу, я увидел на карте очертания острова красивой, почти полукруглой формы с конусообразным отростком в юго-западном краю его. В одном из углов виднелась надпись «о. Врангеля».

— Смотрите, Ареф Иванович, — обратился ко мне Дублицкий, — вот береговая линия, положенная на карту Ушаковым, она совершенно не похожа на те карты, которые мы имели до сих пор.

Тут же были обсуждены вопросы строительства и выгрузки. Нужно было определить место для укладки выгружаемых грузов, а также выбрать площадку для строительства. Последнее необходимо было хорошенько обдумать. Вместе с Ушаковым мы съехали на берег. На судне в это время кипела подготовительная работа к выгрузке. На воду были спущены судовой катер, наш моторный вельбот, оба кунгаса и судовые спасательные шлюпки.

Туземцы с острова уже находились на судне, ходили по палубам, подолгу безмолвно наблюдая жизнь корабля.

По дороге на берег я спросил Ушакова, где лучше строить: наверху или внизу?

— Я затрудняюсь советовать тебе что-либо: верх имеет свои преимущества и недостатки. Это же можно сказать и о косе.

— В чем основные недостатки верха?

— Как тебе сказать. Дальше от воды, несколько грязнее, за то хорошо видно и в море и в горы.

— Ну, а внизу как?

— Главное в том, что будешь сидеть как в яме, а потом — юго-западными ветрами нагоняет в бухту воду и лед, особенно осенью.

Форштевень вельбота, на котором мы шли, ткнулся в берег.

К нам подошел старший помощник капитана Стехов или «Шаман», как шутя мы его звали на судне. Нерослый, но крепко сшитый, крайне подвижной человек, он постоянно пребывал в хорошем настроении. Назначенный капитаном старшим по выгрузке и строительству, он обратился ко мне:

— Товарищ Минеев, где прикажешь выгружать товары и строительные материалы?

— Хорошо бы поднимать товары к складу, да видишь, как он высоко.

— К складу далеко, да потом в этот склад весь товар не войдет, даже если он совсем пустой. Где класть товар — здесь, внизу?

— Надо положить так, чтобы нам потом не так далеко было таскать до склада. Я думаю, вот здесь, где стоим, или чуть подальше.

— А с постройкой как?

— С этим делом надо чуть повременить. Давай-ка, вот подымемся наверх да посмотрим — что там.

— Тяжело будет, товарищ Минеев. Этот склон, — он указал на взлобок берега, к которому мы подходили, — быстро разобьет в грязь, а поднимать по грязи бревна дело нелегкое, это отнимет много времени, а тут дорога каждая минута.

— Это верно. Но Ушаков сообщил мне, что временами бывает большой нагон воды и внизу следует опасаться наводнения.

Наверху перед нами открылась панорама крутых холмов, закрывавших горизонт на север. Из седловины змеясь сбегали речушки, а лысая тундра, кое-где кустившаяся поблекшей травой, полого поднималась к подножью гор. Прямо на запад виднелась трехглавая гора, конусообразные вершины которой господствовали над видимой частью гряды. Далеко в море стоял «Литке», задравший нос к берегу. Издали он казался маленьким и беспомощным перед необозримым пространством воды. Вдалеке виднелась полоса сверкавших белизною льдов, тянувшаяся по всему горизонту, напоминавшая, что нужно торопиться.

Узкая галечниковая коса уходила на восток, отделяя зеркало бухты от моря. В глубине она была изрезана косами и разгорожена островками, а в начале была чиста и казалась глубокой.

Далеко на востоке синел вдавшийся в море мыс Гавайи.

С бугра виднелась только крыша жилого дома, тут же у дома расположилась метеорологическая станция. Под ногами была вязкая глина, перемешанная со щебнем. Кое-где торчали кустики низкой и жесткой травы. Невдалеке на тундре паслось, беспрестанно перекликаясь, громадное стадо гусей. «Вот раздолье охотникам!» — подумал я. Ландшафт был дик и суров, только узенькая тропка, бежавшая к речке, отличала эту тундру от первобытных тундр, на которые никогда не ступала нога человека.

К нашей группе подошел Березкин с метеорологом Званцевым. Они беспокоились об установке метеорологической станции.

— Товарищ Минеев, где будет ставиться дом? Нам нужно определять место для станции, — обратился ко мне Березкин.

— Да вот, место выбираем.

— Вы думаете здесь строить?

— Здесь очень трудно будет строить, — откликнулся Стехов. — Далеко материалы таскать, да и в гору.

— Кроме того, здесь, вероятно, будет сыро, и потом нужно учесть влияние мерзлоты, — добавил Березкин.

— О сырости мне говорил и Ушаков.

— Ну, решайте, надо начинать строить, — торопил Стехов.

— Надо пройти на косу и поглядеть там, — предложил я.

Вся группа двинулась обратно. Вязкий грунт цеплялся за ноги, делая ступни свинцово-тяжелыми.

Осмотрев косу и обсудив все «за» и «против», я решил строить дома на косе, дабы освободить от бесчисленных неудобств будущих жильцов.

Еще раньше, чем было выбрано место для построек, к берегу начали подходить кунгасы с товарами и строительными материалами.

У самой воды и на вельботе, стоявшем у берега, суетилась группа людей, руководимая Березкиным. Это

устанавливали футшток для отсчетов уровня моря, изменяющегося вследствие приливов и отливов.

В доме собрались почти все зимовщики, только Шатинский и Званцев отсутствовали. В доме, против ожидания и плана, виденного мною во Владивостоке, оказалось только три жилых комнаты и кухня. Комнаты большие, светлые и чистые. Но этого мало. Некуда будет девать метеоролога. Подвел нас план, что и говорить!

В доме я познакомился с женами зимовщиков — Зинаидой Афанасьевной Ушаковой и Антониной Сергеевной Савенко. Кроме них, на острове была еще одна русская женщина, жена промышленника Скурихина, Евдокия Евграфовна, пожилая словоохотливая женщина.

Застав Ушакова за обедом и не желая ему мешать, я прошел в комнату врача.

— Ну, как жилось, Николай Петрович?

— Не очень важно.

— Это почему же? Голодно было, что-ли?

— Хотя особенной густоты не было, но мы не голодали, а вот холод донимал здорово.

— Уголь-то у вас даже остался, а говорите, что холодно было.

— И углем не натопишь, когда комната плохая. Топили не жалея, а в комнате иногда было шестнадцать градусов мороза.

— Да чем же она плохая, я что-то не пойму. Дом, кажется, сделан добросовестно и бревна толстенные.

— Вся беда, товарищ Минеев, в том, что эта стена выходит на север, а эта на запад, а у нас самые сильные и частые ветра — северо-западные и северные, — ну вот и выдувает. В безветреные дни еще терпимо, ну, а как начнет мести, так хоть топи, хоть не топи — холодно.

— Можно же что-либо сделать против этого или нет?

— Будете жить, посмотрим, как вы сделаете, а я что ни делал, толк один — холодно.

— Ну, а как у вас дело со сдачей аптеки и медицинского оборудования?

За мною дело не станет. Все готово, кроме при-

шло через некоторое время, когда мы несколько привыкли ко всей необычности для нас наших новых знакомых и присмотрелись к ним.

Всякий, кто пришел с «Литке», стремился что-либо приобрести и как «сувенир» вывезти с острова. Каждому хотелось добыть шкуру медведя или песца, но это в свое время было сдано фактории. Пара клыков моржа, нерпичья шкура, предметы меховой одежды, разные рукоделия, расшитые сумки для патронов, кисеты и прочее — на все это был большой спрос.

Деньги не очень интересовали туземцев, так как их можно было реализовать только на фактории, а туземцам хотелось получить нечто такое, чего не было на складе. Хотелось им очень получить в обмен на свои «товары»... спирт. Хотя спирт и был на фактории, но он Ушаковым не отпускался; они не рассчитывали, что и мы будем отпускать его. Среди команды судна не было людей с запасами спирта, а если бы и были, они не пошли бы на такую мену. Но у туземцев, как видно, выработалась своеобразная традиция получать спирт с борта пришедшего судна. Это результат сношений туземцев с хищниками иностранного и русского капитализма, приходившими на судах к берегам Чукотки грабить туземцев, что наиболее удобно делалось при помощи алкоголя.

Наше первое знакомство с эскимосом Паля началось со спирта, вернее — с разговора о нем. Возвращаясь с обеда на судне, мы подошли к трапу, чтобы сойти в ожидавшую нас посудину. У самого трапа, опершись о фальшборт, стоял туземец. В руках он держал какое-то странное сооружение из сероватого меха, отдаленно напоминавшее головной убор. Жена остановилась и спросила у него:

— Что это такое?

— Малахай, — последовал ответ.

— Продаешь, что-ли?

— А-а...

— Сколько же ты за нее хочешь? — я взял у него из рук шапку.

— Пэрт, — последовало в ответ.

— Что такое? — не поняли мы, — сколько стоит?

— Он хочет спирту, — разъяснил нам стоявший тут вахтенный.

— Спирту? Ну, брат, спирту ты тут не достанешь, — сказал я, возвращая шапку.

— Он уже давно тут стоит, ему ребята предлагали и деньги и разные вещи за шапку, а он твердит одно «пэрт», да «пэрт».

Позже мы много смеялись вместе с ним над его поисками спирта. Последнего он так и не нашел, а шапку кому-то, обескураженный неудачей, подарил.

Грузы лежали на берегу открытыми. Тут же рядом живут и постоянно бродят туземцы. «Как бы не растаскали чего-либо», — опасался я.

— Товарищ Ушаков, а как тут дела обстоят с воровством? — спросил я его.

— Каким воровством? — он удивленно воззрился на меня.

— С каким, — товар лежит под открытым небом, тут же слоняются туземцы. Не растащат?

— Будь спокоен, эскимос с голоду будет умирать, но ничего не возьмет. А если и возьмет, то скажет, что̀ и сколько взял.

— Это хорошо, да как-то не верится.

— Посматривай за своим народом, а о туземцах и не думай.

Но если я успокоился относительно людей, то этого нельзя сказать о собачьей вольнице, рыскавшей во всех направлениях. Нас, горожан, видевших собак редко по нескольку вместе, и все больше «благовоспитанных», чинно идущих на сворках рядом с владельцами, поразила целая сотня свирепых псов, постоянно волтузивших друг друга, да так, что клочья летели. Казалось, они и людей сожрать могли. Особенно выглядели заморенными соба-

ки туземцев, но в то же время свирепы они были страшно. Надеяться, что они не тронут съедобного, я не мог, хотя все съедобное, кроме собачьей юколы,[1] было в таре. Юкола была выгружена прямо на берег и укрыта только рогожей. Я дал распоряжение привязать собак, но толку было мало. Цепей туземцы с собой не имели, а веревки собак не держали, и они продолжали, пользуясь занятостью людей, мародерить.

Научное оборудование зимовки Ушакова было неплохим. Но зимовке принадлежала только метеорологическая станция, состоявшая из одной жалюзийной будки с психрометром Вильда и максимальным и минимальным термометрами, флюгером, тоже Вильда, с тяжелой доской, дождемером с защитой Нифера и парой ведер, а в комнате врача Савенко, ведшего наблюдения, находились чашечный барометр, запасной анероид и недельный барограф. В распоряжении «службы времени» был столовый хронометр, но Савенко относился к нему, как к простым часам, хронометрического журнала не вел, сам пытался его ремонтировать, вместо поправок в отсчете времени — практиковал перевод стрелок, так что использование этого инструмента вряд ли можно назвать полным. Помимо барографа, станция была снабжена рядом самописцев, как-то: термографы, гигрографы и др., но все они вышли из строя в самом начале и к нашему приезду представляли груду ломаного хлама, а в материалах станции совершенно не было бланков записи для этих приборов.

Все остальное научное оборудование, состоявшее из геодезических и геологических приборов, принадлежало лично Ушакову, так что из этого инвентаря мы ничего не приняли. Фотоаппаратура, состоявшая из нескольких прекрасных фотоаппаратов, и небольшой кинамо с большим запасом материалов также принадлежали ему.

Библиотека зимовки состояла из небольшого количества книг и брошюр. У Ушакова была небольшая, но цен-

---

[1] *Юкола — сушеная рыба без соли.*

ная по содержанию библиотека, которую он согласился оставить нам.

Научные материалы станции состояли из бланкового материала и книжек метеорологической станции. Все это было в одном экземпляре. Пришлось срочно организовать переписку месячных бланков. За эту работу я усадил Званцева и Власову, они ее делали между работой по срочным наблюдениям над футштоком. Кроме того я поручил Синадскому скопировать на кальку очертания береговой линии острова с карты, сделанной Ушаковым, чтобы нам не пришлось повторять эту работу.

Иосиф Миронович Павлов.

В этом и заключалось «научное наследство», принятое нами от группы Ушакова.

Попутно с приемкой имущества я вел переговоры с промышленником Павловым о его закреплении на острове еще на несколько лет.

Павлов — довольно интересная фигура работника на

нашем дальнем севере. Он родился в селе Марково, на реке Анадырь. Там провел свое детство и отрочество. С детства привык к различным невзгодам приполярного уголка. Позже ему удалось окончить в Петропавловске-на-Камчатке учительскую семинарию, и через некоторое время, в 1917 году, он поехал младшим учителем в бухту Провидения, где пробыл до 1926 года. За это время он неоднократно бывал дальше на севере, почти во всех прибрежных поселениях вплоть до Уэллена, выполняя различные работы, а когда в бухту Провидения приходили белые, он уходил в тундру, так как ему грозила непосредственная опасность как советскому работнику.

За все это время он ни разу не спускался южнее бухты Провидения. Он плотно вошел в жизнь туземцев-эскимосов. Прекрасно освоился с языком, женился на эскимосской девушке Ассенго, тем самым окончательно связав себя с крайним севером. В 1926 году Дальневосточный Комитет Севера рекомендовал его Ушакову как подходящего работника на должность старшего промышленника на остров Врангеля. При заходе парохода «Ставрополь» в бухту Провидения Павлов присоединился к группе Ушакова. Там же были взяты на борт и несколько семейств туземцев.

Ушаков характеризовал его с лучшей стороны, как знающего и исполнительного работника, поэтому вполне понятным было мое желание побудить Павлова остаться на острове. Во Владивостоке не нашлось подходящего человека в помощь мне по хозяйственной части, желающего ехать на остров, поэтому я договорился с АКО о найме Павлова, если он согласится остаться на острове.

Павлов долго не решался, хотя Ушаков неоднократно советовал ему остаться. Только за день до отхода «Литке» он, наконец, решился и сообщил мне, что остается. Наскоро был заключен договор, и Павлов стал восьмым членом нашего коллектива. С наймом Павлова значительно облегчилась моя работа по ведению хозяйства колонии.

Помимо всего прочего, Ушаков передал мне большой запас моржевого мяса, лежавшего компактной кучей на внешней косе. Как он мне сообщил, там было около 35 моржевых туш. Мяса вполне должно было хватить на прокорм собак фактории и собак приезжавших туземцев, если, конечно, не произойдет чего-либо экстраординарного.

Строительство было в полном разгаре. Быстро выросли стены радиостанции, тут же рядом вырастала у самой воды лагуны малюсенькая банька, чуть поодаль стоял совсем готовый накрытый крышей каркас склада. У станции рыли котлованы для радиомачт и якорей для оттяжек; в сотне метров от жилья расположилась метеорологическая станция с высоким флюгером, белыми гранеными будками, гребенкой нефоскопа и раструбом дождемера. Пустынная коса, на которой иногда возникали легкие полотняные постройки эскимосов, — волей партии, советской власти, благодаря упорному труду коллектива советских людей принимала жилой вид. Постройки собирались с невероятной быстротой. Не успели стены подняться до половины, а внутри уже настилался черный пол, насыпался накат, и белые, пахнувшие смолой доски превращались в ровную площадь пола. Не успели положить последний венец, как приступили к подъему стропил; тут же настилался черный потолок и подбивался белый; вставлялись частью остекленные рамы. Внутри печники уже работали над печами, кирпичная пыль и людской гомон висели в пространстве, только что замкнутом стенами.

Рядом с недостроенным складом конусом вырастала куча угля. Укрытого места для угля не было, пришлось сгружать его прямо под открытым небом.

Тут возвышалась горой растянувшаяся на добрых два десятка метров по берегу груда всяких товаров: мешки с мукой, рисом, крупами, сахаром и прочим, бочки с рыбой, солониной, черемшой, красные от сурика и ржавчины бочки с керосином и бензином, множество всяких ящиков и ящичков со всякой всячиной; горой в тугих пачках лежали шкуры оленей всех возрастов.

Хмурое небо в грязновато-седых космах низко ползущей облачности, надолго скрывшей солнце, беспрестанно слезилось. Дождь был почти неощутим, но воздух был густо пропитан влагой, и она все время оседала и мгновенно пропитывала собою все, что находилось на поверхности земли. Развернули громадные брезенты, привезенные нами, и укрыли товар.

Строительство подходило к концу. Дом и баня, в основном, были готовы. В машинном отделении уже установили под руководством старшего механика «Литке» Гейне двигатель, динамо и альтернатор.[1] Внутренние коробки здания разгорожены на комнаты, навешаны двери, во всех окнах вставлены первые рамы. Не закончены только печи, да не остеклены вторые рамы в окнах. Баня также готова, только внутри отсутствует банное устройство.

Все товары были выгружены полностью к середине дня 4 сентября. Ревизор Бессмертный облазил все закоулки судна, ища, не завалилось ли что-либо из грузов. Все хорошо понимали, что выгрузить нужно все, ничего нельзя забыть, так как только через два года к острову должно пойти вспомогательное судно с дополнительным снабжением.

— Все выгрузили, товарищ Бессмертный?

— Кажется все. Вот бегаю по трюмам и разыскиваю, не забыли ли чего. Перевернул все грузы неприкосновенного запаса, — хотя там и не должно быть, но так вернее.

— Уголь тоже весь выгрузили?

— Да, все сто тонн. Уголька-то вам маловато будет.

— На два года хватит, а там подбросят.

Согласно колонизационному плану, для зимовки должны были оставить 150 тонн угля, а оставляли только сто. Как это получилось?

Уже много дней «Литке» стоял в невероятно тяжелых льдах. Перспектив на продвижение прямо к ост-

[1] *Альтернатор — динамомашина переменного тока.*

рову не было. 24 августа Константин Александрович созвал совещание командного состава, председателя судового комитета, секретаря ячейки ВКП (б), врангелевской колонии и научной части. На совещании он доложил о состоянии судна и возможностях дальнейшего продвижения к острову.

«Литке» получил следующие повреждения: поврежден форпик; вмят правый борт, заделанный в настоящее время цементом; имеется значительная течь тоже на правом борту. Угля осталось 750 тонн плюс 150 тонн для острова. До Геральда остается при настоящем положении 38 миль, и от Геральда до острова Врангеля 63 мили по русской карте.

По мнению капитана, при более или менее благоприятных ледовых условиях на этот переход следует положить максимум пять суток, на что потребуется 300 тонн угля, стоянка у острова Врангеля — 12 дней максимум — 100 тонн и на обратный путь 350 тонн.

Капитан «Литке» выдвигает два варианта для возможности дальнейшего плавания: первый — итти к острову Геральд с имеющимися запасами угля в надежде встретить здесь менее тяжелый лед и попробовать от острова Геральд пройти к острову Врангеля согласно вышеприведенному расчету. И второй — итти в бухту Провидения за углем. Погрузка угля в бухте Провидения потребует десять дней, и при благополучных условиях «Литке» может подойти к острову только около 10 сентября.

Большинство высказалось за то, чтобы сейчас, без захода за углем в бухту Провидения, пытаться осуществить первый вариант, то-есть пробиваться к острову Врангеля.

Я настаивал на продвижении к острову с имевшимися запасами угля. В крайнем случае я считал возможным урезать запас угля врангелевской колонии. Кроме того, можно отказаться от постройки силами команды «Литке» жилого дома, чем сократится время стоянки у острова, только радиостанцию необходимо построить во что бы то ни стало.

И во время выгрузки угля для зимовки Константин Александрович просил моего разрешения уменьшить количество выгружаемого угля.

— Сколько угля будет в бункерах судна, если выгрузить все 150 тонн?

— При том суточном расходе топлива, который мы имеем сейчас, я думаю, что у нас будет тонн 500, но если лед начнет прижимать к берегу, нам придется выйти на глубины. Тогда будет значительно меньше.

— Вы ожидаете, Константин Александрович, тяжелых льдов на обратном пути?

— Вы сами видели, какие льды были по пути сюда. Не исключена возможность, что за время стоянки льды разредит или совсем отожмет, но столь же вероятно и ухудшение льда.

— На какое количество угля вы рассчитываете из наших запасов?

— Мне кажется, что их можно было бы сократить на полсотню тонн. На два года вам должно с избытком хватить сотни тонн, да там на берегу остается от прежней зимовки тонн с десяток.

Я согласился. Вот почему мы получили с «Литке» меньше угля, чем было рассчитано по колонизационному плану.

За несколько дней до нашего ухода с судна, 31 августа, Константин Александрович дал мне красиво переплетенную в кожу книгу, сообщив мне, что это судовой альбом, и просил меня написать в нем несколько строк в память о плавании на «Литке».

На верхней крышке переплета золотом оттиснуто «Канада» — имя, которое носило судно до тех пор, пока не вошло в состав советского флота.

Наша большевистская партия и советская власть, чтя память русских людей, много потрудившихся над изучением наших полярных окраин, присвоили ледорезу имя известного полярного исследователя Федора Литке. «Канада» стала «Ф. Литке».

Десятка полгора первых страниц альбома говорят о пьяном разгуле бывших владельцев судна. Трудились матросы, трудился технический персонал, а командование не только на берегу, но и в плаваниях сплошь утешалось вином и женщинами.

Последующие страницы, заполненные в послереволюционный период, говорили о труде, о преодоленных трудностях, об опыте командного состава и подчас нечеловеческой работе команды.

Что мог написать я, ранее не ходивший на судах, если не считать волжских пароходов, я — зеленый новичок в арктической работе, поставленный партией на один из постов по изучению и освоению арктики? Я был крайне благодарен команде судна, преодолевшей труднейшие препятствия; я был благодарен командованию судна и особенно Константину Александровичу Дублицкому, под руководством которого судно, несмотря на трудности, нашло дорогу к острову; я был благодарен «Литке» за его прекрасные качества.

В заключение я написал: «Если бы мое пожелание имело силу, то я хотел бы, чтобы в 1932 году за нами опять бы пришел ты, «Литке».

Вечером четвертого сентября обсудили с Дублицким вопросы выгрузки, строительства и необходимости дальнейшего пребывания судна у острова. Мы пришли к заключению, что, в основном, задачи, стоявшие перед командой «Литке», выполнены, грузы выгружены, строительство подходит к концу, остаются кое-какие недоделки, но они могут быть сделаны в один день. Правда, в домах еще не полностью выложены печи, не застеклены вторые рамы и прочее, но оставлять судно у острова из-за печей и вставки стекол мы не сочли разумным. К этому нас побуждал и лед, который начал медленно, но неуклонно подходить к берегу. В случае же подхода льда к берегу, мог стать вопрос о зимовке судна у острова, чего допускать не следовало.

Учтя все, решили, что «Литке» уйдет на юг в ночь с пятого на шестое.

В день ухода «Литке» до половины дня на косе бурно кипела жизнь, стучали молотки, сновали люди, заканчивая работы, собирая строительный инвентарь, вспомогательный материал.

В этот день ко мне пришел заведующий радиостанцией Шатинский и принес пространную бумагу.

— Товарищ начальник, прошу вас обратиться к Дублицкому с просьбой отпустить для радиостанции батарею аккумуляторов.

— Вы же мне говорили, что для накала у вас все есть, а для анода аккумуляторы куплены в Хакодате. Зачем вам еще аккумуляторы?

— Мы привезли с собой пластины и банки для аккумуляторов; если ограничиться ими, то станция начнет работать не раньше, чем через два-три месяца.

— Ну, а если будет получена просимая вами батарея?

— Тогда станция может начать нормально работать через неделю.

— А что это за аккумуляторы, о которых вы говорите?

— Это батарея аварийной станции «Литке».

— Удобно ли просить батарею аварийки, ведь им предстоит трудное плавание и аварийная станция может понадобиться?

— Радист сообщил мне, что в случае нужды он сможет обойтись без аккумуляторов.

— Хорошо, я поговорю с Константином Александровичем.

Нужную батарею нам отпустили без единого возражения.

Вообще, все, что нам нужно было, Константин Александрович отпускал без возражений. Он проявлял исключительную заботливость о нас.

С острова уходило всего шесть человек: Ушаков и Савенко с женами и жена промышленника Скурихина с дочерью. На этот раз на острове оставалась одна русская женщина — моя жена Варвара Феоктистовна Власова.

На прощание с нами экипаж судна устроил банкет в кают-компании «Литке». Тут собрались весь комсостав корабля, представители судкома и ячейки, старые и новые зимовщики, вся научная часть экспедиции и корреспонденты газет, шедшие на «Литке».

Стол блистал сервировкой, в бутылках искрилось под лучами электричества вино, всякая закуска — холодная и горячая — ласкала нос запахами, люди веселы, с оживленными лицами, как будто не провожали и не оставляли надолго, а наоборот встречали дорогих людей. В кают-компании было тесно от людских голосов, звона посуды.

Все уходящие желали нам всяческого благополучия, здоровья, успешной работы, весело провести эти три года, просили нас сообщать на материк о нашей жизни. Мы со своей стороны желали успешного и благополучного возвращения, просили не забывать нас.

Но вот наступило время прощаться. Все гурьбой пошли из кают-компании на палубу к трапу проводить нас. У трапа стоял моторный вельбот, отныне «флагман врангелевского флота».

Еще рукопожатия, последние взаимные напутствия, и наша группа спустилась по трапу.

На угрюмом берегу, у самой воды, стояла небольшая кучка людей. Они кричали, махали руками и палили из винтовок, но на лицах их была грусть расставания с «большой землей». Вдали на рейде блистало огнями судно стройных форм. Зимовщики с грустью провожали судно, уходившее на юг к родным берегам, и сама природа, казалось, сочувствовала им, грустя безжизненной тундрой и плача серым давяще-низким небом.

На судне выбирали якоря. Рокот цепи в клюзах и рычание брашпиля слабо доносились к берегу. Судно, медленно разворачиваясь, уходило от скучной, дикой земли.

В последний раз проревел гудок. На топе размеренно замигал огонь. С судна «морзили» оставшимся на берегу пожелания благополучной зимовки.

Скоро корпус судна скрылся за возвышенностями косы, и только мачтовые огни плыли в пространстве подобно звездам, выпавшим из законов мироздания.

Долго стояли люди на берегу, следя взором за удаляющимися огнями уходящего судна. Но вот и огни растворились вдали.

Оставшиеся в молчании направились к невзрачному дому, в котором им предстояло прожить долгие годы, вдали от Большой земли.

Глава IV

ПОСЛЕ УХОДА „ЛИТКЕ“

Многие думают, что жизнь зимовщиков наполнена бездельем, скукой. Это абсолютно неверно. Любители безделья пусть лучше не едут в Арктику, — она безжалостно обманет их ожидания.

По уходе «Литке» нам предстояло до наступления зимы проделать громадную работу. Зима же была не за горами, и дни быстро мчались. Прежде всего предстояла разборка и рассортировка различных товаров, выгруженных с судна. Они лежали большой беспорядочной кучей на косе невдалеке от нового склада и далеко от старого, куда мы должны были сложить большую часть грузов. Рассортировать товары нужно было так, чтобы отделить всё, что боялось морозов, то-есть все влагосодержащие продукты. Для них необходимо было отыскать такое место, где они были бы предохранены от мороза.

На острове таких мест было немного. Это были только... наши жилые комнаты.

Нужно было решить, что нам будет наиболее нужно в первую зиму, отобрать эти товары и поместить их в склад, так как весь товар в склады поместиться не мог, — это стало ясно еще в тот момент, когда мы начинали выгрузку. Весь остальной товар, не являвшийся необходимым на первых порах, решено было оставить на зиму под открытым небом, так как его разместить было негде.

Помещения, которые мы с собой привезли: большой дом (для радиостанции, жилья радистов и метеоролога), малюсенькая баня и железный склад, в основном, были собраны командой «Литке», но еще требовали много доделок, и нужно было потратить много времени и труда, чтобы привести их в готовое для жилья и хранения товаров состояние.

Мы не могли уделить все свое время этим работам. Радисты Шатинский и Богданов должны были немедленно приниматься за монтаж радиостанции и выпадали таким образом из общих работ по фактории; метеоролог Званцев должен был устанавливать некоторые приборы, — поэтому тоже не мог отдавать всего времени общей работе. Помимо работ по новому строительству, дом, бывший на острове, требовал большого внимания. Под одной и той же крышей в трех смежных комнатах были три различные «климата». Если у начальника острова Ушакова в комнате было тепло даже и в ветреные дни, то в комнате врача было холодно и в безветреное время, а при ветре там стояла адская стужа. Жить в доме, в котором температура при условии неограниченного расходования угля опускалась до — 16°, удовольствие небольшое. А ведь надо жить не дни и недели, а годы.

В прежнее время, до нашего приезда, эскимосы, приезжавшие со всех сторон острова торговать на факторию, останавливались в жилой комнате Павлова. Я не счел это положение нормальным, потому что у Павлова было двое ребят, а эскимосы, приезжавшие на факторию и располагавшиеся на ночевку у Павлова, создавали тесноту, и тем самым делали существование семьи Павлова крайне неприятным. Поэтому я решил из наличного у нас строительного материала построить небольшое жилье, — «гостиницу», как мы говорили, — в которой эскимосы могли бы, приезжая на факторию, останавливаться. Кроме этого, была куча более мелких, но тем не менее неотложных дел.

К моменту ухода «Литке» нас было, не считая эски-

мосов и чукчей, семеро. Эскимосов тоже можно было бы использовать как рабочую силу, и они сами не возражали против этого. Но я считал, что загрузка эскимосов посторонними их хозяйству делами вредно отразится на промысловой жизни острова, поэтому при расчетах рабочей силы я не принимал эскимосов во внимание.

Только первые четыре дня, пока нужно было разобраться хотя бы вчерне с товарами и найти грузы, необходимые эскимосам, я использовал их как рабочую силу. Но как только были найдены все нужные товары, я, не дожидаясь окончательной записи по книгам этих товаров, открыл ящики и постарался наделить эскимосов нужными им предметами.

В кассе острова почти совершенно не было денег, у туземцев же их не было совершенно. В правлении АКО ко времени нашего отхода в море не было наличных денег. Вся торговля осуществлялась либо путем прямого обмена, либо путем товарного кредитования под пушнину и сырье. Это обусловило и самую форму торговли. Операции начинались или у нас в комнате, или в комнате Павлова. Сперва производилась запись необходимого тому или иному промышленнику, подсчитывалась стоимость товаров, а уже потом действие переносилось в склад.

Туземцы, которых я наблюдал как покупателей впервые, произвели на меня впечатление больших детей. Они были невероятно падки на всякие яркие и блестящие предметы, иногда совершенно ненужные в хозяйстве. Если кто-либо из них покупал никкелированный поднос, то все остальные тоже хотели приобрести точно такие же подносы. Мои доводы о ненужности для них тех или иных вещей первое время не давали результата. Только впоследствии, когда туземцы привыкли верить мне, мои увещания действовали.

Нужно было долго доказывать, что лучше брать больше муки, сахару, круп, сухих и консервированных овощей, меха, мануфактуры, а не дорогие подносы, ложки и прочее.

Позже у меня по отношению к ним выработалось такое правило. При записях я сперва записывал предметы необходимые: муку, сахар, чай, табак, спички, а уже потом все остальное, — если на остальное оставались деньги. Первое время туземцы бывали немного недовольны, а потом поняли, что это делается в их же интересах, и не возражали против подобного порядка.

9 сентября на территории фактории не осталось ни одного эскимоса и чукчи, — все они разъехались по своим зимовьям. Я потребовал ухода туземцев, потому что с приходом судна многие из них пришли на Роджерс, не закончив заготовку мяса на зиму. Если бы я их задержал и не отправил бы в становища, они остались бы на зиму без мяса. Допускать этого, конечно, нельзя было.

Еще несколько дней тому назад коса бухты Роджерс и смежные с ней участки тундры были наполнены людьми, людским говором, суетой, звоном топоров и стуком молотков. Жизнь била ключом. С уходом «Литке» людей стало значительно меньше, но, пока были эскимосы, не было заметно большой пустоты. Когда ушли и они и остались только мы — колонисты, пришедшие с материка, бухта Роджерс и окрестности опустели.

Мертвая тишина навалилась на этот маленький заполярный мирок. Горы, тундры были пустынны и безмолвны. Только иногда где-то в тундре по-человечьи захохочет поморник[1]; он собирается к югу; гусей уже не видно; совершенно пропала мелкая птаха, раньше оглашавшая пространства своим гомоном. Только в бухте видна жизнь: на воде громадное количество шилохвостых уток и гаг. Они в беспрестанном движении, — то разойдутся, то собираются кучками, как досужие кумушки, то уходят в воду. На время пусто в бухте, но потом птицы как тени возникают из воды и снова снуют безустали. Но все это совершается в полной тишине, —

---

[1] *Поморник — род чайки.*

только издалека, с косы, со склада мяса доносится стенанье чаек, как бы оплакивающих ушедшее лето.

Скучно кругом, пустынно...

Но нам было не до скуки. Перед нами непочатый край дела, — некогда скучать.

В течение нескольких дней мы наполнили товарами верхний склад. Втроем перетаскивали на себе в гору по нескольку тонн за день. Верхний склад был скоро заполнен настолько, что трудно было повернуться. Этот склад являлся и магазином. Нужно было подумать о том, чтобы оставить какой-то участок свободным, где можно было бы разложить штучные товары, чтобы не доставать их каждый раз из ящиков.

Второй наш склад, который мы привезли с собой, стоял недостроенным. Каркас был возведен и накрыт крышей командой «Литке». Все остальное нужно было достраивать. Мы вдвоем с врачом Синадским занялись этой работой. Когда мы вывели стены до самой крыши и нужно было закрывать фронтоны и нам нехватило собственных сил, пришлось на полдня приостановить монтаж радиостанции и вместе с радистами окончательно закончить склад.

Склад был готов. Этот склад мы набили товарами так плотно, что можно было только стоять в открытых дверях, а дальше в склад проникнуть было невозможно. «Как мы будем, — думал я, — добывать товар, заложенный в глубину склада?» Утешением было то, что товар был под крышей.

Больше складочных помещений у нас не было. Жилье было забито тоже доотказу, а товара было еще много: почти вся мука, которую мы привезли, много сахару, различные крупы, масло и многое другое. Все это было на дворе. На зиму товары незакрытыми оставлять нельзя. Морозы и снег не могли повредить товару, но с первыми вешними днями, когда начнется таяние снега, вода пропитает товары и погубит их. Необходимо было думать о том, как устраивать оставшиеся товары на зиму.

Еще до отъезда Ушакова я толковал с ним о складах и просил его указать такое место на косе, которое, по его трехлетним наблюдениям, не заносилось бы снегом, а если и заносилось, то не сильно. Ушаков такое место мне указал.

Мы не учли одного: это место не заносилось первые три года, когда на косе не было ни одной постройки и оно свободно обдувалось ветрами всех румбов. Но после того как мы его застроили помещениями, сложили большую кучу угля и товаров, коса стала заносимым местом. К сожалению, это обнаружилось тогда, когда уже ничего нельзя было поделать.

Мы перетащили весь товар к месту, указанному Ушаковым, уложили его в компактную груду. Укладывали не просто на землю, а устроили нечто вроде пола из толстого теса, чтобы товар непосредственно не касался земли и чтобы под ним всегда был слой воздуха. Мы с собой привезли крупные, хорошо проолифенные и прокрашенные брезенты; вот этими-то брезентами накрыли товар как можно плотнее, обвязали веревками и концы брезентов у пола завалили землей. Вокруг всей кучи выкопали канаву для отвода воды.

В то время когда мы втроем возились с товаром и со складами, радисты занимались, как уже было сказано, монтажем радиостанции, а повар Петрик, взятый нами из Петропавловска, неожиданно для всех оказался печником. Вместо приготовления щей и каши мы поручили ему доделку печей. В помощь ему я отрядил в свободное от работ метеорологической станции время Званцева для подноски кирпичей, глины.

В самом начале работ Петрик обнаружил, что запас глины и песка, который был привезен с материка для постройки печей, был израсходован. Пришлось искать глину на острове. И что же? Оказалось, что возить глину на остров Врангеля незачем, глины на острове великое множество, при чем глина неплохого качества. Добывать ее, правда, не совсем приятно: она перемешана со щеб-

нем, и нужно потратить время на освобождение ее от щебня. А песок? Песок был прямо под ногами. Верхний слой гальки снимался при помощи лопаты, и внизу оказывался очень мелкий хороший песок. Несмотря на то, что глина, привезенная с материка, кончилась, производство печей прекращено не было.

Петрик делал печи очень медленно. Они росли кверху, как говорят, «через час по чайной ложке». Мы давно покончили с товарами, принялись за ремонт старого дома, а он все возился с печами на радиостанции. Хотя печей на радиостанции было две, но размерами они были так велики, что мы их прозвали в шутку «индийскими гробницами», и позже оказалось, к нашему несчастью, что это были в полном смысле «гробницы» для угля: жрали угля много, а тепла давали мало.

Петрик наконец закончил печи на радиостанции и принялся за каменку в бане. С печами он провозился всю осень. На это время за поварские обязанности, «в порядке общественной нагрузки», взялась Власова. Кроме нее мы не могли выделить ни одного человека для кухни.

Мы наконец принялись за старый дом. Прежде всего мы решили выяснить, почему же так холодно было в некоторых частях этого дома. В комнате у врача Савенко стояла печурка, которая даже в безветреные дни не могла отопить комнату: это была какая-то безалаберная кучка кирпичей, смешанных с глиной. Поверх кирпича торчал странный чугунок, из чугунка вздымалась труба, идущая прямо в потолок. Ясно,— сколько ни жги в такой печке угля, тепла она даст мало.

Мы тщательно обследовали стены дома, и оказалось, что вся северная стена была не конопачена. Щели между бревнами были настолько велики, что можно было насквозь просунуть руку без опасности содрать кожу.

Целую неделю, втроем, с тяжелыми молотками и конопатками в руках толкали мы в эти щели и пазы паклю, поражаясь их «бездонности». Мы оконопатили, застеклили окна. На потолке совершенно не было наката: весной,

когда началось таяние снега, его вместе со снегом счистили с черного потолка. Нужно было на потолок поднимать землю, чтобы утеплить его. То же самое нам пришлось проделать и с новым домом радиостанции. Уже вшестером в течение целого дня мы поднимали наверх песок, землю, рассыпая все это по потолку. Новый дом мы окопали кругом завалиной, чтобы не поддувало снизу.

Особенно плохо было с остеклением рам нового дома. Никто из нас не умел резать стекла. Не было специалиста-стекольщика и на «Литке». К тому же, качество стекла было крайне низкое. Из семи ящиков стекла «стекольщики» с судна ухитрились вскрыть четыре ящика, успев неполностью остеклить первые рамы. Нужно было остеклить и вторые рамы. Мы все пробовали резать стекло, но тут поднялся такой звон ломаемого стекла, что я быстро прекратил «опыты и учебу», дабы не остаться совсем без стекла. Мне самому пришлось остеклить все рамы нового дома, только иногда мне помогал в этом деле Шатинский. Несмотря на все наши старания, остеклили мы рамы все же плохо, да и стекло было дрянное. Первый же крепкий ветер выдавил много стекол.

На наше счастье, осень 1929 года была крайне благоприятной. Хотя после ухода «Литке» и бывали пасмурные, ветреные дни, иногда и дождь лил, но большей частью стояла ясная погода. Правда, морозило уже основательно, но на дворе можно было производить любые работы.

Закончив все работы первой очереди, мы втроем принялись за постройку «гостиницы» для туземцев. Шесть дней мы трудились; наконец на косе появилось строение, которое туземцы называли «ящик», так как оно действительно по виду было похоже на ящик.

Эскимосы не любили останавливаться в «гостинице», потому что там им нужно было все делать самим, а к этому они еще не привыкли. Однако, другого помеще-

ния, а тем более обслуживающего персонала для этой цели не было совершенно.

Все наружные работы мы, в основном, закончили к ледоставу на бухте. Наши пловучие средства — вельботы, кунгас — мы за несколько дней до ледостава извлекли на сушу, устроили их на зиму так, чтобы им не повредил снег, а двигатель с вельбота сняли и унесли в жилье.

Бухта стала в середине октября. По ней невозможно было не только плавать, но и ходить и ездить. Ветер несколько раз взламывал лед, не давал ему окончательно окрепнуть, и поэтому санный путь долго не устанавливался. Наконец бухта окончательно стала, но море еще долго после того чернело и дымилось.

Во время постройки и укладки товаров наши зимовщики совершили первую попытку охоты на моржа, которая чуть-чуть не закончилась трагически. В один из ясных дней Званцев и Синадский сообщили мне, что недалеко на льду лежат моржи.

— Товарищ Минеев, — обратился ко мне врач, — надо бы съездить за моржами, а то у нас нет свежего мяса.

Моторный вельбот уже был вытащен на берег, а на веслах шлепать за моржами я отпускать не решался. Я потолковал с Павловым: как он считает, есть ли смысл итти на охоту? Он сказал, что попытаться можно. Я разрешил, и четыре человека на веслах отправились за моржами.

Быстро дошли они до моржей, высадились на близ расположенную льдину, вытащили на нее же вельбот и начали расстреливать моржей. Но все охотники, кроме Павлова, больше горячились, и из всего стада на льду остался убитым только один морж. Начали разделывать его и так увлеклись, что не заметили перемены погоды. Небо, бывшее ясным, быстро заволоклось тучами, с берега налетали первые порывы ветра, и, только когда ветер окреп, Павлов начал просить кончать разделку и двигаться на берег. Но три его товарища, не знавшие островных условий, не обратили внимания на предупрежде-

ние Павлова. Только настойчивые требования Павлова побудили их быстро закончить с моржом, побросать окровавленные куски в шлюпку и сесть за весла.

К этому времени ветер значительно окреп, от берега гнало довольно крупную волну, и они не могли выгрести против ветра прямо к фактории. С большим трудом, после нескольких часов усиленной гребли, им удалось добраться до берега в нескольких километрах к западу от фактории. Они высадились там, разгрузили шлюпку, а сами под защитой высокого берега с большим трудом, насквозь промокшие, добрались до фактории.

Вечером, сидя в кухне — нашей кают-компании, попивая чай, они рассказывали о перенесенных злоключениях и трунили друг над другом. Особенно усердствовал Синадский. Отыгрываясь на Боганове, он рассказывал, как тот струсил. Этот здоровенный парень смущался и оправдывался, что ему совершенно не было страшно, но он очень устал, так как раньше ему не приходилось так долго и с таким напряжением грести. Боганов в долгу не оставался и, смеясь, говорил:

— Доктор, а как вы кричали: «где большие клыки, где большие клыки?»

— Он этими клыками моржей спугнул. Если бы не Ивась, мы бы ни одного не убили, — говорил Званцев.

— Я шопотом спрашивал. Моржи просто нас почуяли, ну и пошли в воду.

— Рассказывайте, от этого шопота у нас чуть было барабанные перепонки не полопались.

Это происшествие дало пищу разговорам на несколько дней, пока более свежие события не заняли их внимания.

К моменту, когда начались ненастные дни, все наружные работы, в основном, были закончены. Напрасно думать, что после этого наступило спокойное время. Работы было еще очень и очень много. Правда, она была перенесена внутрь зданий, тем не менее все наше время было занято. Еще не был закончен монтаж радиостанции.

Несмотря на то, что старший радист Шатинский заверял меня, что ежели он получит готовые аккумуляторы с «Литке», то радиостанция сможет начать работу не позже недели — двух, прошло уже больше месяца, а радиостанция все еще не была готова. Правда, младший радист Боганов наладил приемную установку и следил каждый день за передачами «Литке».

По радио мы узнали, что «Литке», уйдя от нас, быстро выбрался к острову Геральд по чистой воде. К острову Геральд «Литке» подойти не мог, потому что остров был блокирован льдом, но на пути к югу они тяжелых льдов не встретили. Мы узнали, что, идя от нас, они убили несколько медведей; выбрались на чистую воду; идут к материку. Мы все радовались успешному завершению рейса. Но мы могли только слушать. Сообщить на материк, приветствовать ушедших от нас товарищей с благополучным выходом из льдов мы не могли.

По окончании наружных работ зимовщики расселились так, чтобы уж больше не менять места. В старом доме в трех жилых комнатах поселились: в комнате Ушакова я с Власовой, комнату врача Савенко занял Синадский, а Павлов остался с семьей там, где жил раньше. В дом рации я поселил радистов и метеоролога Званцева. Это вызвало недовольство радистов, так как, уезжая с материка, они предполагали, что в новом доме будут жить только они одни. Но так как в старом доме, против ожидания, вместо пяти комнат оказались только три, пришлось Званцева поселить в доме радиостанции. Поселить его в старом доме я не мог, так как у него в комнате должна была быть аппаратура, требовавшая места и заботливого к себе отношения. Поселить его в комнате с врачом нельзя было: постоянно могли присутствовать пациенты, нельзя было обеспечить бережливого отношения к инструментам. Кроме того, врач в своей комнате принужден был расположить всю аптеку и часть библиотеки. Наконец, в случае необходимости, в комнате врача пришлось бы поместить больного. А на радиостанции в

ее трех комнатах позволить жить двум человекам при заведомой тесноте в старом доме я не мог.

В новом доме после окончания постройки печей Шатинский, Боганов и Званцев устраивались, как могли: обивали для утепления стены строительным войлоком и картоном. Для покрытия пола радиостанции я отпустил имевшийся в запасе на фактории линолеум. В общем, приводили дом в такое состояние, чтобы там можно было жить всерьез и надолго.

Старый дом для жилья был приспособлен еще нашими предшественниками, — в этом отношении больших работ не требовалось. Но комнаты были загромождены самыми различными вещами: под кроватями было полно бутылок с виноградным вином, лежала масса всякого научного инвентаря, ящики с микроскопами, теодолит, фотоаппаратура; на полу лежали ящики с книгами и просто стопы книг — пришлось стены превращать в складочное место. Долго еще мы строили полки, чтобы разместить всю литературу. Туда же поместили часть инструментария.

То же самое делалось в комнате врача и на кухне. Кухня напоминала складочное место: всяких ящиков было так много, что повернуться трудно было. Ящики с яблоками, апельсинами, консервированными овощами загромождали кухню до тех пор, пока мы не потребили всех этих продуктов.

Повар, после того как закончил постройку печей и приступил к своим прямым обязанностям, расположился также в старом доме. По плану, Ушаков предполагал устроить для нужд колонистов ванну, и для нее устроена была небольшая комната за счет площади кухни. Комнату-то построили, а ванну в ней так и не установили. Первоначально, пока Петрик жил на рации, мы эту комнату превратили в склад, но когда на радиостанции перешли к «оседлому» образу жизни, — он уже оставаться там больше не мог. «Ванную» мы освободили, консервирован-

ное молоко «Гвоздика», хранившееся там, перенесли в жилые комнаты и в ванной поселили повара.

Петрик занялся приготовлением пищи. На первых порах было много всяких смешных, а порою и грустных моментов. Готовить он не умел. Мы знали это и старались научить его тому, что сами знали. Но не то от уп-

Подготовка вельбота к зиме.

рямства, не то еще от чего, его было очень трудно учить. Он, например, никак не мог понять такой простой вещи, что можно в одно и то же время делать и первое и второе. Он готовил сперва первое, и, когда оно бывало совершенно готово, он принимался за второе... На это уходило много времени, обед у нас всегда запаздывал. Первое время мы относились к этому юмористически, но

потом пришлось воздействовать на него более крепко, чтобы ликвидировать эту «очередность».

Когда замерзла пресная вода в тундровой речке, перед нами встал довольно остро вопрос о воде. Пресного льда, который мы могли бы использовать для воды, около фактории не было; да и не только фактории — его, пожалуй, трудно было найти на всем острове. Из снега же добывать воду было очень хлопотно: надо очень много снега, чтобы добыть нужное количество воды. Пришлось мириться с этим злом, тем более, что топлива пока у нас было достаточно. Позже, когда снег уплотнило ветрами и он напоминал по внешнему виду лучший сорт каррарского мрамора, добывание воды совсем облегчилось. При помощи лопаты, а иногда и топора или пилы вырубался или выпиливался громадный кусок снега, который давал достаточно «материала» на бак воды. Крупной посуды для воды у нас не было, а только жестяные бачки на 7—8 ведер, поэтому приходилось часто, по несколько раз в день, добывать воду. Особенно плохо было с нею во время стирки: вода мягкая, и, пока отполощешь белье от мыла, изведешь море воды. А ведь ее надо каждый раз растапливать из снега.

Ко всем этим арктическим особенностям приходилось постепенно применяться. Первое время это раздражало, а потом вошло в привычку.

Море начало становиться только в конце октября. На бухте давным давно уже был крепкий лед, он свободно держал человека, и по нему ездили на собаках на косу за мясом.

Дувшие перед ледоставом ветры нордовой половины угнали лед далеко в море, и он уже больше не возвращался. Кое-где на горизонте торчали, как гигантские зубы, стамухи[1]; а кругом темнело море, дымившееся в морозном воздухе.

Море встало как-то неожиданно и ровно. Перепадав-

---

[1] *Стамуха — севшая на мель льдина.*

ший временами снежок припудрил черноту просвечивавшей воды, и все пространство к югу побелело и сверкало под редкими теперь лучами низкого солнца. От блеска этой ослепляющей белизны небо посветлело, хмурые тучи тоже стали белыми и легкими.

Кругом нас стало еще тише. Уже не слышно чаек, не видно гордого полета этих громадных, красивых, белых с серым отливом, птиц, и даже море, беспокойное, хмурое северное море, то тихо рокотавшее, наполняя воздух ровным шумом, то ревевшее прибоем, затихло надолго. Остался только ворон, постоянный жилец острова, улетающий на лето вглубь острова. Теперь он перебрался к берегу и оглашает окрестности своим зловещим криком.

Плавать по морю уже давно невозможно, но только теперь можно было переходить на полозья.

Собак, привезенных нами с материка в количестве 39 штук, — одна у нас сбежала во льдах с «Литке», — мы не всех оставили для фактории: во-первых, нам не нужно было так много собак; во-вторых, если бы и нужно было, то мы все равно принуждены были бы уделить некоторую часть их для эскимосов. Поэтому, еще раздавая товар эскимосам, мы выделили из общей собачьей стаи потребное для нас количество собак, а всех остальных роздали туземцам.

Я решил оставить для фактории всего три упряжки. В каждой упряжке у нас было по 10 собак, хотя на острове Врангеля обычно ездят на 8 собаках. Я решил оставить по две лишних собаки в качестве запаса на случай какого-нибудь несчастья с упряжкой эскимоса.

Когда море встало окончательно и по нему можно было ездить на собаках, мы начали учиться этому искусству. Первые поездки на собаках представляли большое удовольствие для тех, кто смотрел со стороны, и много неприятностей для тех, кто ездил на них. Я не говорю этого о Павлове, — он ездил на собаках и управлял ими с большим мастерством. Я говорю о себе и о враче. Помню первый день, когда мы решили совершить коллек-

тивно сравнительно большую поездку. Наши злоключения начались с момента запрягания собак. Павлов делал это быстро, собаки у него сидели каждая на своем месте, не путались, а наши собаки, несмотря на крики, пинки, которые щедро раздавались, беспрестанно путались, переходили с места на место, поминутно вцеплялись в загривок друг другу с таким ожесточением, что только клочья шерсти летели во все стороны. Когда же их наконец запрягли и им надоело, как видно, путать упряжь, они начали неистово рвать с места, и только благодаря тому, что нарты были привязаны задками, они не могли убежать без седоков. Запрягали мы их на бугре у склада, и спуск под гору на бухту, мне по крайней мере, доставил чрезвычайно много неприятных переживаний.

Собачья упряжка на северо-востоке вообще, а на острове Врангеля в частности, представляет собою длинную, узкую нарту, связанную ремнями без единого гвоздя; к нарте привязан длинный средник из моржевого ремня с кольцами, к которым потом попарно пристегиваются собаки, запряженные в алыки (собачья упряжь). Передние собаки — одна, чаще две — это старые опытные ездовые собаки, которые привыкли повиноваться крикам едущего (каюра), и помощью этих криков каюр управляет ими, заставляя собак направляться в необходимую сторону.

Остановка нарты и направление ее осуществляются при помощи остола. Это крепкая палка с крепким железным стержнем на конце, при помощи остола можно в любой момент остановить нарту.

Преимущество этой формы упряжки заключается в том, что для езды на ней не требуется не только дороги, но даже мало-мальски ровного места. На такой упряжке можно проехать где угодно. Даже там, где пройти пешком трудно, на собаках можно проехать. Особенно хорош тип упряжки цугом весной, когда лед уже сильно разрушен вешними водами, изборожден трещинами, каналами и прочими «прелестями». В такой дороге

очень часто, иногда поминутно, приходится перебираться через трещины, перепрыгнуть которые собаки не могут. В таком случае передние собаки с хода бросаются в воду, за ними смело идут остальные. Передние собаки уже на той стороне, а задние собаки только готовятся броситься в воду. Собаки, выбравшиеся на лед, не прекращают бега и тащат своих товарищей из воды. Длинная нарта, не замедляя движения, плюхается передком в воду, а задок еще на льду. Передок мгновенно выскакивает на лед, а задок в это время мчит полозья в воде и тоже выскакивает на лед. Собаки, приняв холодную соленую ванну, отряхиваясь на ходу, бегут дальше, до следующей трещины, и там маневр снова повторяется. То же самое можно сказать и о поездках по торосистому льду.

Упряжка же веером, принятая на северо-западе, имея свои преимущества, менее пригодна, кажется нам, для езды в условиях резко пересеченной местности, в особенности по морю, изрытому торосами или размытому вешней водой. Но зато управлять этой упряжкой значительно легче, так как хорей [1] каюра достанет непослушную собаку. В упряжке же цугом необходимо, чтобы собаки, особенно передовые, привыкли к каюру, понимали его крики и выполняли приказания.

Р. Амундсен из опыта своего путешествия к южному полюсу пришел к выводу, что если хочешь ездить на собаках успешно, внуши им уважение к себе. Авторитет каюра должен быть незыблемым. Это совершенно верно. Собака должна каюра бояться, и только уважение, построенное на страхе, приведет к желаемым результатам. Одно дело натаскать собаку, чтобы она приносила убитую дичь или проделывала, может быть, очень сложные вещи, и совершенно другое дело — заставить собаку добросовестно работать в полную силу на протяжении многих часов, иногда по невероятно трудному пути.

Люди, изредка приходившие к нам на остров, видя,

[1] *Хорей — длинный шест, применяемый для управления собачьей упряжкой.*

как какой-либо промышленник внушает псу «уважение» к себе, к своим домочадцам или вещам, возмущались дикостью расправы, а некоторые, не утерпев, выступали в роли защитников побитого пса.

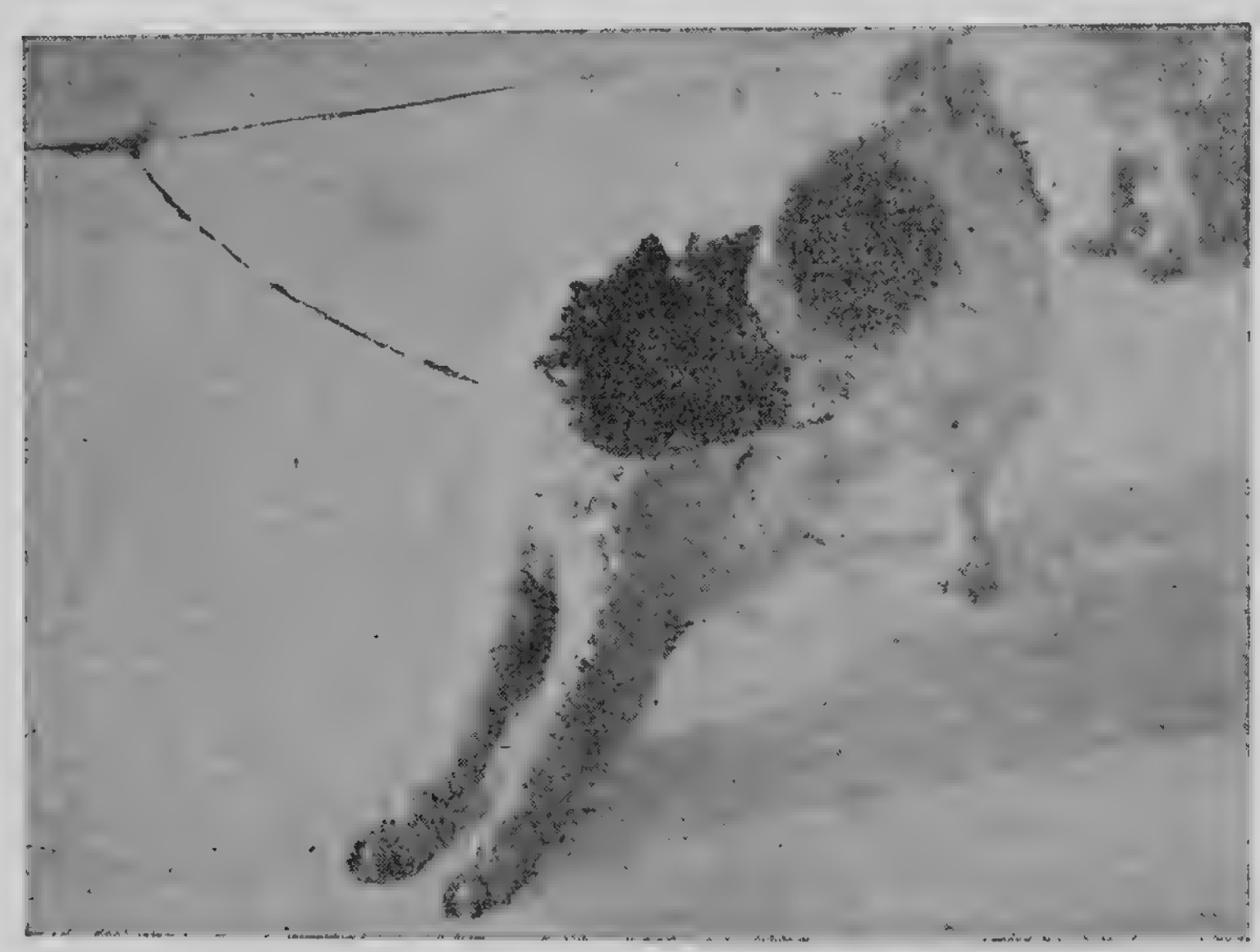
Многие думают, что езда на собаках — крайне быстрый способ передвижения. Это ошибочное мнение. Гонять собак вскачь ни один уважающий себя каюр не будет, потому что собаки быстро разобьют себе лапы. Гонять собак, чтобы они шли вскачь, имея на нарте груз в 10—12 пудов, не считая веса каюра, — это значит, что на этих собаках больше десятка километров не проедешь: они выдохнутся. Наоборот, каюр должен следить за собаками, чтобы они шли ровнее, не рвали, а если они сами чем-либо увлекутся и пойдут вскачь, каюр их попридержит, он постоянно помнит, что путь далек, и силы собак расходует бережно и экономно. Обычно же собаки, идя рысью, делают 6—7—8 километров в час. Но, с другой стороны, при помощи собак, идущих такой небыстрой рысью, можно совершать чрезвычайно большие переходы.

Лошадь, впряженную в груженый воз или в легковую пролетку, нужно через каждую полсотню километров останавливать, кормить, давать ей отдых. На собаках же можно сделать без отдыха 80—100 километров и больше; кроме того, собака может двигаться без корма в течение 3 — 4 суток. Эскимосы и чукчи, живя на крайнем севере и имея собак как средство транспорта, не считают 100—200 километров за большую дорогу и ездят на такие расстояния друг другу в гости пить чай.

Опыт показал мне, что наиболее рациональной нагрузкой на каждую собаку можно считать 18—20 килограммов, не считая веса каюра. Если же нарту освободить от живого веса — каюра, то нагрузку можно довести до 30 килограммов на собаку. Тогда каюр должен итти беспрестанно пешком или на лыжах рядом с нартой.

Обычно эскимосы не любят грузить на собак много, потому что нагруженная нарта замедляет движение, а

эскимосы любят лихую езду. В этом отношении у них чрезвычайно сильно спортивное чувство, и охотник, обладающий упряжкой, на которой он обгоняет всех остальных, является предметом зависти, и каждый стремится, подражая ему, завести такую упряжку.



Один из наших псов „Рябой"

Когда к нам, бывало, приезжали эскимосы, то кто-нибудь из них, имевший незавидную, но менее уставшую упряжку, обгонял охотника, у которого была лучшая упряжка, — он потом гордо об этом говорил, что «вот я оставил такого-то», «я обогнал вот такого-то».

Первая же поездка на собаках показала нам еще одну нашу ошибку: собаки наши сидели на цепях все время, пока мы занимались строительством. Корма собачьего — моржового мяса — у нас было достаточно. На

материке мы привыкли считать, что собаку нужно кормить вволю, ну и кормили их вволю, и собаки ожирели. Но Павлов, имея в этом отношении большой опыт, держал своих собак, что называется, впроголодь. Внешне наши собаки выглядели исключительно хорошо: упитанные, круглые, а собаки Павлова были тощие и обшарпанные. В первое мгновение, когда мы спустились на ровный лед бухты и привели в порядок упряжки и нам наконец удалось пустить собак, — они, как застоявшиеся кони, рванули что есть духу вперед. Мы оставили Павлова далеко сзади. Он, придерживая собак, тихонько трусил за нами. Но через несколько десятков минут — и моя упряжка, и упряжка Синадского начали сдавать, собаки тяжело дышали, хватали на ходу снег, языки у них вывалились и висели до самого снега, а Павлов нас медленно, но неуклонно нагонял. Потом Павлов очутился впереди, а мы плелись на уставших собаках далеко позади.

Когда мы повернули обратно, Павлову очень часто приходилось останавливаться и ждать, когда мы на своих «рысаках» подъедем. Мы часто останавливались, давали отдых собакам. Тощие и обшарпанные собаки Павлова не ложились, они скулили и рвались вперед, а наши собаки, упитанные и крепкие, при первой же остановке бросались плашмя на снег и лежали, тяжело дыша.

Ездовую собаку нельзя кормить вволю, если она не работает. Однажды мне эскимос Етуи сказал:

— Собак надо много работай — много корми, мало работай — мало корми.

Только при большой, напряженной работе собаке нужно давать корму столько, сколько она сможет потребить, а если собака не работает или работает немного, время от времени, то тогда ее нужно держать впроголодь. В противном случае в первые два-три дня при большой дороге на этих собаках далеко не уедешь. Только по прошествии нескольких дней они втянутся, с них сойдет жир, и тогда они начнут споро работать.

Эскимосы относятся к своим собакам чрезвычайно

нерадиво. О ездовых собаках они еще немного заботятся, но о других собаках, на которых не ездят, — а на щенятах, как правило, они не ездят, — они не заботятся.

Щенок, после того как он закончит сосать суку, пускается на «подножный корм». Лето или зима, тепло на дворе или холодно, безразлично — щенят выставляют за дверь юрты и предоставляют самим себе.

Кормление собак, как практикуют его эскимосы, дает возможность наиболее ловким и сильным псам получать больше, а менее сильным и ловким получать меньше. Щенок, который во время кормления бегает и вьется между ног собак, как правило, ничего не получает. Он мародерствует по зимовью, бегает, нюхает, ища все, что маломальски напоминает съедобное. Поэтому щенки, которые в то время, когда сосут мать, очень часто по всем своим статьям хороши, через некоторое время превращаются в заморышей.

Позже, имея несколько сук, мы вдвоем с Власовой выкармливали щенят. Мы подходили к щенятам не как эскимосы, кормили их значительно больше, чем взрослых собак, давали им талого мяса, разрезая его мелкими кусками, кормили по два-три раза в день. Поэтому у нас вырастали крупные, здоровые, работоспособные собаки. И сами эскимосы, бывая у нас, наблюдая наших щенят, поражались, почему у нас такие хорошие щенки. Мы им говорили о том, что наши щенята хороши потому, что мы их кормили как следует. На эскимосов это не производило желаемого впечатления. Они думали, что это зависит не от кормления, а от того, что у нас хорошее племя, и старались заполучить от нас или щенят, или взрослых собак.

Было несколько случаев, когда мы, вырастив щенят и не имея в них надобности для своих упряжек, продавали их. Попадая в условия эскимосского житья-бытья, собака быстро становилась заморенной, ни на что неспособной. Привоз на остров Врангеля с материка свежих собак, каких бы они хороших статей ни были, через не-

которое время все же приведет в подобных условиях к измельчанию собачьей породы.

Собака на острове Врангеля и вообще на севере является не только ездовым, но и промысловым средством. Без собаки невозможна охота на медведя. Во всяком случае, она будет значительно более опасней для человека и будет менее добычлива. Не всякую берлогу человек может увидеть и отыскать сам, а собака может отыскать и такую берлогу, которую человек сам бы никогда не нашел. Кроме того, найдя берлогу с медведицей, с медвежатами, не всегда без собаки можно их взять, тогда пришлось бы охотиться на медведей группами и во всяком случае не меньше двух человек, а с собаками некоторые эскимосы охотятся в-одиночку, и им удавалось убивать иногда за охотничий сезон до трех десятков медведей.

Помимо медведей, и песцовый промысел значительно облегчается с помощью собаки. Песцовый промысел на острове Врангеля за то время, что я имел возможность его наблюдать, осуществляется при помощи самоловов-капканов. Обычно эскимос ежедневно объезжает свой участок в течение целого дня иногда на расстоянии 35—40 километров. Таким образом, он имеет возможность охватывать большой район, и поэтому эффективность промысла значительно повышается.

Кроме того, собака употребляется эскимосом — и не только эскимосом — для транспорта не только на санях. Очень часто в тех местах побережья, где берег плоский и не изрезан бухтами, собака выполняет роль «бурлака»: к байдарке или вельботу привязывают длинный шнур или ремень и впрягают одну или двух собак. Собака, послушная голосу хозяина так же, как и в нарте, бежит по берегу у самой воды и тянет за собой посудину, тем самым значительно облегчая работу человека.

Роль собаки на острове Врангеля чрезвычайно велика, поэтому она заслуживает значительно большего внимания, чем ей оказывают аборигены этого края — эскимосы.

Глава V

ПЕСЕЦ И ОХОТА НА НЕГО

Важнейшим промысловым зверем за время нашего пребывания на острове был белый песец. Туземцы, в основном, занимаются ловом этого зверька.

Охота на песца началась в 1929 г. с 1-го ноября, но готовиться к ней стали за две недели до срока.

Приблизительно с 15 октября каждый промышленник выделяет из наличных запасов мяса определенное количество на приманки и раскладывает его на своем угодье. Приманкой служит кусок моржевого или какого-либо другого мяса. Промышленник раскладывает его в приметных местах, чтобы легко можно было бы потом найти, обкладывает кругом камнями с таким расчетом, чтобы мясо было открыто только в каком-нибудь одном месте и небольшим участком; со всех остальных сторон песец к мясу доступа не имеет. Приманки промышленник в течение всего времени до начала охоты не посещает, чтобы песцы привыкли к ним.

В первый день охоты промышленник, нагрузив нарту капканами, едет по угодью, осматривает приманки. Песец, рыскающий по побережью в поисках пищи, уже нашел приманки и начинает поедать мясо, но так как только небольшой участок приманки открыт, то поедать мясо может только один песец. Этим приманки уберегаются от съедания их полностью до начала охоты.

Когда промышленник обнаружит, что к той или иной приманке ходят песцы, — это обычно видно по большому количеству следов у приманки, — он настораживает капкан с таким расчетом, чтобы песец, приблизившийся к обнаженному месту приманки, обязательно наступил ногой на сторожек капкана. Закрыв капкан, чтобы он совершенно не был виден зверю, промышленник покидает приманку. Таким образом в течение дня он объезжает все угодье и всюду, где он обнаруживает следы песцов, он настораживает капкан. На следующий день он едет опять по угодью от приманки к приманке и проверяет — нет ли в капкане песца, не закрылся ли капкан вхолостую, не произошло ли еще чего-либо, что может помешать лову песца.

Если промышленник объезжает свои приманки каждый день, то обычно пойманный песец к его приезду остается еще живым. Маленький, беленький пушистый зверек, зажатый щеками капкана, не может уйти от приманки; он, как видно, всячески старался освободиться: клыки у него обломаны от попыток перегрызть железо капкана, весь снег вокруг измят, изрыт и окровавлен. Если капкан был недостаточно хорошо укреплен, то песец уходит вместе с капканом и носит его до тех пор с собой, пока зажатая часть не отпадает. Был один случай, что песец, ушедший с капканом с северной стороны острова, попал в капкан на южной стороне. Велико же было удивление промышленника Кмо, когда он нашел в капкане песца, да в придачу на песце нашел капкан! Но песцы иногда уходят, несмотря и на хорошо укрепленный капкан. Чаще всего животное, пытаясь уйти, перекручивает лапу, а иногда и просто перегрызает ногу у самых дужек самолова. В большие морозы песцы чаще уходят, так как зажатый конец под действием холода быстро мертвеет, кость становится хрупкой и даже от незначительного усилия ломается как стекло.

Ушедшее без лапы животное не погибает, хотя, ко-

нечно, его подвижность и приспособляемость становится меньше. Печальный опыт их ничему не учит, и, трехногие, они опять попадают в ловушку. Иногда попадались в капканы трехлапые песцы, имевшие на культе застарелые рубцы.

Большею частью промышленник находит животное на месте в живом или замерзшем состоянии.

Изредка песец в капкане становится добычей ворон или чаще самих же песцов. В свободном состоянии «каннибализма» среди песцов нам наблюдать не случалось.

Обычно, когда промышленник останавливается в нескольких десятках метров от приманки, песец затаивается, и, только подойдя непосредственно к приманке, можно увидеть песца. Когда к нему подойдешь совсем близко, песец начинает метаться из стороны в сторону, бросается на человека, шипит как кошка, фыркает. Если охотник не будет достаточно осторожен, то он может испытать на себе остроту песцовых зубов.

Чтобы не портить шкуру, песца душат, наступая ему ногой на грудь. Задушив песца, промышленник обязательно свяжет ему все ноги и уже тогда кладет на нарту. Без этой предосторожности случалось, что не совсем задавленные песцы, отдышавшись, удирали с нарты.

Значение песца для промышленников острова Врангеля в настоящее время громадно. Мы не ошибемся, если скажем, что 80% всех товарных доходов туземных промысловых хозяйств дает промысел песца.

Велики ли запасы белого песца на острове Врангеля? Есть ли опасность исчезновения его?

За пять лет, проведенных на острове, нами было добыто в общей сложности 1800 песцов, в среднем по 360 песцов в год. Можно было бы добыть значительно больше, если бы было больше промыслового населения. Десять (а позже еще меньше) промысловых хозяйств большего количества добыть, или, как говорят на севере, упромыслить не могли.

Сопоставляя результаты промысла песцов за 8 лет, видно, что годовая добыча неодинакова. Были годы, когда промышлялось до 500 песцов, а были годы, когда промышлялось меньше сотни.

Эти цифры, отмечая сезонные колебания, в то же время говорят, что запасы песца не уменьшаются и что об исчезновении песца не может быть и речи.

Выезжая на остров Врангеля, я получил задание от правления АКО — выяснить вопрос о возможности культурного звероводства открытым способом по типу песцового хозяйства на Командорских островах.

Нам была дана одна ловушка-кормушка для постановки опытов подкорма и убоя песца. Ловушку-кормушку мы не поставили, потому что использовали материал для постройки жилья.

Но позже я пришел к заключению, что культурное звероводство открытым способом на острове Врангеля встретит много трудностей. Прежде всего остров Врангеля, несмотря на то, что он географически является островом в полном смысле этого слова (ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову это оспаривать!) — тем не менее... не всегда является островом.

Остров Врангеля, как известно, отделен от материка широким проливом Лонга, имеющим в самой узкой части 90 миль. Если летом пролив Лонга недоступен для зверя, то зимой картина меняется. Ежегодно, с ноября по май включительно, пролив Лонга покрывается мощным покровом полярного льда. Этот полярный мост для человека почти совсем недоступен для передвижения, так как гряды непроходимых торосов покрывают всю площадь пролива. Частые передвижки льда и интенсивное торосообразование, наблюдавшиеся ежегодно в проливе, делают его еще менее доступным человеку.

За всю историю знакомства с островом Врангеля был всего только один случай, когда человек преодолел пространство ледяных нагромождений. Я имею в виду капи-

тана Бартлета — командира барка[1] «Карлук», который в 1914 году, потерпев крушение близ берегов острова Врангеля, прошел пешком через пролив, чтобы организовать помощь команде, оставшейся на острове. После того была сделана еще одна попытка зимой 1922—23 года, но трое отважных людей во главе с А. Крауфордом, пытавшимся повторить опыт капитана Бартлета, погибли во льдах пролива Лонга. Но если этот мост непроходим для человека, то песец преодолевает его, видимо, превосходно. Миграция песцов с острова Врангеля на материк и обратно не позволяет твердо ставить дело открытого звероводства.

Что песцы мигрируют на материк и обратно, доказывается следующими фактами.

На протяжении пяти лет мы имели два случая поимки голубых песцов. За время нахождения на острове группы Ушакова был выловлен один голубой песец. Голубой песец на острове Врангеля совершенно не наблюдался, и таким образом эти три случая говорят о приходе голубого песца с материка.

Зимой 1931 года в расположение фактории пришла красная лиса. Лису задавили собаки, и ее нашел утром эскимос Нанаун. Красных лисиц на острове Врангеля за все восемь лет, кроме этого случая, обнаружено не было. Больше того, никаких признаков, говорящих о наличии на острове этого зверя, за все время не обнаружено.

Если красная лиса и голубой песец, которым несвойственно нахождение во льдах у острова Врангеля, тем не менее попали на остров, то почему этот путь не может проделать песец, которому более свойственно бродяжничество во льдах?

Наконец, обилие белого медведя на острове. Белые медведи, преимущественно самки, с осени выходят в большом количестве со льдов на остров для залегания в берлогах. Несмотря на то, что в это время медведи обла-

[1] *Барк — трех- или больше-мачтовое судно с прямыми парусами на передних мачтах и косым вооружением на задней мачте. Учебное судно „Товарищ" есть тип такого „барка".*

дают чрезвычайно большой жировой прослойкой, они все же, бродя по острову, если находят что-либо съедобное, жадно поедают найденное. Были случаи, когда медведи нападали на склады мяса, расположенные в непосредственной близости от жилья.

Если на острове расположить ловушки-кормушки, — постройки почти воздушного типа с легкой металлической сеткой, за которой должно находиться мясо для подкорма песца, — то они будут прекрасной приманкой для медведей. Выйдя на остров в поисках места для залегания и наткнувшись или по запаху обнаружив наличие мяса, зверь, несомненно, будет пытаться добыть его и разрушит кормушку-ловушку. В лучшем случае она будет медведем приведена в такое состояние, что отвечать своему назначению не сможет. Построить же такую ловушку-кормушку, которая могла бы противостоять разрушительным усилиям медведя, мы не могли: у нас не было ни материалов, ни опыта.

Поэтому я пришел к заключению, что та форма зверопромысла, которая распространена на Командорских островах, на острове Врангеля если и может быть проведена, то во всяком случае не при помощи легких ловушек-кормушек.

Я думал осуществить подкорм песца при помощи свободного раскладывания мяса по побережью. Когда я сообщил о своих соображениях туземцам, то они все в один голос возражали, утверждая, что если хотя бы в небольшом количестве пунктов вдалеке от жилья будет свободно разложено мясо, то приманки совершенно не будут посещаться песцом и капканы будут пустовать. Такая свободная подкормка песца свела бы на нет весь промысел. Я поэтому отказался от мысли подкармливать песцов таким способом. Других методов подкорма я не нашел, и подкорм песца так и не производился.

Песец гнездует на острове Врангеля в целом ряде мест. Для этого он выбирает преимущественно возвы-

шенные места, не заливаемые водой, чаще всего облюбовывает песчаные холмики и в них выкапывает свои норы.

Мне не приходилось наблюдать индивидуальных нор. Холмы, заселенные колонией, изрыты бесчисленным множеством ходов. Хотя песок, связанный растениями, и был довольно плотен, все же он во многих местах проваливался.

Особенно большое количество гнездовищ наблюдалось в районе бухты Песцовой, на северо-западе острова. Поэтому я этот участок острова выделил, как заповедный, и там не разрешал охотиться не только на песца, но и вообще охотиться, чтобы не распугивать животных.

Кроме бухты Песцовой во многих местах острова также наблюдались большие колонии песцов, при чем чаще всего ближе к берегу.

Однажды мы возвращались со сбора гусиных яиц. Ехали руслом реки Мамонтовой. Совершенно неожиданно для нас собаки резко свернули к берегу и бросились к небольшому холмику. Мы, не видя впереди ничего, что могло бы привлечь внимание собак, были удивлены их поведением, но через несколько мгновений псы, добежав до холма, артелью начали разгребать песок. Оказалось, что мы напали на гнездовище песцов.

Так как это было в первой половине июня, то-есть когда у песцов уже была выведена молодь первого приплода, то все семьи находились «дома». Из-под земли неслось глухое угрожающее урчанье. Что мы ни делали около этого гнездовища, мы так и не смогли побудить ни одного песца выйти на поверхность.

Спариваясь во второй половине марта и в начале апреля, самки в конце мая щенятся, принося, по словам туземцев, до десяти щенят. Недели через три семья начинает выходить из норы и артелью бродит сначала недалеко от гнезда, а со временем уходит все дальше и потом вовсе не возвращается в родное логово. Что у песцов существует период пестования, видно из следующего. В 1932 году мы заготавливали живых песцов для

Московского зоосада. Я просил эскимосов добыть несколько молодых песцов. В средине июня эскимоска Инкаль доставила четырех песцов. Три из них одной семьи были пойманы в расщелине в камнях поблизости от фактории. В тот момент, когда к месту, где спрятались песцы, подошла Инкаль, самка выскочила и ушла. С Инкаль не было собак, и песец, отбежав, уселся неподалеку и наблюдал за действиями эскимоски. Щенята были достаточно велики, близ фактории песцовых нор никогда не замечали, — следовало предположить, что семья артелью охотилась вдалеке от гнезда. Туземцы рассказывали, что они неоднократно наблюдали песцовые выводки, бродящие с мамашей. Когда кончается период пестования, трудно сказать.

Спариваются ли самки вторично на протяжении одного и того же года, выяснить не удалось. Туземцы же дают разноречивые ответы.

Основной пищей для песца служит пеструшка-лемминг.[1] Но это не значит, конечно, что песец питается только леммингом. Песец — «не горд» и потребляет все, что считает съедобным.

С прилетом тундровой птицы, особенно мелкой, которая не может сама справиться с хищником, песец превращается в тундрового разбойника. Он беспрестанно переходит с места на место, снует от кочки к кочке, ощупывает, обнюхивает каждую ямку, кустик, каждый камень. Время от времени он попадает на место расположения гнезда какого-нибудь кулика, пуночки или еще какой-нибудь птицы.

Если гнездо наполнено яйцами, то от них остаются только скорлупки. То же самое с молодью, которая еще не летает, — она часто становится добычей песца. Даже такая крупная птица как гусь — сама по себе беззащитна. Неоднократно приходилось наблюдать, когда громадные стаи гусей, сидевшие в тундре, принуждены были пере-

[1] *Лемминг-пеструшка — полярная землеройка.*

летать с места на место, потому что вокруг них бродил песец.

Мне туземцы неоднократно рассказывали о коллективной охоте песцов на гусей. Два, три, а иногда и больше песцов, отыскав пасущихся гусей, делятся на две партии. Часть залегает за камнями или другими прикрытиями, а другие тем временем гонят гусей в нужном направлении. Песец снует в отдалении в разных направлениях, медленно приближаясь к гусям, а гуси постепенно уходят от него, сохраняя все время безопасное для себя расстояние. Когда гуси подойдут вплотную к засевшим в засаде песцам, последние бросаются на птиц и, пока обалдевшие гуси соберутся лететь, некоторые из них перестают летать навсегда. Я отказывался верить этим рассказам. Мне трудно было представить у песца наличие таких сложных стратегических способностей, но туземцы уверяли меня, что это действительно так.

На гусиные гнездовища песец почти никогда не нападает, потому что гуси, как правило, гнездуют в непосредственной близости у гнезда совы. Сова, защищая свое гнездо, тем самым защищает и гнездо гусей.

Песец вообще большой любитель птичьих яиц. В поисках гнезд, наполненных яйцами, он решается пускаться вплавь на песчаные островки, разбросанные по бухтам, где гнездуют гага обычная и разные чайки, при этом он выказывает себя хорошим пловцом, успешно покрывая значительные расстояния.

Только совы, крупные чайки, вроде бургомистра, поморники, вороны — сами расправляются с песцом. Поэтому обычно в тех местах, где расположено гнездо одной из этих птиц, песец появляться не рискует.

Летом для песца в отношении пищи — обильная пора; он успешно выкармливает молодь. Зимой песцу приходится туго. Лемминг уходит глубоко под снег, а снег, уплотненный ветром, не всегда доступен для когтей песца. Вся птица с острова, кроме ворон, улетает, по-

этому песец принужден перекочевывать с земли на лед и там бродяжить в поисках съестного.

Некоторые полагают, что песец уходит на лед потому, что он там подбирает остатки пиршества белого медведя. Это верно, конечно, что маленький песец даже в объедках медведя найдет для себя много съестного, но не все песцы могут существовать во льдах только за счет остатков пиршества белого медведя. Во всяком случае нам за все время не приходилось наблюдать такой «кооперации» медведя и песца. Наоборот, есть основание утверждать, что песец и белый медведь друг к другу особенной приязни не питают. Белый медведь, проходя мимо приманки и увидев в капкане песца, обычно разрывал его в куски, мясо же, находящееся в приманке, съедал.

Медведь, добыв животное столь крупное, что в один прием с ним не справиться, обычно не покидает этого места даже летом, и если нет чего-либо, побуждающего его уйти, остается у добычи, пока ему не удастся съесть все, что можно съесть.

Наконец, белого медведя не так много, чтобы за счет остатков его охоты могли существовать все песцы, уходящие на морской лед.

Море, помимо остатков медвежьих пиршеств, дает большое количество съедобного за счет различных «шлаков». Организмы, живущие в море, отмирают, этому значительно помогает человек, потому что не все, им убитое, бывает взято.

По следам песца туземцы иногда находят туши животных: нерпы, лахтака, моржа. В таких случаях туземцы ставят у найденной туши капкан и ловят песцов. Целость туш говорит о том, что животные пали не от лап медведя, напротив, медведи пожирают такие находки. Однажды промышленник Таяна по следам песцов нашел на льду совершенно целую нерпу. Он поставил около нее несколько капканов. На другой день он приехал, надеясь

найти в капкане песца, но, как видно, незадолго до него здесь побывал медведь. Капканы были разбросаны, а нерпа съедена без остатка. Нерпа и лахтак доступны песцам в любой части, морж же, одетый толстой шкурой, не везде доступен зубам песца. Песцы начинают свою работу в таких местах, где они могут добраться до жира и мяса. Песцы ухитрялись выедать внутри моржа все мясо, жир, хрящи и оставлять только кожу да кости. Туземцам случалось иногда находить такую совершенно опустошенную изнутри моржевую кожу.

Поедая моржа изнутри, песец сильно пачкается в жире и попадает в капкан основательно прожиренным. Большое количество прожиренных песцов является верной приметой того, что где-либо неподалеку есть вмерзший труп крупного зверя — моржа или даже кита.

Несмотря на то, что песцы зимою используют все, что находят съедобным, все же им часто приходится голодать, и тогда они поедают все, что хоть отдаленно напоминает съедобное. На косе бухты Роджерс лежат старые китовые кости, выброшенные сюда морем столь давно, что от времени многие из них превратились в труху. Таких костей разбросано по косам острова довольно много. Съедобность и питательность этих костей весьма низка, если вообще можно говорить о питательности их. Но вот однажды промышленник Югунхак заметил следы песцов, ведшие к этим костям. Он осмотрел кости и обнаружил, что они во многих местах изгрызаны песцами. Он поставил около костей капканы и изловил несколько песцов.

В разгаре зимы гонимые голодом песцы очень часто подходят близко к жилищу человека, и там их давят собаки. В большинстве случаев собаки не рвут песцов и не едят их, а просто давят. В феврале 1934 года Власова, меняя бланк у гелиографа, обратила внимание, что сопровождавшие ее собаки что-то усиленно обнюхивают. Подойдя ближе, она обнаружила песца. На песце не

Шкуры белого и голубого песцов.

было ни крови, ни ран, можно было подумать, что зверек погиб по неизвестной причине. Но мы были уверены, что причиной гибели песца были собачьи зубы. Даже сидя на цепях, собаки ухитрялись давить песцов. Только один пес — «Ивашка» — поедал задавленных песцов, остальные, задавив зверька, оставались совершенно равнодушными к трупу.

Охота на песца не спорт и не развлечение, а очень тяжелая работа, требующая затраты большого количества труда и времени, сопряженная со многими неприятностями, а иногда и с опасностью для жизни промышленника. Модницы, вожделеющие о красивом, мягком песцовом мехе, не имеют и отдаленного представления о тех трудах, которыми сопровождается промысел этого мелкого хищника.

Промысел песца происходит, как уже было сказано, с ноября по середину марта, то-есть в самую холодную и самую пурзливую и темную пору. Ежедневно промышленник на своей собачьей упряжке должен покрывать расстояние в несколько десятков километров, чтобы объехать и проверить капканы. Случается, что, выехав из дома в хорошую погоду, он вдалеке от дома застигается пургой, и не всегда ему удается добраться домой в тот же день. Бывало, во время свирепой пурги, когда нос страшно высунуть из двери дома, мы слышали истошный лай собак, какую-то возню у дома, а потом стук в двери. В комнату входил засыпанный снегом, заиндевевший охотник.

— А, Паля, здравствуй, зачем приехал?

Приехавший, раздеваясь, говорил, что его застигла пурга, в нашу сторону и ближе, и пурга как будто тише, ну, вот и поехал сюда. И бывало, что приехавший охотник принужден был жить у нас и день, и два, а иногда и неделю, пока не стихал ветер. В это же время семья охотника сидит в маленькой, заметаемой снегом юрте и тщетно ждет мужа и отца. Они привыкли к частым и долговременным отлучкам его, но больно уже свиреп и

силен ветер, и невольно приходят мысли: «Не замерз ли, не пропал ли?» И так за время охоты — по многу раз.

Каждый промышленник за время охоты на песца не один раз «сменит» кожу на своем носу, на скулах. Полярный ветер при 30—35° мороза шутить не любит.

Через год, то-есть с осени 1930 года, я решил перенести сроки охоты, уменьшив на месяц. Я отдал распоряжение начинать охоту на 15 суток позже и кончать ее на 15 суток раньше.

Нами было замечено, что время течки у песцов начинается приблизительно с середины марта; во второй половине марта в капканы попадали уже оплодотворенные самки, с зародышами. Чтобы не уменьшать запасов песца, я и предложил кончать охоту раньше. С другой стороны, осенью в первый год в начале промысла в капканы шло много песцов, недостаточно хорошо вылинявших. Ценность невылинявших шкурок крайне низка, — около десятка шкурок не были приняты на склад, так низко было их качество. Поэтому я отнес начало охоты на 15 дней позже.

Это мероприятие я предварительно всесторонне обсудил с промышленниками. Они признали рациональность его и потом, когда оно было проведено в жизнь, выяснилось, что количество добытых песцов не уменьшилось, а качество песцовых шкурок повысилось. Таким образом, на бюджете промышленников сокращение сроков охоты не отразилось.

Нам, работникам фактории, шкурки песцов на протяжении первых трех лет доставили много забот и отняли уйму времени. За это время пушнина с острова не вывозилась. Специального складочного места для хранения пушнины у нас не было. Порче же эта нежная шкурка подвергается легко. На зиму мы упаковывали шкурки в плотные брезентовые мешки и подвешивали их под потолком склада. Весной, как только стаивал снег, выбрав ясный день, распаковывали мешки и вывешивали шкурки для просушки и проветривания. Случалось так, что едва

только развесим шкурки, как небо заволакивалось тучами или налетал сильный ветер. Приходилось срочно пушнину убирать, дабы ее не намочило или не унесло ветром. Хорошо еще, что на острове совершенно нет моли, иначе она значительно затруднила бы сохранение пушнины. Нам удалось всю пушнину сохранить полностью.

Мясо песцов вполне съедобно. Очищенное от жира, оно совершенно не пахнет ворванью и вообще не обладает каким-либо неприятным запахом. На вкус оно очень нежно и приятно. В зимние месяцы, когда невозможно достать свежего мяса, — моржевое к этому времени дурно пахнет, а консервированное мясо осточертело, — мы с большим удовольствием поедали мясо пойманных песцов.

Глава VI

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Полярная ночь подошла незаметно. Дни становились короче и короче. Солнце стояло над горизонтом в последнее время все ниже. Его громадный оранжевый круг совершал короткий путь, озаряя необозримые пространства, заметенные снегом. Холодное солнце прощалось с землей, уходя на покой. За летний период оно как будто израсходовало всю свою энергию и было старчески печально и бессильно. Но вот наконец и эти короткие дни кончились, и солнце перестало показываться над горизонтом.

Наступила полярная ночь...

Несколько дней, после того как солнце скрылось за горизонтом, ежедневно к двенадцати часам дня небосклон ярко горел и полыхал отблесками титанического пожарища, окрашивая облака в разноцветные краски — от карминно-красного до лилового. Солнце ушло, но оно еще не хотело окончательно расстаться с землей, напоминало о своей близости лучезарными сияниями.

Чем больше мы погружались в ночь, тем меньше и бледнее становились отблески солнца, и наконец — только серые сумерки говорили о том, что где-то «внизу», далеко от нас, солнце светит, наполняя бодростью все живущее.

Для человека, живущего в низких широтах, привыкшего со дня рождения к регулярному чередованию дня и ночи, полярная ночь в первое время доставляет ряд совершенно новых, своеобразных ощущений и переживаний.

Хотя мы и готовились к полярной ночи, ждали ее, знали, что она в такое-то время наступит, — тем не менее на всех нас полярная ночь, особенно первая, оказала заметное влияние.

Сама по себе беспрерывная темнота сказывалась. К этому надо прибавить слабость оборудования зимовки в социально-бытовом отношении. Зимовки, организуемые теперь Главным Управлением Северного Морского Пути, пронизаны любовным и внимательным отношением к зимовщикам. Все усилия организаторов зимовок направлены на то, чтобы окружить существование каждого зимовщика максимальными удобствами, чтобы каждый зимовщик имел возможность отдать все свои силы на выполнение поставленных заданий. Представляются всяческие возможности к разумному использованию досугов: правильная организация питания, электричество, радио и прочие завоевания культуры, поставленные на обслуживание зимовщика, делают и страшную полярную ночь нестрашной.

Наша же зимовка организовывалась по старинке. Организации, пославшие нас на остров, никакого опыта в проведении зимовок не имели. Нам на месте пришлось разрешать многие вопросы, обычно разрешаемые на материке. На этой почве возникало много конфликтов. Например, обсуждая вопрос о найме повара и организации коллективного питания, мы примерно подсчитали, что каждому зимовщику нужно будет вносить ежемесячно за стол около сотни рублей и пятнадцать рублей на оплату повара. Для Званцева было решено сделать исключение, так как он получал всего 205 рублей и продуктов на 73 рубля; с него решено было брать паек и деньги на оплату повара. При обсуждении этого вопроса на «Литке» возражений ни с чьей стороны не было. Но

когда мы начали осуществлять решение на острове, раздались голоса, что «нужно и с Званцева брать на общих основаниях».

На всех зимовщиках первая полярная ночь сказалась отрицательно. Это выразилось в некотором падении работоспособности, в росте внутренней недисциплинированности, неряшливого отношения к себе и окружающим. Мы жили чрезвычайно небольшим замкнутым коллективом, оторванным от жизни на материке. Когда человек живет в большом коллективе, он постоянно чувствует над собой его контроль. В большом коллективе и под его постоянным влиянием даже неряха становится аккуратным и чистоплотным, а лодырь — прилежным работником.

В условиях неправильно организованной полярной зимовки происходит обратное: там даже обычно аккуратный, но лишенный крепкой внутренней дисциплины человек опускается, становится неряшливым, грязным. Процесс опускания идет незаметно: сперва не во-время побрился, затем совсем перестал бриться; все реже попадают вода и мыло на шею; под ногтями траурная каемка становится все шире и жирнее. Приходилось обращать внимание товарищей на нечистоплотность.

— Послушай-ка, парень, смотри — шея у тебя черная, репу сеять можно. А руки!

В ответ раздавалось спокойное:

— Ничего, сойдет, перед кем тут красоваться? Перед моржами что ли?

Нечистоплотность порождалась еще и тем, что каждый сам должен был стирать и штопать белье, подметать и мыть полы, — словом, делать то, от чего, живя в городе, он избавлен. Наш врач попытался было устроиться, как на материке. Он свез в стирку свое белье к промышленнику Таяна, за 110 километров. Полученное доктором через несколько недель белье было... грязнее, чем до стирки. Туземки, как правило, стирать не умеют и белья никогда не стирают.

Некоторые до того опустились, что никакие воздействия на них успеха не имели. И только приход солнца, удлинение светлых промежутков заставили их постепенно избавиться от этой неряшливости.

На большинстве зимовщиков влияние первой полярной ночи осталось и на последующее время, и в летнее время они уже были не такими, какими были на материке.

Из всех зимовщиков, живших на холостом положении, только Званцев не поддавался разлагающему влиянию Большой ночи. Он регулярно мылся, стирал белье, брился, хотя вначале делать этого не умел и часто сдирал кожу вместе с волосами. За плечами у Званцева был опыт зимовки на Маре-Сале и учеба в школе Военно-морской авиации; остальные не прошли такой школы.

Главное, что необходимо для здоровья членов полярного коллектива, — это, во-первых, правильная организация трудовых процессов, и, во-вторых, определенный жизненный режим.

Когда мы возвратились на материк, нам очень многие товарищи в беседах говорили:

— А наверное — скучища адская на острове Врангеля? Ни театра, ни людей, пойти некуда, темно. Я бы там жить не мог.

Мы отвечали таким товарищам:

— Скучно там, где нечего делать; скучно тому, кто ничего не делает. Там, где есть работа, и тому, кто хочет работать, никогда, нигде скучно не будет.

Даже в больших городах, где и театры, и музыка, и другие завоевания культуры, ничего не делающему человеку будет скучно.

Организация трудовых процессов имеет первостепенное значение для здоровья всего коллектива зимовщиков.

Не имея права «по положению» вмешиваться в работу радио-и метеорологической станции, я мог повлиять в смысле организации трудовых процессов только на

своих непосредственных сотрудников — врача и кладовщика. Остальные зимовщики жили, «сообразуясь с указаниями с материка». О проведении единого плана работ зимовки не могло быть и речи. Положение осложнялось еще тем, что радисты и метеоролог, согласно полученным инструкциям, ревниво оберегали свою самостоятельность, не допуская ни малейшего вмешательства в их работу.

Жизненный режим, как условие нормальной зимовки, также совершенно необходим. Если человека не обязать вставать в определенное время, есть в определенное время, выполнять те или иные обязанности в определенное время, то неизбежно во время полярной ночи самое темное время превратится во время бодрствования, и, наоборот, время наиболее светлое превратится во время сна. Наступает типичная спутанность сна. Она возможна и летом. У эскимосов спутанность сна наблюдалась как правило, причем она больше наблюдается летом, чем зимой. Зимой эскимос, занимаясь охотой, принужден вставать в такое время, чтобы использовать для своих объездов светлые промежутки — сумерки. Раз встает глава семьи, за ним встает и вся семья. Летом же, когда круглые сутки светло, охотиться можно в любое время суток. Мы наблюдали, как все население «днем» спало, а «ночью» бодрствовало; дети ночью играли, женщины занимались работой.

Влияние полярной ночи усугублялось еще и тем, что мы не имели хорошей связи с материком. Радиостанция уже давно работала, но, тем не менее, связи с материком мы не имели, хотя и слышали мы много станций.

Изредка наши радисты связывались с Хабаровском. Однако, наладить регулярную двухстороннюю связь с какой-нибудь станцией очень долгое время не удавалось, и только в ноябре удалось наладить более или менее регулярную связь с радиостанцией Анадыря. Но это была телеграфная радиосвязь: мы могли послать служебную телеграмму на материк, телеграмму своим близким и зна-

комым; мы получали с материка деловые телеграммы, телеграммы от товарищей, но нам, кроме этого, хотелось наладить слушание широковещательной станции, хотя бы Хабаровской. Хотелось иногда услышать музыку, пение живых людей, пусть и отделенных от нас тремя тысячами километров. Такой связи наши радисты добиться не могли.

Имевшаяся на радиостанции приемная аппаратура была вполне пригодна для приема Хабаровской широковещательной станции. Не знаю почему: то ли наши радисты были недостаточно квалифицированы, то ли все три года атмосферные условия были из ряда вон плохими, — но мы не могли слушать Хабаровск. Иногда кто-либо из радистов предупреждал, что «сегодня во столько-то часов будем принимать Хабаровск». Мы с нетерпением ждали этого часа и, бросив всё, невзирая на погоду, шли артелью в радиорубку, рассаживались там и готовились слушать. Из репродуктора неслось хрипение, шипение, какие-то нечленораздельные звуки: не то лай собак, не то шум ветра. Просидев так 30—40 минут, час и больше, мы уходили злыми и на радистов, и на радиостанцию.

До тех пор, пока нам с материка по моему прямому требованию не начали давать телеграфом сводок «Дальроста» — мы, по существу, совершенно не информировались о том, что творилось на Большой Земле.

Хотя теперь зимовщики и находятся за многие тысячи километров от культурных областей, в заснеженных просторах Арктики, они имеют возможность жить такой же полной культурной жизнью, которой живут трудящиеся нашей великой родины. Одни радиопереклички чего стоят! Только человек, надолго заброшенный во льды, может понять, как много значит для зимовщика, когда он имеет возможность в любое время получить не только телеграмму от своих близких, но и услышать голос любимой жены, любимого ребенка. В такие моменты пропадает бесконечность расстояния, и сознание перепол-

няется гордостью к родине, не забывающей своих сынов и в далеких полярных льдах...

Несколько слов о страшной полярной гостье — цынге. Сейчас уже научились хорошо распознавать признаки этой болезни. Мы знаем, как и чем бороться с ней. Она уже не ведет к такой большой смертности, как это было раньше.

Цынготным заболеваниям зимовщик подвержен неодинаково на протяжении года. Нам удалось подметить прямую сезонную зависимость в заболевании. Есть времена года, когда опасность заболеть цынгой повышается. На первый взгляд кажется, что наиболее опасное время — это период полярной ночи, когда отсутствуют живительные лучи солнца. На самом деле это не так.

Наиболее страшное время для заболевания цынгой — это весеннее время, когда солнце поднялось высоко, когда оно уже греет, когда как будто никакой опасности заболеть цынгой нет. Март, апрель и первая половина мая — самое опасное в смысле цынги время. Организм, истощенный за время полярной ночи, израсходовавший весь запас витаминов, приобретенный летом, становится наименее способным бороться с болезнью. Именно на это время года следует относить потребление противоцынготных средств, если нет возможности обеспечить зимовщиков витаминозными продуктами круглый год.

Только запас витаминозных продуктов на весеннее время может предохранить коллектив от заболевания цынгой и уберечь от гибели наименее устойчивых.

О полярной ночи очень много писали, как о времени ужасном, жутком, как о времени, которое нормальный человек средних широт как будто перенести не может. Верно, время это очень трудное. Но все же «не так страшен чорт, как его малюют».

Жутка ночь не только темнотой, хотя и сама темнота действует угнетающе, особенно если нет хороших осветительных приспособлений. Трудность еще и в том,

что на темную пору выпадают большие холода, пурги и прочие «прелести» арктических районов.

Особенно неприятна пурга. Кто не был на крайнем севере и не видел, не испытал на самом себе пурги, тот вряд ли может представить себе действие ее на человека и животных.

Мятели средних широт совершенно не похожи на полярную пургу и ни в какое сравнение с нею итти не могут. Падающий сверху снег, хоть это и сопровождается ветром, не так неприятен даже и в полярных областях. Пурга — совсем другое дело.

Под пургой мы понимаем поземку, достигающую громадной силы. Уплотненный снежный покров, к тому же переохлажденный, разрушается ветром. Мельчайшая снежная пыль уносится ветром. Если на пути несущегося снега нет препятствий, он, гонимый ветром, пробегает громадные расстояния. Ветер в 2—3 балла гонит снежную пыль по самой земле, но чем крепче ветер, тем выше вздымает он снежные массы, а достигнув 7—8 баллов, ветер вздымает снег на большую высоту.

Мельчайшая снежная пыль, несущаяся с громадной быстротой, обволакивает белой пеленой всё встречающееся на ее пути. Проницаемость такого снега невероятна. Падающая при дождях вода имеет меньшую проницаемость, чем снег пурги. Крыша нашего дома защищала нас от дождя достаточно хорошо. На чердаке, как правило, было всегда сухо. Только многодневные ливни заставляли желать лучшей крыши. От снега же пурги крыша совершенно не защищала, нам приходилось за зиму по многу раз сбрасывать тоннами снег, скапливавшийся на чердаке после каждой пурги.

Пурга мне всегда напоминала песчаные ураганы, виденные мною в Средней Азии. Во время песчаных бурь солнце как бы задергивается шторой из облаков тончайшей желтой пыли, поднимаемой ветром на громадную высоту. Чем ниже к земле, тем тяжелее частицы песка. По земле перекатываются мириады крупных песчинок,

наметая барханы — эти волны пустыни. Песок проникает всюду — и в глаза, и в дыхательные пути, все тело покрывается пыльной пленкой, смешанной с жиром кожи. В горле сухо, на зубах скрипит, глаза слезятся, и обезвоживаемый горячим дыханием пустыни организм требует влаги. И долго после того, как уляжется ветер и песчаные массы на земле успокоятся, солнце плывет в желтом туманном море, и в легкие вместе с воздухом вливаются песочные массы, раздражая и создавая саднящее-обжигающее ощущение.

В темную пору пурга почти не дает зрительных впечатлений. Только кожа лица, обычно незакрытого, ощущает исступленность ветра и беснование снега. В такие моменты пурга давит человека, словно подчеркивая его ничтожество перед силой и дикостью стихии.

Весенние пурги, когда небо бывает безоблачно и солнце ярко, достигающие часто невероятной силы, дают возможность видеть много красот этого страшного явления. Мне случалось наблюдать с вершины холмов начало пурги.

Видимость прекрасная. Море уходит вдаль, застывшее в диком хаосе искрящихся местами торосов. Горы и долы, одетые в спокойное серебро снега, ярко выделяются на горизонте. Но вот налетают первые порывы ветра. Они становятся настойчивее, на снежных просторах возникают и мгновенно исчезают какие-то серебристые линии и полосы. Учащающиеся порывы сливаются в общую струю, и мертвые снежные просторы оживают. Серебристые полосы и линии становятся шире и длиннее. Ветер с каждой минутой крепчает, и вот уже все пространство впереди покрыто яркой пеленой, быстро несущейся по воле ветра. Пелена сверкает и волнуется, заполняя всю местность.

Идет поземка.

Незабываемо красивое зрелище! Мириады мельчайших ледяных кристалликов, беспрестанно двигаясь, меняют свое положение и по-разному преломляют лучи

солнца. На миг возникают многообразные сочетания красок и света, как будто кто-то невидимый, забавляясь, смешивает на гигантской живой палитре все цвета спектра, то заставляя их загораться огнем, то тут же гася. Над всем этим сверкает солнце. Света так много, что его уже не только видишь, но начинаешь ощущать кожей лица.

Ветер все крепчает, и сверкающая несущаяся пелена начинает взрываться вихрями. То в одном, то в другом месте возникают легкие призрачные смерчи. Снег не успевает упасть, как его подхватывает ветер и несет над землей, и в нем солнце играет, как в водяной пыли, всеми цветами радуги. Эти смерчики и вихорьки сливаются в одно целое. Ярость ветра растет, вместе с ним растут взметаемые массы снега. Они поднимаются все выше, краски блекнут, впереди и позади — белая сплошная пелена, только сверху временами виднеется синее небо. Солнце поскучнело, его лик потемнел. На земле становится все сумрачнее.

Пурга!..

Особенно трудно бывает в пургу в дороге.

Обычно в пургу, даже в не особенно большую, мы без крайней необходимости из дому не выходили. В пургу далеко не уедешь. Легко поморозишься сам и поморозишь собак, а самое главное — в пургу крайне трудно ориентироваться. Даже при хорошем знании местности путники часто сбиваются с дороги, попадают в места как будто совершенно неизвестные и вынуждены останавливаться и пережидать пургу. В таких случаях иногда отказываешься верить показаниям такого объективного инструмента, как компас. Езда на собаках по сильно пересеченной местности вообще отличается крайней извилистостью пути. Собаки, не имея вожжей, всегда стремятся избрать путь легчайший, что не всегда соответствует нужному направлению. Определить, куда надо ехать, легко, когда горизонт ясен и видимость хорошая. Но когда едешь в живой белой пелене и впереди видишь

только хвосты задних собак, определиться почти невозможно. Собаки, сбиваемые ветром, начинают крутить. Пока еще не утомлен, следишь внимательно за ветром и, зная заданное направление пути, выправляешь собак. Но потом, принужденный рельефом местности часто менять направление, теряешь ориентировку, а через некоторое

После пурги. Окна еще не откопаны.

время просто не знаешь, куда ехать. Тут уж не помогает и компас. В такие моменты лучше всего искать защищенное от ветра место и останавливаться пережидать пургу.

Плутать в пурге случалось не только нам, новичкам, но и туземцам. В середине декабря 1931 года я поехал по южному побережью для подробной описи населения. Выехали из бухты Роджерса в тихую погоду. Небо было плотно укрыто тучами. Светлый сумеречный промежуток

кончился быстро, и дальше ехали в абсолютной темноте. С нами был опытный промышленник Паля, живший с 1926 года в бухте Сомнительной, где мы должны были сделать первую остановку. Пока мы ехали, начался небольшой ветерок от WSW,[1] постепенно крепчавший. Через некоторое время уже сильно мело. В нужном месте мы пересекли косу и выехали на лед бухты Давыдова. Через некоторое время я заметил, что ветер, дувший ранее нам в лицо, начал часто менять направление: то он заходил слева, то справа, а потом вдруг стало совсем тихо. Мы поехали по ветру. Я, почуяв неладное, велел остановиться. Вел нас, как прекрасно знающий местность, Паля.

— Паля, где бухта Сомнительная?

— Ся[2] — ответил он.

— Куда же ты едешь?

— Я ищу, — последовал ответ.

— Ты что думаешь, Ивась? — спросил я Павлова. — Где мы находимся?

— Не знаю, Ареф Иванович, лучше всего, пожалуй, дать Пале найти направление. Лишь бы не уезжать далеко в море.

Компас показывал, что ветер направления не изменил, к бухте Сомнительной надо было итти, имея ветер в левую скулу. Но где же мы находились? Не проехали ли мы юрты становища, не уйдем ли мы очень далеко, следуя этим направлением? Опять долго блуждали. Ветер тем временем крепчал, и снега несло все больше и больше. Неожиданно нам помог... нос Власовой, ехавшей с нами. Она мне сообщила, что чувствует временами запах гари. Первоначально я не обратил внимания, а сам я, имея «дубовый» нос, ничего не чувствовал. Потом она опять уловила запах гари. Мы остановились.

— Что случилось? — подошел к нам Павлов.

---

[1] *Западно-юго-западный.*

[2] *Не знаю.*

— Да вот Власова говорит, что слышит запах горящего жира.

Подошел Паля. Мы затихли, вслушиваясь, не взлает ли пес. Но, кроме рева пурги, ничего не услышали. Пока мы стояли, она сказала, что еще несколько раз ощутила запах горящей ворвани.

— Вот опять ясно чувствую запах гари, но кажется мне, что он не прямо с ветра, а дальше, в море. Нужно брать чуть-чуть влево от ветра.

— Давай попробуем, поедем в этом направлении, доберемся до моря, а там посмотрим.

Минут через пятнадцать-двадцать залаяли собаки. Сперва одна, а потом всей оравой. Показался огонь «летучей мыши». Приехали. Это была... бухта Сомнительная.

Если бы мы поехали, сообразуясь с показаниями компаса, «имея ветер в левую скулу», то проехали бы к северу от становища — на запад.

Плохо ехать в пургу, но весной и в пурге бывает своеобразная красота. Иногда пурга не так свирепа, дорога случается ровная, и ветер дует в спину, помогая собакам тащить нарту. Если впереди едет ведущий спутник, прокладывающий дорогу, собаки бегут ровно, нет надобности следить за направлением и подгонять собак. Пурга ревет. В ее реве слышен тончайший звон и шелест. Это поет и шепчет снег. Бесчисленное множество стремительно несущихся снежинок звучат, создавая ощущение какой-то призрачной симфонии. Тепло укутанный в меха, равномерно покачиваемый скользящей нартой, невольно дремлешь, и порой кажется, что нарта движется назад.

Самое пуржливое время человек проводит в стенах дома. Пускай там, снаружи, свирепеет ветер, швыряя кучи снега, закидывающего дом, — в комнатах тепло, и лампы освещают привычную обстановку. Только грохот ветра да шуршание снега за стенами говорит, что зима справляет свою страшную оргию снега, стремясь уничто-

жить и похоронить под снежной толщей все живое, все, что сделал человек.

Если постройки поставлены на ровном, обдуваемом со всех сторон месте и не близко друг к другу, то обычно у жилья снега наметает немного и двери можно открыть

Яма в снегу для доступа света и воздуха.

в любую пургу, и в окна льется свет. В противном случае дом может быть занесен снегом по самую трубу, что ведет к ряду больших неудобств.

Дом, завезенный на остров в 1926 году, был построен на склоне небольшого берегового холма. Дом, привезенный нами в 1929 году, мы поставили на ровной, как стол, галечниковой косе.

Живя в старом доме, мы испытывали на себе все последствия непродуманного выбора места. Каждую зиму

у дома наметало невероятно много снега, а к середине зимы дом стоял в глубокой снежной яме, из которой торчали только трубы. В некоторые зимы, когда дули ветры разных румбов, заметало и самую яму. Тогда дом по самый конек крыши был в снежном плену. Каждую зиму у дверей выкапывались высокие лестницы, для окон рылись туннели, чтобы дать доступ свету и воздуху. Эта работа напоминала мифический труд Сизифа. Бывало, не успеешь откопать двери и окна и насладиться результатами своих усилий, как поднимается ветер и опять забивает снегом двери и окна. Кончался ветер, мы шли с лопатами, крошили снег — и снова рыли туннели и лестницы. Много десятков раз в течение зимы приходилось нам копаться в снегу, отвоевывая для себя кусочек солнца. Во время пурги мы обычно дверьми не пользовались, это было невозможно. Тогда единственным выходом наружу было... чердачное слуховое окно.

Во время длительных пург, когда плотно закрыты двери и окна, нам приходилось подолгу сидеть в спертом воздухе комнат, беспрестанно загрязняемом отходящими газами керосиновых ламп. Единственной вентиляцией были печные дымоходы. В таких условиях великим благом было бы электрическое освещение, но мы могли только мечтать о нем...

Люди, жившие в новом доме, на косе, почти не испытывали всех этих неудобств. За пять лет двери и окна ни разу не заметались. В самую сильную пургу возможно было открыть форточку и проветрить жилье. Дом ни разу не превращался в подвал.

Время, когда мы сидели закупоренные в своем жилье, было наиболее тяжелым и гнетущим. Наружу выходили только при крайней надобности, но эти надобности возникали ежедневно. Нужно было кормить собак, выбросить шлак печей и кухни и пр. Когда ветер бывал особенно силен и пурга свирепа, надо было итти на косу — проверять, не сорвало ли с вешал шкуры белого медведя. Обычно мы ходили вдвоем с Павловым. Оставлять шкуры

на дворе, не подняв их высоко, нельзя: собаки, спущенные с цепей по случаю пурги, объедят нос и лапы, испортив этим шкуры.

Перед тем как выходить, тщательно одеваешься, хотя бы выходишь на минуту, — иначе снег может забраться в самые неожиданные места.

Хорошо одеться на Севере — не так просто. Недаром у эскимосов эпитет «он умеет одеваться» является хвалебным эпитетом. Можно надеть на себя множество меховой одежды, и все же чувствовать себя скверно. Важно не количество.

Одежда должна быть легка, удобна и тепла. Все, что стесняет движения или допускает к телу холодный воздух, должно быть устранено. Поэтому — никаких застежек, ничего лишнего.

Лучшим материалом для пошивки полярной одежды является мех оленя — пыжик или недоросль, но лучше пыжик. Первоначально мы сделали для себя одежду, точно скопировав ее с эскимосской. Но в первую же зиму мы на себе убедились, что одежда, выработавшаяся веками, не вполне рациональна. Многое в ней делается по традиции. Эскимос носит брюки мехом внутрь. Надевает он их на голое тело. Как трико, плотно охватывают они его ноги. На торс он одевает мехом же внутрь «стаканчик» — длиннополую рубаху без воротника и капюшона. В большие стужи, когда предстоит долгий путь, на ноги надевается вторая пара брюк мехом наружу, а поверх — ездовая кухлянка, спускающаяся ниже колен и укорачиваемая поясом. Брюки держатся на бедрах помощью «очкура» — ремешка, продернутого в специальную складку. Пояс на кухлянке находится выше брюк и поэтому, когда эскимосу приходится наклоняться, спина его часто обнажается. Капюшон у кухлянки открытый, все лицо и шея открыты, и в пургу туземцы вынуждены заматывать шею шарфами или просто тряпьем. Так же неудобны и головные уборы — малахаи. Лоб обычно открыт, шея сзади также. Только обувь у эскимосов безупречна.

«Стаканчики» на вторую зиму мы заменили меховыми рубашками без приполка с капюшоном, при чем — по инициативе Власовой — мы сделали глухие капюшоны, стягивающиеся при надобности шнурком, уменьшающим наружное отверстие до желаемых размеров. Вся голова, лицо и шея плотно укрывались мехом, и только небольшое круглое отверстие открывало среднюю часть лица — глаза, нос и при желании рот. Ветер, снег и холод совершенно не имели доступа к шее и подбородку. Малахай мы заменили легкой шапкой, сделанной почти по типу шапки Фритьофа Нансена. Мы только значительно углубили ее, так что шапка полностью закрывала лоб. От тульи спускались широкие «уши», полностью закрывавшие щеки до глазных впадин. Сзади «уши» переходили в достаточно широкую полосу меха, полностью закрывавшую шею. Наши шапки напоминали авиационные шлемы, только еще больше закрывали лицо и были легки и пушисты. Брюки мы делали с высоким поясом, доходившим до груди, при чем они были значительно шире эскимосских. Для стуж и пург мы сделали кухлянки чуть выше колен и тоже с глухими капюшонами. Кухлянки, как правило, не подпоясывались. Потом и эскимосы начали заимствовать у нас и шить для себя рубахи с закрытыми капюшонами.

Улучшив и научившись как следует пользоваться одеждой, мы все остальные годы не имели основания жаловаться на холод и неудобства, хотя нам приходилось оставаться на морозе и ветре по многу дней вдали от жилья.

Полярная зима и ночь наряду с неприятными моментами дают возможность человеку пережить такие ощущения, каких не переживешь и за десять лет жизни в средних широтах.

Не всегда дует ветер, не всегда метет, не всегда небо покрыто тучами. Небо бывает ясно, луна светит ярко. Тихо-тихо. В такое время полярная ночь изумительна, прекрасна.

На черном небе, усеянном мерцающими светляками звезд, четко вырисовывается линия белых гор. Вдаль уходящая белизна не становится темнее, и мыс Гавайи за 18 километров сверкает ярко, словно под лучами солнца. Нет темных пятен. Ничто не поглощает лунных лучей. Старушка луна льет свет так щедро, что глазам становится больно. Все спит, плотно укрытое толщами снега, все неподвижно и мертво. Земля лежит спокойно. Море же, изборожденное грядами хаотических торосистых нагромождений, свидетельствует о титанической борьбе мороза и воды. Море долго сопротивлялось сковывающим усилиям зимы, часто ломало ледяной панцырь. Всю зиму оно пытается стряхнуть с себя холодные оковы, но зима сильна. Снова и снова сковывает она освобождающиеся участки льдом. Иногда с моря несется гул, словно тысячи орудий кому-то салютуют. Это море дробит и крошит лед. Но — еще выше торосы, еще чаще гряды ледяных хребтов. Свирепые пурги стремятся замести снегом все следы строптивости моря, но ветер бессилен что-либо сделать. Поднимаются ввысь ледяные монументы. Будет день — зашумит под солнцем море, а пока ледяные, зеркально-блестящие грани игл и обелисков, отражая лунный свет, зажигают в море призрачные сине-зеленые огни. Все спит, зачарованное морозом, только желтые блики окон, да дым, вертикально поднимающийся ввысь, свидетельствует, что и здесь на заснеженном «краю земли» есть люди — посланцы великой социалистической родины, осуществляющие волю партии и советской власти.

Высоко в небе возникает легкий луч. Он растет и ширится. Это уже не луч, а множество лучей. Они то струятся, вырастая в гигантские занавесы, многоцветные и живые, словно колеблемые ветром, то, успокоившись, недвижно горят в вышине.

Неоднократно случалось ездить в такое время на собаках, быть вдалеке от дома. Эти поездки, несмотря на зверскую стужу, никогда не оставляли неприятного впечатления.

Первобытная тишина пеленой лежит над ландшафтом, нарушаемая только ударами собачьих лап о снег. Изредка скрипнет полоз нарты, давая знать, что войда [1] стерлась. Собаки бегут легко и ровно. Сзади и спереди как тени бесшумно скользят спутники. Извиваются упряжки, выполняя каприз первой полозницы.

Хорошо ехать в такое время!..

Не всякое северное сияние красиво. Неподвижное сияние, напоминающее светящееся облако зеленовато-опалового цвета, не производит большого впечатления. Но очень часто мы наблюдали северные сияния многоцветные, как радуга, самых разнообразных форм: то в виде гигантских полотнищ, расстеленных по небу и как будто волнуемых ветром, то угасавших, то загоравшихся вновь; то в виде гигантских занавесов, спущенных на землю, готовых вот-вот зацепиться за горы, — они волнуются, меркнут и загораются с прежней силой. То это не занавесы и не полотнища, а разноцветные стрелы и копья, свисающие с неба, их как будто бы кто-то бросает сверху вниз, они возникают и пропадают с невероятной быстротой.

Сияния эти бывают непередаваемо прекрасны. Мне кажется, что нет в палитре художника красок и нет мастерства, могущих воссоздать всю мощь, всю красоту живой феерии красок, огня и движения...

---

[1] *Войда — тонкий ледяной слой, наносимый на рабочую поверхность полозьев.*

Глава VII

ПОИСКИ ЭЙЕЛЬСОНА И БОРЛАНДА

Еще когда мы шли к острову Врангеля, радист «Литке» Мешалин связался с шхуной Свенсона «Нанук», шедшей в устье реки Колымы. Другое судно Свенсона «Элэзиф» погибло тогда невдалеке от мыса Северного. Первую весть об этом Свенсону передал Дублицкий. В Колыму же шел наш пароход «Ставрополь». На обратном пути и «Ставрополь» и «Нанук» зазимовали: лед не позволил им выйти на чистую воду. На шхуне «Нанук» было много ценной пушнины, а на «Ставрополе» — пассажиры. Из Аляски была организована лётная экспедиция для вывоза со шхуны «Нанук» пушнины. Об этом мы узнали из отрывочных сигналов радио.

30 декабря 1929 года, будучи уже на острове, я получил за подписью С. С. Каменева аварийную «молнию»:

„Совершая полеты для вывоза команды „Нанук", американские летчики на обратном пути, видимо, потерпели аварию. Сведений о них не имею. Для поисков американских летчиков организуются воздушные экспедиции как нами, так и Америкой. Для содействия американским летчикам на время поисков ежедневно сообщайте сводку погоды по адресу Альфред Ломен Аляска, Ном, руководителю американских поисков. Одновременно организуйте обследование районов в доступных вам пространствах на льду между островом Врангеля и мысом Северным. Вынужденная посадка летчиков предполагается примерно этом районе. Обо всех ваших мероприятиях телеграфируйте указанием фамилий товарищей, которые будут возглавлять работу по отысканию.

С. КАМЕНЕВ"

Такую же телеграмму я получил и от правления АКО.

По получении телеграмм я созвал совещание всех колонистов. Мы обсудили план действий, кто должен ехать на поиски. Я дал распоряжение метеорологу Званцеву давать в адрес Ломена метеорологические сводки. Кроме того, я запросил Анадырь о метеорологических условиях во время полета летчиков.

По обсуждении было решено организовать поисковую партию из четырех человек. Большего количества людей мы выделить не могли, да в этом не было и надобности.

По получении ответа из Анадыря мы определили район действия поисковой партии.

Кроме организации поисковой группы, мною были даны указания всем туземцам по побережью, чтобы они все время обращали внимание на море и обо всем замеченном сообщали на факторию.

Группа состояла, кроме меня, из врача Синадского, младшего радиста Боганова и проводника, эскимоса Тагью. 31 декабря я сообщил на материк о предприня-

тых мною мерах.

Только 5 января 1930 года мы смогли выехать из бухты Роджерс, так как все это время стояла крайне ненастная погода. Базу я решил устроить в бухте Сомнительной и из нее уже направляться в море. По дороге к бухте нас захватила пурга, и мы не могли проехать до ночевки 45 километров, отделявшие нас от цели. Только 6 января мы были в бухте Сомнительной, а 7 января отправились оттуда прямо на юг, во льды.

Километров десять от берега тянулся гладкий, невторошенный лед. Эту часть пути мы проделали быстро. Но за этим гладким полем вдалеке виднелись высокие как горы гряды торосов, и с этого момента дорога стала необычайно трудной. Торосистые гряды шли параллельно берегу одна за другой до самого горизонта, как бы высоко мы ни поднялись для наблюдения. Шли мы крайне медленно, буквально шаг за шагом, с трудом преодолевая нагромождения льдов.

Дорога затруднялась еще тем, что частые в это время пурги и снегопады занесли трещины и провалы. То собаки проваливались, то нарта уходила в трещину — только дуга торчала из-под снега, то люди по самую грудь уходили в мягкий снег. Приходилось соблюдать крайнюю осторожность.

Особенно трудно было перебираться через гряды торосов. Временами мы ехали рядом с торосистой грядой к западу или к востоку, в надежде найти хоть мало-мальски удобный проход, но наши поиски были тщетны, и приходилось итти напрямик. Тут уже нехватало сил собак и каюра. Приходилось поочередно переправлять каждую нарту соединенными усилиями всей группы.

Смешно было иногда смотреть на нарту, вставшую дыбом перед ледяной стеной. Наверху в это время каюр тащил за средник, а трое снизу поддавали нарту. С другой стороны стены собаки, сброшенные каюром вниз, болтались в воздухе, вися на постромках.

Так мы прошли километров 8—10. И собаки и люди были измучены окончательно. Собаки отказывались дальше итти, несмотря на понукания и свист бичей.

С каким трудом мы прошли этот десяток километров!.. Мы принуждены были делать частые остановки, чтобы на примусе растопить снег и получить желанную воду. Перетаскивая нарты, мы страшно потели и теряли так много влаги, что, казалось, никогда не напьемся, как бы много воды ни выпили.

Полярный день, вернее сумерки, во время которых только можно было двигаться в торосах, крайне коротки, поэтому, когда мы разбивали палатки, чтобы остановиться во льдах, была уже глубокая ночь. Хотя под ногами была крепкая ледяная «почва», но все же какое-то чувство неуверенности не оставляло и нас, и животных. Оно усугублялось еще тем, что время от времени к югу от нас, дальше в море раздавался, словно орудийные выстрелы, грохот. Это трескался лед, — его двигало и торосило.

Ночь прошла спокойно. Еще задолго до рассвета собаки были запряжены, палатки собраны и погружены, и мы продолжали двигаться по этому дикому нагромождению льдов дальше к югу.

С частыми остановками для наблюдений преодолели за этот день еще километров 7—8 и увидели на горизонте свободную воду. Было как-то странно смотреть на нее. Кругом снег, лед, торосы, на севере чуть-чуть угадывается синеющий остров, а впереди вода — живая, темная вода. Над нею стояло клубящееся облако пара, и белое облачное небо, отражая в себе темные пространства воды, окрашивалось в аспидно-серый цвет.

— Что делать, итти дальше или возвращаться обратно? — раздается чей-то вопрос.

На протяжении всего нашего пути мы не встретили не только летчиков, которых искали, но вообще ничего живого. Даже след медведя за все время нам не попадался.

Итти на юг, к воде, было неразумно. Я решил возвращаться.

Вторая ночь, проведенная нами на льду, была столь же спокойна для нас, как и первая. Чувство неуверенности было значительно меньше.

После того как мы уже вышли почти из торосов, на нас налетел северный ветер. Закрутился снег, собаки потеряли дорогу. Скоро надвинулась тьма, мы потеряли возможность определяться. Компасом пользоваться было невозможно — в темноте не было видно картушку, зажечь же огонь мы не могли из-за ветра. Взятые нами для этой цели электрические фонарики, к нашему несчастью, отказались на морозе действовать.

Долго, часов двенадцать, мы бродили во тьме, заметаемые снегом, ища выхода изо льда, но так и не нашли его. Собаки обессилели, да и мы сами крайне устали. Неизвестно где находясь, решаем раскинуть палатку и дожидаться светлой поры. Но во время ветра раскинуть палатку не так просто. Пока мы это делали, нашу па-

латку изорвало ветром в клочья. Пришлось ставить другую.

Несмотря на то, что палатка не защищала нас как следует от пурги и в нее набиралось снега все больше и больше, — все же в ней было немного лучше, чем на-ветру.

Часто зимой у берегов острова в жесточайшие стужи ветром отрывает лед на громадном расстоянии и уносит его далеко за горизонт. Вскрывшееся море вновь замерзает. Ветер был столь силен, что у каждого из нас возникал вопрос: оторвет или нет? Мы не высказывали его вслух, но на лицах всех он ясно читался. Особенно беспокоился Тагью, чаще всех он выходил из полотняного прикрытия и подолгу оставался снаружи, невзирая на слепящий снег и рев ветра. Мы, будучи новичками в этом деле, не сознавали всей трагичности нашего положения, а он, житель этой суровой стороны, ясно понимал опасность, беспокоился за всех нас и за собак.

Ночь провели тревожно. Когда начали чувствоваться признаки просветления, мы вышли из палатки, чтобы определить свое местонахождение.

Ветер как будто утомился; его удары были не так сильны; казалось, и снегу несло меньше, но все вокруг еще плавало в снежной пелене. Рассмотреть что-либо пока было невозможно. Рядом с палаткой было ровное снежное поле. Все было занесено глубоким снегом: нарты и собаки.

Стало еще светлее. Ветер стихал. Определившись, увидели, что ушли далеко к западу, за бухту Сомнительную.

Начали собирать лагерь, но это было не так просто сделать. Хотя с нами и была лопата, но одной лопатой пришлось долго поработать, прежде чем мы докопались до нарт и упряжи.

Без особых приключений добрались мы до бухты Сомнительной и ночью 12 января были на фактории. После того как собаки немного отдохнули, намеревались итти обратно во льды.

Ко времени нашего второго отъезда начали посту-

пать неопределенные сведения, что якобы летчиков нашли где-то в районе реки Ангуэмы.

Я запросил по радио ряд организаций и просил сообщить, нужно ли продолжать поиски. Ответа на эти запросы не последовало. Сведения, сообщаемые радистом, становились все более определенными. Он сообщал, что у реки Ангуэмы видели разбитый самолет. Я отложил отъезд. Потом начали поступать более полные сведения о работе лётной группы Слепнева.

Наконец, 22 февраля, с парохода «Ставрополь» было получено радио, сообщившее, что американские летчики были найдены, как мы и слышали, в районе реки Ангуэмы поисковой группой советского летчика Слепнева.

Мы были глубоко рады успешному завершению поисков. С другой стороны, мы скорбели по поводу гибели таких прекрасных летчиков, какими были Эйельсон и Борланд. Еще раз наши советские люди, руководимые большевистской партией, вписали славную героическую страницу в историю покорения дикого севера.

Глава VIII

ПОЛЯРНОЕ УТРО

Два месяца мы не видели солнца. Соскучились мы по нему страшно. Так хотелось яркого солнечного света! Надоела темнота, однотонность, беспрерывное горение керосиновых ламп и блуждание в потемках. Как бы ни было совершенно освещение, оно не может заменить света солнца, а у нас, к сожалению, и освещение было далеко от совершенства.

Отсутствие солнца обедняет восприятие внешнего мира. Краски блекнут, дали пропадают, перспектива становится призрачной. Только северные сияния часто давали нам возможность насладиться всей гаммой красок, тонов и полутонов.

Но мы, люди средних широт, привыкли к солнцу. Сияния были для нас только экзотикой, непередаваемо прекрасной, но не могущей заменить солнца и всего многообразия красот, создаваемых его освещением.

Начиная с зимнего солнцестояния, мы считали дни, оставшиеся до появления солнца, а они как нарочно, ползли медленно.

Но вот светлые промежутки становятся длиннее, на горизонте с юга все чаще и чаще стали появляться розоватые отблески, с каждым днем увеличивающиеся и знаменующие, что солнце близко.

Предрассветные зори сами по себе — чарующее зрелище. Над безжизненным, почти лунным, ландшафтом

всторошенного моря начинает яснеть небосклон. Светлая полоса ярчает и растекается светлыми потоками вверх по небу. Вот уже в провалах зубчатки торосов чудятся бледно-розовые тона, они быстро текут вверх, как бы стремясь догнать первые светлые побеги, но те уже далеко. Минута за минутой меняется небосклон, уже нежные розы поднялись высоко. Ниже — царство кармина, а у самого края льда струится в толщах неподвижного воздуха огненная река расплавленного золота. В какой-то момент явление, достигнув максимума, начинает угасать. Уже нет золотой реки — как будто поднявшийся лед скрыл ее от взора, кармин бледнеет и переходит в нежнорозовый цвет, и светлые потоки скатываются все ниже и пропадают за горизонтом. Холодный мрак опять окутал землю, но теперь уж не надолго. Завтра опять на небо хлынут фонтаны дивного фейерверка, и снова ночь отступит.

Мы с большим нетерпением ждали дня, когда солнце должно показаться из-за горизонта. Задолго до него мы строили предположения о погоде, о том, будет ли ясно небо. Мы заранее ругались по адресу возможной непогоды, которая помешает нам увидеть солнце. Некоторые из нас за несколько дней до того, как должно было показаться солнце, ходили на гору, желая оттуда увидеть его несколько раньше.

22-е января 1930 года было тихим днем, но небо было плотно закрыто тучами, и мы солнца не увидели. Только на следующий день нам удалось увидеть в первый раз дневное светило.

В ночь на 23-е дул ветерок, к середине дня он значительно усилился. Несло поземку. Небо так же плотно было укрыто облачностью, как и вчера, но над самым горизонтом, на юге, очистилась полоска неба, и горизонт был чист и ясен.

В 11 час. 38 мин. край солнца показался над линией ледяного горизонта. Брызнуло золото лучей, и у нас в

комнате на белом полотне двери появился карминно-красный блик. Все выползли на воздух, несмотря на ветер и поземку. Через несколько минут диск солнца обнажился наполовину и так путешествовал над горизонтом, путаясь в верхушках торосов почти час. Солнце шествовало медленно, не поднимаясь выше, как будто кто-то, там за торосами, держал его и не давал подняться выше. Там, где солнце коснулось своей лучистой оживляющей рукой, снег ярко горел и голубовато искрился; там был день почти во всем своем блеске. В местах, куда солнце пока бессильно было проникнуть, бродили сумерки, и чувствовалась ночь.

Солнце еще оранжево-красно, холодно и разрешает смотреть на свой лучезарный лик незащищенным глазом. И хотя оно только «светит, да не греет», все же радостное, яркое.

«Первопуток» быстро утомил солнце. Оно ушло на покой, и только отсветы его еще долго полыхали по небу, постепенно замирая. Небо темнело, становясь сине-серым, но теперь не надолго, — завтра солнце опять придет.

Ночь, долгая, давящая своей беспросветностью, кончилась. Мы шли к Большому дню с незаходящим солнцем.

Первоначально день увеличивался очень медленно. Нам казалось, что никогда не наступит время, когда солнце будет подниматься высоко и будет ослепительно ярко гореть. Но, наконец, это время настало.

Весеннее солнце щедро льет на белую землю горячие лучи. В его лучах все сверкает и искрится, тени глубоки и сине-черны. Люди ходят в густотемных очках, как будто они любители мрака, и солнечное сияние их не радует. Они так же любят солнце, как все живущее. Но слишком велика щедрость солнца: оно как бы стремится вознаградить всех за свое долгое зимнее отсутствие, и его сверкающая весенняя яркость губительна для незащищенного глаза.

Весенние месяцы — март, апрель и май — самое лучшее время на острове по количеству ясных солнечных дней. Еще морозно на воздухе, очень часто термометр опускается ниже 30 градусов, но наши лица в это время густо покрываются загаром, как будто мы находимся не за полярным кругом, а где-нибудь под жарким южным небом, на берегу теплого синего моря.

Яркость весеннего солнца велика, к тому же ничто не поглощает его лучей. Земля как бы покрыта гигантским рефлектором. В эти месяцы при малейшей неосторожности можно заболеть снежной слепотой. Туземцы, живущие испокон веков в этом краю, казалось, должны были бы приспособиться к этому, но среди них каждой весной было особенно много пораженных этой неприятной болезнью. Из зимовщиков за все пять лет только двое, и то однажды, заболели снежной слепотой. Все мы постоянно предохраняли глаза темными очками. Выходя даже на несколько мгновений на солнце, мы не забывали одевать очки. Когда этого не делали, в комнату входили обычно, как в глубокий подземный каземат, совершенно лишенный света. Особенно заметно это в дни весенних пург, когда окна совершенно заносило и мы сидели с лампами. Несколько мгновений после входа в комнату ничего не было видно. Потом виднелся язык желтого пламени лампы, и постепенно в комнате светлело. Вещи выступали из темноты, свет усиливался, и все приходило в нормальное состояние, только в сознании оставалось ощущение сумрака.

Предохранительные очки для заполярных районов имеют громадное значение, так как они в значительной степени определяют работоспособность зимовщиков на открытом воздухе. У нас было два вида очков — по устройству и цвету — в кожаной оправе, полностью закрывающие глаз от внешнего света, и очки в нормальной роговой оправе, а по цвету дымчатые и синие различной густоты. Очки в кожаной оправе хороши тем, что полностью защищают глаз от яркого света, но они со-

вершенно не пропускают в пространство между глазом и стеклом холодного воздуха. Стекло быстро нагревается от теплоты тела и запотевает, это вынуждает часто снимать их и протирать, что мешает работе, а кроме того по условиям погоды протирание сопряжено с риском поморозить руки. Очки же в нормальной оправе, хоть и не изолировали глаза полностью, все же защищали его достаточно и поэтому пользовались у населения большим успехом. Цвет очков также имеет некоторое значение. Голубые очки немного раздражают тем, что окрашивают все в голубой тон, создавая ощущение искусственности и необычности, в них как-то теряешь представление об истинном соотношении не только цветов (что в пурге бывает очень важно), но и вещей. Лучше всего дымчатые очки. Они, уменьшая яркость, оставляют неизменным восприятие окружающего. Снимая голубые стекла, видишь все окрашенным в желтовато-зеленоватый цвет и только спустя несколько минут теряешь это ощущение. После дымчатых стекол видишь все в нормальных тонах, только более ярко.

С приходом весны приходили новые заботы: нужно было начинать весенние работы по изучению острова. У нас ведь не было специального персонала, который занялся бы изучением острова, но оставлять этот участок работы мы не считали возможным.

Ушаков, живший до нас на острове, проделал большую работу по собиранию материалов. Он вывез с собой гербарий, сборы орнитофауны,[1] небольшую энтомологическую коллекцию,[2] несколько десятков геологических образцов и, самое главное, произвел съемку побережья острова, связав ее с астрономическим знаком, установленным на косе бухты Роджерс еще в 1924 году гидрографической экспедицией на «Красном Октябре» под руководством гидрографа Давыдова.

---

[1] *Птичье царство.*
[2] *Коллекцию насекомых.*

Работы Ушакова, конечно, не исчерпали до конца задач изучения острова. И хотя мы не имели ни специалистов, ни специальных знаний, тем не менее начали работы по исследованию острова в меру наших сил.

Врач Синадский занимался гидрологией. Еще на судне он практиковался в этой области науки под руководством Ратманова и П. Ушакова. С осени, вдвоем, при помощи драги мы вылавливали из бухты различных животных. Синадский ловил и консервировал планктон,[1] определял с помощью сделанного мною прибора по типу аппарата проф. Шулейкина удельный вес льда и др. Метеорологией регулярно занимался наш метеоролог Званцев. Остальную научную работу поручить было некому.

Мы с Власовой решили взять остальные стороны изучения острова на себя. Никогда раньше этой работой мы не занимались, знаний, необходимых для этого, у нас не было. Но мы большевики, и партия научила нас не опускать рук в любой обстановке. Мы привыкли считать, «что не боги горшки обжигают», что ежели мы сейчас не умеем делать то или иное, то при наличии времени и сознания необходимости можно и должно научиться всему, что нужно для дела.

Библиотека, собранная нами перед отъездом на остров, имела самую разновидную литературу и давала полную возможность получить хотя бы элементарно необходимые знания для работы; кроме того среди литературы, оставленной нам Г. Ушаковым, нашлось несколько инструкций зоологического музея Академии Наук СССР по сбору научных материалов, да Ратманов с «Литке» оставил нам объемистое руководство-справочник по сбору разных научных материалов.

Между собой мы распределили работу так: на мою долю падала картографическая работа, сбор геологических образцов, добыча животных, а на обязанности Вла-

---

[1] *Планктон — организмы, взвешенные в воде и не имеющие самостоятельного движения.*

совой была обработка добытых животных, собирание гербария, энтомологических и орнитологических материалов.

Обсуждая нашу будущую работу, мы решили собирать и консервировать по указанным правилам все, что нам удалось бы найти. Заниматься камеральной обработкой [1] собранных на острове материалов мы не собирались и по недостатку специальных знаний, и по отсутствию вспомогательных материалов в виде определителей. Из такой литературы у нас был только первый том Мензбира «Птицы России». «Лучше уж, — думали мы, — соберем все, что нам удастся, а если среди собранного будет некоторое количество хлама, беда невелика, хлам всегда можно выкинуть».

Досуги зимы и ранней весны, особенно Большой ночи, мы использовали на упорное чтение и знакомство с геологией, геодезией, биологией и другими науками. Мы долго и много спорили по различным предметам, так как проконсультироваться было не у кого, а многие сведения приходилось подчас заимствовать из литературы, касавшейся, не имевшей прямого отношения к интересующему нас вопросу. Но мы твердо знали одно, — что нужно это делать, и, не жалея труда и времени, готовились к будущей работе. Помимо чтения и теоретической подготовки, приходилось готовить и материальную часть, без которой невозможно заниматься этой работой. Не все было у нас на острове, кое-что пришлось «изобретать» и делать самим.

Но одно дело читать в книжке, как делать, другое применять знания на практике, которой у нас было еще меньше, чем теории. Поэтому, как только появилась возможность совершить длительные поездки в светлое время, мы для практики вместе совершили несколько поездок.

---

[1] *Камеральная обработка — окончательная обработка материалов, собранных в экспедициях.*

Можно сказать, что весна и лето 1930 года были для нас «производственной практикой» после зимней теоретической учебы. В поездках мы учились обращаться с буссолью, геологическим компасом, молотком, анероидом и другими приборами, экзаменовали себя в употреблении специальной терминологии и умении правильно ее применять. С прилетом птиц Власова начала практику по сниманию и обработке птичьих шкурок и выдуванию из яиц их содержимого. В этом деле у нее быстро наметились успехи, и на второе лето она уже, можно сказать, блестяще начала справляться с этим делом и, пожалуй, не уступила бы опытному препаратору. Свойственная ей аккуратность и скрупулезная тщательность дали возможность без большой порчи материала освоить это дело в совершенстве. Потом на тундре зазеленели травы, зацвели цветы, в воздухе и на земле появилось множество мелких и мельчайших животных. И тут опытное собирание, сушка цветов, добыча насекомых и их консервирование тоже требовали упорства и труда.

В работе росло умение и опыт. Помню, как мы были довольны, когда Власовой удалось удовлетворительно сделать шкурку бургомистра. Крупная птица лежала на бумаге, почти как живая. Мы тогда не замечали многих дефектов в ней. Позже, когда умение стало больше, и мы сравнивали наше первое «завоевание» с последующими, — какой убогой казалась нам эта работа! Вместо музея ей пришлось отправиться в нашу печку. Я было начал протестовать, но Власова, заталкивая негнущуюся сухую шкурку в дверцу печи, приговаривала: «нечего возить на материк всякую дрянь, иди-ка, голубушка, в печь».

Первой практикой нашей работы с буссолью была река «Наша». Эта река впадает в море в 7—8 километрах к востоку от фактории. Она течет на протяжении 25—30 километров за грядой холмов, отделяющих реку от фактории.

Выехали мы рано утром. Двадцатиградусный мороз, яркое солнце и неподвижный воздух благоприятствовали

поездке. Ехали руслом реки, высокие берега беспрестанно меняли очертания, неизменным был только снег, которым все было укрыто. Возвратились только в одиннадцать часов ночи. Было уж темно, и дома начали беспокоиться нашим долгим отсутствием. На другой день я вооружился транспортиром, циркулем, расстелил перед собой клетчатый лист рабочей карты и впервые в жизни начал наносить на бумагу результаты вчерашней работы. Постепенно вырисовывалась извилистая линия русла реки «Нашей», — хорошо!

Всякий наш успех будил уверенность, что поставленные перед нами задачи мы выполним.

Так постепенно, учась и набираясь практического опыта, мы работали, накапливая различные материалы по изучению острова.

Этой же весной мне удалось положить на карту нижнее и среднее течение реки Клер. Кроме того, я пересек в нескольких направлениях восточное плоскогорье, заключенное между северным и южным хребтами, с запада ограниченное центральным поднятием, а с востока падающее в море обрывами мыса Гавайи и смежных с ним берегов, и определил барометрически высоту ряда точек этого плато.

Глава IX

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

Белый медведь в промысловой жизни острова имеет второе по важности значение и сохраняет его до начала товарных заготовок моржа.

Белого медведя на острове довольно много. Несмотря на незначительное количество промышленников, мы в среднем убивали в год до 70 взрослых медведей.

Медведя бьют в любое время года, когда он встречается, но летний и осенний убой количественно незначителен. Если за лето удавалось убить двух-трех медведей, это много. Осенью промысел несколько больше и составляет от общего количества убитых медведей максимум 10%. Все остальное количество зверя бьется весной.

Во льдах, вдали от острова, медведь не добывается почти совершенно, если не считать убитых после погони по следу за ушедшим с острова на лед. Медведь, собственно, на острове не живет постоянно, он бродит во льдах и только для некоторых надобностей выходит на остров. Это типичный житель полярного льда.

Осенью, обычно в сентябре, реже в начале августа или октября, на остров идут оплодотворенные самки. Время выхода самок на остров определяется состоянием льда. Если лед стоит в непосредственной близости от берега, то самки идут с начала сентября и весь месяц, но

иногда в сентябре льда не бывает у берега — его далеко угнали течения и ветры; тогда медведи запаздывают с выходом на землю до тех пор, пока лед не подожмет к берегу или не образуется молодой лед, достаточно крепкий, чтобы выдержать животное.

Медведицы некоторое время бродят по острову, выискивая укромные места. Потом они залегают в берлогах.

Обычно берлога устраивается по склонам гор в распадках обрывистых берегов или просто под сравнительно невысоким берегом реки. Место выбирается с таким расчетом, чтобы его зимой как можно больше заносило снегом. Крутизна склона не отпугивает зверя, и иногда отверстие берлоги виднеется вверху почти отвесной стены, и охотнику приходится при добыче вырубать в снегу ступени, чтобы подняться к берлоге. Судя по месторасположению берлог, медведица с осени выкапывает в прошлогоднем снегу нору и в ней залегает. Однажды, в первых числах сентября 1930 года, мы обнаружили и убили медведицу в только что вырытой ею берлоге, при чем у норы еще были видны все признаки «строительства». Но весной того же года я и Павлов, работая в русле реки Клер, встретили медведицу и только что покинутую берлогу в таком месте, где не должно было бы остаться после таяния достаточно снега для устройства норы. Туземцы утверждают, что самки часто ложатся в заносных местах. Если дело происходит в пургу, их заносит снегом. Так, вероятно, образовалась и эта берлога, хотя возможно, что самка запоздала и вырыла нору уже в свежем снегу. Мне не случалось наблюдать использования медведицами старых берлог, но туземцы утверждают, что если медведица находит неразрушенную таянием берлогу, то она обычно использует ее и не строит новой.

На морском льду медведь берлог не устраивает. За пять лет у нас не было случаев находить морские берлоги. Правда, однажды осенью эскимос Таяна нашел на льду

две лежухи, напоминавшие берлоги. Таяна говорил, что их устроили для отдыха застигнутые пургой медведи, но, как только пурга кончилась, они ушли и больше не возвращались.

Осенние пурги плотно покрывают медвежьи норы снегом, наметая над ними потолок иногда во много метров. Внутри от теплоты животного снег постепенно обтаивает и обмерзает. Снаружи берлога вся снежная, внутри же она словно оштукатурена толстым слоем крупнозернистого, голубовато-блестящего льда.

Мы все время говорили о самках. А как самец ведет себя? С. И. Огнев утверждает, что самец тоже ложится в берлогу. «Обыкновенно самка лежит в берлоге до 8—10 марта, а самец встает уже в феврале».[1] Несмотря на большое количество медведей, убиваемых ежегодно весной, за все пять лет не было убито в берлоге ни одного самца. Я расспрашивал, были ли убиты самцы в берлогах за три года в бытность на острове Ушакова, но и за эти три года, по свидетельству туземцев, не было такого случая. Таким образом за восемь лет усиленного промысла медведя на острове Врангеля не было убито в берлоге ни одного самца. Нам также неизвестны случаи убийства самца на земле весной, то-есть во время открытия берлог. Не следует ли сделать отсюда вывод, что залегание в берлогу для белого медведя не имеет того значения, что для бурого медведя? Хотя зима и для медведя голодна, но, как видно, он находит для себя и в это время достаточное для существования пропитание.

Не следует однако думать, что медведь не любит сушу, являясь обожателем только льда. Не будь на острове человека, медведи заходили бы на остров чаще, особенно летом, когда у берегов много нерпы и лахтака. Летом 1927 года промышленник Скурихин отправился один на мыс Блоссом и, придя туда, обнаружил на косе восемь

---

[1] *С. И. Огнев. Млекопитающие Северо-восточной Сибири, изд. „Книжное дело", Владивосток, 1926 г., стр. 35.*

спящих в куче медведей. Семерых он убил. Восьмой был очень грязен, и Скурихен не стал в него стрелять, дав уйти ему в море.

В феврале самки щенятся. До середины марта медведица кормит медвежат, не выходя из берлоги. Все это время, так же как и во время спячки, она живет за счет запасов, накопленных прошлым летом.

Но вот солнце поднялось высоко, оно уже припекает. На взлобках бугров начинают появляться из-под снега кустики травы, обнажаются отдельные камни. Дыхание весны ясно чувствуется. Медвежата к этому времени достаточно подросли, они уже передвигаются самостоятельно по берлоге. Тогда медведица проламывает в наиболее тонком месте потолок берлоги, открывая ее для чистого воздуха.

Открыв берлогу, медведица не сразу уходит из нее. Некоторое время, если ее ничто не спугнет, она остается в берлоге. За это время она несколько раз выходит. Первоначально выходит одна, иногда удаляется на большие расстояния от берлоги, потом начинает выводить с собой медвежат и снова возвращается в берлогу. Это продолжается до тех пор, пока медвежата не окрепнут настолько, что смогут покрывать большое расстояние. Потом медведица совсем уходит из берлоги. Уйдя из нее, медведица не сразу отправляется во льды. В течение одного-двух дней она бродит по острову вместе с медвежатами, выкапывает из-под снега мох и всей семьей его поедает.

У медведиц и медвежат, убитых в такое время, желудки оказывались наполненными мхом разных видов. Попадались и сухие стебли травы.

Движется медведица в это время медленно, часто останавливается отдохнуть и покормить медвежат. Всякий раз она выкапывает неглубокие ямки для медвежат и для себя. Покормив медвежат и дав им отдохнуть, она пускается в дальнейший путь.

Нам приходилось наблюдать поход такой семьи. Медведица, степенно переваливаясь, неторопливо идет

впереди, а сзади нее бегут круглые, как шары, пушистые медвежата. Они снуют из стороны в сторону, затевают драки между собой, потчуют друг друга увесистыми затрещинами, катаются по снегу, обгоняют медведицу, путаются у нее в ногах. Если медвежатам случается отстать немного, заинтересовавшись чем-либо, медведица поворачивается и урчанием подзывает их к себе, а если они не слушают ее, она возвращается и легкими шлепками направляет их вперед.

Побродив по острову, покормив медвежат мхом и найдя, что они уже достаточно окрепли для путешествия во льдах, медведица покидает остров и больше уже с медвежатами этого приплода на остров не возвращается.

Как долго проходит период пестования, трудно сказать. Можно считать, что медведица этим же летом не спаривается: нам ни разу не приходилось наблюдать медведиц, лежащих в берлоге с прошлогодними медвежатами. Однако нам случалось убивать медведиц, пришедших ранней весной на остров с прошлогодним пестуном, при чем вскрытие убитой медведицы показывало, что она была яловой. Из этого можно сделать заключение, что период пестования проходит на протяжении всего лета, осени и зимы, и только весной медвежата, достигая половозрелого состояния, покидают родительницу.

Сколько медвежат обычно приносит медведица? Наиболее часто медведица приносит двух медвежат, при чем оба они почти одинакового роста и веса: трудно сказать, какой из них первый, какой второй. Редко медведица приносит одного сосока. Такие медвежата обычно значительно крупнее, чем при двойне. Так же часто, как и по одному, медведица приносит по три щенка. Тут уже в росте медвежат замечается большая разница: два медвежонка обычно одинакового роста, довольно крупны, а третий — совсем маленький. Очень редко, но все же бывает, что медведица приносит четырех медвежат. Такого случая за все пять лет у нас не было, но туземцы утверждают, что это случается. В таком случае медвежата

очень мелкие и почти одинакового роста. Больше трех медвежат нам наблюдать не случалось.

Молодые медвежата, взятые из берлоги, очень быстро привыкают к человеку. Мы брали медвежат живыми и держали их для зоологического сада. К приходу «Совета» в 1932 году нами было «заготовлено» 13 живых медвежат. Большинство из них очень скоро привыкли к людям, особенно к Власовой, которая постоянно с ними возилась, кормила их, ухаживала за ними и даже лечила.

Среди медвежат попадаются, — не знаю чем это объяснить, — особи, которые с первого же знакомства с человеком чувствуют к нему особенное расположение. Был у нас медвежонок, которого мы звали «Дочкой». Как только Власова в первый раз вошла в клетку к ней, она бросилась к Власовой и не хотела ее отпускать, и каждый раз, когда Власова уходила, «Дочка» очень долго ревела. Стоило Власовой возвратиться, — она прекращала рев и играла только с Власовой. Стоило другому медвежонку в этот момент подойти к Власовой, «Дочка» остервенело бросалась на него.

Но попадались нам и такие медвежата, которые, несмотря ни на что, были враждебны к человеку. Было у нас два брата, взятые из одной берлоги. Их привез нам эскимос Тагью, которого все на острове зовут Алексеем. Медвежат этих мы звали «Алексеевскими». Это были страшно свирепые звери. Их злость направлялась не только на людей, но и на медвежат, бывших в этом же медвежатнике, и некоторых из них, наиболее слабых, они основательно драли. Нам пришлось посадить их в собственных клетках на цепь, но, несмотря на это, Власова очень часто приходила из медвежатника искусанная и исцарапанная.

Пол медвежат в данном случае значения не имел. У нас был самец «Кувынтя». Он выделялся своими размерами, но это был добродушный увалень, никогда не проявлявший агрессивности по отношению к нам. Другой

самец — «Приятель», живший у нас почти два года и достигший размеров взрослого медведя, был также добродушен. Несколько раз он уходил из клетки сам или мы его выпускали, и он не проявлял злобности, хотя иногда случалось поколачивать его.

Возясь со многими медвежатами, мы подметили следующее: некоторые отличались удлиненным строением го-

Медвежата.

ловы и морды, у других же морда казалась короче и череп был почти круглый. Эти различия были столь велики, что резко бросались в глаза. Мы так и говорили: «длинноголовый» и «круглоголовый». «Длинноголовые» чаще были злобнее, чем «круглоголовые», и труднее привязывались и привыкали, хотя и среди «круглоголовых» попадались злобные особи, но значительно реже. Нужно сказать, что

«длинноголовые» медвежата встречаются вообще реже «круглоголовых». Было у нас два «длинноголовых» — «Стервяй» и «Фыркалка». Даже когда они привыкли и были совершенно безопасны, они часто пытались неожиданно напасть, хотя вреда в таких случаях не причиняли.

Весной, когда медведицы открывают берлогу, — в это время, обычно во второй половине марта, и начинается главный бой медведя. Все промышленники собираются в дальнюю дорогу, берут с собой продуктов на несколько дней, керосин, примус и разъезжаются по острову отыскивать берлоги. Они обязательно везут с собой палатку, ставят ее где-нибудь в распадке гор и в течение нескольких дней ездят от палатки, как от базы, в разные стороны в поисках берлог.

Открытую берлогу найти нетрудно: обычно берлоги расположены на совершенно белых склонах, отверстие берлоги чернеет, как будто кто-то из озорства разлил тушь на белой бумаге.

Некоторая опытность все же нужна и для этого дела. Неопытный может проехать десяток раз мимо берлоги и не заметить ее. Нужно знать форму отверстия берлог, признаки, по которым можно определить ее на далеком расстоянии: дыра это берлоги или тень от заструги, или камень. При поисках берлог очень полезен бинокль.

Обнаружив берлогу, промышленник пускает собаку. Собака подходит к берлоге и обнюхивает ее. Если берлога пустая, — медведь уже ее покинул, — собака возвращается обратно, промышленник запрягает ее и двигается дальше. Но если «хозяйка» дома, то собака поднимает отчаянный лай. Промышленник, — если он в одиночку не решается бить медведя, — ставит неподалеку от берлоги палку с надетой на нее камлейкой [1] или еще чем-нибудь; чаще всего промышленники возят с собой небольшие

---

[1] *Камлейка — длиннополая рубаха с капюшоном, выполняющая назначение плаща.*

красные флажки и оставляют их у берлоги. Охотник же отправляется за помощью.

Через некоторое время, когда человек, забрав собаку, уйдет, медведица высовывается из берлоги. Оглядываясь, она замечает в непосредственной близости какой-то незнакомый предмет странной формы. Если дует ветерок, то предмет живет, движется. Медведица уходит в берлогу и, время от времени осматриваясь, ждет до тех пор, пока этот предмет не уйдет. Промышленник тем временем находит себе помощь, возвращается обратно и добывает медведя.

Иногда охотник не может возвратиться к берлоге в этот же день. Проходит 2—3 дня, но, вернувшись, он чаще всего находит медведицу сидящей в берлоге. Бывает, впрочем, что медведица уходит после ухода промышленника, не обращая внимания на флаг или камлею.

Бить медведя в берлоге дело не такое уж опасное. Во всяком случае охота на бурого медведя значительно опаснее. Не потому, конечно, что бурый медведь свирепее или сильнее. Когда имеешь дело с бурым медведем, обычно не имеешь горизонта, бьешь в лесу, в кустарнике или в зарослях травы. Если ты ударил медведя из винтовки и зверь упал, то трудно сказать, что с ним: не то он убит, не то готовится броситься на тебя.

Совсем другое дело, когда бьешь медведя в берлоге на острове Врангеля, или вообще в Арктике. Горизонт ничем не закрыт, все видно великолепно, под ногами твердый снег. Правда, в большинстве случаев почва круто-покатая, но в таких случаях охотник делает для себя ступеньки. Кроме того, рядом всегда одна или несколько собак.

Собака, суетясь около берлоги, лает, некоторые собаки, особенно приспособленные к охоте на медведя, просто входят в берлогу и там облаивают медведицу. Последняя, желая прогнать непрошенного гостя, бросается на собаку, собака выскакивает из берлоги и продолжает лаять снаружи. Медведица быстрым броском высовывает-

ся из берлоги, фыркает на собаку, в это время промышленник, стоящий с винтовкой на изготовке, стреляет.

В большинстве случаев зверь бывает убит наповал. Но случается, что медведица только обранена и уходит в берлогу, ревет от злости и боли, но показываться на поверхность больше не хочет. В таких случаях эскимосы, когда они охотятся вдвоем или втроем, начинают раскапывать берлогу, постепенно приближаясь к самому логову зверя.

Обычно один копает, а другой — или другие — стоят рядом с винтовками на изготовку: как только зверь покажется, они его убьют.

Несмотря на то, что промышленник копает берлогу под надежной охраной товарищей, это занятие чрезвычайно неприятное. Когда спрашиваешь:

— Что ты чувствовал, когда копал? — отвечали:

— Ручка у лопаты становится короткая. Чем ближе к медведю, тем короче.

Лопата, конечно, остается такой же, как была, но ощущение приближения к зверю столь неприятное, что кажется, будто «лопата укорачивается».

За восемь лет на острове не было ни одного случая, чтобы такой способ охоты окончился несчастьем; хотя бывало, что медведь бросался на людей, но люди, стоявшие с винтовками, не зевали, и зверь бывал убит раньше, чем он мог добраться до копающего.

Так охотятся почти все эскимосы. Но у нас на острове практиковалась и другого рода охота. Ее неоднократно практиковал наш метеоролог, комсомолец Званцев.

Весной 1932 года он поехал на медвежью охоту. В помощь себе он взял эскимоса Ннокко. Ннокко — охотник неважный, но Званцеву нужен был не хороший охотник, а помощник, умеющий разделывать убитого медведя. Они договорились: все добытое — делить пополам.

Когда Званцеву случалось не убить медведя, а только поранить его, тогда откапыванием берлоги он не зани-

мался, считая, что это очень долгий способ и что можно разделаться со зверем быстрее...

Еще в 1929 году осенью я выдал Званцеву из оружия, принадлежавшего фактории, револьвер системы «Кольт». Метеорологу приходилось выходить из дома в любую погоду, днем и ночью. Медведи иногда подходили к самому дому. Во избежание несчастья, я и выдал ему «Кольт».

Званцев, просил моего разрешения взять с собой «Кольт» на охоту. Я разрешил и выдал ему лишнюю обойму патронов, предупредив его, чтобы он не занимался попусту стрельбой из револьвера.

Когда у Званцева первый выстрел бывал неудачным, и обраненный медведь уходил в берлогу и больше на поверхность показываться не желал, Званцев поступал «просто». Он клал винтовку на снег, доставал из кобуры «Кольт», ставил его в боевую готовность и — головой вперед... лез в берлогу к раненому, остервенелому зверю. Медведица, кроме того что была ранена, еще защищала щенят, и потому вдвойне была опасна.

С «Кольтом» в руке Званцев ползком добирался в синем полумраке берлоги к самому зверю. И когда медведица, не видя иного выхода, бросалась на него, Званцев в упор стрелял.

Так он убил не меньше десятка медведей...

Думаю, нечего говорить, что если бы револьвер хоть один раз дал осечку, от метеоролога Званцева остались бы одни подметки...

Туземцы жаловались мне на Званцева, на его манеру бить медведя. Им, конечно, не жаль было медведей, они боялись несчастного случая. Они говорили мне:

— Начальник, зачем Званцев бьет так медведей, вот его медведь задавит, а ты будешь думать, что мы ему что-нибудь сделали.

Если бы и произошел несчастный случай, я не подумал бы, что это сделали эскимосы. Но я сам опасался несчастного случая и поэтому, когда Званцев возвратился

однажды с охоты, я с ним поговорил по этому поводу. Я предупреждал его, что всякие случаи бывают, указывал на бессмысленность ухарства и предложил ему больше этого не делать.

— Ежели я узнаю, что вы продолжаете эти эксперименты на охоте, я вас разоружу вообще, заберу не только «Кольт», но и винтовку.

Но после весны 1932 года Званцеву больше не пришлось охотиться на острове Врангеля: в сентябре 1932 года он выбыл с острова. [1]

Не всех медведиц бьют охотники в берлогах. Часть из них убивается на воле, когда медведица уже вышла с медвежатами и бродит по острову. Иногда охотник замечает медведицу, иногда видит только след. Но даже если медведица прошла здесь вчера, — а опытный промышленник по следу может довольно точно сказать, когда прошел зверь, — он пускается за ним в погоню, и, так как обремененная медвежатами медведица двигается медленно, ее легко догнать.

В таких случаях промышленник пускает одну или двух собак. Взяв след, собаки бегут за зверем, а промышленник на нарте следует за ними. Собаки, настигая медведицу, задерживают ее. Промышленник подъезжает близко к зверю, останавливает и укрепляет нарту, чтобы собаки сами не подошли к медведице, подходит на сотню метров и расстреливает зверя.

Впервые мне пришлось столкнуться с медведем в марте 1930 года. Я снимал нижнее течение реки Клер. Руслом далеко впереди ехал Павлов. Небо плотно укрыто облаками. Рассеянный свет скрадывал расстояние, и перед взором возникали обманчивые предметы. Горизонт исчез. Пространство как бы растворилось в белом хаосе. Темные

---

[1] *Сейчас К. Званцев работает начальником комсомольской зимовки на мысе Стерлигова. В изд. „Молодая Гвардия" вышла его книга о зимовке на острове Врангеля — „Зимовка", с предисловием тов. Минеева. — Прим. ред.*

очки на глазах почти не помогали, и глаза слезились, устав от чрезмерного обилия белого сияния.

Нарта, шедшая впереди, остановилась, и Павлов призывно махал рукою. Вскоре я был рядом с ним.

— Что случилось?

— Вот за этим мыском сидит матуха с медвежатами.

Собаки рвались вперед, взлаивали и скулили от нетерпенья.

Как следует укрепив нарты, мы отпустили по несколько собак.

Выйдя из-за мыса, я увидел медведицу, сидевшую на выступе скалы над руслом реки. По сторонам ее в такой же позе сидели два малюсеньких ососка.

На темном фоне скалы медвежья семейка рельефно выделялась. Хотя расстояние скрадывало размеры, все же чувствовалось, что зверь крупен и силен.

Собаки во весь дух неслись к медведю. Мы с Павловым бежали позади.

Некоторое время матуха и ее потомство не замечали ни нас, ни собак и, как изваянная группа, были неподвижны.

Но вот группа зашевелилась, ловко опустилась со скалы и быстро пошла к берлоге. Ососки не могли двигаться так же быстро, как мать, и поэтому, уйдя вперед, она ожидала, или возвращалась и носом и лапами подталкивала их вперед.

Медведица была уже у самой берлоги, когда собаки взяли ее в работу. Надо было торопиться: в берлоге труднее добывать зверя, чем на воле.

Около громадного зверя метались, как лилипуты вокруг Гулливера, собаки. Первоначально их было три или четыре, а потом нашлись среди упряжек доброхоты, перегрызшие потяги и ринувшиеся в бой.

Как только самка, расшвыряв собак, пускалась наутек, собаки хватались за медвежат. Истошный крик ососков заставлял матуху возвращаться, отгонять собак, но через мгновение все повторялось сызнова. Медведь

в баталии с собаками показал, казалось бы, несвойственные ему подвижность и гибкость.

Стрелять было опасно: мешали собаки. Но после нескольких выстрелов с матухой было покончено. Собаки растаскивали медвежат в разные стороны. Медвежата вопили, как свиньи. Отогнав собак от ососков, одного пристрелили, — он был сильно подран, — другого взяли живым.

Медведь — это крупное мощное животное, на первый взгляд тяжелое и неповоротливое. На самом деле он очень ловок, чрезвычайно подвижен, может покрывать, совершенно не утомляясь, громадные пространства. Нет такого пути, по которому медведь не мог бы пройти. Там, где не может пройти человек, где собака отказывается и даже песец итти не в силах, медведь проходит очень легко. Независимо от того, крутой ли склон или скалистая, почти отвесная стена, изборожденная трещинами, или вздыбленный горами торосистый лед, — для него везде дорога, везде путь.

Случалось догонять зверя, одного без медвежат, и тогда нам было ясно видно, на что он способен.

Легкость и подвижность медведя обратно-пропорциональны его возрасту и размерам. Чем крупнее медведь, тем медленнее он двигается. Молодого, половозрелого и некрупных размеров медведя очень часто выпряженные собаки не могут догнать, тогда как среднего медведя собаки догоняют без особого труда. Старые крупные медведи столь малоподвижны, что даже пеший человек может догнать их без особенного напряжения.

Когда медведь попадает в трудное положение и, казалось бы, для него нет выхода, он все же выход найдет хотя и... по-медвежьи. Осенью 1931 года промышленник Тагью поселился в устье реки Клер на восточном побережье. Его прельщали медведи, так как осенью в этом месте со льда выходит много медведей. Однажды он объезжал участок тундры у скалы «Большевик» и повстречался со зверем. Он стрелял в него, ранил, но

медведь не потерял способности двигаться. Зверь начал уходить. Тагью пустил собак и бросился в погоню. Зверь шел к берегу. Собаки загнали медведя к обрыву невдалеке от скалы «Большевик». Окруженный ими, он заметался из стороны в сторону. Тагью, торжествуя, считал, что сейчас возьмет медведя. Подъехал ближе, сошел с нарты, начал стрелять.

Совершенно неожиданно для Тагью зверь вдруг отступил и... бросился вниз. В этом месте скала возвышается над морем метров на 50—60, внизу был толстый лед. Тагью был доволен. Осталось только посмотреть — где лежит зверь, затем возвратиться к реке, добраться до этого места и снять шкуру. Он подошел к краю обрыва и посмотрел вниз. Как он ни всматривался, но медведя не обнаружил. Он не знал, чем объяснить исчезновение зверя: лед был цел, все было видно, а медведя, тем не менее, не было. Озадаченный, он поднял голову и взглянул на лед и тут лишь увидел вдалеке уходящего во льды зверя.

Силой медведь обладает прямо невероятной. Принимая на склад медвежьи шкуры, просто не веришь, что в этой небольшой сравнительно оболочке заключено такое громадное количество мышечной силы. Однажды нам нужно было километрах в шести от бухты Роджерс извлечь для приманок на песчаную косу моржа весом пудов в 20—25. Мы — шестеро или семеро не могли его волоком вытащить на песок. Нам только удалось выкатить его при помощи ремней за линию прибоя. Вспоров моржу брюхо, оставили тушу на косе. Через неделю несколько товарищей отправились туда, чтобы разделать моржа. И каково же было их удивление, когда, придя на место, они не обнаружили моржа; только широкая полоса, видневшаяся на песке, указывала, куда был утащен зверь. Поднявшись на гребень косы, они увидели, что от моржа остались только кожа да кости — все остальное «Миша» съел. По следам можно было заключить, что тут был всего один медведь. Мы — семь человек, с превеликим трудом не вы-

тащили, а выкатили моржа, а медведь один, при помощи зубов и лап утащил его метров на 50 по вязкому песчаному грунту. При этом ему пришлось поднять моржа по песчанистому склону метра на два с половиной вверх.

Сила лап белого медведя также чрезвычайно велика. Лапа его вооружена крепкими, мощными когтями. Одного удара лапой по голове такого сильного животного, как лахтак, достигающего иногда веса двух десятков пудов, бывает достаточно, чтобы убить его. Только морж, закованный в дюймовую броню шкуры и вооруженный мощными бивнями, является недосягаемым для медведя, и обычно медведь на взрослого моржа не нападает. Во всяком случае мы не имели случая не только наблюдать такое единоборство, но нам никогда не попадались и остатки убитого и съеденного медведями моржа. К сказанному надо добавить, что защищенный толстым слоем жира и плотным мехом медведь совершенно не страдает от холода. Самая свирепая пурга, когда все живое стремится запрятаться поглубже, на него не оказывает влияния. В самые свирепые морозы он бесстрашно лезет в воду за добычей. Исключительно приспособлен белый медведь к жизни в суровых условиях полярных льдов!

Летом медведя на острове нет. В это благодатное для всех животных время он находит достаточно съедобного во льдах. Летом медведи сбрасывают с себя длинную шерсть. Мех становится редким, так что кожа видна, и к тому же шерсть летом короткая. Такая шкура ценится низко. Бить летнего медведя на шкуру бессмысленно — это значит заниматься изничтожением животного.

За пять лет на острове не было случая, чтобы охотник пострадал от медведя, хотя были моменты, когда промышленники находились на краю гибели. Обычно медведь уходит от человека, особенно если зверь уже встречался с ним и испытал от встречи неприятности в виде «начинки» из свинца. В таких случаях медведь уходит быстро, словно в паническом ужасе перед человеком.

Эскимос Таяна, самый опытный и бесстрашный охот-

ник на медведей, осенью 1931 года бродил во льду у северного берега острова. Найдя след только что прошедшего медведя, он пустил двух собак. Собаки быстро настигли зверя и держали его. Громкий лай псов говорил, что они крутятся на одном месте, не давая уйти медведю. Но когда Таяна выехал из-за торосов и зверь увидал его, он пустился уходить, несмотря на то, что на «штанах» его висели два здоровенных пса. Не успел охотник опомниться, как медведь с собаками исчез в торосах. Медведя Таяна не догнал. Поздно ночью усталые собаки пришли к палатке; видимо далеко бежал с ними резвый зверь.

Очень редко медведь охотится на людей и нападает на жилье. Но когда это случается, тогда ни собаки, ни необычные для него новые запахи не удерживают в этих случаях зверя.

Особенно опасна встреча с голодным медведем, не обремененным толстым слоем жира, или «сухим», как говорят эскимосы. Обычно такой медведь, при крайней его подвижности, еще крайне нагл и свиреп.

Иногда промышленники замечали, что по следу нарты долго следовал медведь. Если сзади ехал другой промышленник, он убивал медведя. Промышленник Скурихин как-то весною уехал с мыса Блоссом на Роджерс. Дорога была хорошая, и он, сидя на нарте, подремывал. Почему-то оглянувшись, он увидел за спиной громадного матерого медведя. Скурихин не растерялся. Винтовка была под рукой. Мгновенно выстрелив, убил его наповал, и зверь грохнулся на нарту.

Несколько раз медведи нападали на жилье, при чем всегда в одиночку.

На косе бухты Предательская стоит одинокая юрта. Там в течение нескольких охотничьих сезонов жил русский промышленник Старцев со своей женой — эскимоской Синеми — и ребятами. Зимой он каждый день проверял капканы.

В одну из поездок Старцев долго отсутствовал.

Услышав в снежном тамбуре[1] лай привязных собак, Синеми обрадовалась, думая, что приехал Степан. Она открыла дверь, чтобы помочь ему распрягать собак. Но в сумерках тамбура она заметила тушу медведя. В испуге захлопнув дверь и чем можно было укрепив ее, она в страхе ждала, когда медведь пожалует в юрту. Собаки, находившиеся в тамбуре, энергично атаковали медведя. Он, как видно, был не особенно голоден и предпочел удалиться. Недалеко от юрты находился склад моржевого мяса — запасы Старцева. Медведь набрел на склад и начал лакомиться. В это время подъехал Старцев. Увидев у склада незваного гостя, он парой выстрелов уложил его.

К нашей фактории также неоднократно приходили медведи, нападали на наши запасы мяса. В одну из бурных пурживых ночей медведь долго кружился у здания радиостанции, истоптал вокруг много снега. Но на радиостанции не было ни одной собаки, все они обычно находились у старого дома. В пурге собаки не почуяли зверя, и он, поболтавшись некоторое время у рации, ушел в юго-восточном направлении к морю, пройдя мимо склада мяса.

Медведи, бывало, нападали на охотников, спящих в палатках. Только присутствие духа и молниеносная быстрота действий спасали людей от верной гибели.

Во время самой охоты на медведя бывало очень много случаев, когда охотники находились на волосок от смерти.

Был случай, когда человек в буквальном смысле слова находился в зубах медведя, и только благодаря счастливой случайности он остался жив.

Весной 1933 года промышленник Паля со своим племянником Пинехаком — подростком лет 16 — отправился на охоту в район мыса Уэринга. Здесь в одном из

---

[1] *Тамбур — пристройка у наружной двери. Снежный тамбур — пристройка из снега. Эскимосы называют тамбур „туннелем“.*

распадков они поставили палатку и каждое утро, в поисках медвежьих берлог, разъезжались в разные стороны.

В один из дней они утром попили чай, запрягли собак и разъехались. Паля поехал вглубь острова в горы, а Пинехак перебрался на лед и ехал параллельно берегу.

За одним из мысков он увидел впереди медведицу, неторопливо шествовавшую с медвежатами. Собаки заметили медведя и бросились к зверю. Нарта шла по крепкому бесснежному льду, и Пинехак заостолить[1] ее не мог. Собаки подвозили его уже к самой медведице. Не доезжая немного, Пинехак выпрыгнул из нарты и начал второпях расстреливать медведицу. После первых же выстрелов она заметила его и бросилась к нему Он стрелял в нее, пока она бежала, но не причинял тяжелых ранений, которые свалили бы зверя. Медведица уже подбежала вплотную. У Пинехака в магазине винтовки не осталось патронов. Пинехак бросился на лед вниз лицом и закрыл голову руками. Медведица подбежала к нему и, схватив его зубами за спину у поясницы, подняла в воздух. Собаки в это время добрались до медвежат и трепали их артелью. Те верещали, как поросята.

Не вытерпело, как видно, материнское сердце. Медведица кивком головы отбросила Пинехака, да так, что тот долго катился на животе по льду, и бросилась выручать медвежат.

Разбросав собак во все стороны, медведица неторопливо удалилась в торосы.

Собаки во время потасовки с медвежатами так перепутались в упряжи, что потеряли возможность двигаться.

Пинехак полежал некоторое время, поднял голову, осмотрелся. Увидав, что медведицы нет, зарядил винчестер, поднялся и пошел к собакам. Распутав их, возвратился обратно. И только четыре дыры на его кухлянке свидетельствовали о том, что он побывал в зубах у смерти.

---

[1] *Заостолить — затормозить.*

Обычно мать защищает медвежат до последнего издыхания, но иногда после непродолжительной баталии с собаками, она уходит, пользуясь тем, что собаки занялись медвежатами. Такие случаи довольно часты. Поэтому некоторые промышленники не пускают на медведицу с ососками больше одной собаки. В одиночку пес, не обращая внимания на медвежат, «держит» взрослого медведя.

Но случается и обратное. Пока собаки и охотник заняты матухой, медвежата уходят далеко. Особенно часто это случается во время охоты в торосах. Медвежата бродят в поисках матери, пока не натолкнутся на промышленника. Я думаю, что оставшиеся от родительницы малыши, сами не могущие промышлять, если не попадут на человека, должны неизбежно погибнуть от голода. Туземцы, впрочем, уверяли меня, что медвежата не погибают: их подбирают другие медведицы, и они ходят с ними на правах кровных щенят.

Для туземцев период охоты на медведя является как бы праздничным периодом. В это время эскимос бросает все дела, как бы они ни были важны, и едет промышлять. Доходность охоты на медведя, при сдаче в склад только шкуры, меньше дохода от песца: хотя шкура медведя и была расценена несколько выше шкурки песца, но за медведем значительно больше забот. Сама добыча его сопряжена со многими трудами, опасностями, да и добытый медведь отнимает больше времени. Охотник, убивший медведя, чувствует себя героем. Промышленник, хорошо и успешно промышляющий медведя, считается лучшим охотником и пользуется большим уважением. Когда промышленник упускает медведя, он готов плакать, а в сторонних туземцах он теряет часть уважения.

Помнится мне такой случай. Летом 1931 года врач Синадский увидел в зрительную трубу невдалеке от берега медведя. Зверь стоял неподвижно близ воды: он как видно караулил нерпу. Синадский, будучи страстным охотником, загорелся желанием убить медведя. Я разре-

шил ему отлучиться с работы на время. Взяв с собой двух или трех эскимосов, бывших на фактории, он пошел на вельботе в лед. Во льду найти что-либо крайне трудно: лед, плавая все время, меняет свое положение. Они сбились с пути и не могли найти медведя. Несмотря на то, что на вельботе были значительно более опытные охотники, чем Синадский, тем не менее все негодование его жены, эскимоски Пувзяк, было обращено на него, так как он первым увидел медведя и пригласил на охоту. Она неотрывно смотрела в трубу за движением вельбота. Долго толклись охотники во льдах, несколько раз выходили на вершины высоких торосов, но медведя не видели. Наконец, признав тщетность своих попыток, они повернули обратно. Когда Пувзяк убедилась, что ее муж отказался от мысли добыть медведя, она громко сказала:

— Какой такой охотник! Все равно баба!

В ее сознании он оскорбил и осрамил ее в глазах других женщин — жен охотников.

Охота на медведя на острове и на всем побережьи Чукотского полуострова регулируется неписанным законом, которому строго следуют все охотники. Закон этот прост: «Медведь принадлежит тому, кто его первым увидал». Неважно, принимал ли увидевший участие в охоте или нет. Если медведя первым увидел ребенок, он принадлежит ребенку.

В то время, когда шкура медведя не имела товарной ценности, она не являлась большим приобретением. Кроме того, сила и свирепость животного при несовершенстве оружия неизбежно требовали для убийства зверя участия коллектива охотников. Натуральные формы хозяйства не могли породить в условиях севера другого обычая. Когда же шкура приобрела товарную ценность, медведь стал столь редок, что обычай этот уже не мешал, и он сохранился до сих пор.

На острове Врангеля обычай этот тоже жив, но обилие зверя, с одной стороны, и довольно крупная товар-

ная ценность шкуры, с другой, начинают постепенно стирать обычаи.

В связи с большим количеством медведей, мы наблюдали постепенное исчезновение и другого обычая, связанного с промыслом этого зверя. Эскимосы до сих пор как бы очеловечивают медведя и иногда называют его «хозяином» или просто «человеком». Весной 1932 года я не мог поехать по острову для описи рек и сбора геологических образцов. Поехала Власова. Ее сопровождали Павлов и эскимос Анакуля. В верховьях реки Хищников они убили медведя, а двух медвежат — «Ваньку» и «Таньку» — взяли живьем и возили с собой. На следующий день, когда они работали руслом реки Мамонтовой, ехавшие впереди ее Павлов и Анакуля остановились и указывали почему-то на гору. Подъехавшая Власова спрашивает:

— Что случилось?

— Там человек! — ответили ей спутники.

Власова обеспокоилась и подумала, не случилось ли чего-либо на фактории. Павлов разъяснил ей, что на горе — медведь с медвежатами, но туземцы считают его таким же существом, как и человек, и часто называют зверя «человеком». Успокоившись, Власова с товарищами двинулись дальше.

Убив медведя, убивший или «хозяин» зверя совершает некоторые обряды. Как только шкура снята и разделывается туша, — а она разделывается сейчас же, так как замерзшую тушу разделать при помощи ножа невозможно, — извлекается сердце, тут же разрезается на куски и по куску бросается через плечо, за себя. Этим туземцы умилостивляют «духа медведя» в виде предварительного аванса. На этом обряд и кончается. Снимая шкуру, эскимосы оставляют череп в шкуре и так везут ее домой. По приезде, отдохнув, они устраивают, как они говорят, «праздник». Шкура вносится в юрту, распластывается на полу, голову немного приподнимают и раздвигают челюсти. Начинается «угощение» медведя.

Перед головой ставят посуду с едой, горячим чаем, хозяин раскуривает трубку и предлагает медведю курить. После «угощения» хозяин иногда развлекает медведя: играет в бубен и поет, часто семья начинает подтягивать хозяину, и все поют хором под звуки бубна.

Только после этого череп вылущивается из шкуры. Шкура идет в обработку, а голову относят подальше за становище и укладывают мордой в северном направлении.

Но и этот обычай также начинает исчезать. Теперь все реже устраивают «праздники» кормления медведя. Убив одного медведя, легко соблюсти обычай. Но когда за весну промышленник убивает два-три десятка медведей, то на «кормление» всех просто нехватит времени. Иногда промышленнику случалось убивать в день три-четыре зверя, а эскимос Ннокко однажды убил сразу одиннадцать медведей. Тут уж не до «праздников». Тут и «духа»-то покормить сердцем некогда...

Не обошлось, конечно и без нашего влияния. В нашем присутствии большинство туземцев стеснялось «кормить духа», а тем более устраивать «праздник», и только просьба показать, как это совершается, заставляла их в нашем присутствии проделывать весь ритуал.

Так постепенно отмирает обычай, сложившийся на протяжении веков.

Мясо медведя вполне съедобно, только жир сильно отдает ворванью. Туземцы охотно едят и то и другое, при чем в свежем и вареном виде. Жир медведя, кроме запаха ворвани, других неприятных особенностей не имеет. Мясо, потребляемое с жиром, значительно вкуснее, — конечно, если не обращать внимания на запах ворвани. Если же мясо освободить от жира, то оно совершенно не пахнет ворванью или, как говорят, «рыбой», очень вкусно и не влечет никаких осложнений. Лучше всего его жарить на постороннем жире; вареное оно также вполне съедобно, но суп из медвежатины не сваришь, а если и сваришь, есть нельзя будет — так отдает он ворванью. Но особенно вкусны ососки-медвежата Жир

медвежат совершенно не отдает ворванью, поэтому они могут удовлетворить даже изощренный вкус гурмана.

Все части медвежьей туши съедобны, за исключением печени. Она обладает какими-то ядовитыми свойствами. Мне не пришлось пробовать печени медведя, но я видел ее действие. Когда Званцев убил первого медведя, он нажарил печени и наелся вволю. Печенка ему показалась очень вкусной. Поздно вечером он угощался ею, а утром с большим трудом встал к семичасовому отсчету. Утром же он пришел ко мне. Я ахнул от его вида. Лицо отекло, глаза он открыть почти не мог. Лицо было воспалено и приобрело кирпично-красный цвет с каким-то странным мертвенным оттенком. Физиономия Званцева производила впечатление лица человека, зверски искусанного пчелами. Отекло все тело, руки и ноги. Голова, по его словам, чудовищно болела, и в ушах стоял пасхальный звон «сорока сороков».

В течение трех дней он чувствовал себя разбитым. Потом отеки прошли, головные боли и прочие неприятные явления исчезли, и он окончательно оправился.

Аналогичное случилось и со Скурихиным в первый год пребывания его на острове. Туземцы не потребляют печени медведя.

Шкура, снятая с убитого медведя, привозится в становища с толстым слоем жира на ней. Жир у нас не имел товарного значения. В процессе снимания шкуры промышленник стремился оставить на шкуре как можно меньше жира, но по недостатку времени на его шкуре все же остается много. Из шкуры вылущиваются кости ног, кроме последних фаланг пальцев с когтями. Если голова извлекается из шкуры на месте убоя, то ушные и носовые хрящи остаются в шкуре. На лапах начисто удаляются пяточные затвердения.

Очисткой шкур от жира заняты исключительно женщины. Для этого употребляются тяжелые ножи особой формы. Вылущиваются ушные хрящи, подрезаются до

нужных размеров хрящи носа и вылущиваются из сосков остатки млечных желез.

После того как шкура совершенно освобождена от жира, ее моют со стороны шерсти; этим занимаются, как правило, мужчины. Шкуру необходимо отмыть от крови, попавшей из ран, и удалить, насколько возможно, жир. Моется шкура чаще всего на дворе, прямо на снегу, горячей водой с мылом.

Поздней весной и летом, когда на море есть уже вода, шкуры после мытья полощут в соленой воде и мокрыми вешают для просушки. Зимой же и ранней весной вымытую шкуру чистят и обезвоживают снегом — сухой снег прекрасно впитывает в себя всю влагу, к тому же он механически забирает остатки жира и грязи.

Очищенные и вымытые шкуры вывешиваются на вешала для просушки. Особенно хорошо идет сушка зимой. Вся влага выветривается и вымерзает, а жир, неизбежно остающийся в небольшом количестве, затвердевает настолько, что потом не растекается даже под действием солнца.

Вымороженная шкура, в отличие от высушенной, в теплую погоду имеет красивый, чистый вид.

Белый медведь два-три десятка лет тому назад на нашем крайнем Северо-востоке был довольно частым зверем и спускался далеко на юг. Теперь же медведь на побережье материка встречается крайне редко, он не любит находиться там, где обитает человек. Это относится не только к посещению медведем земли для отдыха и промысла, — это он может делать с неменьшим успехом и на льду, — но главное — к залеганию беременных самок на зиму для деторождения. Последнее может осуществиться только на земле. В свое время на склонах материкового берега и в ближайших распадках часто находили берлоги с медведицами и ососками. Об этом также говорят исследователи, посещавшие район к востоку от устья Колымы. Но теперь берлоги здесь не встречаются.

Подвеска шкуры белого медведя на вешала для просушки.

На острове Врангеля медведь упорно держится. Ежегодно самки массами выходят на остров и залегают в берлогах, несмотря на то, что каждую весну они уничтожаются почти по сотне экземпляров. Почему медведицы «воспылали любовью» к этому клочку земли? Почему, несмотря ни на что, они не желают уходить в другое место, где еще нет человека, где они могли бы безопасно для себя и своего потомства находиться? Остров Врангеля расположен сравнительно южно, а медведя находили часто значительно севернее. Следовательно, это не может объяснить упорства, проявляемого самками. Именно самками, так как самец не залегает в берлоги и поэтому на острове не держится совершенно.

Мне думается, что это явление можно объяснить отсутствием суши к северу, северо-западу и северо-востоку от острова, во всяком случае на расстоянии 200—300 километров. Если бы к северу от острова была какая-либо земля, медведи ушли бы на нее, а на острове встречались бы так же редко, как на материке. Остров Геральд в счет итти не может, так как он очень мал. Медведи селятся на острове Геральд, и очень тесно. В сентябре 1934 года «Красин» подошел к Геральду. Люди, высадившиеся для ремонта мачты флага СССР, едва подошли на шлюпке к берегу, как тут же убили в берлоге самку. Затем они поднялись на вершину, оставив у шлюпки вахтенного. Тот поднялся к убитому медведю и в метре от себя увидел выглядывавшего из берлоги второго медведя. Немного позже его тоже убили. Так тесно медведь не селится, а уж если поселился, значит был вынужден к этому крайними обстоятельствами.

Туземцы нам неоднократно рассказывали, что видели землю к северу от острова. Эскимос Кмо сообщал, что он видел землю на NW от острова; чукча Кивьяна сообщал, что видел землю на NE и NNE; эскимосы Тагью и Анакуля сообщили, что видели землю прямо на N. Все говорили, что виденная ими земля — гористая с островерхими горами.

Если принять на веру сообщения туземцев, надо заключить, что это или группа островов, расположенных с востока на запад, или, может быть, крупный остров, находящийся недалеко от острова Врангеля и потому закрывающий почти всю нордовую четверть горизонта.

Но не всему, что видишь на севере, даже лично, надо верить. Тут как нельзя более уместно Прутковское изречение: «Не верь глазам своим!»

Часто в хорошие летние дни с совершенно ясным горизонтом мы видели в зюйд-остовом направлении землю. Далеко из-за горизонта поднимались смутные очертания какой-то земли. Наблюдение явления в зрительную трубу еще более усиливало иллюзию. Мы хорошо знали, что в этом направлении земли нет, кроме... северо-западной оконечности Америки, но последняя так далека, что рассчитывать видеть ее было нельзя. Но мы все же видели землю со всеми особенностями ее, и всегда гористую.

Думается, что и «земля», виденная неоднократно к северу от острова Врангеля, имеет ту же самую природу, что и «земля», виденная часто нами в зюйд-остовом направлении.

Остров Врангеля на крайнем северо-востоке является своеобразным медвежьим питомником. Начиная от устья реки Колымы и кончая мысом Дежнева, только здесь медведь выходит в значительных количествах на сушу для размножения. Уничтожение медведя на острове Врангеля приведет к изничтожению его в этом районе Арктики. Процесс же уничтожения идет быстро.

Увеличение населения на острове неизбежно повлечет за собой усиление уничтожения медведя.

Необходимо ввести регламентацию убоя белого медведя, чтобы спасти зверя от полного истребления. Наиболее рационально установить регулярные запуски,[1] разрешая охотиться на самок по весне в берлогах и на воле,

---

[1] *Запуск — перерыв в охоте.*

когда они ходят с ососками, только по четным или нечетным годам. Убой осеннего и зимнего медведя можно не регламентировать: эффективность его невелика. Летний же убой медведя необходимо прекратить совершенно. Летом шкура медведя качественно крайне низка, шерсть короткая, редкая, со многими проплешинами, а на брюхе в паховых областях настолько редка, что они кажутся почти голыми. Находясь в периоде линяния, животное к тому же теряет шерсть, и шкура производит впечатление подопревшей. Ценность ее невелика.

Еще полбеды, если летний убой медведя происходит с промыслового судна. В таком случае хоть не пропадет шкура и жир; о мясе мы не говорим, так как на любом судне найдется достаточно любителей «полярной экзотики», желающих полакомиться медвежатиной. С экспедиционных судов медведя бьют обычно в порядке «спортивной стрельбы». Ведь каждому, побывавшему в арктическом рейсе, лестно по возвращении сообщить своим друзьям: «Я убил медведя!»

Убить медведя, находясь на борту судна, нетрудно, но обработать убитого медведя значительно труднее. Снять шкуру, очистить ее от жира, а потом высушить — для всего этого надо много умения и заботливости. Еще по опыту похода к острову на ледорезе «Литке», в 1929 году, и ледокола «Красин» в 1934 году мы убедились, что делается со шкурами медведей, убитых с кораблей.

На «Литке» убивать медведя набралось желающих столько, сколько было винтовок, а... работать над шкурой никто не захотел. Первоначально взялся за это дело Синадский. По недостатку опыта, он ничего не смог сделать, и шкура лежала до самого прихода на остров. Там это дело было поручено эскимосской женщине, но, когда она занялась чисткой, оказалось, что шкура в ряде мест уже успела подопреть.

На «Красине» из полудюжины убитых медведей ни одной шкуры не удалось сделать прилично: все шкуры

были крайне грязными от сажи и угольной пыли, падавшей сверху из дымовых труб. Только благодаря настойчивой требовательности начальника экспедиции П. И. Смирнова шкуры не погибли окончательно. Есть ли смысл бить медведя с плохой шкурой? К тому же, последующая обработка значительно ухудшает ее качество, если не портит совершенно.

Совершенно прав проф. Мантейфель, поднявший на страницах нашей печати вопрос о необходимости сохранения быстро исчезающего белого медведя.

Глава X

НЕРПА И ЛАХТАК

Весь май и июнь месяцы, после того как промышленники сдадут пушнину и сырье, идет весенний бой нерпы и лахтака.

Запасы нерпы и лахтака в водах острова не особенно велики. Ежегодная добыча этих ластоногих выражалась в среднем сотней штук. Незначительное количество этих животных у берегов острова объясняется почти полным отсутствием в островных водах рыбных богатств. Как это на первый взгляд ни покажется странным, но рыбы на острове нет. Мы пытались ловить рыбу помощью невода, но за все время нам удалось изловить только четыре рыбешки непромыслового вида.

Странность эту легко объяснить, если вспомнить, что реки острова, как уже было сказано, реки мертвые. Все островные реки промерзают до самого дна на всем своем протяжении, поэтому у острова нечего делать рыбам проходным, так как для нерестилищ [1] им необходимы в верховьях рек непромерзающие до дна ключи, где малек пережидает зиму и вешними водами скатывается в море. Годами к берегам острова подходит в небольшом количестве рыба типа корюшки, и в это время обычно туземцы ее ловят примитивными способами.

---

[1] *Нерестилище — место, где рыба мечет икру.*

Но нерпа, как правило, от берегов острова Врангеля не уходит и зимой. То же можно сказать и о лахтаке.

Зимой добыть нерпу чрезвычайно трудно. Еще с осени устроенные ею продушины зимой заносятся снегом. Под слоем снега образуются небольшие полые камеры, в которых нерпа и залегает на отдых, будучи совершенно незаметной с поверхности.

При поездках по льду собаки иногда, казалось без всякой причины, рвали в сторону и, добежав до какой-то точки, начинали бешено разгребать снег. Оказывалось, что они попали на место такой нерпичьей камеры с продушиной. Если провалить ногой снежный потолок камеры, то внизу виднелось отверстие во льду, и блестела вода.

Когда солнце начинает припекать, нерпы пробивают снежные потолки над своими продушинами и выходят на поверхность. Здесь они лежат, греются на солнце и спят.

Несмотря на то, что нерпа спит, убить ее все же не так просто. Сон нерпы прерывист и чуток. Через каждые две-три минуты спящая нерпа просыпается, вытягивает шею и всматривается своими близорукими глазами в окружающее пространство, силясь разглядеть, нет ли какой опасности, и, только убедившись, что ландшафт остался неизменным, что ничто ей не грозит, она опускает голову и продолжает спать. Через две-три минуты вновь повторяется обозрение окрестностей. Нужно иметь много сноровки, много терпения, чтобы подойти к нерпе на выстрел и убить ее. Нужно быть метким стрелком, чтобы на расстоянии в сто и более метров с одного выстрела убить нерпу наповал. Даже смертельно раненое животное уходит.

Обычно нерпа ложится головой к отверстию продушины. Малейший намек на опасность — и она скатывается в воду. Иногда нерпа убита наповал, но, конвульсивно вздрогнув, сползает по скользкой наклонной плоскости в продушину и тонет.

Но вот, когда на льду начинает появляться вода от таяния снегов на острове и море изборождается бесчисленным множеством каналов и протоков пресной воды, текущей по льду, в это время нерпы выходят на лед довольно большими массами, и промышленники на собаках отправляются на лед для добычи нерп.

Лучшие охотники ухитряются за один промысловый день убить до десятка нерп в удачливый год. Бывают годы, когда нерпы выходят в незначительном количестве, — тогда и хороший промышленник в промысловый день не всегда добудет даже одну нерпу.

Позднее нерпы на лед выходит лахтак. Это крупное животное, достигающее иногда 20—25 пудов веса, чрезвычайно сторожко. Если нерпы, хотя и редко, правда, но все же лежат по две-три у одной продушины, то за пять лет нам ни разу не приходилось наблюдать, чтобы несколько лахтаков лежали в одном месте. Обычно лахтак лежит в одиночестве, выбирая такое место, где бы к нему было трудно подойти — вдалеке от торосов и обычно окруженный водой.

Бить лахтака значительно труднее. Охота на него для эскимоса, помимо спортивного интереса, имеет еще и большой хозяйственный интерес, так как шкура лахтака является прекрасным материалом, идущим на подошвы для обуви. Кроме того, лахтажий ремень считается туземцами лучше моржевого, так как он легче и значительно прочнее.

Лахтака бьют и летом во время моржевой охоты, но убой в это время случаен, потому что все внимание промышленника направлено на моржа. К тому же, лахтак, убитый на воде, крайне быстро тонет, и его почти невозможно добыть. На моторном вельботе мы, как правило, не успевали подойти к убитому лахтаку раньше, чем он утонет, хотя в таких случаях судно шло полным ходом. Рассчитывать же на то, что убитый и утонувший зверь потом всплывет, не следует, так как тонкая кожа не служит препятствием для работы ракообразных, нападаю-

щих на трупы в колоссальных количествах и пожирающих их раньше, чем они всплывут. За все время только однажды на берегу был найден прибитый водой труп лахтака, погибшего от пули.

Шкура лахтака почти полностью используется в хозяйстве туземца и только изредка, — когда промышленнику удается добыть лишнего, — шкура сдавалась на склад.

Шкура нерпы также в значительных количествах потребляется в хозяйстве туземца. Из нее делается летняя обувь, брюки и прочее. Но нерпы все же добывается несколько больше, чем необходимо для личных потребностей, поэтому часть шкур сдавалась на склады.

Нерпичье мясо и мясо лахтака вполне съедобно, и, если его освободить от жира, оно теряет неприятный запах ворвани. Между прочим, Амундсен в своей книге о путешествии к южному полюсу отмечает эту особенность.

Мясо лахтака и нерпы чрезвычайно богато кровью. Черное на вид, оно несколько напоминает кровяную колбасу. Из него можно готовить различные вкусные блюда.

Весной, когда начинался убой весенней нерпы и лахтака, мы переходили исключительно на мясо этих животных.

Глава XI

ПЕРНАТОЕ НАСЕЛЕНИЕ ОСТРОВА

Зимой на острове почти совсем нет птиц. Постоянным жителем является только ворон, но и его не так много.

Иногда остается на зиму полярная сова. За пять лет была только одна зима — 1931—32 года, когда совы в довольно большом количестве остались на зиму. Это объяснялось обилием леммингов — главной пищи совы. Летом леммингов было так много, что, идя по тундре, мы давили их ногами. И последующей зимой, бывшей к тому же малоснежной, лемминги встречались довольно часто. Это, очевидно, и заставило часть сов остаться на зиму. Остальные же годы совы зимой совершенно не наблюдались.

На лето на остров прилетает колоссальное количество самой различной птицы. Живя в низких широтах, нам никогда не случалось наблюдать столь огромных количеств птиц.

Время прилета растягивается почти на два месяца. Первые птицы появляются в конце или даже в середине первой половины апреля, последние прилетают в первой половине июня.

Первыми на остров прилетают маленькие изящные пуночки; они являлись для нас вестниками весны. Мы каждый год с нетерпением ждали их прилета. Семь меся-

цев мы не слышали птичьих голосов, так оживляющих обычно тундру. Только вороны иногда прошумят в воздухе или, собравшись стайкой у склада мяса, поднимут гвалт, чего-то не поделив.

Мы тревожились, если пуночки почему-либо запаздывали. Поздний прилет их заставлял думать, что весна тоже запоздает и будет плохой.

Вначале пуночки появлялись одиночками, потом массами. Первое время, когда тундра и горы еще покрыты толстым слоем снега, они большими стаями собирались у домов. Особенно весной 1931 года таяние снега крайне запоздало, поэтому пуночки в течение нескольких недель громадными стаями ютились у жилищ, подбирая со снега всё, что они находили съедобным.

Эта мелкая птичка, гнездуя главным образом в камнях, в каменных россыпях, в трещинах береговых обрывов и питаясь «плодами» тундры, в этом году из-за обилия снега не имела возможности построить гнезд и найти достаточного пропитания в тундре.

Они нашли приют на чердаках наших домов и в складах, куда проникали через щели, держась около нас буквально тысячами. Их было так много, а корму так мало, что я выделил небольшое количество ячневой крупы и подкармливал птиц.

В конце апреля на остров прилетают чистики, или, как мы их называли, «краснолапые кайры». Они появляются прежде всего на скалистых уступах восточного берега у мыса Гавайи, а также на скалистых участках западного берега. Обычно первого мая, вернее в ночь на первое мая, мы ехали к мысу Гавайи и дальше на север по берегу на охоту за чистиками. В это время их еще бывало не так много: прилетали только первые партии и рассаживались на каменных карнизах. У самого острова в это время чистики для себя пропитания найти не могли, потому что все видимое море было покрыто крепким льдом, но, очевидно, вдалеке от острова существовали полыньи и разводья, куда чистики летали кормиться.

Днем они, как правило, отсутствовали, и охотиться в это время не было смысла. На ночь они прилетали к местам гнездования и проводили там темное время, чтобы с первыми лучами солнца улететь обратно на воду.

В первой половине мая к острову прилетает и белогрудая кайра. Она гнездится колоссальным базаром на восточном побережье на мысе Уэринг. Встречается она и южнее от мыса, но в очень небольшом количестве.

В конце августа 1930 года нам пришлось вывозить из бухты Роджерс на северное побережье моржевое мясо для эскимосов, и мы проходили на вельботе мимо мыса Уэринг. Все скалы мыса были облеплены кайрами. Они беспрестанно носились у скал, то садились, то поднимались вновь. Проходя мимо, мы дали несколько выстрелов, и все кайры снялись со своих мест. Небо почернело от птиц. Их было так много, шум, производимый крыльями, был столь велик, что мы в непосредственной близости не слышали голосов друг друга. Они летели такой густой массой, что в воздухе натыкались одна на другую и от столкновения падали в воду.

В годы, когда у нас почему-либо нехватало на весну моржевого мяса, мы иногда отправлялись на мыс Уэринг для добычи кайр на корм собакам. Одна ночь охоты могла дать на каждое ружье по два мешка, набитых кайрами. Их можно бить у скал в неограниченном количестве.

Кроме того, белогрудая кайра гнездует на скалах западного побережья, но нам не случалось там самим наблюдать базаров кайр. Туземцы, жившие у лагуны реки Гусиной, сообщали нам, что кайры там так же многочисленны, как и на мысе Уэринг. Туземцы промышляли кайр в большом количестве на пищу себе и собакам и, кроме того, собирали множество яиц.

Вместе с кайрами на мысе Уэринг гнездует, хотя и не в таком большом количестве, обычный морской баклан. Только изредка видны эти длинношеие птицы, как бы прилепленные к стене скалы.

Всю первую половину мая на остров слетаются раз-

личные тундровые птицы; прилетает несколько видов куликов: от малюсенького подорожничка до крупного тундрового. В это же время прилетают поморники.

На острове Врангеля гнездуют два вида поморника: малый, острохвостый поморник и крупный поморник-хохотун со своеобразной формой хвоста в виде «бантика». Мы так и звали его «поморник с бантиком». Никакого бантика, конечно, нет, — просто два пера хвостового оперения значительно длиннее остальных.

Кроме этих птиц прилетает разная мелкая птаха вроде воробьев — такая же серенькая, и только с трудом можно отличить ее от воробья. Затем прилетает совсем малюсенькая птичка, правда, в очень небольшом количестве, которую эскимосы называют «кавысихпак».

В начале мая на остров прилетает и белая сова. В это время самец совы одевает на себя брачный наряд: оперение его абсолютно белое — без единого пятнышка, и только клюв да желтые глаза темнеют на передней части головы. Самка — пестрая, как обычно.

В это же время на остров прилетают различные чайки. Правда, бургомистры прилетают чуть раньше. За бургомистрами прилетает целый ряд других чаек: моевки, розовые чайки,[1] крачки, изредка попадаются совершенно белая полярная чайка и др.

С двадцатых чисел мая на остров летят гуси. Их прилетает два вида: белые, с желтовато-красноватой головой, с черными окончаниями крыльев и черные гуси. Оперение этого гуся кажется черным только издали, на самом же деле оно темно-коричневое, с белым ожерельем на шее, с несколькими белыми полосками у ушей и белыми окончаниями маховых перьев.

В начале июня на остров прилетают гаги обычные, а за ними появляются шилохвостые утки. Кроме того, прилетают в небольшом количестве несколько видов гагар:

[1] *Розовые чайки в иной год прилетают в громадных количествах, а в иные годы не появляются почти совершенно или встречаются крайне редко.*

полярная гагара, белоклювая, чернозобая и краснозобая. В какое время прилетают они, нам установить не удалось, как не удалось установить и время их отлета. Гнезда их нам также не встречались.

Изредка прилетают птицы, совершенно не гнездящиеся и вообще встречающиеся на острове крайне редко. Из таких залетных птиц нам удалось добыть для коллекции один экземпляр кроншнепа, пару чирков, да один вид кулика, совершенно не встречающегося на острове. Из расспросов туземцев мы выяснили, что эти виды замечены на острове впервые. Особенно их поразили чирки; по их словам, на Чукотке в районе бухты Провидения им не приходилось встречать таких птиц.

Изредка на остров прилетает гага Стеллера; за все время в районе бухты Роджерс нам довелось видеть только три пары этой красивой птицы.

Неоднократно нам рассказывали, что на острове видели журавля обыкновенного, Скурихин сообщил, что летом 1924 года он вместе с Аньяликом добыл одного в районе мыса Блоссом, но самим нам долго не приходилось встречать этот вид. Летом 1933 года я обнаружил на тундре невдалеке от дома пасущегося журавля. Я организовал на него охоту, но все наши старания пропали даром, и добыть птицу не удалось.

Каждый год у берегов острова пролетает довольно большое количество гаг-гребенушек. Нам удалось добыть для коллекции самца и самку, но вообще они редко промышляются, только случайно. Гнездо гаги-гребенушки на острове находить не случалось, потому трудно сказать, гнездуют они здесь или нет. Сам факт ненахождения гнезд не может служить основанием для заключения, что гребенушка не гнездует на острове, так как гнезд некоторых птиц, ясно гнездующих на острове, нам также встречать не приходилось. С другой стороны, и линных [1] гребенушек встречать не приходилось.

[1] *Линные — потерявшие маховые перья и не имеющие возможности летать.*

На острове встречается хищник, кажется из породы соколов, серовато-белого цвета, с довольно длинным хвостом. Я лично трижды видел его, при чем дважды в расположении фактории, уже поздней осенью. Этот вид хорошо знаком туземцам, так как, по их словам, он распространен на Чукотке в районе бухты Провидения. Они его зовут «разбойником», так как он бьет мелкую тундровую птицу, мелких уток вроде шилохвостых, мелких чаек и даже, по их словам, нападает на белогрудую кайру и обыкновенную гагу.

Ранней осенью 1931 года Павлов сообщил мне, что, охотясь на внешней косе бухты Роджерс, он видел крупную белую птицу. По полету и длине шеи он заключил, что это был лебедь. Представление о лебедях он имеет, так как долго жил на Камчатке и неоднократно видел их там. Был ли то действительно лебедь или какая-либо другая птица, сказать трудно. [1]

С началом прилета птиц остров оживает. Во многих местах тундра обнажается от снега, местами уже зеленеет травка, и даже появляются первые цветы, хотя еще стоят значительные морозы. Беспрерывно проносятся то стайками, то в-одиночку птицы, наполняя воздух шумом крыльев. Вот несется стремительно как пуля кулик; вот пуночка висит в воздухе, беспрерывно трепеща крыльями; там поморник, паря на распростертых крыльях, выписывает в синей дали замысловатые фигуры, выискивая добычу. Над бухтой и морем проносятся стаи чаек, мерно махая как будто изломанными крыльями. То-и-дело слышны томные призывы куликов, хохот поморников, разноголосое чириканье мелкой птахи, издалека несется уханье совы и стон бургомистров.

Большинство птиц появляется сначала в юго-западной части острова. По свидетельству эскимосов, первые пуночки появляются здесь; то же самое и кулики. От-

[1] *Летом 1935 года в бухте Сомнительной эскимос Нанаун добыл одного лебедя.*

сюда они распространяются на восток по побережью. Это объясняется, видимо, тем, что южная часть острова подходит наиболее близко к материку, и здесь этим небольшим и не водоплавающим птицам легче покрыть расстояние от материка.

Павлов ищет гусей (1932 г.).

Гуси же, особенно белые, всегда летят с востока на запад, от мыса Гавайи параллельно горной цепи. Того же направления они держатся и тогда, когда улетают с острова. Лишь редкие партии гусей, держась высоко в небе, улетают прямо на юг через горы.

Прилетев, птицы начинают устраивать гнезда. Жизнь в тундре крайне обнажена, спрятаться некуда, а врагов много. В воздухе беспрерывно шныряют поморники и

чайки, по земле снует неутомимый песец, — они охотятся за гнездами куликов и другой мелкой птахи.

Мелкая тундровая птица защищает свое гнездо, пользуясь для этого почти исключительно своей покровительственной окраской.

Яйца куликов чрезвычайно трудно различить даже в непосредственной близости, и нам случалось, не заметив гнезда, почти наступать на него. Отойдешь от гнезда на два-три шага, потом найти его трудно.

Поморники, чайки и совы сами могут защитить свои гнезда от непрошенных гостей, поэтому они устраивают свои гнезда на открытых местах, так что их сравнительно легко найти, хотя яйца поморника также защитно окрашены.

Гнездо кулика всех видов представляет собой небольшую ямку, не имеющую ни травянистой, ни пуховой подстилки. В эту ямку самка откладывает, как правило, четыре яйца, при чем укладывает их заостренными концами вниз, а тупыми кверху.

Поморники кладут свои яйца прямо на тундре, чаще на твердых участках, иногда без ямки. Только малый поморник чаще всего кладет свои яйца в ямку.

Черные и белые гуси гнездуют, как правило, большими сообществами, или, как мы говорили, «деревнями». Гнездовища гусей достигают иногда громадных размеров. В 1932 году весной нам удалось только с одного гнездовища белых гусей набрать полторы тысячи яиц. Черные гуси гораздо реже собираются такими большими сообществами, но все же мне только однажды пришлось наблюдать гнездо черного гуся, устроенное в-одиночку.

Гуси гнездуют, как правило, в непосредственной близости от гнезда белой совы, устраивая свои гнезда в ямках. Белые гуси выстилают их смесью пуха и сухой травы, черные же устраивают свое гнездо исключительно из пуха и «связывают» пух, чтобы его не унесло ветром, мхом, так что мох является своеобразным «цементом» для пуха. Пух выдирается самкой у себя на груди и животе. У чер-

ного гуся в период насиживания большая часть груди и весь живот совершенно обнажены, тогда как у самки белого гуся таких обнажений нам наблюдать не приходилось.

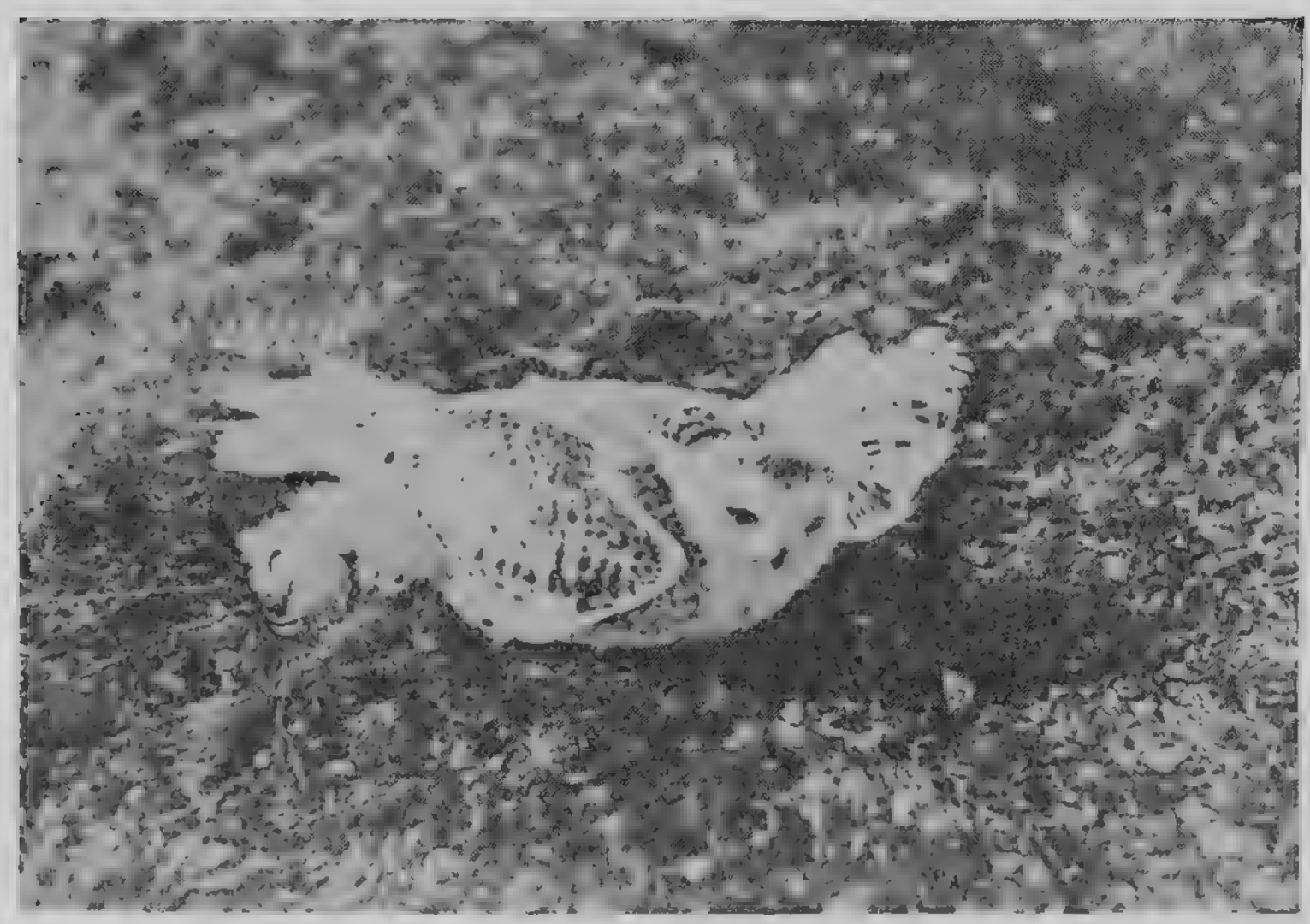
Гуси откладывают до шести яиц, при чем яйца лежат боком, в беспорядке. Больше полудюжины яиц нам в одном гнезде наблюдать не приходилось.

Сами гуси беззащитны по отношению к песцам, крупным чайкам или воронам. Если бы гнезда гусей были расположены вдали от гнезда совы, то они беспрестанно подвергались бы нападению хищников. Только присутствие совы, вокруг гнезда которой гуси селятся, заставляет воздушного и наземного хищников далеко обходить этот район. Под защитой хищника гуси спокойно гнездуют и выводят свою молодь.

Сова устраивает свое гнездо, как правило, на вершинах небольших холмиков или на выступе террасы, но обязательно так, чтобы сидящая на яйцах самка имела возможность, не поднимаясь с гнезда, обозревать окрестность. Гнездо совы представляет собою круглую, довольно больших размеров, ямку, совершенно лишенную подстилки. Из многократных наблюдений гнезд различных сов мы пришли к заключению, что сова обычно стремится очистить непосредственно прилегающие к гнезду участки от посторонних предметов, в том числе и от собственных перьев. Дно ямки обычно содержит мягкую пыль, прибитую яйцами.

Сова откладывает до десяти белых, почти круглых яиц, размером напоминающих крупные куриные. Яйца лежат обычно в беспорядке. В отличие от других птиц, самка совы в процессе насиживания крайне редко покидает гнездо. Мы не замечали, чтобы самец заменял наседку в ее отсутствие. Самец снабжает ее постоянно питанием, принося ей леммингов, и откладывает запасы у гнезда. Мне однажды пришлось прожить четыре дня в непосредственной близости от гнезда совы. Первое время, когда мне случалось проходить неподалеку от гнезда, сова сни-

малась и, отлетев немного, садилась и ожидала, пока я удалюсь на безопасное, по ее соображениям, расстояние. Но уже к середине второго дня она, не видя с моей стороны агрессивности, привыкла ко мне и оставалась на гнезде, даже если я проходил мимо гнезда в 30—40 метрах.



Полярная сова, пойманная в тундре.

Несмотря на то, что сова не выстилает гнезда пухом, брюхо у нее совершенно голое. Очевидно, это вызывается надобностями интенсивного насиживания.

Бургомистры гнездуют иногда на косах. Они выбирают или концы песчаных кос, или чаще всего небольшие песчаные островки и там располагают свои гнезда. Но обычно они гнездуют на карнизах обрывистых берегов, совместно с кайрами.

Гнездо бургомистра на косе представляет собой постройку из водорослей, мха и другого «строительного материала». Внешне оно напоминает кучу всякого хлама, выкинутого прибоем. В середине устраивается ямка, куда и откладываются яйца. Яйца бургомистра покрыты, как и яйца кулика, темнозелеными пятнами.

Позже всех гнездует гага обыкновенная. Она селится на острове, как правило, индивидуально. Гнездует она и на тундре и на косах, часто в непосредственной близости от жилья.

Гнездо гага устраивает так же, как черный гусь, — исключительно из пуха, но, в отличие от гуся, совершенно не связывает его мхом. Поэтому сильные ветры, если гнездо сложено в незащищенном от ветра месте, выдувают весь пух, и яйца лежат в ямке на обнаженной почве.

Чайки, кроме крачки, гнездуют исключительно на скалах совместно с чистиками и белогрудыми кайрами. Крачка же устраивает свое гнездо иногда на косах. Просто в песке, в небольшую ямку, откладывается пара яиц— больше нам наблюдать не приходилось. Крачка всегда отчаянно защищает свое гнездо, независимо от того, кто бы на него ни напал. За свою отчаянность и остервенелость она получила у эскимосов название — «казак», или «птица-начальник».

Где гнездуют розовые чайки и гнездуют ли они вообще на острове, нам выяснить не удалось.

В середине июля среди пернатого царства начинается период линьки. Заметно линяет только водоплавающая птица, и то почти исключительно самцы. Самцы белого и черного гуся, гаги, шилохвостой утки теряют все маховые перья и поэтому летать в это время не могут.

До нашего приезда на остров среди туземцев было распространено обыкновение — заготавливать впрок линную птицу. Убой ее проводился в крупных размерах. Птица, потерявшая возможность летать, сгонялась про-

мышленниками к определенному месту, выгонялась на сушу, где ее ждали люди и собаки. Особенно это практиковалось в отношении гусей.

Летом 1930 года эскимос Таяна, живший на мысе Блоссом, заготовил больше 600 линных гусей. От убитой птицы брались только грудки, а все остальное выбрасывалось на съедение собакам. Грудки же нанизывались на нитки как бублики и развешивались на воздух — провялиться. Зимой я просил Таяна привезти некоторое количество из его запасов гусиных грудок для пробы. Оказалось, что грудки были малосъедобны, напоминая даже в вареном виде мочалу.

Вообще, птица во время линяния как бы переживает какую-то болезнь; она теряет жировой слой, а у гусей и мышцы становятся тощими. Остаются в них только кожа да кости, а мяса и жира мало.

Поэтому не только заготовка впрок, но даже обычный убой этой птицы для стола нерационален. Я воспретил туземцам заготовлять впрок линную птицу, тем более, что мяса на зиму можно найти сколько угодно. И, начиная с лета 1931 года, убой линных гусей не производился.

Самки же этих птиц линяют на крыльях; мы не наблюдали самок, не имевших возможности летать. Во время линьки самка ходит с молодью, гага сопровождает свой выводок, как правило, по воде и только для отдыха выходит на прибрежный песок или плавающие льдины.

Нам случилось встретить гагачий выводок в период интенсивной линьки. В случае нападения, «старуха» поднимается в воздух, летает вокруг на безопасном для себя расстоянии, а выводок быстро рассыпается в разные стороны.

Гуси же вместе с молодью пасутся на тундре и только при наличии опасности уходят в реку или в море. Мне однажды представилась возможность изловить несколько пуховых птенцов гусей. Но для этого я должен был основательно побегать. Гусыня все это время носилась над моей головой и тревожно кричала.

То же самое и в отношении шилохвостой утки. Если самцы шилохвостой утки, так же как все перечисленные птицы, теряют возможность летать, то самки летают во весь период линяния.

По окончании линьки часть самцов меняет свой наряд. Во всяком случае самец гаги меняет этот наряд довольно заметно; уже нет того блестящего наряда, которым он обладал в момент прилета на остров, нет этих тонких переливов красок на груди, шее и голове, — оперение становится серым и невзрачным.

Линька самцов других птиц происходит на крыльях— так же как и самок.

Молодь гаги, которую нам случалось наблюдать, вероятно, с момента появления из яйца сходит на воду и не уходит до тех пор, пока не поднимется на крылья.

Для целей коллекционирования нам пришлось добыть несколько экземпляров пушистых птенцов. Эти птенцы уже были исключительными пловцами, и изловить их было не так-то просто.

Поздней осенью, когда море уже начинало становиться, на воде появлялось большое количество молодых шилохвостых уток, но уже в таком возрасте, что они вот-вот полетят. Пуховых птенцов и в возрасте, непосредственно следовавшем за этим, ни одного раза ни нам, ни другим товарищам наблюдать не приходилось. Тоже не приходилось наблюдать и молодь чаек. Молодых чаек мы убивали уже на крыльях. Кайр и чистиков нам приходилось неоднократно встречать на воде вместе с подрастающим поколением, еще не умевшим летать в полупуховом одеянии.

Кайры и чистики откладывают, по свидетельству туземцев, по одному яйцу и, высидев их, выкармливают птенцов до определенного возраста в гнезде. Потом птенец, еще не умеющий летать, сходит на воду и уже не уходит с воды до тех пор, пока не поднимется на крылья.

Подрастающее поколение тундровой птицы, в частности куликов, поморников и других птиц, воспитывается целиком на тундре.

Молодые совы не уходят от гнезда до полного летного состояния. Уже полностью оперенные, хорошо передвигающиеся на ногах и перелетающие с места на место, они все же остаются у гнезда на попечении родителей. Летать они начинают не все одновременно, так как в разное время проклевываются из яйца. «Старшие» уже хорошо летают и по всем повадкам напоминают взрослых сов, а позже проклевавшиеся еще совсем не летают и даже не полностью оперены. Они разбредаются вокруг гнезда, но, как видно, только по «совершеннолетии» и по очереди покидают район гнезда.

Во второй половине августа вся тундровая птица и часть водоплавающей уже поднимаются на крылья. Мелкая тундровая птица начинает перепархивать с места на место. В это время ребятишки особенно много ловят их. Гуси тоже начинают упражняться в полете, а к концу августа все они сносно летают и стадятся для отлета.

Отлет происходит в последних числах августа и в начале сентября; он, впрочем, зависит в значительной степени от осени. В теплые осени гуси задерживаются дольше, дольше задерживается и мелкая птаха. Но птицы улетают рано, если осень наступает быстро.

1931-й год был годом, когда гуси начали свой отлет в первой половине августа. Весна этого года была крайне неблагоприятной, и гуси не имели возможности гнездовать. До второй половины июня стояли холода, часто пуржило, снег долго не сходил. Поэтому гуси улетели рано.

К середине сентября на острове почти совсем не остается птиц. Только в море попадаются чистики и кайры, да бургомистры вместе с молодью летают по побережью в поисках съестного. Появляется у берегов мелкий куличок-«пловунчик». Все остальные птицы уже улетели на материк, на юг.

К концу сентября обычно и эти птицы улетают. На воде остаются только гаги. Из центральной части острова на побережье начинает переселяться ворон. Большинство птиц, за исключеним белых гусей, исчезает с острова както незаметно.

Тундра постепенно замирает, жизни становится в ней все меньше, все реже звучат птичьи голоса, и снова, как в прошлые годы, только крик ворона оглашает мертвеющие пространства.

Охота на птицу исключительно богата. С началом охоты на чистиков и до самого отлета мы всегда имели к столу вполне доброкачественную дичь. Вкуснее всего были гуси. Мясо их вкусно, нежно, без какого-либо специфического запаха или привкуса, противного для европейцев. Затем идут шилохвостые утки и чистики. При надобности можно, конечно, есть любую птицу, несмотря на привкус. Мы научились приготовлять таких птиц, как кайры, гаги, бургомистры, так, что делали их вполне съедобными и для тех, кто не выносил привкуса ворвани. Само по себе мясо этих птиц совершенно не обладает привкусом и запахом ворвани, но жир, накапливаемый ими в большом количестве, пахнет ворванью, как и жир всех тюленей. Особенно отличаются этим гага и кайра. Если их приготовить, как приготовляют обычную птицу, то тот, кто не привык к запаху ворвани, есть не будет. С нами такой случай произошел. Но если с гаги, предположим, снять кожу, чтобы удалить полностью жир, то она уже ничем пахнуть не будет и становится вполне съедобной. Когда к нам на остров 24 мая 1934 года прилетел самолет Фариха и люди прожили у нас четверо суток, мы все эти дни кормили их кайрами, и никто из гостей не пожаловался на запах ворвани.

Туземцы употребляют обычно всякую птицу, при чем всех птиц они зовут одним именем «утка»; хотя каждый вид имеет свое название, но в просторечии у них даже маленькая пуночка — «утка».

Летом обилие птиц столь велико, что любое место, куда приходишь с дробовиком, становится местом охоты.

Достаточно выйти из дома и отойти полсотни — сотню метров, как уже можно охотиться. При желании можно охотиться... и не выходя из дома, так как он стоит на самом берегу, в полутора десятках шагов от воды, и когда у дома нет людей, то шилохвостые утки подходят к самому берегу. Достаточно выставить в фортку дробовик, и один выстрел обеспечит обед.

Но только на протяжении трех-четырех месяцев мы пользовались этими благами. Потом птицы улетали на юг.

Глава XII

ПРИЕМ ПУШНИНЫ И СЫРЬЯ

По условиям промысла и вследствие того, что в темное время года трудно определить сорт пушнины, прием шкур песца и белого медведя был отнесен на весну.

Обычно прием пушнины и сырья от туземцев приурочивался к 1 мая. Этот день мы избирали не только потому, что наступала хорошая пора, но и для того, чтобы собрать всех туземцев к фактории, устроить для них празднество.

Они шли на нартах с севера, Блоссома, Гусиной и других мест. Обычно накануне первого мая у фактории собирались все туземцы. Вот подвижной Аньялик, весельчак и шутник Паля, медлительный Тагью, важный и большой Кивьяна и лучший стрелок и промышленник Таяна. Со многими приезжали жены и дети; иногда в становищах оставались только щенки да негодные в упряжь собаки; все люди приезжали на факторию.

Молодежь, приехавшая с ними, распрягала, устраивала собак, разгружала и ставила повыше нарты. Они собирались по двое-трое и рассказывали друг другу новости — о своем нехитром житье-бытье, о промысле. Пожилые охотники тем временем собирались в кухне, пили чай, закусывали с дороги и говорили о разных разностях из жизни зимовий. Неторопливо глотая кипяток и поедая немудрую снедь, они степенно повествовали каж-

дый о своем, но одинаково интересном для всех. Часто, очень часто разговор прерывался смехом. Угрюмая, дикая природа не превратила их в угрюмых людей, они любят шутить и смеяться, несмотря на тяжелую, почти первобытную жизнь.

После того как все наедались и напивались, начиналось хождение из старого дома на радиостанцию и обратно. Мы всегда были рады приезду промышленников, поэтому они были желанными гостями. Начинались расспросы делового и шутейного характера, и не было им конца и края. Женщины шли к Власовой. Анна (Асенго), жена Павлова, знавшая сносно русский язык, служила посредником. Тут начинались разговоры чисто женского характера.

Промышленники шли ко мне, к врачу, к Павлову, разрешали разные большие и малые свои дела, но все для них одинаково важные.

Для эскимосов, приезжавших в бухту Роджерс, фактория, состоявшая из шести небольших строений, казалась громадным поселением, наполненным всякими благами культуры. Мне думается, что, приезжая к нам, они чувствовали приблизительно то же, что чувствует человек, впервые приехавший из глухой провинции в Москву. Нечто подобное иногда испытывали и мы сами. После того как неделями отсутствуешь, когда кроме палатки или, в лучшем случае, крошечной дымной юрты, совершенно занесенной снегом, ничего другого нет, и только записная книжка да приборы являются единственными свидетелями культуры, в таких случаях, возвращаясь домой, думалось радостно: «скоро будешь в тепле, в кругу людей, вещей, напоминающих о далеком материке».

В немногие дни, когда у нас гостили туземцы, на фактории становилось людно. То-и-дело хлопала дверь, стоял гул голосов. В кухне — нашей кают-компании, воздух был синим от дыма трубок. Раздавались звуки оркестра, томно ныла скрипка или плакала гавайская гитара,—

это наш патефон вознаграждал себя за долгое вынужденное молчание. Но вот, мешаясь с патефоном, глухо, в медленном ритме рокотал туземный бубен, и под его аккомпанемент лилась незамысловатая мелодия. Сначала пел сам автор музыки и песни, но потом к голосу певца присоединялись женские голоса, фальцетом подтягивающие запевале. Бубен рокотал все темпераментней, песня незаметно переходила в лихие возгласы и крики: это кто-либо из промышленников, раззадоренный бубном и песней, не утерпев, пускался в пляс.

Пляски туземцев самобытно-оригинальны. Они совершенно непохожи на пляски народов, живущих в средних широтах СССР. Жилище и суровый климат наложили на них глубокий отпечаток. Нам не случалось наблюдать массовых танцев туземцев на воздухе. В тесной юрте их также нет. Туземцы танцуют, как правило, «соло». Если иногда танцуют двое, то это танец двух солистов, а не хореографический дуэт. Теснота же повела к возникновению... «сидячего танца», когда человек танцует, сидя на полу, при чем этот вид танца значительно динамичнее, чем танцы стоя.

На вечеринках в средних широтах танцор иногда отказывается танцовать, потому что недостаточно места, негде «развернуться». Эскимосу для танцев в юрте нужно столько места, сколько занимают подошвы его сапог.

Танец состоит из движений торса и головы и плавных движений рук и чуть заметных приседаний. Каждый участок пола занят вещами и людьми, тут нет места для движения. Над головами сидящих достаточно места, и руки, часто удлиненные специальными перчатками, могут двигаться в любом направлении, не встречая препятствий. Женщины танцуют, как правило, молча, только сидящие аккомпанируют бубну подбадривающими выкриками и ударами в ладони рук. Мужчины танцуют более темпераментно, с лихими возгласами.

Эскимосы любят танцовать сами и смотреть, как танцуют другие. Едва только дети начинают крепко стоять

на ногах, их приучают к танцу. Родители относятся к этому не как к пустяку, а как к серьезному делу. Они помогают ребенку овладеть всеми особенностями танца и гордятся, если их дети, по отзывам посторонних, хорошо танцуют.

Первого мая мы устраивали для туземцев в доме радиостанции кино. В жилой части рации Боганов снимал со всех кроватей одеяла, завешивал ими окна; из стола и табуреток устраивалось основание для проектора, из аппаратной тянулась временная проводка, и с чердака старого дома, где у нас была «фильмотека», приносились круглые коробки с картиной. На одной из стен вешался экран. Зрители рассаживались прямо на полу. Места, как правило, были не нумерованы и бесплатны, но зритель на острове Врангеля не особенно разборчив и в претензии на эти недостатки не был. Павлов обычно назначался переводчиком надписей, комментаторами были все желающие.

— Ну как, Боганов, скоро ли? — спрашивал кто-либо из нетерпеливых.

— Паканов! — кричал кто-нибудь из туземцев, — тавай, скоро.

— У меня готово, можно начинать.

— Зовите со двора курильщиков, да закрывайте дверь. — Мы не разрешали курить в кино.

Свет гас, лампу уносили в комнату Званцева, на экране появлялся яркий квадрат, аппарат начинал свой неутомимый стрекот, и мертвое до того полотно оживало.

Кино для гостей было большим развлечением. Большинство из них никогда не видели кинокартины. Содержание последней их не интересовало, их интересовал сам факт движения на полотне. На белом полотне, на котором только что ничего не было, вдруг появляются люди, животные, строения — все это, хотя и безмолвно, но движется, живет. Можно было показывать одну и ту же картину десятки раз под-ряд, — туземцы с таким же нео-

слабным вниманием готовы смотреть ее, как и в первый раз.

Огромное впечатление на них производили большие людские массы. Веками жил народ небольшими промысловыми поселениями, часто ограничивавшимися одной семьей. Им не случалось видеть людских коллективов, больших, чем команды нескольких судов, заходивших в бухту Провидения. Уже сотня человек в их представлении была громадным множеством, а тут на полотне проходили сомкнутыми колоннами десятки тысяч. Трудно было туземцам представить такую массу людей. Они наперебой спрашивали, где они живут, много ли нужно для них еды. Конные красноармейские массы производили на них ошеломляющее впечатление. Кино вообще давало им много радости, и они часто обращались ко мне с просьбой устроить сеанс. Будучи однако крайне бедны электроэнергией, часто позволять себе это развлечение мы не могли.

Я уже раньше говорил, что туземцы в душе большие спортсмены. Каждый из них стремится иметь лучшую упряжку, чтобы обогнать своих товарищей, каждый из них стремится быть хорошим стрелком. В этом стремлении — не только спортивное чувство: хороший стрелок лучше будет промышлять.

Зная эти стремления туземцев, мы к первому мая — к их приезду — обычно подготовлялись к стрельбам. Состязания в стрельбе мы устраивали серьезные. Они дали бы основание любому из наших стрелков получить значок Ворошиловского стрелка. Дистанция, на которую туземцы стреляли, никогда не была меньше 200 метров; стреляли от 200 до 400 метров. На каждую мишень давалось три патрона. За лучшие показатели устанавливали премии. Обычно бывало три премии, и тот, кто получал первую, бывал этим чрезвычайно горд и доволен; его не так интересовала премия сама по себе, как первенство, которого он добивался на состязании.

В эти же первомайские дни производился прием пушнины. В разных направлениях у склада натягивались веревки, и на них развешивались шкуры песца. Их везли в мешках, в мешках же они хранились в юртах у промышленников. Шкурки слежались, мех измят, вид у них в это время крайне неказистый. Под солнцем на ветерке полоскались воздушно-легкие пушистые шкурки, волос быстро расправлялся, ветерок расчесывал мех и укладывал о́сть к о́сти. Длинными рядами висели песцовые шкурки — валюта, «белое золото» полярных просторов. Промышленники не раз осматривали каждую шкурку. Обнаружив недостаточно чистую, снимали и чистили ее опилками, отрубями или просто сухим рассыпчатым снегом. Соревнование и здесь было не на последнем месте. Промышленники обменивались мнениями, строили предположения, у кого будет больше первого сорта, у кого меньше брака и чья пушнина будет чище.

На снегу у склада распласталось множество белых медвежьих шкур. На иссиня-белом снегу шкуры казались желтовато-кремовыми. Они такие пушистые и чистые, что так и хочется лечь на них и по-ребячьи валяться.

Шкур много, разных размеров и качества. Тут и маленькие нежные ососки, связанные в пушистые пачки, и полувзрослый пестун, взрослый средний медведь, и громадные шкуры матерых самцов. Вот полношерстные с густым мехом шкуры убитых по весне самок, вот летние и ранне-осенние — неполношерстные, с редким мехом.

На веревке висели ладунки медвежьей желчи. Это тоже «золото», — желчь идет за границу.

Поодаль на снегу кучками лежали изогнутые бивни мамонта. Давно исчезло на земле это гигантское животное и память о нем стерлась у людей. Бивни же, пролежав в вечной мерзлоте десятки тысяч лет, появились на поверхности под действием вешних вод. Они поражают своими размерами и добротностью.

Прием пушнины. Определение сорта шкурок.

В мешках и просто на снегу лежали моржевые клыки. Они значительно мельче бивней мамонта, но кость их почти так же плотна и добротна.

Целый год мы отпускали промышленникам различные товары в кредит. Теперь они платили за взятое ранее. При этом подсчитывалось, сколько следует им и кто сколько остался должен.

У склада все время толпились люди. Определялись сорта песцов, мерились и сортировались медвежьи шкуры, взвешивался моржевый клык и мамонтовая кость. Визжала по кости пила — это кто-нибудь распиливал клык мамонта, чтобы отделить первосортные части от второсортных или третьесортных. Проверялась желчь, хорошо ли она высохла, не вытекла ли при извлечении из туши убитого медведя.

Женщины собирались группками и обсуждали будущие покупки. Они часто спрашивали у меня и у Павлова, есть ли на складе тот или иной товар, заходили сами на склад, рассматривали разложенные на полках товары, намечая будущие покупки.

Детвора, снующая между взрослыми, была занята своими «важными» делами. Ребятишки разыскивали бросовые вещи, собирали их, чтобы отвезти в зимовья и там играть с таким увлечением, словно это были современные технически-совершенные игрушки, а не осколки бутылок, коробочки и баночки. Они оживленно суетились, валялись на шкурах медведей, смеялись, оглашая воздух звонкими детскими голосами.

А над всем этим высоко, в светлом ультрамарине неба, спокойно шествовало солнце, заливая радостью горячих лучей этот заброшенный в бескрайные полярные просторы советский форпост.

Целую неделю на фактории царит необычайное оживление: снуют люди, проходя от дома к складам, то-и-дело слышен людской говор; соединенный хор сотни собачьих глоток оглашает окрестности своей наводящей тоску

С товарами домой, в становища.

песней; то в одной, то в другой упряжке возникают собачьи потасовки, и шерсть летит клочьями.

После сдачи пушнины и сырья промышленники забирали из складов промысловое снаряжение, продукты питания и предметы ширпотреба. Нужно было сделать заготовки на всю весну и лето. Скоро начнет таять снег, дороги испортятся, и на факторию можно будет попасть только пешком. А на себе многого не унесешь.

Но вот все сделано. Людей становится меньше. Нарта за нартой уходят с Роджерса в свои зимовья, и фактория вновь погружается в тишину.

Только иногда раздастся голос человека, взлает пес, или издалека донесется стенание летящей чайки.

Глава XIII

НА СБОР ГУСИНЫХ ЯИЦ

Весна на острове Врангеля — время «хлебное». Массами прилетают гуси. В нашем распоряжении было достаточное количество превосходной дичи.

Когда птицы начинали гнездовать и класть яйца, население острова отправлялось на сбор яиц.

Массовый сбор яиц на острове возможен на птичьих базарах, где можно собирать громадные количества яиц белогрудой кайры и других птиц, гнездующих на скалах, а также на тундровых гнездовищах, главным образом гусиных.

Добыча яиц на базарах трудна и опасна. Забраться снизу на отвесные скалы — дело невозможное; поэтому туземцы, собирая яйца, практикуют спускание сборщиков на ремнях сверху. Сборщики, вися с мешками, собирают в расщелинах яйца кайр.

Туземцы, жившие на мысе Блоссом и в устье реки Гусиной, ухитрялись таким способом набирать по несколько тысяч яиц. Собранные яйца они сохраняют, закапывая их в песок на косах, причем туземцы утверждают, что яйца хорошо сохраняются. Нам не приходилось есть яйца, долго пролежавшие в песке. Полагаться на заверения туземцев в этом отношении не следует, так как они с удовольствием потребляют насиженные яйца или

сквашенное мясо. Слегка попорченные яйца, которые мы отказывались потреблять, они с охотой ели.

Мы обычно не занимались сбором яиц кайр, а отправлялись на сбор гусиных яиц. Это дело более простое и дает не худшие результаты.

Обычно в начале июня с фактории отправляется вглубь тундры несколько нарт. К этому времени снеговой покров на тундре почти сходит, и только в руслах рек остаются залежи снега. Путь поэтому пролегает всегда по руслам рек.

Не каждый год бывает удачным по сбору яиц. Весна 1931 года, например, была в этом отношении чрезвычайно неудачной. Несмотря на то, что мы выехали на сбор с некоторым запозданием — из-за состояния снегового покрова — и ездили в течение двух недель, до двадцатых чисел июня, — мы яиц не нашли. Это произошло не потому, что гуси стали хитрее и тщательнее прятали свои гнезда, а потому, что в этом году на острове гуси не гнездовали.

Вся тундра, как никогда раньше, была плотно покрыта снегом, причем еще в середине июня часто бывали пурги. Поэтому даже и на тех местах, где тундра обнажилась, гуси гнездовать не могли. Мы встречали бесчисленное множество гусей, носившихся в воздухе в поисках мест для гнезд, но найти такие места им не удавалось.

Совы в эту весну также гнездовали плохо. За две недели бродяжничества по острову мы не встретили ни одного гнезда совы. Это окончательно выбило гусей «из колеи». Если они и находили удобные для устройства гнезд участки тундры, так там не было гнезда совы, беспрерывно шнырял песец, и гуси гнездовать не могли.

Мы набили гусей на пищу и корм для собак, но яиц нам все же в эту весну найти не удалось. Пять нарт ездили в поисках яиц, избороздив своими полозьями снег всех частей острова вдоль и поперек. Они потратили на это больше двух недель и... не привезли ни одного яйца.

Весна 1931 года была наиболее неудачной за все пять лет.

В 1932 году я в сопровождении Павлова пятого июня выехал на сбор яиц. Мы решили отправиться первоначально в верховье реки Мамонтовой, ожидая, что там уже сошел снег и мы встретим гнездующих гусей. Несколько раньше выехал на сбор яиц промышленник Скурихин.

Поднявшись к верхнему течению реки Хищников, мы увидели идущую вдалеке навстречу нам нарту. Через некоторое время видим, что возвращается Скурихин.

— Ну, как, Сергей Афанасьевич, дела? — спросил я его.

— Плохо, — ответил Скурихин.

— Что, нет яиц?

— Ничего не нашел. Еду пустой.

Я подошел к его нарте. Тара для яиц почему-то была набита пухом и мхом. Я поднял слой мха, там... лежали яйца.

— Ты что, шутишь, Сергей Афанасьевич? Ведь набрал яиц!

— Да, собрал.

— Сколько же?

— Пятьсот штук.

— А где?

— Да тут, по Мамонтовой реке.

Приехав на намеченное место, мы увидели, что тундра на несколько квадратных километров была усеяна гусями, а в центре, на небольшом холмике, обосновалась сова.

Место, избранное гусями и совой для гнездовища, было замечательным. Закрытая со всех сторон высокими горами широкая долина реки Мамонтовой почти недоступна для ветров. Небо круглые сутки было ясно, и солнце жгло немилосердно. Оно ходило над верхушками гор и ни на минуту не прекращало одарять этот замкнутый горами клочок земли светом и теплом. Склон от подножья гор к руслу реки зеленел травой и был густо про-

питан влагой. Бесчисленное количество ручейков и микроскопических озер сверкало под лучами солнца, как зеркальные осколки. Нежнейший рокот водяных струй наполнял пространство, сливаясь с гоготом гусей и шелестом крыльев беспрестанно перелетавших птиц.

В центре острова. Лагерь сборщиков гусиных яиц (1932 г.).

Самки сидели на гнездах, гусаки или паслись тут же неподалеку, или задумчиво стояли у самого гнезда, временами переступая с ноги на ногу, как будто охраняя покой подруг.

За горы, на юг, на тундру, к морю, на пастбище улетали небольшими партиями. Другие возвращались обратно, тяжело нагруженные пищей.

Наши собаки, завидя гусей, подняли невероятный гвалт. Пришлось их хорошенько вздрючить, чтобы они успокоились.

Трое с половиной суток мы обходили гнезда и собирали яйца.

Гуси не улетают от гнезда, когда к нему подходишь.

Они потихоньку уходят от места, где расположено гнездо, не проявляя беспокойства, и так же потихоньку возвращаются к гнездам, когда уходишь. Улетая на пастбища, гуси закрывают гнезда с яйцами мхом и травой. Проделывают это они с таким мастерством, что гнездо оказывается хорошо замаскированным, и нужно умение, чтобы найти его. Сверху обнаружить гнездо, закрытое травой, невозможно. Поэтому пернатые хищники, пролетая над ними, оставляют их в покое.

Ко времени сбора яиц большинство гнезд имеет от двух до шести яиц. Первые по времени обычно бывают засиженными; в тех же гнездах, где яиц четыре и меньше, все яйца свежие.

Для того, чтобы не «обижать гусей», я неоднократно предлагал товарищам, отправлявшимся на сбор яиц, проверять яйца на засиженность и брать только свежие яйца. Если же в гнезде оказывались все яйца свежими, то обязательно оставлять одно яйцо. В противном случае гусыня покидает гнездо и больше в этом году откладывать яиц не будет. Если же в гнезде оставить одно яйцо, гусыня положит еще и выведет молодь. Таким образом, запасаясь яйцами, мы в то же время не уменьшали выводка гусей.

Найдя гусиное гнездовище и собирая яйца, не следует трогать гнездо совы. Если даже совершенно не трогать гусей, а разорить только гнездо совы, — все равно гуси в этом месте молодь вывести уже не смогут, так как совы, найдя свое гнездо разрушенным, покинут это место, оставив гусей без защиты.

Обычно песец в районе гнезда совы не показывается совершенно. Бургомистры[1] и поморники, если и пролетают в этом районе, тоже не рискуют задерживать свой полет.

Как-то нам необходимо было настрелять гусей для корма собакам. Чтобы не беспокоить гусей и сову, я ушел

---

[1] *Крупные чайки.*

подальше и там залег в ожидании летящих гусей. Скоро на земле лежало несколько убитых гусей, но этого было еще мало. Недалеко пролетал бургомистр. Заметив трупы гусей, он повернул и начал кружить, немереваясь сесть. На меня он обращал мало внимания. Я ждал, когда он очутится ближе, чтобы подстрелить его. Вдруг над моей головой что-то прошумело, и тут же я увидел самца совы, налетевшего на бургомистра. Последний и не думал сопротивляться. Крича, он удалился прочь, сòвин же возвратился на свое место.

Помимо человека, у гусей имеется большое количество других врагов — любителей яиц. Бургомистры, поморники, вороны и особенно песцы являются большими лакомками гусиных яиц. Появление одного из этих хищников в воздухе или на земле является угрозой и для гнезда совы, и самец обычно прогоняет непрошенных гостей.

Сова обычно сидит на гнезде, а сòвин в это время сидит где-нибудь поодаль на более возвышенном месте и озирает окрестности. Увидев что-либо, угрожающее гнезду, он снимается с места, храбро нападает на непрошенного гостя, и пришелец обычно стремится уйти.

Так же храбро сóвин нападает и на человека. Когда подходишь к гнезду совы, она спокойно слетает с гнезда и безучастно садится поодаль. Самец же снимается со своего места, садится недалеко от охотника на землю и первоначально пытается его испугать. Он раскрывает крылья, волочит их по земле, шипит, стучит, как кастаньетами, клювом, вращает желтыми глазищами и переваливаясь тихо идет или прыгает к человеку. Попытки испугать не приводят к желаемому результату. Человек приближается к самому гнезду. Тогда сòвин снимается и носится над головой, стучит клювом и злобно кричит. Но и это не помогает. Самец поднимается высоко в воздух и камнем падает на пришельца. Если в это время не отмахнуться чем-нибудь, ружьем или палкой, сòвин вцепится когтями в шапку. Нападая на песца, он обычно хватает его

Павлов, Минеев и Анакуля перед отправлением в научную экскурсию по острову (весна 1930 г.).

за шерсть спины и поднимает в воздух. Поднявшись высоко, он сбрасывает зверька и тем самым убивает его. То же он проделал бы и с шапкой. Снова высоко поднимается он вверх, делает один-два круга, чтобы набрать высоту, и опять камнем падает на человека.

Жутко бывает стоять в это время у гнезда: хотя и знаешь хорошо, что у тебя в руках палка или ружье и что вреда тебе птица не причинит, но когда на тебя с большой высоты несется с огромной скоростью озлобленный хищник, формой напоминающий снаряд, с тремя темными пятнами глаз и клюва, когда этот «снаряд» злобно стучит клювом и метит прямо в твою голову, — мурашки начинают ползти по спине. Невольно кричишь «кш-кш», как будто имеешь дело с курицей, а не со свирепым пернатым хищником.

Так носится он до тех пор, пока человек не уйдет прочь. Когда уйдешь на необходимое, по его мнению, расстояние, совин оставляет тебя в покое и возвращается обратно, а сова слетает и, сделав круг над гнездом, садится на прежнее место. Если опять подойти к гнезду, «спектакль» в точности повторится.

Нам необходимо было для коллекции добыть несколько самцов в брачном наряде. Зная манеру самца нападать на человека, подошедшего к гнезду, мы использовали это и убили несколько самцов. Раненый самец не отступает, а продолжает нападать на пришельца и защищать гнездо.

В эту поездку мы с Павловым собрали 800 штук яиц. К моменту, когда мы уже окончательно упаковали яйца и начали грузить нарты, подъехал промышленник Таяна. Он за время, что мы собирались уезжать, ухитрился собрать до 200 штук яиц. Таким образом, с этого гнездовища, — здесь побывал раньше нас Скурихин, — было собрано полторы тысячи яиц. Кроме того, мы оставили гусям на «развод» некоторое количество яиц.

Добыча гусиных яиц легче, чем добыча яиц на птичьих базарах, но и это дело довольно трудное и сопряжено с

большим риском. В момент, когда едешь на сбор яиц, начинают «идти реки», иначе, говоря языком жителя средних широт, — вскрываются реки.

Реки острова Врангеля совершенно отличны от обычных рек, и вскрытие их совершенно не напоминает знакомого всем явления. Обычно вскрытие рек происходит за счет вешних вод, которые поднимают уровень реки. Лед поднимается, взламывается и уносится течением. Чтобы река так вскрылась, необходимо зимнее, подлёдное течение. В реках же острова Врангеля зимой подлёдного течения нет совершенно. Река по существу представляет собою безводное русло, заваленное снегом, плотно спрессованным зимними ветрами. В таком случае нельзя говорить о вскрытии.

В вершинах распадков, наиболее подвергающихся нагревающей силе солнца, прежде всего начинают таять снежные массы. Снег постепенно пропитывается водой настолько, что она, наконец, отделяется от снежной жижи и тонкими струйками стремится вниз. Ниже струйки сливаются в ручейки. Ручейки образуют ручей, устремляющийся по верху снежного ложа, пропитывая его постепенно до самого дна. В этом снежном ложе вода вымывает глубокое русло до самой земли, и река течет в высоких снежных берегах. Берега этих снежных каньонов, постепенно размываемые понизу, обваливаются громадными снежными глыбами, русло становится шире, а снега все меньше и меньше.

По осени в руслах рек в большинстве случаев почти не остается снега, — только в местах, трудно достижимых солнцу, снег лежит до новых заносов.

Когда реки только начинают идти, их местами крайне трудно переходить. Мостов нет, приходится в каждом случае идти наощупь. Снег, пропитавшийся водой, образует снежные трясины — «снежницы». Переход через «снежницы» труден и опасен. Толща снега иногда в несколько метров, пропитанная водой, совершенно не оказывает сопротивления ноге, и, ступив в такое место, про-

валиваешься, как в болото, и как бы ты ни пытался выбраться, — одному это не всегда удается, а без помощи извне недолго и погибнуть. При поездках весной вообще надо быть исключительно осторожным. Всегда рискуешь совершенно неожиданно попасть в «снежницу». Часто снег пропитывается водой из-под низу. В таком случае поверхность снега чиста и суха, и он кажется крепким. Собак и нарту снег вначале держит. Но вот собаки начинают проваливаться, и нарта останавливается. Стоит каюру вылезть из нарты и встать на снег, как он тоже проваливается. Немедленно появляется вода. Выбираться из такой трясины невероятно трудно.

Для преодоления «снежниц» необходимы лыжи; нога, вооруженная лыжами и опирающаяся на большое пространство, уже не проваливается. Хотя с трудом, но все же безопасно можно двигаться по «снежнице».

Гораздо хуже переходить через реки, вернее — через бурные потоки, стремительно несущиеся по снежному ложу. Непосредственно под водой находится слой снега, пропитанного и уплотненного течением, напоминающего лед и крайне скользкого. Даже несильное течение представляет большие трудности для перехода. Когда идешь рядом с нартой, еще можно стоять на ногах, держась за нарту; но если нужно перейти через речку без нарты, обычно пользуешься веревкой. Человек, переходящий реку, привязывается веревкой, а другой на берегу держит за веревку, — иначе вода собьет с ног. Зацепиться за что-либо на берегах нет никакой возможности, на дне тоже нет ничего, за что можно было бы задержаться. Если не привязаться веревкой, за которую спутник тебя сможет задержать и вытащить из воды, можно уплыть далеко по течению. А если учесть, что на ногах надеты тяжелые резиновые болотные сапоги или что-либо подобное и, кроме того, одеты теплые вещи и плавать в таком снаряжении невозможно, — станет понятным опасность перехода рек в-одиночку.

Глава XIV

ЛЕТНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОТЫ

Складское хозяйство, которым располагала фактория к нашему приходу, состояло из одного склада из волнистого железа 6 на 12 метров. С собой мы привезли железный склад 6 на 6 метров. Оба эти склада, как хранилища для товаров, были совершенно неудовлетворительны. Первый склад потому, что был стар и изношен. Железо во многих местах проржавело. Оно было настолько ветхо, что ветром его рвало, как бумагу. Склад же, который был привезен нами, оказался плох, потому что мы его строили сами, а строители мы были неважные. Зимой, во время пург, склады обильно забивались снегом; снега было так много, что он затруднял работу. Иногда для того, чтобы достать какой-нибудь товар или ящик, приходилось выбрасывать из склада по несколько тонн снега.

Но, пока стояло зимнее время, можно было не опасаться таяния снега, увлажнения и порчи товаров. Но вот весной, когда солнце начинало основательно припекать, под крышей склада становилось жарко и снег начинал таять, — начинались генеральные работы по уборке снега. Приходилось перекладывать с места на место каждый ящик, каждый мешок, до последнего грамма выбрасывать снег.

Каждый год в эту пору мы вдвоем с Павловым, — иногда нам помогал врач, — выкидывали из складов по много тонн снега.

Впрочем, снег доставлял нам хлопоты не только в складах. Старый дом был построен крайне неудачно, на середине берегового склона. Результатом этого были снежные заносы. Дом ежегодно заносился снегом по самую трубу. Собаки тогда забирались на конек крыши и спали у теплых труб. После каждой пурги приходилось отка-

Дом ранней весной.

пывать окна и двери. Чердак зимой также приходилось часто чистить от снега.

Каждый год, к началу таяния, мы прокапывали вокруг дома глубокие канавы в снегу, чтобы дать дорогу вешним водам. Весной 1930 года мы вместо канавы, по совету Павлова, вырыли у восточной стены дома шахту до самой земли. Он уверял меня, что все три года до этого

они делали так, и вода их не беспокоила. Вырыли шахту и успокоились, хотя я иногда говорил Павлову:

— Зальет нас водой, с ямой этой!

— Не зальет, Ареф Иванович. Нас не заливало.

— Ну-ну, посмотрим.

С началом таяния в яме стала накапливаться вода, постепенно поднимавшаяся все выше. Мы беспрерывно следили за подъемом уровня воды и ждали, когда она прососет снег и пойдет на убыль. Но вода упорно поднималась. Наконец вода появилась в комнатах. В нашей комнате она начала проступать из-под пола, линолеум вздулся, и в местах соединений образовались лужицы, страшно быстро выросшие в лужи, а потом весь пол покрылся сплошь водой, и слой ее становился толще. В комнате врача и Павлова вода начала пробиваться тоненькими струйками через пазы нижнего венца.

Наводнение! Самое настоящее наводнение, хотя снаружи вода была видна только в яме, вырытой в плотном, как белый мрамор, снегу.

Пришлось нам спешно вооружаться кайлами, топорами, лопатами и авралом копать, — как я и предлагал в самом начале, — канаву вокруг дома. Пока мы копали, в комнатах было много воды, легкие вещи плавали, не задевая пола. Потом вода спала, оставив на полу тончайший слой ила. В последующие годы мы каждую весну прорывали канавы, и наводнений у нас больше не было.

На дворе всегда лежали некоторые товары, хозяйственные принадлежности, нужные только летом. Все эти вещи за зиму глубоко заносились снегом, и их также необходимо было ежегодно откапывать.

Товары, которые мы оставили на зиму 1929—30 года на дворе в месте, указанном Ушаковым, как месте, на протяжении трех лет не заносившемся снегом, против нашего ожидания, были занесены глубоким снегом. Над бунтом[1] товара снега намело больше трех метров. Его

[1] *Бунт товаров — товары, сложенные компактно и укрытые брезентом.*

так уплотнило ветрами, что он не поддавался лопате. Снег с поверхности был совершенно сух, и ничто не предвещало опасности для товаров. Но когда мы начали, перед половодьем, раскапывать сугроб, оказалось, что нижние слои снега приблизительно на полметра от земли были пропитаны водой и вода подмочила наш склад.

Баня в наводнение (лето 1930 г.).

Мы быстро вытащили весь товар. Что можно было высушить, сушили. К счастью, большая часть товаров не была попорчена водой, и только несколько мешков сахара растворились совершенно; остальное же — бочки с маслом и запаянные ящики, которые мы положили в самом низу, — хотя и оказались в воде, но не пострадали.

Летом 1930 года я решил строить третий склад. Это решение вызывалось следующим: для обеспечения про-

мысла на протяжении трех лет мы привезли с собой большое количество огнеприпасов. У нас было больше полутонны пороха, несколько десятков тысяч патронов, полсотни тысяч капсюлей для снаряжения патронов, масса китобойных патронов, китобойные бомбы и т. д. Помимо этого, из огнеопасных предметов, которые мы принуждены были хранить в складе, у нас было 300 литров спирта. Все это крайне огнеопасное имущество находилось в продуктовом складе, заложенное в разных местах среди товаров. В случае какого-либо несчастья с огнеприпасами, мы могли остаться не только без единой порошинки, но и без съестных припасов. Поэтому я решил выделить огнеприпасы в особое место. В отдалении от складских помещений и жилых построек началось строительство «порохового» склада.

Каждое лето в то время, когда весенние заготовки птицы и яиц уже кончались, а моржевый промысел еще не начинался, — море еще было покрыто льдом, — мы ежегодно проводили учет товаров, инвентаризацию.

Обычно в течение 2—3 недель мы вдвоем с Павловым, — в первый год нам помогал в этом и врач, — перевешивали, перемеривали, пересчитывали все остатки товаров. К концу инвентаризации все наше хозяйство бывало точно учтено.

Проводя инвентаризацию, мы производили и перегруппировку товаров, перевалива я некоторые из склада в склад, так как не все они расходовались нами одновременно. Поэтому они закладывались в складах так, как это требовалось: то, что предполагалось потребить предстоящей зимою, мы клали сверху, а то, что мы не собирались расходовать в настоящую зиму, мы закладывали подальше.

В 1929 году мы привезли на остров большое количество оленьих шкур, постелей, пыжиков, недорослей, выпоротков, несколько тысяч камусов, необходимых для пошивки одежды и обуви. Забота о рухляди отнимала у нас много времени. Специального помещения для хране-

ния ее у нас не было, пришлось держать рухлядь в общем большом складе. Пыжики, недоросли и прочие легкие меха мы поднимали под конек крыши и размещали на особых полках. Тяжелые пачки постелей, которые мы не могли поднять наверх, пришлось оставить внизу.

Работа по учету товаров. Сидят: Анна и Павлов. Стоят: Старцев и Паля.

Чтобы предохранить меха от сырости внутри склада, были пущены в ход брезенты, паруса и так далее. Но, несмотря на это, снег находил щели и проникал к постелям. Летом приходилось каждую пачку раскрывать, внимательно просматривать каждую постель и, если надо, сушить. Но и в тюки мехов, запрятанные нами под крышу, проникал снег. С ними проделывалось то же, что и с мехом, лежавшим на полу.

Сушить шкуры на острове Врангеля на полу — дело хлопотное. В складе тесно, шкурье негде разложить, другого помещения или навеса у нас не было. Шкуры раскладывались для просушки на земле у склада и придавливались камнями, чтобы их не унес ветер. Только успеешь, бывало, разложить шкуры, как небо хмурилось, начинал накрапывать дождь; спешно приходилось убирать шкуры в склад. Оленьи шкуры — штука нежная, потаскаешь дня два-три, смотришь, уже шерсть лезет, местами сквасилась и приходит в негодность.

Все эти работы отнимали много времени до начала моржевой охоты. Ни у меня, ни у Павлова совершенно не оставалось свободного времени для какой-нибудь другой работы.

Летом 1932 года к острову должно было придти судно со сменой. Нужно было сдавать зимовку новым людям. Проводя учет, мы обращали особенно большое внимание на маркировку ящиков, мешков и тюков с рухлядью. Учитывая личный опыт по приему хозяйства от Ушакова и зная, что времени для подробного подсчета, перемера и перевешивания в связи с множеством всяких дел не будет, я приводил хозяйство в наиболее пригодное для сдачи состояние.

Но нас постигла неудача: в 1932 году судно к острову не подошло, и сдавать хозяйства нам не пришлось.

Глава XV

ВСКРЫТИЕ БУХТЫ И МОРЯ

Тундра давным давно очистилась от снега. Горы стоят голые, бесснежные. Только в распадках, напоминая о зиме, лежат толщи тающего снега. На море все еще царит зима. Правда, лед и здесь изменился, он уже не представляет собой сплошного белого покрова, изборожденного торосами. Весь он изрезан каналами, покрыт озерами, и только сравнительно неширокие перемычки, покрытые снегом, напоминают зимний лед. Но это только вблизи от берега, — дальше в море лед так же толст и крепок, как зимой.

С началом таяния снежных масс на суше вешние воды бесчисленными ручейками, сливаясь в реки, текут к морю. Не в силах пробить броню льда, вода разливается по льду.

Вода, устремляясь с берегов, промывает в снегу каналы, пропитывает весь снег. Между снежными холмами и торосами образуются озера. Но вода неглубока. Очень часто в такое время, когда на льду как будто стоит безбрежное море, мы ездили на собаках охотиться и по другим надобностям.

Но вот ближе к берегам вода постепенно размывает лед. Образуются первые забереги, куда устремляется вода со льда; каналы на льду остаются, но они более резко намечаются. Вода в них на протяжении суток течет то в одну, то в другую сторону. Приливы и отливы, наблюда-

ющиеся у острова, хотя и не так велики, но все же подъем воды сказывается в это время и на воде, в ледяных каналах. В момент полных отливов вода из озер и каналов устремляется в море. В это время каналы совсем мелки и их легко переходить. С приливом, вода поднимается и течет из моря на лед. Уровень воды в каналах поднимается, и переход их становится затрудненным.

Растекаясь по каналам, вода разрушает лед. Лед также разрушается и общими морскими течениями. Снизу лед разрушается по всей поверхности равномерно, сверху же он больше разрушается по каналам.

Этот процесс охватывает только сравнительно узкую прибрежную полосу, и прежде всего бухты. Чем дальше в море, тем меньше вешних вод. Когда нам случалось ездить по льду на большие расстояния, мы, чтобы не испытывать всех неудобств мокрой дороги, уходили подальше от берега.

В бухтах всегда наблюдается очень интенсивное движение воды по каналам, и поэтому бухты и непосредственно к берегу прилегающие области льда разрушаются прежде всего. Первые забереги, в которые уходит вешняя вода, расширяются. Они увеличиваются за счет взламывания ближних участков льда. В них раньше всего начинают плавать отдельные мелкие льдины. Этот процесс взламывания постепенно идет дальше от берега.

На помощь солнцу и воде в их разрушительной работе приходит ветер. Ветер до поры до времени как будто не оказывает никакого влияния на лед, но вот наступает какой-то критический момент, когда основательно разрушенный лед уже не может сопротивляться мощному напору воздушных масс, и происходит общая подвижка. В таких случаях в бухтах лед взламывается первоначально в подветренных частях и весь прижимается к противоположному берегу. С прекращением ветра лед разжимается, занимая опять всю поверхность бухт. Но это уже не сплошная неподвижная ледяная броня, а взломанный лед, хотя занимающий еще все пространство бухты. Он начинает

беспрерывно двигаться по воле прилива и отлива. Льдины при столкновении крошатся, вода продолжает их размывать. Через неделю-полторы льда в бухте остается очень мало. До тех пор, пока не произойдет взламывания льда на море, лед в бухте плавает, как в закрытом озере.

У южного берега острова Врангеля лед на море взламывается обычно во второй половине июля — между 15 и 20 числами месяца, хотя бывает и раньше и позже.

Обычно лед уходит от берега под действием сильных ветров, чаще всего NW и N, но иногда лед начинает двигаться и в почти совершенно тихое время. Случай начала подвижки льда в безветрие мы наблюдали только однажды — весной 1930 года. В этот день мы с Власовой пошли охотиться на гаг, только что начавших прилетать на остров. С трудом перебрались мы по льду бухты на внешнюю косу и шли к устью реки «Нашей», поминутно осматриваясь. С востока дул легчайший ветерок. Небо было закрыто тучами, но дали были ясны. В пути Власова обратила мое внимание на какой-то странный, постепенно нараставший шум. Мы остановились, прислушались. Шум шел с востока. Я решил, что идет большой ветер. Успокоившись на этом, пошли дальше.

Несколькими минутами позже она окликнула меня.

— Смотри-ка, а лед-то движется!

— А ведь верно, пес его возьми, лед пошел.

— Вот что шумело. Вовсе не ветер, как ты думал.

Лед двигался с востока на запад, всей массой, за исключением нескольких десятков метров береговой полосы, сидевшей, как видно, на грунте.

Мы долго стояли, как зачарованные, наблюдая за льдом. Мимо нас медленно проплывали громадные торосы. Ледяные поля, изборожденные громадными морщинами, как тени двигались мимо нас. Движение колоссальных масс льда было почти бесшумным; только шуршание временами достигало значительной силы, но и оно временами падало почти до полной тишины. Это было так необычно, что казалось сном, а не действительностью.

Чему приписать эту форму взламывания льда? Можно сделать два предположения: или сильному ветру, поднявшемуся где-то к северо-востоку от острова и не задевшему его, или сильному течению, наблюдавшемуся в проливе между островами Врангеля и Геральд. Скорее всего последнее, так как общему движению льда с северо-востока мешает массив острова Геральд.

В остальные же годы лед окончательно взламывался помощью ветра северных румбов, больше всего норд-вестовых или чисто нордовых. После многих часов беспрерывной «работы» шторм нарушает связь ледяной коры с прибрежными частями острова. В таких случаях вся масса льда, насколько видит глаз, начинает медленно, но неуклонно отходить от берега.

Летом 1932 года мы ждали прихода судна со сменой, и нас особенно интересовал ледяной режим. Мы очень часто обсуждали вопрос о том, когда уйдет лед, как он уйдет, даст ли возможность судну пройти к острову.

17 июля мы работали в складе. Вытащили часть рухляди для просушки на солнце, — было совершенно тихо и тепло. Неожиданно с гор упал нордвест, с каждым часом крепчая. Через 2—3 часа ветер достиг силы шторма. Мы принуждены были прекратить работу и, убрав рухлядь в склад, обратили все внимание на море в надежде, что лед оторвет ветром.

Ожидания нас не обманули. Первоначально показалась узкая, как будто бы проведенная пером, чернильно-темная полоска. Она была настолько узка, что мы сразу не поняли, в чем дело, и только когда мы ясно заметили, что полоска стала расширяться, мы все возбужденно закричали: «лед оторвало! лед оторвало!» Значит, море у острова очистится от льдов.

Ветер продолжал свирепствовать, и я опасался, как бы он не произвел каких-либо разрушений на нашем складе. Полоса воды становилась все шире, уже начали плескаться волны, они появились у края льда и брызга-

лись, а лед уходил все дальше и дальше. Из бухты начало уносить отдельные льдины и прибивать их к кромке уходящего льда.

Так хорошо начавшееся освобождение побережья от льда однако не закончилось так же хорошо. Зимой

Моторный вельбот и кунгас, груженые моржевым мясом, по пути к северу. Стоянка в лагуне р. „Нашей" (1930 г.).

приблизительно в 10—15 километрах от острова почему-то происходило чрезвычайно интенсивное торосообразование. Лед был вздыблен в громадные торосистые гряды, идущие параллельно берегу. Торосы были так велики, что ни ветер, ни вода не могли ничего с ними сделать. Прибрежное поле льда, разрушенное вешними водами и действием солнечных лучей, сдвинулось силой напора ветра, спрессовалось о торосистую гряду и дальше не пошло.

Образовавшаяся широкая, до 4—5 километров, полынья воды после того, как ветер прекратился, начала постепенно покрываться разжимающимся льдом, пока не закрылась полностью. Это уже не был сплошной неподвижный лед. Это был крупно-битый, мятый лед, но ему некуда было деваться, и он все лето, пока судно, шедшее к нам, билось во льдах, носился в прибрежной полосе из стороны в сторону, постепенно мельчая.

Как только на море взламывался лед и очищалась бухта, начиналась навигация. Правда, и до этого мы плавали по бухте между льдинами на парусиновых каяках, кожаных байдарках, но главный вид нашего транспорта — вельботы — на воду не спускали. Как только бухта очищалась совершенно и лед на море взламывался, мы быстро спускали на воду моторный вельбот и выходили в первое пробное плавание для проверки мотора.

За неделю или больше до вскрытия моря мы между другими делами подготовляли и наши плавучие средства к работе: красили корпуса вельботов, собирали разобранный на зиму мотор, тщательно чистили его, притирали клапаны, устанавливали мотор на вельбот, пробовали. В общем, готовились к летней страде — охоте на моржа.

В это же время мы подготовляли и прочее промысловое снаряжение: точили гарпуны, готовили ремни, поки и прочее. Приводили все промысловое хозяйство в готовность, чтобы по самой первой воде можно было отправиться на промысел моржа.

У нас не было специального моториста. Правда, младший радист Боганов, бывший в то же время и мотористом радиостанции, имел некоторое представление о двигателях внутреннего сгорания, но он не мог уделять много времени и нашему мотору, и моржевой охоте, и другим надобностям островного хозяйства. Поэтому мне самому пришлось освоить обращение с мотором и превратиться в моториста. Но и я не всегда мог покинуть фак-

торию. Чтобы не связывать промысел, я научил этому делу Павлова, а позже и промышленника Старцева.

Мотор на нашем вельботе был несложный, да и ученики были толковые. Двух-трех дней занятий с ними было достаточно, чтобы сделать их способными к самостоятельному обращению с мотором. Работали они не плохо. Мотор, привезенный нами в 1929 году без единой запасной части, работал безотказно все пять лет, и сдали мы его в 1934 году нашей смене вполне работоспособным и исправным.

Глава XVI

МОРЖИ

Морж, — этот громадный зверь, достигающий веса до полутора тонн, — имеет для колонизации острова исключительное значение. Да и не только острова. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что морж является основным продовольственным животным для всего побережья северо-восточной части Полярного океана и побережья северной части Берингова моря. Наш северо-запад, изобилующий громадными стадами гренландского тюленя, не особенно нуждается в морже, как побережья, указанные выше.

Другие ластоногие встречаются у острова в незначительном количестве. Заменить, хоть в малой степени, моржа они не могут.

Морж туземцами используется весь. Все, что могут съесть люди и собаки, — поедается. Клык продается, жир частью поедается, частью сжигается в качестве осветительного или отопительного материала. Моржевое мясо является главным материалом для песцовых приманок. Шкура моржа обычно скармливается собакам, но иногда ее поедают и люди. Незначительная часть шкур убитых моржей используется в хозяйстве для различных надобностей. Ее использование универсально: шкурой обтягивают байдару; ее режут на длинные ремни и употребляют вместо троса при отсутствии шкуры лахтака, делают

подошвы к торбозам; как линолеумом застилают пол юрты; при отсутствии другого строительного материала, делают из нее стены и крышу юрты.

Для разных надобностей используются шкуры зверя разных возрастов. Подошвы, как правило, готовятся из касекаков (ососки), на ремни идет ункувак (пестун), на байдару лучше всего агнасалик (молодая половозрелая самка). При нужде, конечно, можно обтянуть и «старухой», но агнасалик — лучше. Шкуры старых матерых самцов совершенно не употребляются из-за толщины и трудности обработки.

Ежегодно, ко времени взламывания льда, к берегам острова приходит громадное количество моржей. Мелкое илистое дно, богатое различными придонными животными, является прекрасным пастбищем для этой «коровы» Северного Полярного океана.

Запасы моржа у острова колоссальны. Нам неоднократно случалось наблюдать на льду лежбища моржей во много тысяч голов. Бывало, подходишь к кромке льда, отстоящего от берега на полтора-два десятка километров, видишь, как весь горизонт, насколько хватает глаз, буквально усеян черными пятнами моржевых лежек, при чем многие из этих лежбищ имели по несколько сот голов. За 5—6 километров рев их доносился ужасным концертом. Вблизи он оглушал, и часто нужно было кричать, чтобы расслышать хоть слово соседа. А ведь не вся масса моржей кричит сразу. Кричат лишь обеспокоенные чем-либо одиночки. Но моржей так много, что рев этих «одиночек» на расстоянии сливается в общий гукающий гул.

Кормится морж у самого берега, пасясь в-одиночку или парами, но чаще всего партиями по десятку и более особей. Мы часто наблюдали пасущихся моржей. Время от времени то в одном, то в другом месте расступается вода, и показывается хоботообразная голова, вооруженная парой громадных — иногда до метра — клыков.

Появившись над водой, животное с шумом выпу-

скает из легких запас воздуха, что сопровождается фонтаном брызг. Несколько минут морж лениво плавает, с сопением отдуваясь, потом, набрав полные легкие свежего воздуха, делает под водой движение задними ластами и уходит в воду головой; показывается бурый бугор спины, и, наконец, задние ласты, поднявшись почти вертикально над водой, скрываются от наблюдателя. Спокойно ныряющий морж напоминает человека, занятого таким же делом.

В спокойном состоянии морж остается под водой от трех до пяти минут, но в моменты опасности может оставаться под водой значительно больше.

Выходит морж из воды, лежа на брюхе или на спине, накренившись под углом в 75°. Мне лично случалось наблюдать подъемы моржа из воды так близко, что я различал даже морщины у глаз.

Однажды на промысле, встретив стадо пасущихся животных, мы начали расстреливать тех из них, которые выходили неподалеку из воды. Я работал в вельботе у двигателя. Неожиданно у самого борта я довольно глубоко под водой заметил поднимающегося моржа. Мощная масса мяса и костей, не торопясь работая передними ластами, рассекала воду. В зеленой массе, как под стеклом, двигалось чудовище, с каждым мигом все больше и яснее выступая из мрака глубин. Через несколько мгновений вода с шумом раздалась, показалась усатая морда и мощные бивни. Но, услышав треск винтовок и уловив бензинно-масляную вонь мотора, не успев как следует подняться над водой, морж камнем ушел под воду. Он проделал это с такой молниеносной быстротой, что я, заинтересованный видом поднимающегося зверя, не успел предупредить промышленников, и морж ушел невредимым. Мне больше никогда не пришлось так близко наблюдать спокойно поднимающееся на поверхность воды животное. Глаза этой «коровы» северных морей своим выражением походили на глаза какой-нибудь деревенской «буренушки» и страха поселить, конечно, не могли.

Когда морж видит близко что-либо ему угрожающее и если он не совсем еще вышел из воды, он иногда тихо уходит под воду, и только круги на этом месте свидетельствуют, что тут действительно был морж, а не призрак.

Как-то в один из промысловых дней 1931 года мы вчетвером долго бороздили море в поисках моржей. Море было довольно бурно, дул ровный, хоть и не очень сильный восточный ветер. Вельбот бросало, как ореховую скорлупу. Ветром лед угнало от берега очень далеко, только кое-где попадались отдельно плавающие льдины. В такую погоду я не решался уходить далеко в море. Наконец, километрах в 10—12 от берега встретили небольшую льдину, сплошь усеянную моржами. Их было штук около пятидесяти. Подойти к льдине в упор на байдаре нечего было и думать: на льдине не оставалось и метра свободной площади, да и сама по себе она была неудобна для высадки. Нам показалось, что моржей несет ветром к большой льдине, стоящей на «якоре». Мы высадились на нее. Часть людей с байдары перебралась на рядом расположенную, тоже заякорившуюся льдину. После первых же выстрелов моржи ушли в воду. Я был на вельботе и с винтовкой в руках ждал появления моржа вблизи. В момент, когда у меня уже иссякла надежда, у самой кормы вдруг вынырнул громадный самец, но я не успел поднять винтовку к плечу, как его уже не было над водой. По этому месту катились волны, можно было подумать, что морж просто пригрезился. Но эта «греза»... весила по меньшей мере 40—50 пудов.

В нормальной обстановке морж, находясь над водой, ныряет вперед и делает это медленно. Но если он уходит от опасности, он тонет камнем. В таких случаях ни бугра спины, ни задних ласт над водой не увидишь. Морж словно проваливается.

Набив желудок различной снедью со дна морского, моржи отправляются на лед, выбирают удобную для себя льдину и предаются сну. Но морж спит не только на льду

или на удобном для этого берегу. Он часто довольствуется и сном на воде.

Из ластоногих, водящихся у острова, способностью спать на воде обладает, кажется, только морж. За все пять лет промысла в водах острова нам не приходилось наблюдать спящих на воде лахтака или нерпу.

Когда подходишь близко к стаду спящих на воде моржей, то видишь только несколько бурых бугров, выдающихся из воды и свободно уносимых течением. Только вглядевшись, начинаешь замечать в этих буграх признаки жизни. Время от времени то один, то другой бугор скрывается под водой, появляется тупая морда с закрытыми глазами, раздается шумный вздох. Опять морда ушла под воду, и над водой остается бурое возвышение. Слегка покачиваясь, оно плывет по течению. Эти вздохи повторяются через каждые 10—15 минут, и если моржей не беспокоить, то они, отдавшись течению, спят, убаюкиваемые легким покачиванием. В таком состоянии они могут пробыть неопределенно долго.

Спят на воде моржи и в другом положении: стоя вертикально. Тогда над водой видишь голову, шею и верхние части плеч; все остальное — под водой. Сон в таком положении не требует движения для вдохов и выдохов. Животное совершенно неподвижно и движется только волею течения. Но, несмотря на то, что такой способ сна, казалось бы, удобнее, моржи к нему прибегают реже, чем к первому. Впервые спящего таким образом моржа я увидел издали. Рассматривая льды в сильную зрительную трубу, я обнаружил какой-то темный конический предмет, уносившийся течением. Долго силился я понять, что это такое, но безуспешно. Я окликнул рядом находившегося Павлова. Посмотрев в трубу, он сообщил, что это спящий морж. Однажды на охоте, встретив спавшего так моржа, мы тихо подошли и загарпунили его.

К спящему на воде моржу подойти гораздо труднее, чем к спящему на льду. Любопытно, что если хоть один морж заметил что-либо угрожающее, он без звука ухо-

дит в воду. В тот же миг все спящие моржи уходят под воду, даже не подняв головы. В этом случае весьма кстати поговорка: «ушел как ключ в воду». Они уходят в воду до того тихо и незаметно, что если море гладко, как зеркало, то на месте, где только что был морж, не остается даже волнения, обычного при нормальном нырянии моржа. Только несколько минут спустя, далеко от этого места, появляется группа моржей, неторопливо уходящих в открытое море. Очевидно, у спящих моржей имеется какой-то способ беззвучной сигнализации, повинуясь которому они мгновенно уходят от места «приятных сновидений», которое почему-либо стало вдруг опасным и неприятным.

В спокойном состоянии морж не кричит под водой, — нам, во всяком случае, не приходилось этого наблюдать. Но израненный, агонизирующий зверь иногда трубит под водой, и тогда его рев на поверхности хорошо слышен. Жутко становится, когда в почти абсолютной тишине из-под воды несется гукающий рев.

Морж, в отличие от лахтака и нерпы, животное общественное.

Моржи не ложатся на окраинах больших ледяных полей, а всегда выбирают свободно плавающую льдину. Если льдину, на которой залегли моржи, течением или ветром подносит вплотную к ледяному полю, моржи с этой льдины уходят, хотя им ничто не угрожает. Если же вокруг льдины, на которой они лежат, скопился битый лед, то на это моржи внимания не обращают.

Лежат моржи на льду страшно тесно и беспорядочно. Не только плотно друг к другу, но и друг на друге. Это приводит к постоянным дракам из-за места. То один, то другой морж поднимает туловище на передние ласты и наносит клыками несколько ударов неспокойному соседу. Более слабый с ревом сторонится. Но, посторонившись, он причинил неудобство рядом лежащему моржу... и история повторяется. Если моржи силами равны, то бой может длиться долго.

Драка, происходящая в большой тесноте, неизбежно беспокоит окружающих. Я наблюдал, когда рядом лежащие моржи нападали или на обоих или на одного из дерущихся и тем быстро прекращали драку. Побитый морж с льдины не уходит, а устраивается где-нибудь поблизости, может быть, и менее удобно, чем раньше. За все время охоты мы не наблюдали бегства с лежбища побитого моржа.

В большие компании для сна на воде моржи не собираются. Обычно льдина, облюбованная хотя бы одним моржем, на которую он и выходит, постепенно заполняется мимо проходящими в поисках спален моржами. Иногда льдина столь густо заполнена спящими животными, что, как говорят, «курице некуда клюнуть», но проходящие пытаются на ней устроиться, и иногда это, после долгих стараний, им удается. Так создаются перенаселенные «дортуары».

Чаще всего лежки располагаются по кромке льда, в непосредственной близости друг от друга. Таким образом, получается, что на небольшой сравнительно территории скапливается по несколько сот лежек и моржи в них исчисляются тысячами голов.

Расстояние от берега до лежек определяется расстоянием до кромки льда. У острова лед присутствует всегда и крайне редко уходит дальше двух-трех десятков километров. [1]

Моржа в летнее время можно найти в любой части побережья, но особенно богато им северное побережье. По рассказам эскимосов, моржи заходят большими массами в бухту, и туземцы часто охотятся, даже не выходя в море.

Береговых залежек моржей на острове не имеется. Раньше, когда в бухте Сомнительной не было поселения,

---

[1] *Если не считать таких периодов, как 1934 год, когда во второй половине лета льда у острова не было почти совершенно. Но такое состояние бывает исключительно редко: во всяком случае за пять лет это был единственный год с таким режимом льда.*

моржи выходили на оконечность косы, но, как только там поселились люди, звери покинули это место. Береговые залежки наблюдаются только там, где лед уходит далеко от берега и на большие глубины.

Коса бухты Роджерс и до появления человека, судя по ряду признаков, не избиралась моржами как место регулярных залежек, хотя как-то осенью 1933 года все население фактории было свидетелем того, как моржи упорно пытались выбраться и залечь на оконечности косы. Несколько дней дул небольшой, но ровный ветер, угнавший лед далеко. Затем ветер неожиданно усилился и достиг силы шторма. На море развело изрядную волну. Благодаря мелкому дну волна была небольшая, но крупная. Пасшиеся в округе моржи, застигнутые штормом, собрались у подветренной стороны косы в большом количестве. Около сотни животных беспокойно крутились в воде у самого берега. Они беспрестанно ревели и пытались выйти на косу. Их, видимо, отпугивал стоящий на самом берегу астрономический знак, поставленный в 1924 году канлодкой «Красный Октябрь». До самой темноты мы наблюдали это стадо, пребывавшее в крайнем возбуждении. Ночью ветер стих, и утром моржей у косы уже не было.

Ососки и пестуны пользуются бережным отношением со стороны взрослых. Лежат они, если лежбище тесно, обычно на спинах взрослых особей. Я неоднократно наблюдал, как сосунки ползали по спинам спящих моржей, и это их не беспокоило и не будило.

Малыши очень часто и в воде совершают путешествия на спинах матерей, хотя они сами отличные пловцы и проделывают все, что положено моржу проделывать в воде, с неменьшим исскусством, чем взрослые. Несмотря на это, очень часто приходилось видет, как морженок, взгромоздясь на спину мамаши и держась за шею передними ластами, плыл, почти до половины выступая из воды. Когда самка уходит под воду, морженок с матери не сходит, а продолжает сидеть на ее спине. Особенно хорошо это бывало видно во время охоты на воде. В та-

кие моменты морженок как бы прирастает к матери и сходит с нее только тогда, когда погоня отстает и морж уходит далеко от вельбота.

Но моржата держатся на спинах матерей до тех пор, пока мать находится в воде и над водой в горизонтальном положении. Когда моржиха выходит на лед и подъем крут, ее спина принимает на некоторое время вертикальное положение. Пока морженок находится в воде, он крепко держится, но как только его тело достаточно обсохло, он скатывается в воду. Однажды мне пришлось наблюдать в продолжение почти двух часов попытки «почтенной мамаши» подняться со своим отпрыском на льдину, плотно покрытую телами моржей. Там, где оставался небольшой кусок свободной площади, подъем был крутой. Сама моржиха при помощи клыков и передних ластов сравнительно легко взбиралась на льдину, но малыш, державшийся за ее спиной, каждый раз скатывался в воду. Вылезшая моржиха начинала устраиваться, но крик малыша сгонял ее опять в воду. Она обходила кругом льдины и опять делала попытку в том же месте, но с тем же успехом. И так много раз. Только наши выстрелы по лежбищу заставили ее вместе с другими моржами уйти в море.

Особенно бросается в глаза общественность моржей, когда бьешь их на лежбище. Стадо моржей часто идет на самопожертвование. Это делается не слепо, а только в тех случаях, когда животные замечают, что кто-либо из стада нуждаеся в помощи.

Неоднократно случалось, что из обстрелянного нами стада ни один морж не оставался убитым на льду или в воде: все стадо поспешно уходило в море, в сторону, нам противоположную. Если же оставались убитые или тяжело раненые моржи, тогда стадо уходить не торопилось, несмотря на убийственный огонь наших винтовок.

Убитых, оставшихся на льдине, живые упорно стремятся столкнуть в воду. Часто всем стадом, с оглушительным ревом и сопением, идут они ко льдине на вы-

ручку товарищей. Только частый огонь заставляет их отступить. Через минуту-две они опять начинают появляться из воды у самой льдины. Некоторым из них, несмотря на огонь, удается выбраться на лед, и, если такой морж не падает убитым, он сбрасывает в воду трупы убитых товарищей.

Паля разделывает на льду ункувака.

Если же морж убит на воде и благодаря запасу воздуха в легких не утонул, тогда к нему под водой подходят моржи и утаскивают убитого на глубину, окончательно потопляя его. Убитых на воде моржат, если они не загарпунены, заполучить в большинстве случаев не удается: моржихи незаметно для промышленников подходят к ним под водой и утаскивают в пучину.

Тяжелораненые моржи, потерявшие способность самостоятельно двигаться, не покидаются собратьями. Я наблюдал, как раненый морж в десятки пудов весом окружается 5—6 моржами и, поддерживаемый ими, понемногу уходит от места боя. Выстрелы в эту кучу не вынуждают бросить раненого. Моржи все вместе ныряют и через несколько минут вновь появляются на поверхности и тащат раненого дальше.

Бывало, что, выведя из-под выстрелов одного подбитого товарища, моржи возвращались и забирали остальных раненых.

Я видел, как моржиха, потеряв в бою морженка и увлеченная стадом, уходила далеко от места боя. Убедившись же в отсутствии детеныша, она возвратилась и долго плавала в поисках его.

Убив моржей на льдине, мы часто не могли подойти к ним на вельботе. Вокруг льдины творится что-то невообразимое. Бешено извиваются десятки могучих тел. С диким ревом и громким сопением моржи уходят в воду и снова появляются на поверхности. Сунуться в эту «кашу» с вельботом значит погубить его: моржи мгновенно превратят суденышко в щепы. И, лишь окончательно выбившись из сил и потеряв еще несколько убитых и раненых, моржи постепенно удаляются, то-и-дело пытаясь возвратиться вновь. Долго еще слышен рев громадных животных, уходящих подальше от этой, роковой для многих из них, льдины. Чем больше лежбище, тем упорнее моржи в стремлении убрать раненых и убитых.

Моржи очень боятся крови и вообще всего красного. Но во время боя, когда из многих кровь бьет фонтаном, окрашивая воду и лед в ярко-красный цвет, они на это не обращают внимания.

Случалось, что промышленникам приходилось выдерживать длительные осады моржей. Вот один из многих случаев. Группа промышленников, человек в 6 — 7, отправилась на парусно-гребном вельботе бить моржей. Встретив несколько лежбищ на льду, выбрали наиболее удоб-

ное для себя. После первого залпа уцелевшие моржи ушли в воду, убитые остались на льду. Промышленники быстро высадились на льдину, вытащив за собой и вельбот. Животные, появившись над водой, повернули к льдине, с которой их только что прогнали. Промышленники открыли огонь, но так как уже было убито семь моржей, а больше вельбот не мог поднять, поэтому стреляли они, целясь в ласты, — ранение для моржа, очевидно, болезненное, но не гибельное. Вода вокруг льдины окрасилась в розовый цвет, но моржи не уходили. Расположенные неподалеку другие лежбища, обеспокоенные тревожным ревом соседей, грохотом выстрелов и пороховой гарью, бросились к соседней льдине. Промышленники, отбивая атаку, расстреляли все патроны, но животные осады не прекратили. Наконец промышленники вылили в воду весь наличный запас керосина, — только это помогло ослабить осаду. Ряды осаждавших начали редеть, и наконец моржи покинули это место. Мне пришлось быть очевидцем неоднократных моржевых осад, хотя и не таких упорных.

Морж обладает плохим зрением, он очень «близорук». Рассмотреть что-либо морж может только в непосредственной близости. За несколько десятков метров, несмотря на то, что он пристально смотрит на предмет, привлекающий его внимание, разобрать, что это такое, морж не может. Чаще всего промышленники подходят на гребных посудинах — обычно на байдарах — к моржам на 20—30 метров. Я, участвуя в охоте, подходил к моржам еще ближе, и они не могли разглядеть характера движущегося предмета.

Однажды мы обнаружили довольно большое лежбище на отдельной льдине. Вокруг лежбища находились небольшие льдины. Нужно было подойти к одной из них, чтобы, высадившись, начать бить моржей. Дул очень слабый вест. Льдина, которую мы облюбовали для высадки, находилась за лежбищем, и нам нужно было идти мимо моржей так, чтобы ветер не донес до животных наших запахов. Я пошел с промышленниками, с целью

снять на кинопленку лежбище и бой моржей. Сев в байдару, двинулись к моржам. Грести нужно было совершенно бесшумно. Распашные весла для этого не годились. Когда мы проходили мимо льдины, расстояние между нами и лежбищем не превышало десяти метров. Как тихо мы ни гребли, все же мы, видимо, обеспокоили лежавших с краю моржей. Сперва один, а за ним еще несколько моржей подняли головы и спросонья пристально вглядывались в нашу сторону. Все сидевшие в байдаре затаили дыхание. Весла замерли в том положении, в каком они находились перед тем, и байдара, как призрак, совершенно бесшумно продолжала скользить мимо встревоженных моржей к намеченной нами льдине. Через несколько мгновений успокоившиеся моржи опустили головы и снова погрузились в сон. Мы возобновили работу веслами и вскоре высадились на льдину.

Я так ясно видел моржей, что различал моргание их глаз. Моржи смотрели прямо на байдару. Они, вероятно, видели лодку и сидящих в ней, но видели смутно, как через матовое стекло. То, что предмет двигался, моржей не удивляло. Они живут среди движущихся льдов. На самом предмете ничего не двигалось, и это их успокоило.

Если бы они хоть на секунду различили на этом предмете живые существа, они встревожили бы все лежбище и ушли бы в воду.

Слух у моржей лучше зрения. Но звуки, как бы они ни были необычны, на известном расстоянии не производят на моржей почти никакого действия. Но если звуки раздаются близко к месту лежбища, моржи начинают беспокоиться и потом уходят в воду, даже если бы на них и не было произведено нападения.

Однажды, проходя мимо лежки моржей, я решил заснять ее на кинопленку и распорядился направить вельбот прямо на льдину. Заслышав шум мотора и громкие голоса людей, моржи забеспокоились, начали подниматься на передних ластах, вытягивать в нашу сторону длинные шеи, но со льдины не уходили. Вельбот шел прямо на

них. Беспокойство моржей возрастало, они тревожно ревели, но со льдины пошли в воду только тогда, когда мы подошли на расстояние не больше десятка метров. Взяв круто вправо, мы прошли левым бортом у самой льдины. Брызги воды от падавших в воду громадных тел обдали вельбот. Примерно так же ведут себя моржи, когда они на воде.

Бывает иногда, что моржи вместо того, чтобы уходить от шума... идут на него. В сентябре 1930 года мы должны были забросить около 400 пудов моржевого мяса из бухты Роджерс на северную сторону острова. На выходе из реки Клер, куда мы заходили на ночь, почти у самого берега кормилось довольно большое стадо моржей. Когда мы поравнялись с моржами, часть из них, услышав шум мотора, пошла к нам. Загруженный вельбот, имея на буксире тяжело нагруженный кунгас, шел медленно. Имея такую скорость, попасть в стадо моржей, хоть и мирно пока настроенных, было не совсем приятно. Желая остановить шедших прямо на нас моржей, я расporядился дать несколько выстрелов в их сторону. Моржи ушли в воду, но через некоторое время снова вышли на поверхность еще ближе к нам. Опять загремели выстрелы, моржи опять ушли в воду. За это время мы успели отойти от прежнего места. Когда моржи вышли из воды, то они были уже за кормой. Хватив запаха бензина и масла, часть из них возвратилась обратно, а часть ушла в море.

Между мысом Пиллер и мысом Уэринг за нами, немного в стороне, долго шло несколько моржей, предводительствуемых старым самцом, обладавшим громадными клыками. Несомненно, они слышали шум мотора. Это их, как видно, мало трогало, они продолжали свой путь вблизи от нас, словно нас тут и не было вовсе.

Наиболее остро у моржа развито обоняние. Часто случалось, что не во-время задувший ветерок портил нам всю охоту. Ветер доносил до далеко расположенных моржей запах людей, и зверь моментально уходил.

Так же резко реагирует морж и на механические раздражения. Если быстро плывущая по течению льдина со спящими моржами сильно столкнется с другой льдиной, моржи моментально уходят. Бывало, подходишь к моржам. Они еще далеко, простым глазом видишь только большое темнобурое пятно. Ветер дует от них. Промышленники, соблюдая предосторожности, не шумят. Вдруг, казалось бы, без видимой причины звери возбужденно поднимаются и быстро покидают льдину. Причиной этого были толчки льдины.

Морж очень любопытен. Мы часто наблюдали, как зверь в-одиночку долго плыл недалеко за вельботом, совершенно не проявляя враждебности. Однажды нам нужно было подойти на веслах к довольно большому лежбищу, голов в 150—200. К льдине шли с двух сторон — на байдаре и на гребном вельботе. Когда байдара была уже недалеко от места высадки, у самой кормы вышла из воды матуха с морженком-сосунком и, не выказывая враждебности, быстро начала настигать байдару. Кричать или стрелять нельзя было, так как шумом можно было разогнать все лежбище. Но и иметь за кормой преследующее тебя животное, находясь в такой утлой ладье, как чукотская байдара, не особенно приятно. Моржиха приближалась и, наконец, подошла столь близко, что ее можно было достать вытянутой рукой. Сидевший на корме промышленник ударил ее по голове поком[1]. Она ушла в воду, но тотчас же появилась снова и так провожала нас до самой льдины. Здесь она ушла под лед и исчезла.

Однажды за нами, — когда мы шли на гребном вельботе, — долго следовал средних размеров самец. Он плыл в непосредственной близости от кормы, стрелять нельзя было, и я ограничился тем, что заснял его на кинопленку. Или, бывало, разделываешь на льду убитых жи-

---

[1] *Пок — надутая воздухом шкура нерпы; употребляется в качестве поплавка.*

вотных, а моржи из любопытства подходили совсем близко. Мы их тут иногда убивали.

Хорошо морж идет на манок. Однажды, разделывая на льдине животное, мы заметили проходящего мимо моржа. Убили мы в тот раз мало. И вот кто-то из охотников начал «гукать», подражая моржу. Он повернул к льдине, подошел к нам так близко, что мы прямо со льдины его и загарпунили.

Морж, особенно молодой, в-одиночку лучше идет на манок, чем группа. Однажды на наши «гуканья» молодой морж так заторопился к льдине, что мы все громко засмеялись. Это его спасло. Подойдя близко, он последний раз нырнул и вышел в метре от льдины. Вместо того, чтобы стрелять в него, мы загалдели, замахали руками, начали швырять в него чем попало. Зверь так обалдел, что только охнул и камнем скрылся в воде, подняв фонтан брызг.

Склонности к нападению на судно промышленников морж большой не имеет. Если бы это животное было более мстительным, то несчастные случаи были бы более часты. За пять лет промысла в моей практике было только два случая нападения на вельбот. В обоих случаях морж нападал в одиночку, и то причиной этому была больше неосторожность со стороны промышленников, чем свирепость зверя.

Однако, отсюда вовсе не следует, что охота на моржа такое же безобидное дело, как, скажем, промысел зайца или мелкого морского зверя. Напротив, дело это довольно серьезное и требует исключительной бдительности от охотников. Если залезешь с посудиной, хоть и относительно крепкой, в гущу возбужденных животных, то от суденышка быстро не останется и помину. Но это не значит, что моржи напали: охотники сами пришли к ним. Нельзя считать нападением и «осады», о которых рассказано выше: стоит убрать со льда убитых животных, и моржи уходят. В большинстве случаев раненые моржи, особенно на воде, стремятся уйти, как бы тяжело ранены они ни были.

Смысл охоты на воде заключается в том, чтобы измучить животное. Когда оно, загнанное, с трудом движется, тогда на него направляют нос посудины. Гарпунер приготавливается бить гарпуном, а стрелок ждет момента, когда гарпун ударится в моржа, чтобы выстрелом в голову прикончить зверя. Для удара гарпуном нужно подойти очень близко. Случается, что гарпунер дает промах, стрелок не стреляет, а морж у самого борта. Если байдара не уйдет быстро в сторону, то морж может оказаться под ней и, защищаясь, будет наносить удары клыками. То же бывает и тогда, когда морж у борта.

Для иллюстрации расскажу о двух случаях, бывших в моей практике. В один из дней охоты среди довольно густого льда мы нашли сравнительно небольшую лежку моржей. Трех моржей убили на льду, остальные ушли. На льду осталась матуха, а касекак и ункувак ушли в воду и вертелись неподалеку, оглашая воздух ревом. Нужно было добыть и их, так как день был не из удачных: добыли всего трех моржей. В погоне за моржами мы наткнулись на «старуху» с агнасалик. Неудачным выстрелом «старуху» утопили, а агнасалик осталась тут же. Она была изранена и истекала кровью. Решили гарпунить. Но едва подошли к моржу, животное нырнуло, и гарпун попал в воду. Морж очутился под вельботом. Дали полный ход, и морж остался позади. Когда он вынырнул за вельботом, он плыл на спине с клыками, направленными вверх. В суматохе мы ничего не заметили, продолжая погоню, и только появление воды в вельботе показало, что морж где-то пробил днище. Вода поступала слабо, мы успевали ее отливать, и потому особенно это нас не беспокоило. Позднейшее обследование показало, что нас выручил только полный газ мотора. Животное ударило, когда вельбот уже успел развить достаточную скорость, поэтому удар был ослаблен и большого вреда не причинил.

Второй случай был более опасен и богат сильными ощущениями. Выйдя промышлять на двух вельботах —

моторном и гребном, мы после безуспешных поисков моржей на льду пошли искать моржей на чистой воде. Через некоторое время наткнулись на небольшую семью, состоявшую из матерого самца и двух самок. После первого залпа одна из самок утонула, а самец и другая самка бросились наутек. Через некоторое время вторая самка также утонула, остался один «старик». Он уже был достаточно изранен, но еще основательно подвижен. Я был на гребном вельботе, с кинамой. На вельботе всего было 5 человек, из них двое на веслах. Когда мы приблизились к антохпаку [1], он ушел в воду и вышел у самого борта. Гарпунер метнул гарпун, но промахнулся.

Стрелять на убой было нецелесообразно: мы и так утопили двух. Морж подошел к борту и ударом клыков пробил борт выше воды. Он закинул клыки на борт и, видно, пытался взобраться в посудину. Эскимосы разбежались на нос и корму и стали бить его веслами и кричать. В момент, когда мы подходили к моржу, я стоял на средней банке с кинамой в руках, готовый заснять удар гарпуна и поведение моржа. Гарпунер промахнулся,— дальше я не снимал, потому что морж полез на вельбот. Отбросив кинаму, я схватил свой винчестер и начал в упор расстреливать зверя. После первого выстрела морж нырнул и вышел с другой стороны вельбота. Я опять ударил его, он опять нырнул и вышел с другой стороны. Я расстрелял все патроны, а морж нырял, продолжая нападать. Туземцы с носа и кормы продолжали пугать его веслами и криками. Когда я увидел, что патронов больше нет, я заорал:

— Винчестер, винчестер!

Паля быстро подал мне свою винтовку, но в ней было только два или три патрона. Опять я закричал: «Винчестер!» Мне Аньялик подал свой винчестер, но из этой винтовки я не успел выстрелить. Подошел моторный вельбот, и Таяна выстрелом в затылок утопил разъярен-

---

[1] *Антохпак — старый, обычно крупный, самец.*

ное, израненное животное. Я обругал Таяну. Убить моржа мы могли и сами, но топить третьего нам не хотелось.

В суматохе не заметили, что вельбот наполняется водой, не слышали мы и удара клыков по днищу. Вода прибывала быстро: дыра, как видно, была велика. Мотор взял нас на буксир, и мы, отливая воду, пошли к ближайшей льдине. Там мы извлекли вельбот на лед и залатали дыру у самого киля.

Оба случая, быть может, и нехарактерны как образец нападения, но других, повторяю, за пять лет пребывания на острове я не видел. Если не лезть «на рожон», не забираться в гущу возбужденных или даже спокойных моржей, не соваться гарпунить раньше, чем следует, моржи сами не нападут. Из моих наблюдений я вывел твердое убеждение, что морж — животное добродушное, к драчливости и нападениям не склонное. Если уж морж и нападает, то только будучи вынужден к этому. Но и в этих случаях морж чаще всего стремится уйти от драки.

Туземцы неоднократно рассказывали нам, что моржи, нападая на вельбот или байдару, не стремятся ее разбить, а только взобраться на посудину. Промышленники Паля и Тагью были очевидцами такого случая. Разъяренное животное закинуло на борт клыки, потом быстро вскинуло передние ласты, перевалилось через борт и подтянуло задние ласты. Взобравшись на байдару, морж не перевернул ее, а когда центр тяжести передвинулся на другой борт, байдара сильно накренилась. Морж неуклюже скатился в воду, перевернув байдару и вытряхнув в воду все ее содержимое.

Однажды взобравшийся на байдару морж был убит выстрелом наповал. Падая на днище, морж пробил клыками шкуру байдары. Клыки его так плотно вонзились в кожу днища, что днище почти не пропускало воды.

«Начиняемые» свинцом животные до того балдеют, что не только лезут на вельбот, — они готовы куда угодно залезть, лишь бы уйти от смертоносных «шме-

лей», посылаемых людьми. Иногда после первых выстрелов вместо того, чтобы как можно скорее уходить, морж начинает метаться из стороны в сторону, лезет на небольшие льдинки, всячески стремится уйти из воды, где ему причинено так много неприятностей. Мы часто убивали на льду моржей, охотиться за которыми начали на воде.

Необходимо рассказать об одной странности. В своей книге «Путешествие на «Мод» Х. Свердруп много раз отмечает, что в желудках убитых ими моржей они, как правило, находили остатки нерп. На острове Врангеля за все пять лет нашего промысла моржа нам ни разу не случалось убить зверя, в желудке которого были бы найдены остатки нерпы. Больше того, из расспросов туземцев нам удалось выяснить, что и за предшествовавшие три года они ни разу не встретили хищного моржа. Проглядеть хищного моржа мы не могли, так как туземцы, как правило, забирают желудок моржа с собой и употребляют его после очистки на разные хозяйственные надобности.

Вообще, туземцы прекрасно осведомлены о существовании хищных моржей, но последние встречаются крайне редко. По их словам, в районе бухты Провидения и мыса Чаплин, где они промышляли до прихода на остров Врангеля, встречи с хищным моржем крайне редки, — не чаще, чем один раз за 5—6 лет. Хищниками бывают только самцы. Клыки у хищников устроены по-иному. Клыки, нормально расположенные, падают вертикально и загибаются несколько внутрь; клыки хищника расходятся в стороны. Чем старше обычный морж, тем ближе сходятся у него концы клыков, а у совсем старых самок концы клыков сходятся плотно вместе. У хищника же клыки к старости расходятся все больше и больше. Хищные моржи необычайно свирепы и первыми нападают на охотников. Насколько все это соответствует истине, трудно сказать. Охотясь на моржей, мы неоднократно встречали животных с расходящимися концами клыков,

но моржи эти по своему поведению, по содержанию желудков ничем не отличались от обычных моржей.

О моржах, поедающих нерп, нам случалось слышать не только от наших эскимосов. Возвращаясь на «Красине» с острова Врангеля, мы слышали от судового врача Чечулина, что он с несколькими товарищами видел моржа, пожирающего нерпу. Было это как будто в проливе Вилькицкого. За пять лет мы убили всего 600—700 моржей, и из них не было ни одного хищника.

Морж приходит к острову очень рано, — еще в мае, июне, когда море плотно укрыто льдом и только кое-где появляются небольшие полыньи. Сравнительно часто на острове случалось убивать моржей во время поездок на собаках. Чем больше разрушается лед, тем больше появляется моржей. Ко времени вскрытия моря, то-есть к середине июля, морж уже в большом количестве находится у берега — в количестве, совершенно достаточном для промысла.

За все годы советской колонизации острова промысел моржа не имел товарного характера, обслуживая только местные нужды. Только моржевый клык является товаром и принимался на склады фактории. Но бить моржа только ради клыка крайне бесхозяйственно, поэтому я категорически запретил бить больше, чем необходимо для удовлетворения местных нужд в мясе и жире. Клыки убитых моржей являлись своеобразным «отходом» промысла.

Ежегодно для внутриостровных надобностей убивалось от 120 до 150 моржей, считая касекаков и ункуваков. В среднем, выходило по десятку моржей на туземное хозяйство, не считая фактории со страховочным запасом.

При наличных хозяйствах можно было бы убить несколько больше, но, так как мы не заготавливали жира и шкурья, в этом необходимости не было.

Мы совершенно не заготовляли шкуры и жир. Не потому, что нам не были даны задания, а потому, что у нас совершенно не было соли для консервирования

шкур, а для жира не было тары. Весною 1932 года я получил от АКО телеграфное распоряжение начать заготовку жира — пластом. Требовать от нас вытопки жира они не сочли возможным, зная, что у нас не осталось топлива, плавник же на южном берегу был весь использован. Но для пласта тоже нужна была тара, и какой-то «шутник» из АКО рекомендовал нам использовать в качестве тары... ящики, освобождающиеся из-под товара. Пришлось по радио разъяснять, что моржевый жир в пласте — жир особый. Это совсем не то, что шмат свиного сала. Его в ящике не удержать. Жир вытечет, останется одна клетчатка. Эскимосы, при отсутствии топлива, «вытапливают» жир давлением: складывают куски свежего жира в пок и подвешивают его. От собственной тяжести жир из пласта вытекает и собирается в верхней части пока, а клетчатка постепенно оседает на дно. Даже в большие морозы жир не замерзает и при малейшем нажиме вытекает чуть загустевшей массой.

Но шкурье можно заготавливать не только в соленом, но и в сушеном виде. Хотя ценность сухих шкур несколько ниже, чем соленых, но на худой конец и сухие шкуры — благо. Мы так и поступали, но только с нерпичьим шкурьем. Шкуру же моржа, достигающую у средней самки до дюйма толщины, чрезвычайно богатую влагой и основательно прожиренную, во влажном климате острова высушить так, чтобы она не сквасилась, дело, видимо, невозможное. В процессе сушки шкура неизбежно частично, если не вся, сквасится и может иметь только местный сбыт.

Но даже если бы нас снабдили запасом соли и тарой для жира, ежегодная добыча шкурья и жира была бы незначительной.

Промышленная заготовка моржа дело довольно трудоемкое. Промысловое население острова не могло бы обеспечить необходимой добычи, тем более, что женская половина населения может быть занята только на подсобных работах. Шкура с жиром средней самки весит

180—200 килограммов, а шкура среднего самца, не говоря уже об антохпаке значительно больше. Поэтому первичная обработка — очищение шкуры от жира — не может производиться одними женщинами. В хозяйстве эскимосов и береговых чукчей (анкалин) выработалось своеоб-

Процесс „раскалывания" шкуры моржа.

разное разделение труда. Нерпа, лахтак полностью обрабатываются женщинами, мужчина только растягивает шкуры для сушки. Шкуры моржа обрабатывает только мужчина, целиком вплоть до очистки от жира, и только раскалывание[1] шкуры обычно поручается женщинам, да и то все подготовительные работы к этому производит

[1] *Раскалыванием называется расслаивание шкуры надвое.*

мужчина. Манипулировать женщинам с такой тяжелой шкурой очень трудно. В 1933 году, ожидая прихода «Челюскина», мы для наших зоологических коллекций заготавливали шкуры моржей обоего пола и разных возрастных групп. Для очистки шкур от жира я нанял двух женщин, так как не мог оторвать мужчин на это дело. Однако каждый раз, когда нужно было развернуть или передвинуть крупную шкуру, женщины бросали работу и звали мужчин.

Размах промысла моржа, таким образом, зависит прежде всего от людей. Без завоза на остров промыслового населения промысел моржа неизбежно будет кустарным и ежегодный выход моржевого шкурья будет незначителен, — тем более, что основой промыслового хозяйства является промысел белого песца. К нему, как побочный, добавляется промысел белого медведя и добыча мамонтовой кости[1]. В ценах 1929 года это давало, в среднем, 1000—1200 рублей на хозяйство чистого дохода, при чем некоторые промышленники зарабатывали значительно больше. Это, конечно, не стимулирует промысла моржа, так как хозяйство за счет наземного промысла обеспечивает себя средствами для приобретения со складов всего необходимого.

Моржевая шкура используется в хозяйстве эскимоса в незначительном количестве: обтянуть байдару, сделать ремни да подошвы для торбозов, если нет лахтажьей шкуры, причем на последнее, как правило, идет касекак и ункувак. Добытое шкурье, следовательно, не будет задерживаться в хозяйстве. С жиром дело обстоит сложнее, так как он в больших количествах употребляется для освещения и отопления. При наличном населении даже интенсивный промысел зверя не даст большого количества жира, пока мы не заменим жир другими осветительными материалами. Вместе с тем, пока туземцы будут

[1] *30—40 тысяч лет назад на всем севере Азии жил мамонт. Остатки (бивни, части скелета) этого древнего зверя встречаются и на острове Врангеля (в тундровой части) в большом количестве.*

жить в меховых пологах (аграх), жир неизбежно будет расходоваться на отопление.

Промыслово-навигационный период у берегов острова в среднем равен 60 дням, но, конечно, не во все дни можно выходить в море из-за льда или ветра. Однако, время невыходов в море не пропадает: оно занято обработкой шкур.

При организации на острове широкой заготовки моржа необходимо учесть, что наиболее удобным местом для этого является южное и северное побережье. Восточный берег высок, и там только в устье реки Клер можно расположить поселение. Кроме того, вследствие сильного течения, районы, смежные с восточным берегом, не имеют, как видно, хороших пастбищ, и морж там держится в очень небольшом количестве только на отмели реки Клер. Западный же берег, хотя и имеет сносные места для поселения и запасы моржа там достаточны для промысла, слишком удален от мест подхода судов. Транспортировать оттуда шкурье и жир (в пласте) водой на мелкой посуде можно только в исключительно благоприятный в ледовом отношении год. Транспортировка же по суше на собаках обойдется слишком дорого. Механический транспорт вряд ли применим без элементарного дорожного строительства: путь пролегает по резко пересеченной местности.

Южный берег значительно удобней. На его протяжении разбросан ряд бухт, в которых промысловая посуда может укрываться в штормовое время. Запасы моржа тут обильны. Но передвижение по южному побережью водой временами также бывает значительно затруднено, а располагать промысловое поселение только в одном месте — значит не использовать запасов моржа по всему побережью. Во всяком случае промысловые поселения должны быть расположены в бухте Роджерс, бухте Сомнительной и на мысе Блоссом или, в крайнем случае, в бухте Предательской. Иметь салотопку в каж-

дом поселении нет смысла, так как только продукция всего побережья сможет ее полностью загрузить.

Особенно удобно во всех отношениях для целей промысла моржа северное побережье. Это объясняется тем, что, начиная от залива Дублицкого, у мыса Литке и до бухты Песцовой — линия берега отделена от моря рядом кос, разделенных неширокими, но достаточно глубокими проливчиками. Глубина бухты на всем ее протяжении значительна. Промеров для определения глубины в них никто до сих пор не производил, но, судя по тому, что при северных ветрах в бухту заходят крупные торосы, достигающие в своей надводной части до 3 и больше метров, можно думать, что глубина здесь порядка 8—10 метров. Несмотря на то, что в бухты заходят льды, они все же, благодаря узкости проливов и незначительному количеству их, никогда не забивают бухту настолько, чтобы это препятствовало плаванию на промысловых судах.

Это даст возможность на протяжении всей навигации удобно сообщаться по всему северному побережью, причем это не потребует дополнительных затрат на транспортные средства.

Моржей на северном побережье, по мнению туземцев, гораздо больше, чем на южном. Все это дает основание считать, что северное побережье наиболее удобно для расположения там главных зверопромыслов.

Расположив склады, салотопню и все необходимое в начале бухты, у косы Бруч, неподалеку от мыса Литке, можно беспрерывно стягивать к ним добычу для переработки, не опасаясь, что лед может поджать к берегу и задержать суда, выведя их тем самым на ряд дней из производственного процесса.

Грузить же продукцию для отправки на материк можно будет здесь же, так как путь судов (за исключением «Красина»), как правило, проходит в непосредственной близости от места, указанного нами для постройки базы.

Уходят моржи от острова сравнительно поздно. Бывали случаи, что еще в январе туземцы видели моржей, лежащих на льду, но это случалось редко. В массе уходят моржи в сентябре — октябре с началом ледостава и только в некоторые годы держатся до середины и даже до конца ноября. Морж держится у острова $2^1/_2$—3 месяца.

Зимой моржи так же, как и летом, выходят для сна на лед. Температура в это время 20—25° ниже нуля.

Как действует на моржей мороз и действует ли? Мне самому не пришлось встречать моржей, лежащих на льду зимою в морозные дни, но из опроса очевидцев-туземцев и русских видно, что мороз на моржей оказывает влияние, но, как видно, не такое, как на человека или наземных млекопитающих. Кожа моржа на морозе замерзает и становится такой твердой, что железный гарпун, брошенный в лежащего моржа, не проникает в кожу. Он или ломается, или скользит, даже не оцарапав кожу. Суставы ластов до того замерзают, что когда морж встает, они трещат, как ломающиеся кости, а когда он начинает двигаться, ласты стучат по льду наподобие японских «гета» по асфальту тротуаров.

Когда случалось убивать моржа зимой на льду, то для того, чтобы разделать его, приходилось искать мест с мягкой кожей, доступных для ножа. Такие места оказываются только там, где кожа образует глубокие складки, или во впадинах передних ластов, куда мороз доступа не имеет. Вся остальная поверхность кожи и та ее часть, которая прижата ко льду, столь тверды, что нож тупится и скользит. Под кожей такого моржа при разделке всегда обнаруживается теплый жир. Мышцы сокращаются, кровь горяча и бьет фонтаном из разрушенных сосудов.

Если же зимой моржу удавалось уйти в воду, то, как видно, он особенно не страдал от этого. Вообще, от холода морж страдает не сильно, так как в противном случае вряд ли это животное устраивало бы спальни на льду, когда на воздухе замерзает ртуть.

Можно думать, что и другие ластоногие обладают такой же способностью, так как и нерпа и лахтак спят на льду зимой, хотя они это делают в специальных помещениях под снегом. Несомненно, что в таком помещении температура несколько выше наружной, но она все же достаточно низка для того, чтобы кожа нерпы или лахтака от долгого лежания могла затвердеть.

Ранней весной 1931 года промышленник Скурихин по пути с мыса Блоссом на Роджерс встретил в море недалеко от берега идущего по льду лахтака. Собаки, почуяв присутствие зверя, бросились к нему. Скурихин ударом остола по переносью убил его. В это время еще стоят тридцатиградусные морозы. Зверь, как видно, долго спал у продушины, и она столь крепко замерзла, что он не смог разбить вновь образовавшийся лед.

У лахтаков и нерп кожа, видимо, не промерзает так сильно, как у моржа, если не считать ластов, потому что кожа у них тонка и прилегает непосредственно к толстому слою теплого жира.

Глава XVII

ОСЕНЬ

Обычно к началу сентября, в основном, заканчивалась заготовка мяса. К этому времени наступали значительные похолодания. На поверхности моря, покрытой слоями сильно опресненной воды, начинали образовываться тонкие корки стеклянно-прозрачного, звенящего льда. Птицы собирались в стаи и улетали на юг. Мелкая птица исчезала незаметно, а гуси солидно тянули большими партиями с востока на запад.

Тундра начинала промерзать. Растительность во многих местах давным-давно поблекла, только в поемных местах она долго зеленела и боролась с осенью, но к этому времени и здесь она умирала. Тундра становится все безмолвнее, все тише. Только море не желает еще сдаваться. Оно неумолчно шумит и рокочет, как будто жалуясь кому-то на приближение зимы.

Раньше всего начинают становиться бухты. Ледостав на них обычно проходит в средних числах сентября, но в некоторые годы, когда сентябрь бывает ветреным, замерзание бухт отодвигается на конец сентября — начало октября. Таким годом у нас был 1929-й. В этом году бухта Роджерс стала позже, чем когда-либо за последние пять лет. Если осень безветреная, то уже 14—15 сентября бухта покрывается довольно толстым салом. Если ветра нет, то сало быстро уплотняется, превращаясь в

лед. В двадцатых числах сентября лед в бухте уже так толст, что держит человека, и по льду бухты начинается езда на собаках.

Море, после того как станет бухта, еще долго сопротивляется. Оно то покрывается молодым льдом, то взламывается вновь под влиянием ветра. Как-то необычно бывает в тихие дни, когда море покрыто молодым льдом. Вода просвечивает через тонкую корку льда, и, если нет солнца, то кажется, что море еще не замерзло. Только беспредельная тишина говорит о том, что море уже скована морозами.

Достаточно нескольких тихих дней, чтобы мороз сковал море столь крепко, что и средней силы ветры уже не могут взломать лед. Начинающиеся снегопады припорашивают молодой лед, и море приобретает тот зимний вид, который свойственен ему на протяжении почти десяти месяцев. Так постепенно зима вступает в свои права.

Иногда море по всему южному побережью очищается от льда и замерзает ровной, как стол, пеленой. Не на чем остановиться глазу, и эта ровная площадь уходит и теряется за горизонтом. В такое время кажется, что хорошо будет ездить на собаках, не придется трястись по торосам, не надо будет с груженой нартой переваливать через ледяные хребты. Но как бы море ровно ни замерзло, осенью и зимой его так изломает, нагородит и наставит таких страшных торосов, что жутко смотреть. В иные же годы, когда плавающий лед не уходит далеко от берега, а бо́льшими или меньшими массами находится у берега, море уже раннею осенью приобретает свой обычный торосистый вид. Эта торосистость на протяжении зимы усиливается за счет нового торошения.

Нам неоднократно случалось наблюдать самый процесс торошения и у берега, и далеко в море.

Наиболее часто торошение происходит поздней осенью и ранней зимой, пока лед еще не достиг предельной толщины. Торошение происходит, конечно, и зимой

и весной, но в разгаре зимы или по весне оно наблюдается значительно реже.

Торошение у берегов и в открытом море происходит различно. У берега лед на своем пути встречает препятствие и тут начинает взламываться. Пласты льда ползут друг на друга, громоздятся ввысь, принимая самые невероятные положения. Повторными нажимами растущий ледяной холм смещается все ближе к берегу, пока край основной гряды не очутится на самой земле, иногда за несколько метров от воды. Неровности дна и берега влияют на высоту гряды и ее отдельных участков. Появляются конические вершины, седловины, перевалы, напоминающие собой типичную горную цепь. Во время торошения слышится сильный гул, но это не напоминает орудийной канонады, хотя бы и слитной от множества частых выстрелов, — это скорее сочетание рева прибоя в крупногалечном ложе с шумом падения крупных масс рыхлой породы по крутому склону.

Даже находясь на расстоянии нескольких сот метров от места торошения, не слышно отдельных ударов. Это объясняется вероятно тем, что в каждый данный момент происходит беспрерывное разламывание ледяных площадей на крупные, мелкие и мельчайшие куски, и ухо не в состоянии среди этого хаоса мощного глухого звучания отделить отдельных гулов ломающегося льда.

Однажды, в открытом море, в 10—12 километрах от берега, мне пришлось наблюдать торошение в непосредственной близости — почти у самых ног. В начале декабря 1930 года я в сопровождении Павлова поехал промышлять зимнюю нерпу. Перед этим дул крепкий ветер с берега, и когда стало сравнительно светло, мы по темному отражению на облачном небе увидели, что в море оторвало лед и открыло много воды. Решили поехать бить нерпу. Погрузили на нарту небольшую кожаную байдару и поехали в море. Путь был всторошен немного, поэтому ехать было не особенно трудно. Кое-где поднимались вы-

сокие холмы отдельно стоящих торосов, пригнанных сюда ветром еще осенью.

Пока мы ехали полыньей, большую ее часть закрыло обратным движением льда, только кое-где остались сравнительно небольшие участки воды, но и они уже покрылись свежим льдом до десятка сантиметров толщиной. Среди этого льда виднелись небольшие полыньи и разводья чистой, дымящейся паром воды.

К нашему приезду передвижка льда не закончилась, наблюдались довольно сильные, хотя и кратковременные нажимы. Первоначально мы, в поисках нерп, ехали краем разлома. Временами приходилось проезжать участки молодого льда. Он был так тонок, что вода просвечивала сквозь него, и поэтому лед казался черным и гнулся под тяжестью нарт. Нерп мы пока не видели. Наконец, решив осмотреться, мы остановились у высоченного, отдельно стоящего тороса. Оставив собак за торосом, я и Павлов поднялись на самую вершину и принялись в бинокль изучать окрестность.

Совершенно неожиданно началось довольно сильное нажатие льда. Торос заколебался, и послышался сильный шуршащий звук. Мы опустили бинокли и взглянули вниз. Линии разлома змеились у самого тороса. Громадные пластины льда громоздились на край неподвижного льда, медленно ползли, вздымаясь все выше, а потом ломались, с шумом падая вниз. Над рухнувшей льдиной ползла новая полоса льда. Нажатие иногда на несколько мгновений прекращалось и возникало вновь. У подножья тороса скапливались громадные глыбы льда, подталкиваемые сзади. Они вздымались по склону, становились вертикально и с глухим грохотом валились назад, крошась в куски, нагромождаясь в беспорядочные кучи льда. Торос, служивший нам убежищем, от ударов льда колебался и дрожал, как в лихорадке. Собаки, ощущая, как видно, состояние льда, начали беспокоиться. Лежавшие встали, и потом все они, задрав морды, стали выть в два десятка собачьих глоток.

Минут 10—15 лед жало, — правда, нажатие было очень спокойным, потом оно прекратилось, — торос успокоился, собаки улеглись. Подождав еще минут двадцать, мы отправились дальше, в поисках нерп.

Это было спокойное торошение, и его можно было наблюдать без большого риска. Но бывают торошения, когда лед взламывается и нагромождается в громадные груды с молниеносной быстротой. Ровное дотоле поле льда испытывает от сжатия как бы судорогу, и по нему идет волна, и, как видно, в более слабом месте вздутие лопается, как гигантский мыльный пузырь, и куски льда разваливаются на обе стороны. Этот первый момент производит впечатление взрыва, а потом лед быстро вздыбливается, и гряда движется вперед в направлении сжатия, до тех пор, пока оно не прекратится.

Там, где берег отвесно падает в воду и последняя глубока, торошение происходит на самом берегу, нагромождая иногда торосы до 10—20 метров в высоту.

Непосредственно после торошения ледяная гряда представляет собою ряд куч ледяных обломков, ничем не связанных между собой. За зиму снег забивает все промежутки между глыбами льда, закрывает весь лед, и тогда гряда походит на группу спокойных снежных холмов, появившихся в результате мятели. Ходить по этим холмам надо очень осторожно: не везде в трещинах и провалах снег уплотняется настолько, чтобы выдержать тяжесть человека. Иногда он остается пушистым и нежным, только с поверхности закрывая провал. В таком случае пешеход может себя серьезно искалечить.

По весне, когда под действием солнца снег начинает таять, пресная вода постепенно пропитывает снег и потом замерзает в монолитную с морским льдом массу. Летом лед взломает. Гряда торосов разделится на куски различной величины. Некоторые из них будут плавать, напоминая айсберги, хотя в этом районе Чукотского моря айсберги, в полном значении слова, наблюдать, насколько нам известно, никому не доводилось.

Осень на зимовке заполнена работой так же, как и всякое время года. Но осенние работы особенно ответственны. От них в значительной степени зависит благополучное проведение зимы.

Эти работы состоят прежде всего из ремонта жилых и складочных помещений, подготовки их к зиме. Каждую осень, заблаговременно, мы тщательно осматривали наши жилые дома: проверяли конопатку, ремонтировали окна, чтобы не оставлять щелей для снега; поверх черного потолка насыпалась земля, — чем толще сделаешь накат на потолок, тем теплее будет зимой в комнате. Подновлялись, засыпались новой землей завалины. Вставляли недостающие стекла, а когда не стало стекла, заменили его фанерой. Ее не просто прибивали, а врезали так же, как стекло, и обмазывали замазкой, иначе окно в междурамьи забьет снегом. Особенно тщательно осматривались и ремонтировались двери — наружные и внутренние. Ремонтировались печи, генерально чистились трубы, дымоходы.

Пока у нас был уголь, мы с осени подтаскивали его в угольные ямы, находившиеся в тамбурах жилых домов, чтобы с наступлением сурового пуржливого времени не приходилось в непогоду ходить за топливом. Склады тоже требовали много внимания. Они были, как уже было сказано раньше, неудовлетворительны. С осени мы стремились зачинить все прорехи, затыкали каждую дырку, чтобы преградить доступ внутрь всепроникающему снегу.

По самой поздней воде мы извлекали наш «флот» на сушу и подготовляли его к зиме. Моторы (стационарный и подвесной) разбирались, смазывались, прятались; суда же мы располагали так, чтобы их не могло занести снегом.

Перед ледоставом на факторию по воде тянулись туземцы, главным образом с южного побережья, так как с севера, кругом восточного берега, не всегда возможно попасть водой. Туземцы приходили торговать. Осенняя

торговля заключалась в снабжении туземцев товарами в кредит на три — четыре месяца. Это вызывалось предстоящей распутицей, потому что время ледостава в отношении проходимости самое плохое и на плаву нельзя двигаться, — лёд уже мешает легкой посуде, а на нарте по тонкому льду двигаться опасно. Тундра еще голая, снега нет, и на полозьях по камням далеко не уедешь. Кроме того, осенние месяцы и для туземцев являются месяцами подготовки к зиме.

Туземцы весной, приблизительно с середины мая, покидают свои зимние жилища и переселяются в палатки. Обычно они разбивают полотняные палатки на галечниковых косах. Делают это они для того, чтобы освободить зимние жилища на лето. В зимнем жилье они выставляют окна, широко открывают дверь, разбирают тамбур, если он сделан из дерна; а если это каркас для обкладывания снегом, то просто широко раскрывают дверь. За зиму, при нечистоплотном образе жизни туземцев, при постоянном оперировании с мясом, жиром, при освещении ворванью, все помещение настолько пропитывается грязью, копотью и вонью, что нуждается в радикальном очищении. Никакой дезинфекции туземцы устроить, конечно, не могли. Воздух, ветер и солнце являются в полярных условиях самым лучшим дезинфектором, и открытое настежь помещение в течение 3—4 месяцев как следует проветривается, запахи улетучиваются, жир, накопившийся там, уносится дождевой водой. Только копоть остается.

По осени юрты приводятся в годное для зимнего жилья состояние: с пола очищается вся грязь, мусор, накопившийся там за лето, натасканные собаками кости.

Окно, если нет стекла, закрывается моржевым желудком или кишками, дверь ремонтируется. Чинится тамбур, пазы между бревнами затыкаются изнутри мхом.

Осенью, кроме ремонта жилья, есть еще много других забот и дел, требующих беспрестанного присутствия туземцев. Даже если бы была хорошая дорога, нерационально в эту пору уезжать на факторию за товарами.

Кроме того, в начале ноября начинается подготовка к песцовому промыслу.

Учитывая все это, мы выдавали эскимосам товары на три — четыре месяца в кредит, хотя надо добавить, что в кредит товары мы им выдавали в течение всего года.

В это время на фактории, как и первого мая, становилось людно.

Осенью, в отличие от весны, туземцы брали много мехов: надо сшить одежду и взрослым и детям; брали муку, сахар, табак и значительно меньше патронов, и совсем не брали пороху и дроби. Зимой расход патронов невелик, разве только если встретится медведь или на море откроет воду и удастся пострелять нерпу. Главный объект охоты зимой — песец — совершенно не требует боеприпасов. А дробовые ружья, за полным отсутствием пернатой дичи, вообще прячутся на зиму.

Глава XVIII

ПЕТРИК

Еще на материке, при организации зимовки, коллективному питанию зимовщиков внимания уделено не было. Организации, посылавшие нас на зимовку, брали на себя обязательство снабдить зимовщиков топливом и освещением; остальное зимовщики должны были разрешить «самостоятельно». На складах предполагалось иметь самые разнообразные продукты. Зимовщики должны были покупать все необходимое на складе и организовать свое питание по собственному усмотрению. В проектах организации зимовки предполагалось, что все зимовщики поедут на остров с семьями, на практике же получилось, что только я ехал с женой, остальные оставили свои семьи на материке.

Когда выяснились все эти обстоятельства, я решил, что нужно как-то урегулировать дело питания. Я предполагал, что зимовщики, едущие на остров без семей, готовить горячую пищу не будут и скорее всего пойдут по линии наименьшего сопротивления — то-есть станут питаться всухомятку. Этого следовало избегать, так как неорганизованность питания неизбежно привела бы к различным желудочно-кишечным заболеваниям, что в конечном итоге могло сказаться на психике зимовщиков. Мне, как начальнику острова, не особенно улыбалось иметь дело с полусумасшедшими зимовщиками. Поэтому

я решил попытаться организовать коллективное питание на коммунальных основах.

Еще во Владивостоке, когда собрались все зимовщики, я выяснил, что они не возражают против моего плана. Я начал поиски повара, впрочем, безуспешные. В 1929 году вопросы Арктики среди широкой общественности не были столь популярны, как теперь, поэтому желающих ехать «куда-то на север» было мало. Готовых кадров и вовсе не было. К кому бы я ни обращался, везде я получал один ответ:

— Повар-то, собственно, есть, но на остров Врангеля он ехать не хочет.

Перед отходом судна, когда я чуть ли не в десятый раз пришел в профсоюз, мне там сказали:

— Есть человек, который, пожалуй, поехал бы на остров Врангеля поваром, но я не знаю, согласитесь ли вы его взять.

— Что он собой представляет?

— Повар-то он очень хороший, можно сказать бле-стящий повар, и кормить он вас будет исключительно хорошо. Одна беда — повар этот сидит в домзаке. Но я думаю, что если поставить вопрос о его поездке на остров, его, пожалуй, отпустят.

— Сидит в домзаке? За что?

— Он получил восемь лет строгой изоляции за какие-то «художества». Пять лет он уже отсидел, остается отсидеть еще три года. Возьмите его с собой, он там и срок свой досидит, и вас кормить будет.

Ни минуты не размышляя, я отказался от этого «заманчивого» предложения. Брать на зимовку преступника, отсидевшего в домзаке пять лет со строгой изоляцией! Вместо повара — активного члена зимовочного коллектива — мы могли очутиться с глазу на глаз с уголовником, которого, быть может, придется изолировать.

Из Владивостока мы так и ушли без повара, хотя я не оставил мысли о нем. Придя в Петропавловск-на-Камчатке я, между прочими делами, искал и повара. Люди,

которых мне рекомендовали, на мои предложения поехать на остров Врангеля отвечали отказом. Все мои доводы за поездку не приводили к желаемым результатам.

Петрик.

В день отхода из Петропавловска Званцев сообщил мне, что меня ищет какой-то человек, желающий ехать поваром на остров Врангеля. Этого человека знал и радист Шатинский, который сообщил мне:

— Этого человека я знаю давно. Когда-то я работал в Петропавловске и в Анадыре, встречался с ним неоднократно и думаю, что он вполне подходит нам. Сейчас он работает в Петропавловской конторе Совторгфлота.

Я побежал разыскивать повара. В Совторгфлоте я обратился к кому-то из сотрудников с просьбой указать нужного мне человека. Мне указали на сумрачного вида человека, роста ниже среднего, с коротко остриженной головой, голубыми глазами и крошечными усиками. Он безучастно стоял, опершись на кафель печи.

— Я обратился к нему:

— Вы, кажется, товарищ, хотите ехать на остров Врангеля?

— Да, — последовал ответ.

— Вы повар?

— Нет, я поваром никогда не был.

— А где вы раньше работали?

— Работал на материке сторожем, здесь работаю сторожем и рассыльным.

— Готовить вы умеете?

— Да как сказать? Готовлю. Жены у меня нет, ну вот, сам себе и готовлю. Щи да кашу.

— А хлеб вы умеете печь?

— Черный хлеб я пек, а белый не знаю, сумею ли.

Я все же решил его нанять. Особенные разносолы нам не были нужны, кое-чему мы его научили бы сами, а выпекать хлеб он подучится у корабельного хлебопека. Нам важно было иметь человека, который специально занимался бы приготовлением пищи.

Мы направились в союз коммунальных работников и там заключили трудовой договор. Подписали мы договор буквально за час до отхода корабля, а погрузился Петрик со всем имуществом на корабль в момент, когда уже начали убирать сходни. В спешке, сопровождавшей наем повара, нам некогда было подумать о его медицинском освидетельствовании.

Еще на корабле, когда мы шли к острову, Петрик вел себя несколько странно: он был крайне замкнут, неразговорчив. Поручения выполнял охотно, толково, но делал все молча, ни с кем не сближался.

На корабле по собственному желанию, — очевидно, для того, чтобы чему-нибудь научиться, — он предложил свои услуги в камбузе и всю дорогу работал там, помогая поварам. Кроме того, по моей просьбе, судовой пекарь показывал ему все «тайны» хлебопечения, и надо сказать, что за время путешествия Петрик неплохо постиг это искусство. Позже, несмотря на то, что мука, завезенная на остров, содержала значительный про-

цент кукурузы, ему удавалось печь неплохой, вполне съедобный хлеб. На камбузе же его учеба, видимо, не пошла дальше чистки картошки.

В пути он по собственному желанию ходил за собаками, погруженными в Петропавловске. К животным он относился хорошо, они к нему привязались, и он чувствовал себя с ними, как было видно, значительно лучше, чем с людьми. По крайней мере с ними он разговаривал во время кормления.

По приходе на остров мы не могли сразу нагрузить Петрика его прямыми обязанностями. Пока у острова стоял «Литке», мы все питались на судне, когда же «Литке» ушел, у нас начался строительный период. Были не закончены печи на радиостанции, не было каменки в бане. Из разговоров, которые мы вели еще до отхода «Литке», выяснилось, что Петрик на материке иногда работал печником. Правда, он говорил, что каких-нибудь особенных печей он не делал, но русские печи, плиты и простые грубы делал. Печника, знающего это дело лучше, чем Петрик, у нас не было, поэтому я с согласия остальных зимовщиков поручил ему доделку печей радиостанции. В помощь ему для подноски кирпичей, подачи глины и прочего я дал Званцева, который в перерывах между метеорологическими наблюдениями выполнял роль подручного.

В течение сентября и октября Петрик возился с печами, а поварские обязанности в это время выполняла Власова.

Собираясь по вечерам после работы в кухне, мы в шутливом тоне обсуждали эту расстановку сил.

— Ну как, Петрик, идут дела с индийскими гробницами? — спрашивали его.

— Хорошо. Глина плохая, да подмастерье у меня хороший, — шутил он по адресу Званцева, — теперь уже скоро треба трубы.

— Придется тебе, Петрик, зимой ловить песцов, — говорил Шатинский.

— На шо воны мини, песцы, пускай чукчи их ловят.

— А чем же ты отблагодаришь Варвару Феоктистовну за то, что она за тебя готовит и кормит нас?

— Да, пожалуй, придется поймать песца, — отвечал Петрик смеясь.

— Только мне обязательно нужен голубой, белого я не хочу, — шутила Власова.

— Ну что же, поймаем и голубого.

— Голубого-то здесь нет, Петрик.

— А я его покрашу, вот он и будет голубой.

— Правильно, Петрик. В крайнем случае, какую-нибудь черную собаку сунь в капкан, — чем не голубой песец?

На корабле он был постоянно сумрачен, как будто чем-то недоволен, и, быть может, скорбел о покинутом на материке. С приходом на остров, особенно с того момента, когда он начал заниматься кладкой печей, его настроение совершенно изменилось. Постоянно оживленный, он охотно разговаривал со всеми, а в застольных беседах, когда над ним подшучивали, он охотно принимал шутки и сам подзадоривал других.

На основе первых наблюдений я заключил, что сумрачность Петрика была результатом перехода в незнакомую обстановку, но что по прошествии некоторого времени, давшего ему возможность ознакомиться с людьми и обстановкой, сумрачность его прошла и Петрик теперь вступил в полосу нормальной жизни.

Ко всему этому у меня, да и у всех зимовщиков, в первые месяцы нашего пребывания на острове было так много работы и всяческих забот, что совершенно не оставалось времени наблюдать не только за Петриком, но даже за собой.

Наконец, Петрик закончил печи в рации и каменку в бане и мог приступить к своим обязанностям. Так как мы знали, что Петрик не повар, то первое время помогали ему, показывая, как делать то или другое.

Никто из нас, как и сам Петрик, специалистом по-

варского искусства не был, но каждый что-нибудь умел делать. Если бы Петрик научился всему тому, что мы в совокупности знали, то, в общем, из него получился бы недурной повар, достойный не только зимовки острова Врангеля.

Первое время он охотно учился, стараясь запомнить советы; если при приготовлении кушаний указывались какие-нибудь порции, он записывал это в имевшуюся у него тетрадь. Первые два-три месяца после того, как он начал готовить, стол у нас был неплохой. Правда, не обходилось иногда без досадных случаев, но мы, памятуя неопытность Петрика, относили неудачи за счет ее и подходили к ним юмористически. Он, например, долгое время не умел сделать киселя, и сколько ему Власова ни показывала, как это делать, он долгое время кормил нас или сырым, или переваренным киселем. Но, наконец, он постиг и эту «премудрость».

Жил он первое время, пока занимался кладкой печей, в доме рации, но как только люди, жившие в рации, перешли к нормальному образу жизни, ему пришлось оттуда уйти. Отдельной комнаты для Петрика у нас не было, поместить его с доктором, как с одиноким человеком, я не счел возможным. В других комнатах старого дома жили люди семейные, и размещение в этих комнатах было сопряжено с большими неудобствами и для самого Петрика, и для жильцов. Но выход был найден.

Еще Ушаковым была выделена в кухне комната для устройства ванны. Ванная устроена не была, и комната эта играла роль теплого склада. Вот в этой-то комнатушке мы и поселили Петрика. Он не возражал и заявлял, что ему здесь значительно удобнее. Мы в шутку звали его жилье «клопушкой-кормушкой». Кстати сказать, дом уже со дня постройки его на острове изобиловал этими противными паразитами, так как Совторгфлот купил для острова старый жилой дом... вместе с клопами.

В разгар зимы, в период наиболее темного, пурж-

ливого времени, мы стали замечать за Петриком кое-какие странности. Это прежде всего сказалось на приготовлении пищи: он стал более неряшливо относиться к своим обязанностям и иногда по несколько дней кормил нас одним и тем же блюдом. Мы шутили по этому поводу, иногда перед обедом спрашивая повара:

— Ну, чем будешь нас сегодня кормить?

— А разве вы не знаете, что усю неделю горохфельный суп?

И действительно, он всю неделю кормил нас гороховым супом.

Мы пытались с самого начала ввести в дело приготовления пищи некоторый режим. Нами сообща было выработано недельное меню с определенным чередованием блюд. И, повторяю, первое время Петрик строго следовал заданному расписанию, но потом расписание не выполнялось. Наши воздействия на него в этом отношении к желаемым результатам, как правило, не приводили.

Я и Власова, зная, что Петрик по развитию довольно отсталый человек, сразу же попытались подобрать ему литературу, которая соответствовала бы его уровню знаний. Я дал ему однажды популярную сельскохозяйственную брошюру, написанную в виде занимательных рассказов. Он с интересом ее прочел, но когда я после прочтения, желая выяснить, понравилась ли ему эта книжка и хочет ли он дальше читать по этим вопросам, толковал с ним по поводу прочитанного, он мне ответил:

— Так что-ж, книжка, товарищ начальник, интересная, но чего тут читать об огороде? Огорода-то тут нельзя сделать, все равно расти ничего не будет. Ну, и читать нечего.

И больше он литературы на сельскохозяйственные темы для чтения не брал.

Пытались мы давать ему художественную литературу, но из этого дела тоже ничего не получалось. Дали мы ему книжку, на обложке которой был рисунок склонившейся над могилой женщины и стоящего сзади нее муж-

чины. Мужчина протянул женщине руку, видимо, желая отвлечь ее от тех горестных дум, которыми она была полна.

Петрик взял эту книжку, но читать ее не стал. Он долго рассуждал сам с собой и задавал нам вопрос:

— Зачем этот чоловик стреляет в женщину?

Сколько мы ни пытались разъяснить Петрику, что никто в женщину не стреляет, что и в книжке нет речи об этом, — на него все это не производило никакого действия. Он твердо стоял на своем.

Только позже для нас стала ясна эта своеобразная навязчивая идея.

Оказалось, что в давнопрошедшие годы его жена, которую он, как видно, любил, покинула его, оставив ему двух малолетних ребят. И он все время после этого жил, наполненный размышлениями о ее уходе.

Выходными днями Петрик, как и все мы, не пользовался. Но потом исключительно для него выходные дни нами были установлены. Мы думали, что беспрерывная возня с кухней отрицательно влияет на его психику, и решили предоставить ему возможность раз в неделю быть совершенно свободным от кухонных обязанностей.

Первые выходные дни Петрик действительно использовал: он с утра брал ружье, одну из ездовых собак и уходил на море или в горы. Но через два или три таких похода он их прекратил и, сколько мы ни старались побудить его полностью использовать выходные дни, ничего из этого не выходило. По существу, отказ его был вполне понятен: Петрик отказался от выходных дней потому, что мертвое море и тундра не давали ему никакого развлечения. Летом, когда тундра оживлена пернатыми, выходные дни могли иметь смысл как дни охоты, зимой же она была невозможна.

К весне состояние Петрика значительно ухудшилось. Он все время оставался мрачным, неразговорчивым и очень часто с трудом понимал задаваемые ему вопросы.

Я поручил нашему врачу Синадскому заняться как следует поваром, выяснить, что же с ним происходит и что необходимо предпринять для того, чтобы вывести его из этого сумеречного состояния.

Доктор неоднократно с ним беседовал, осматривал. Петрик охотно на это шел, откровенно рассказывая о своем прошлом, о том, что его волнует. Но из всех его рассказов было трудно сделать какие-нибудь заключения.

Обсудив с врачом положение Петрика, мы пришли к заключению, что однообразная жизнь действует на него угнетающе, что ему необходимо предоставить возможность как-нибудь отвлечься от того круга мыслей и вещей, в которых он жил последнее время.

К нашему приезду на остров там находился промышленник Сергей Афанасьевич Скурихин, вывезенный Ушаковым из Петропавловска-на-Камчатке. Первые три года он жил на острове вместе с женой и дочерью, но с «Литке» он отправил семью на материк и остался один. Его промысловое угодье находилось на мысе Блоссом в 110 километрах от фактории. Петрик хорошо знал Скурихина, они с ним в Петропавловске часто встречались, были на короткой ноге, и, когда к нам приезжал Скурихин за товаром, они часто подолгу вдвоем разговаривали. Мы решили отправить Петрика на мыс Блоссом к Скурихину на 2—3 недели в порядке отпуска.

В один из приездов Скурихина я с ним обстоятельно потолковал, рассказал о наших опасениях касательно Петрика и сказал, что было бы хорошо, если бы больной съездил к нему. Скурихин согласился, заявив мне, что он примет Петрика с большим удовольствием, так как ему одному на мысе Блоссом жить тоже скучно.

— Утром встаешь — один, поешь — один, потом едешь по приманкам, через много часов езды возвращаешься обратно, — опять один.

Единственные живые существа, окружавшие его, были бессловесны — это собаки. Я предложил Петрику поехать к Скурихину в гости. Он с радостью согласился и

в течение нескольких дней, оставшихся до отъезда, проявлял кипучую деятельность, был весел и часто пел.

Но Петрик не долго прожил у Скурихина. Через полторы недели он приехал обратно. Ему там уже все надоело.

— Пока Сергей дома, еще ничего, а как Сергей уедет, так хоть плачь. Я уж буду лучше здесь, тут веселей.

С наступлением теплого времени Петрик значительно изменился к лучшему: он охотно выполнял свои обязанности; в свободное от работы время часто приходил к нам на склад, помогал работать или шел на рацию помогать в чем-нибудь радистам.

Но во второй половине лета, когда солнце пошло на склон, у Петрика начали появляться странные, бредовые идеи. Раньше мы их за ним не замечали. Очень часто он начинал с кем-нибудь из нас или со всеми вместе разговор совершенно непонятного характера. В его голове возникали какие-то теории, связанные с красной звездой, увиденной им на небе; эта звезда якобы наполнена кровью — значит скоро будет война, и прочее.

В начале осени у Петрика началось резкое ухудшение. Однажды мы втроем (я, врач и Павлов) занимались перетаскиванием ящиков с дробью в построенный нами пороховой склад. К нам прибежала жена Павлова и в тревоге сообщила, что Власова зовет начальника, так как Петрик делает что-то страшное. Мы втроем бросились на кухню. Петрик стоял у камбуза и как будто что-то делал. На полу было много битой посуды.

— Что ты делал здесь? — спросил я у него.

— Я ничего не делал, тарелки только побил, мешали они мне, я их и побил.

Власова рассказала нам, что совершенно неожиданно раздался нечеловеческий крик, потом последовала площадная ругань, загрохотала посуда, зазвенели осколки. Петрик как угорелый носился по кухне. Власова заперлась, боясь, как бы Петрик не ворвался в ее комнату.

Я вторично предложил врачу выяснить — что делается с Петриком. Пока врач занимался этим, у повара было еще несколько бредовых пароксизмов — с битьем посуды, руганью и криками. Наконец, 27 сентября 1930 года врач подал мне рапорт, в котором сообщил, что Петрик находится в стадии психического заболевания, что бывает моментами невменяем и буен. Дальнейшее его проживание вместе с остальными зимовщиками грозит опасностью. Врач считал нужным изолировать Петрика от остальных зимовщиков.

Легко сказать — изолировать! Это просто сделать на материке, где для этого есть соответствующие учреждения, но крайне сложно и трудно выполнить на северных зимовках. У нас не было ни помещения, ни достаточного количества людей. Однако изолировать его необходимо было, потому что оставлять Петрика в кругу здоровых людей было физически опасно для последних: в бреду возможно покушение; кроме того — постоянное общение с умалишенным безусловно повлияет на психику здоровых. Надо было позаботиться о том, чтобы и остальные с ума не посходили.

У нас была только одна возможность, и притом неполная, изолировать больного — выселить его, причем выселение должно было быть осуществлено на территории фактории; выселять его в какое-нибудь туземное зимовье нельзя было, так как туземцы после этого немедленно покинули бы зимовье; оставлять же его одного где-нибудь вдалеке от жилья мы не считали возможным.

Мы привезли с собой, как уже было сказано раньше, небольшую баню, которой все время пользовались. Обсуждая с врачом проблему изоляции больного, мы пришли к заключению, что единственным местом для изоляции может быть только баня. Превращая баню в бедлам, мы лишались возможности регулярно мыться, но лучше уж удовлетворить эту человеческую потребность каким-либо другим способом, чем жить с сумасшедшим под одной кровлей. Порешив на этом, я сообщил о своем ре-

шении всем зимовщикам и потребовал от них помощи для быстрого оборудования бани и приведения ее в годное для жилья состояние.

Совершенно неожиданно я встретился с протестами старшего радиста Шатинского. Так как баня была расположена в непосредственной близости к радиостанции, то Шатинский считал, что поселение больного в бане будет непосредственно угрожать и радиостанции, и живущим в ней. Остальные же жильцы дома рации, Званцев и Боганов, зная, что иного выхода нет, — не возражали.

В течение трех дней мы приспособили баню для жилья. Мы выкинули оттуда все банные принадлежности: бочку для нагревания воды, полки, оставили только неприкосновенной каменку. Изнутри мы дополнительно оконопатили баню, обили войлоком окно, дверь, застелили остатками линолеума пол, поставили кровать, стол, стул. В общем, сделали все возможное, чтобы баня была сносным жильем.

Когда баня была готова, я предложил врачу перевести больного в баню. Но сколько врач ни бился с ним, Петрик категорически отказался переселяться в баню. Наконец, врач, исчерпав все возможности, сообщил, что он не может побудить больного добровольно переселиться. Очевидно, придется применять меры насильственного переселения.

Начинать изоляцию с насилия, могущего повести к резкому ухудшению состояния больного, я не счел возможным и решил сам уговорить больного.

В один из моментов просветления я начал разговор с Петриком о необходимости переселения. Он ответил мне матерной руганью и категорически отказался. В ответ на это я совершенно спокойно сказал ему:

— Дело, Петрик обстоит так. Хочешь ты или не хочешь, но в баню переселиться должен; если ты этого не сделаешь добровольно, то мы тебя свяжем как ребенка, сами перенесем все твои вещи в баню и тебя туда перенесем. Ты должен понять, что иного выхода для тебя нет.

Повидимому, он понял неизбежность переселения и согласился. Мы ему артелью помогли, и 3 октября 1930 года баня превратилась в бедлам.

Первые дни пребывания Петрика в бане нас всех искренно порадовали. Нам казалось, что сам факт переселения в баню оздоровил его психику. С первых же дней он проявил бурную хозяйственную деятельность, направленную на оборудование жилья согласно его вкусам. Он целыми днями копался или в самой бане, или вокруг бани, улучшая свое жилье. Он обратился ко мне с просьбой выдать ему несколько мешков для того, чтобы обить тамбур, имевшийся там.

— А зачем ты хочешь обить тамбур мешками?

— Там больно много дырок и щелей в стенках. Как только снег начнет мести, весь тамбур забьет.

Я приказал Павлову выдать ему с десяток мешков и гвоздей.

Каменку, с моего разрешения, он разобрал и взамен ее сложил хорошую плиту. Ему дали необходимый материал: комфорки, дверцы; согнули из жести духовку, помогли сделать трубы. Получилась очень хорошая маленькая плитка, которая давала достаточно тепла. В ней можно было печь хлеб, готовить еду. На протяжении последующих двух лет, когда Петрик топил ее, у него даже в самые морозы и самые ветреные дни всегда было достаточно тепло, даже жарко.

Но это улучшение в его состоянии было, к сожалению, временным. Пока он занимался хозяйственной деятельностью, прошел весь октябрь. Наступили ноябрьские темные дни, а затем солнце перестало показываться на горизонте. Тогда в состоянии Петрика наступило резкое ухудшение, которое мы все почувствовали на себе. Значительную часть Большой ночи Петрик погружен был в буйно-бредовое или сумеречно-подавленное состояние.

Живя первый год на острове Врангеля, мы привыкли не запирать жилья. Воров на острове нет. Наоборот, если оставляешь что-либо в тундре и хочешь сохранить,

так клади, чтобы было заметнее, тогда никто не возьмет. Двери в жилье, как наружные, так и внутренние, обычно не запирались, да и запоров они не имели еще со времен Ушакова. И пока мы не начали постоянно держать двери на-запоре, больной очень часто навещал жильцов старого и нового домов.

Бред больного концентрировался поочереди на всех зимовщиках. Он по временам чувствовал особенное озлобление и ненависть к тому или иному зимовщику; через некоторое время злоба переходила в дружбу. Но чаще всего бред больного сосредоточивался на мне и Власовой, и в отношении нас у Петрика не наступало моментов дружеского расположения.

Из наблюдений врача и его записей мы довольно ясно представляли себе состояние Петрика. Поэтому мы опасались, что Петрик будет покушаться на Власову, как на единственную европейскую женщину, жившую на острове.

Я предупредил всех зимовщиков, чтобы они никогда не пытались шутя напугать Власову. Она по близорукости могла принять «шутника» за сумасшедшего повара и, в целях самозащиты, подстрелить его.

Галлюцинации Петрика не всегда сопровождались только речевым возбуждением — в конце концов наименее опасным для зимовщиков. Очень часто он буйствовал.

Однажды я, врач и Павлов находились в кухне, обсуждая какие-то вопросы. В этот момент в кухню вошел Петрик. Он был, на первый взгляд, настроен мирно. Я обратился к нему с вопросом:

— Ну как, Петрик? — Он ответил — «ничего» и подошел вплотную к столу.

Доктор спрашивает:

— Петрик, тебе нужно что-нибудь или ты просто так пришел?

Вместо ответа последовала буйная вспышка ругани. Я пытался успокоить его, сказав, что в наших вопросах ничего нет предосудительного, мы хотим помочь ему. Но это его не успокоило, — наоборот, еще больше возбу-

дило. Он схватил стул, взмахнул им над головой, намереваясь ударить кого-то из нас. Над столом висела большая керосиновая лампа. Она висела очень низко, и я боялся, как бы Петрик не зацепил ее и не натворил пожара.

Наше молчание и спокойствие, как видно, удержали его, и он через некоторое время опустил стул.

Врач, желая его увести из дома, опять начал с ним разговор. Я тоже старался уговорить его уйти, но это привело к новой вспышке. Он схватил за горлышко большую бутыль с керосином и так быстро взмахнул ею, что из бутылки не вылилось ни капли керосина. Но и в этот раз он не бросил бутылку, а, подержав некоторое время, поставил ее на место. Через некоторое время, ругаясь, он ушел из дома, пообещав «свести с нами счеты».

Очень часто, особенно в темную пору, Петрик, страдая бессонницей, выходил из бани и бродил по территории фактории. Он иногда спускал с привязи собак, а однажды, затащив собаку из моей упряжки к себе в баню, пытался ее повесить. Только появление в этот момент врача помешало ему расправиться с животным.

Однажды он пришел в дом рации, разбудил радистов и Званцева и просил помочь ему прогнать «невесту».

— Приходит каждую ночь, лезет, спать не дает, говорит — «я невеста». Летает под окнами и поет.

Весь этот бред сопровождался ужаснейшей бранью.

Иногда в самом разгаре пурги, несмотря на холод и снег, Петрик приходил к нашему дому, стучал в окна и, так как мы уже начали к тому времени запираться, требовал открыть ему дверь.

В разгар полярной ночи, когда положение больного было наиболее тяжелым, мы все чувствовали на себе влияние его соседства. Нельзя было показаться наружу без опасения неожиданно получить в голову кирпичом или чем-нибудь подобным. Пришлось отдать распоряжение о том, чтобы все зимовщики были крайне осторожны, не вступали в непосредственное общение с больным по

собственному почину, не нервировали его. Общение с Петриком допускалось только через врача.

Большая часть зимовщиков панически боялась Петрика, а туземцы все без исключения были им крайне напуганы. Ночью в расположение бани, где находился больной, Павлов отказывался ходить в-одиночку, приходилось мне его сопровождать. Бывавшие на территории фактории туземцы с большой неохотой ходили на радиостанцию, так как в каждом таком случае надо было проходить мимо бани.

Таким образом, все население острова было по существу терроризировано больным. Ни одного своего шага, ни одного поступка мы не совершали, не подумав предварительно: как это отразится на больном?

Синадский, на которого я возложил уход за поваром, не имел достаточного опыта для этого и, кроме того, относился к порученному «прохладно». Поэтому в первый год весь его уход заключался в ежедневных посещениях и выдаче необходимых медикаментов. Ночью он, как правило, больного не посещал. Поведение больного врачом, по моему требованию, записывалось. Среди Большой ночи у Петрика, как правило, развивалась бессонница и спутанность сна: он спал в светлые промежутки и бодрствовал ночью. Для того, чтобы заставить его спать ночами, врач регулярно давал ему снотворное.

На склоне полярной ночи врач сообщил мне о том, что Званцев предлагает свои услуги в уходе за больным. Вызываю метеоролога.

— Что вас заставляет, Константин Михайлович, ухаживать за больным?

— Я вижу, что Петрик является большой обузой для всей зимовки. Поведение больного мешает нормальной работе зимовщиков. Петрик ко мне относится лучше, чем к другим, поэтому я думаю, что если начну ближе общаться с ним, это даст возможность удержать его от многих поступков.

— Что же вы намерены делать?

— Ничего особенного. Так как наибольшую агрессивность Петрик проявляет в то время, когда обычно зимовщики спят, то я буду ночевать у него. Днем больной находится в лучшем состоянии, на ночь же я перетащу в баню свой кукуль [1] и буду там ночевать. До тех пор, пока он не будет спать, я буду сидеть с ним, разговаривать, занимать его, а когда он ляжет спать, лягу и я.

Первоначально я не согласился на это, опасаясь за Званцева. Но потом решил попробовать. Званцев приступил к своим обязанностям сиделки и начал регулярно ночевать у больного. С этого момента мы все почувствовали значительное облегчение, потому что Петрик, ранее бывший без надзора, теперь находился под постоянным наблюдением и контролем здорового человека. Это избавило нас всех от многих неприятностей. Петрик реже приходил ночами к домам, меньше бродил по фактории. Званцеву однако все это причиняло бесчисленное множество хлопот.

Петрику вдруг приходила в голову сумасшедшая мысль итти чинить «суд и расправу». Он начинал одеваться, Званцев спрашивает:

— Куда ты, Петрик, собираешься?

— Да вот я иду к такому-то, — имя рек. — Я покажу ему! Зачем он на меня наставляет машину?

— Брось, Петрик. На улице темно, ветер дует, куда ты пойдешь? Везде закрыто, тебя не пустят, придешь обратно, замерзнешь. Брось, Петрик, давай сейчас пить чай, потом спать ляжем. Завтра утром вместе пойдем с тобой и как следует поговорим с ним.

Очень часто таким путем ему удавалось успокоить больного и удержать его от хождений по фактории. Проснувшись утром, Петрик уже обычно не собирался итти чинить «суд и расправу».

---

[1] *Кукуль — спальный мешок.*

Но не всегда так мирно для Званцева кончались его попытки. Случалось, что, в ответ на уговоры, больной вскипал, возбуждался, и тогда вся злоба больного обращалась против Званцева. В таких случаях ему бывало очень трудно удерживать больного. Приходилось применять силу, но Петрик и сам физически был довольно крепким человеком...

Еще до того как Званцев взял на себя обязанности сиделки, по настоянию врача были сшиты две смирительные рубашки. Нам несколько раз приходилось применять смирительную рубашку. К ней мы прибегали только три раза, а в остальное время старались обойтись без этого средства, которое тяжело отражалось на психике больного.

Однажды ко мне пришел Званцев. Вид у него был довольно дикий, он был растрепан, рубаха на нем изорвана, шея в крови и выражение глаз почти полусумасшедшее. Я встревожился.

— Что с вами?

— Меня сейчас чуть-чуть не задушил Петрик, а я его чуть-чуть не убил.

И он рассказал мне следующее:

— Я сидел у себя в комнате за столом, работал. Вошел Петрик. Я обернулся: «Что скажешь, Петрик?» «Да ничего, — говорит, — просто пришел к тебе». Он направился к кровати. А у меня, вы знаете, на стене над кроватью висит оружие — «Винчестер», «Кольт», ножи и прочее. Не желая, чтобы Петрик оказался поблизости от оружия, я встал из-за стола и сел на кровать. Не то этот маневр, понятый Петриком, возбудил его, не то он пришел с заведомой целью, но после этого он начал кричать, браниться, угрожать мне, упрекая меня в том, что я «в сговоре» с вами и хочу его уморить. Я ему отвечал, что все это ерунда. Ни начальник, ни я морить его не собираемся. Но мои резоны еще больше его раздражали. Совершенно неожиданно Петрик бросился на меня, опроки-

нул меня навзничь, схватил руками за горло и начал душить. Положение мое было настолько неудобно, что я не имел возможности сбросить больного и только старался оторвать его руки от своей шеи. В этой борьбе больной здорово меня исцарапал. Видя, что никакого выхода нет и что я не могу уже кричать, я последними усилиями дотянулся рукой до револьвера, висевшего на стене, взял его и выпалил. Выстрел, как видно, пришелся над самым ухом больного, потому что вслед за выстрелом Петрик отскочил. «Так ты значит убить меня хотел?» — закричал он. — Я убить тебя, Петрик, не хотел, но если ты будешь бросаться на меня так, как сегодня, я могу тебя убить. Если не будешь бросаться на людей, то вообще тебя никто не будет трогать, — ответил я ему. С возгласом — «Ладно, я тебе это припомню», — больной ушел, а я отправился к вам доложить о происшествии.

Много раз Петрик нападал на Званцева и в самой бане, и вне ее. Он обливал его кипящим маслом, плевал на него, бросался с топором.

Нужно было обладать чрезвычайно крепкими нервами, чтобы выдержать в условиях полярной зимовки такое длительное «единоборство» с больным. Я временами опасался, как бы не «запсиховал» и Званцев. Но этот крепкий, подвижной парень вышел из тяжелого испытания с честью.

Когда над горизонтом начинало подниматься солнце и всходить все выше и выше, состояние Петрика значительно улучшалось. Ко времени полного полярного дня Петрик становился совсем смирным. Сам готовил, стирал белье, вел довольно нормальный образ жизни, общался со всеми, много гулял, работал и даже в отношении меня и Власовой, как правило, не проявлял агрессивности. Впрочем, иногда и летом он причинял нам много хлопот. В июле 1932 года мы ждали прихода судна и все были заняты работой по хозяйству. Врача на фактории давно не было, — он ездил по побережью. Званцев, как и все,

был занят работой со своим метеорологическим хозяйством. Надзора за больным не было. Последний тоже ждал прихода судна и чувствовал себя неплохо, только иногда немного «чудил», но мы к его чудачествам уже привыкли и не обращали на них внимания. Но наконец мы заметили длительное отсутствие Петрика. В бане исчезли некоторые мелочи, которыми он обычно пользовался, исчезла также и его шуба. Я послал эскимоса Паля известить врача об исчезновении больного, а сам отправился на его поиски. Кроме меня пошли Званцев, Старцев и эскимос Етуи. Много мы исходили километров, но и следа Петрика не нашли. Только к вечеру следующего дня он явился. Где он пропадал, выяснить не удалось. Только в сентябре, когда его уже не было на острове, мы, собирая плавник на косах лагуны «Озеро», нашли его шубу.

Ранней весной, в первой половине марта 1932 года, у Петрика возникла новая, весьма упорная «идея»: сжигать все, что было приобретено им на острове. Он начал отправлять в печь все свои вещи: белье, верхнюю одежду. Только то, что он привез с материка, не было предано сожжению.

Когда уже нечего было больше жечь, — стул и другие мелкие вещи он давным давно сжег, не на чем уже было сидеть, — его устремления направились на... постройки. Он неоднократно говорил, что «нужно запалить радиостанцию, а то она все тарахтит да тарахтит, лучше уж ее спалить».

Однажды я сидел у стола и работал. Совершенно неожиданно с треском разлетелось окно. Я испуганно отскочил от стола и, взглянув в окно, увидел побитые стекла. За окном никого не было. Выскочив из дома, я увидел невдалеке Петрика, шагавшего по направлению к бане. Он чему-то смеялся и крутил головой.

Придя на рацию, он обратился к младшему радисту Богданову:

— Ну, что с вами делать? — Петрик для чего-то держал в руках веревочку. — Запалить вас или побить окна? Начальнику я уже побил, а вам что сделать?

Боганов его успокаивал:

— Ничего, Петрик, делать не надо. Ни палить, ни окна бить. А у начальника ты побил окна напрасно.

Врач прислал мне записку, в которой сообщил, что у больного фиксируется внимание на необходимости сжечь здания. Возможен поджог, надо принять противопожарные меры. Меры, какие можно было принять, мы приняли, но из-за этого я не смог весной 1932 года принять участие в научной поездке по острову для описи рек и сбора геологических образцов.

Пришлось на эту работу отправить Власову, которая, пробыв в дороге много дней, выполнила большую часть намеченного плана, в условиях, в которых не всякий мужчина справился бы.

В 1932 году, когда к нам прилетели самолеты и летчики узнали, что умалишенный жив, они были крайне поражены. На материке упорно циркулировали слухи о том, что мы застрелили больного.

У товарищей возникала мысль о том, стоит ли возиться с больным, может быть действительно лучше покончить с ним?

Но я гнал ее прочь, хотя интересы всего коллектива были дороже, чем больной Петрик. Как ни опасен был для нас Петрик, я ни в коем случае не мог пойти на физическое уничтожение больного человека. Памятуя о печальном опыте канадской колонизации острова в 1921—23 годах, закончившейся почти поголовной гибелью всех зимовщиков, я считал необходимым сохранить больного во что бы то ни стало. Мы, советские люди, не собирались утверждать печальной славы острова Врангеля, славы, установленной иностранной колонизацией, как могилы для европейцев. Мы должны были доказать, что со-

ветские люди могут выйти с победой из любых трудностей.

Ясным, погожим утром шестого сентября 1932 года мы последний раз спеленали Петрика в смирительную рубаху и погрузили больного на самолет. Вскоре металлическая птица унесла его на материк.

Два года, проведенные рядом с сумасшедшим, показались нам долгими-долгими. Мы с Власовой оставались на острове на четвертый год в трудных материальных условиях. Но с нами не было сумасшедшего, и мы бодро глядели в лицо грядущему.

Глава XIX

РЕЙС „ЧУКОТКИ“

Согласно правительственному плану, летом 1931 года к острову Врангеля должно было итти вспомогательное судно для дополнительного завоза топлива, продовольствия и, в случае надобности, людей.

Мы знали об этом и задолго до навигации нетерпеливо ждали прихода судна. Уже в январе я начал телеграфировать в АКО заказы на недостающее научное оборудование и топливо. Больше всего нас интересовали газеты, журналы, материалы съезда ВКП(б) и съезда Советов.

В феврале мы часто запрашивали АКО о том, что делается для подготовки экспедиции и какое идет судно. Но в Акционерном Камчатском Обществе, как видно, были не особенно заинтересованы в посылке судна и на многие мои запросы ничего не отвечали.

Гораздо более внимательными оказались Крайисполком и Крайком ВКП(б). 19 февраля 1931 года я получил телеграмму от Крайисполкома. Краевой Исполнительный Комитет своим постановлением от 19 февраля обязал АКО и Совторгфлот организовать в навигацию 1931 года рейс шхуны «Чукотка» на остров Врангеля для завоза угля, вывоза пушнины и заболевших членов колонии. Управление гражданского воздухофлота обязано было снабдить экспедицию самолетом для обеспечения пароходного

рейса и вывоза больных в случае невозможности подойти к острову на судне.

Эта телеграмма всех нас крайне обрадовала. Краевые организации постановили, — значит, судно к нам выйдет. АКО долго молчало и только после моих неоднократных телеграмм сообщило, что специального рейса на остров Врангеля не будет. Посылается шхуна «Чукотка» в Чаунскую губу. Оттуда, если останется время и если ледовая обстановка будет этому благоприятствовать, она должна зайти на остров Врангеля.

Нас это решение не устраивало.

Акционерное Камчатское Общество в 1931 году не очень было заинтересовано в посылке судна на остров Врангеля. Запас пушнины и сырья, который мы сумели заготовить за прошедшие два года, конечно, не мог оправдать всех затрат, необходимых для посылки судна. Поэтому в АКО решили сочетать, как говорится, «приятное с полезным»: послать судно в комбинированный рейс. «Чукотка» получила от правления АКО ряд заданий: выгрузить фактории на мысах Ванкарем, Северном, Биллингсе и в Чаунской губе. Одного этого уже было совершенно достаточно для такого судна, как «Чукотка», да и то не при всяком состоянии льда можно было надеяться на успех операции. Надеяться же на то, что «Чукотка» выполнит первую часть задания и, возвратившись в бухту Лаврентия, где для нас были приготовлены грузы, уголь и прочее, погрузит все это и затем пройдет к острову, — было неразумно.

Как только мы выяснили все эти детали, я начал «бомбардировать» телеграммами правление АКО, требуя определенного ответа. В телеграммах я писал, что если все задания «Чукотке» соответствуют истине, то я вынужден буду поднять перед правительством вопрос о посылке судна специально к острову Врангеля. Но мне не удалось до самого последнего времени договориться с АКО. Как видно, там не хотели все сообщать нам, да и

телеграфная связь между островом и материком была крайне плохой.

Вся весна прошла у нас в этих переговорах, запросах, ожидании ответов. К тому времени, когда уже нужно было думать о рейсе «Чукотки», для многих из нас становилось все более ясным, что ледовое состояние у острова в этом году будет значительно тяжелее, чем в прошлом, 1930-м. Но нас все же не оставляли надежды. «Если лед уйдет от острова позже, чем в 1930 году, — думали мы, — все же во второй половине лета, возможно, создастся такое положение льда, что судно сможет к нам проникнуть, если пойдет прямо к острову.

И вот 8 июля из Владивостока вышла в полярный рейс шхуна «Чукотка» под командой капитана Фонарева. На «Чукотке» были грузы для северного побережья — для указанных ранее пунктов. На шхуне наших грузов не было, если не считать одного ящика с почтой, газетами и кой-каким инструментом. Весь остальной груз, предназначенный для острова, шел на снабженческом судне в бухту Лаврентия, где должен был дожидаться возвращения «Чукотки» из рейса в Чаунскую губу.

12 июля «Чукотка» вошла в полярный бассейн и находилась у мыса Ванкарем, где она должна была произвести выгрузку первой фактории. Но, двинувшись дальше после выгрузки в Ванкареме, «Чукотка», не доходя до мыса Северного, попала в тяжелые льды. Дальше ей уйти не удалось. Лед у побережья в этом году был почти так же тяжел, как и у острова Врангеля. По пути в устье реки Колымы в этом же районе, кроме «Чукотки», находились еще два парохода — «Колыма» и «Лейтенант Шмидт», также безуспешно пытавшиеся пробиться на запад.

Весь июль мы находились в крайне напряженном состоянии. Какой бы работой мы ни занимались, все мысли наши и разговоры вращались вокруг судна. К сожалению, из того, что нам удавалось узнать, мы не могли вывести ничего для себя успокоительного.

26 июля «Чукотка» попала в очень тяжелое положение; начались различные аварии. В этот день шхуна повредила винт и получила небольшую пробоину. Но пока еще положение не было угрожающим, и «Чукотка» могла итти по назначению.

26—27 июля разразился жесточайший шторм, и маленькая «Чукотка» испытывала очень сильное сжатие льда. Пробоина значительно увеличилась. Шхуну стало заливать водой. Мы получали телеграммы, — правда, не нам адресованные, — в которых сообщалось, что «Чукотка» держится только благодаря непрерывной работе водоотливных средств и что, если хоть на некоторое время моторы помп прекратят работу, «Чукотка» пойдет ко дну. Со шхуны неслись сигналы о помощи к «Колыме» и «Лейтенанту Шмидту», но оба эти судна, находясь в 8—9 милях от «Чукотки», не могли подойти к ней и оказать ей помощь. Часть людей из команды парохода «Колыма» по льдам перебралась на «Чукотку» и помогала ее команде в спасательных работах.

30 июля я получил наконец радио из АКО:

«Шхуна «Чукотка» идет Чаунскую, возвращается Лаврентия, после чего следует Врангель. Держите связь «Чукоткой» коротгкой волне 34—44 метра. Самолета не будет Ткаченко».

Было крайне тяжело получить радио, сообщавшее о выходе судна, которое было на краю гибели...

2 августа «Чукотка» была покинута людьми и перестала существовать... Почти восемь суток команда шхуны, с помощью нескольких людей с «Колымы» спасая судно, героически билась со свирепой полярной стихией. Но лед и разъяренный ветер медленно, но неуклонно превращали суденышко в решето. Люди беспрерывно работали целую неделю без сна и ушли с судна в самый последний момент, когда оно вот-вот должно было скрыться под водой. Людям удалось благополучно перебраться по льдам на «Колыму», только один человек во время пути с «Чукотки» на «Колыму» погиб от разрыва сердца.

На всех зимовщиков гибель «Чукотки» произвела крайне тяжелое впечатление. Зимовщики скорбели о самой «Чукотке», о погибших грузах, о людях, которым пришлось так много пережить. Некоторые печалились и оттого, что с гибелью «Чукотки» рвалась тончайшая нить надежды на приход судна к острову.

Мы получили телеграммы о гибели «Чукотки» и с «Колымы», и из других мест. Нас спрашивали, сможем ли мы продержаться еще год без корабля, без помощи извне и хватит ли у нас продуктов.

Первая телеграмма была получена 10 августа:

«Шхуна «Чукотка» затонула рейс Врангель сорван. Можете нет обойтись этот год без прихода судна сообщите срочно пароход «Колыма» Дьяков».

Вопрос о продуктах для нас на третий год не стоял остро. Нам завезли снабжение на три года, и хотя мы потребляли продукты не скупясь, все же продовольствия хватило бы и на третий год.

Значительно хуже, как об этом знает уже читатель, обстояло дело с топливом. У нас оставалось приблизительно не больше 10—12 тонн угля.

Все остальное у нас было в порядке, — конечно, если не считать сумасшедшего Петрика, с которым мы принуждены будем остаться еще на целый год.

Как только я получил телеграмму с запросами относительно того, сможем ли мы обойтись без судна, я ответил:

«Пароход «Колыма». Дьякову. Срочно.
Ледовым условиям судно острову посылать не следует. Введением жестких норм дефицитные товары обойдемся, топливо будем экономить, заготавливать дрова. Сожалею потере «Чукотки».

Такую же, примерно телеграмму я отправил и во Владивосток, запросивший меня о состоянии колонии и о посылке судна.

Я думал, что после гибели «Чукотки» и наших телеграмм на материке до следующего года не встанет воп-

рос о посылке другого судна. Решив, что к нам судно не придет, мы все внимание уделили заготовке к зиме достаточных количеств мяса, потому что в этом году свежее мясо для всех нас должно было играть гораздо большую роль, чем в прошедшие годы, так как витаминозных продуктов, которых у нас было много в первые два года, на третий год осталось очень мало. На наше несчастье, лед у острова в этом году был до крайности плох. За пять лет, что мы прожили на острове, с точки зрения промысловой не было ни одного года столь неудачного, как 1931-й.

В этом году лед оторвало от берега в районе бухты «Роджерс» только 20 августа, то-есть с запозданием против обычного больше чем на месяц. Такое состояние льда было не только по южному побережью, но и вокруг всего острова.

В устьях больших рек теплые воды, уносимые с острова, разрушали ледяную броню у самого берега, постепенно создавая более или менее крупные полыньи. В частности, у устья реки «Нашей» к востоку от бухты Роджерс образовалась небольшая полынья, с каждым днем увеличивавшаяся. К началу августа в ней появились моржи. Но пробраться туда по воде на крупной промысловой посуде мы никак не могли.

В самом начале августа мы решили начать промысел моржа в устье реки «Нашей» на чукотских кожаных байдарах. В нашем распоряжении были две небольшие одноморжевые байдары, то-есть байдары, каркасы которых обтянуты одной моржевой шкурой. Охотиться на этих байдарах удовольствие маленькое, потому что они слишком утлы, валки, и охота на них чревата многими опасностями, к тому же емкость такой байдары очень невелика. Даже если убьешь большое количество животных, увезти с собой зараз можешь только двух моржей — по моржу на байдару. И то — без костей, без внутренностей и только в том случае, если количество промышленников не будет превышать трех человек на каждом «судне».

Но иного выхода у нас не было. Мясо нам заготавливать было совершенно необходимо: без мяса погибнет вся собачья стая, а это значит, что и нам будет во много раз труднее. Недостаток топлива вынудит нас заготавливать плавник и возить его на собаках, без них же проводить дровозаготовки нельзя. Рассчитывать на эскимосские хозяйства, чтобы позаимствовать мясо у них, мы не могли, так как, по нашим сведениям, к тому времени на всем южном побережьи было убито только два или три моржа. Даже в середине августа в бухте Сомнительной было убито только четыре моржа, тогда как собственные потребности этого становища были не менее 20—24 моржей в год. Хоть на байдарах, а бить моржей было необходимо!

Ветры, дувшие довольно упорно с начала августа, разрушили основательно лед в бухте Роджерс, но уйти из бухты он не мог. При выходе из бухты стоял сплошной морской лед, лед же бухты поломало на различной величины поля и гоняло их из конца в конец отливами, приливами и ветрами.

Глядя на лед бухты, я пришел к заключению, что если мы как следует поработаем, то сможем перебросить через льды в самый конец бухты наш большой моторный вельбот. Там, через песчаную косу, отделявшую бухту от моря, — всего полтораста сажен, — можно будет вельбот перетащить волоком из бухты в море и по заберегу выбраться в полынью у устья реки «Нашей». Если бы нам удалось исполнить это, можно было бы сказать, что проблема заготовки моржевого мяса разрешена удовлетворительно.

Всего нас на Роджерсе к тому моменту было шесть человек, при чем только четыре могли отдавать все свое время промыслу. Два человека — радист Боганов и метеоролог Званцев — могли заниматься этим делом только в свободное время.

9-го августа с утра начали готовиться к походу через лед бухты. Спустили на воду вельбот, поставили, но

не укрепили двигатель, погрузили горючее, смазочное масло, палатки, продовольствие и прочее снаряжение и вчетвером двинулись по бухте.

Первую треть пути мы проделали в течение нескольких часов этим же днем. Нам беспрерывно приходилось выскакивать из вельбота на лед, рубить топорами, чтобы расширить каналы. Там, где лед состоял из скопища мелких льдин, мы их растаскивали, расталкивали и продвигали в образовавшиеся каналы вельбот; но там, где каналы были сжаты крупными ледяными полями, которые не поддавались нашим усилиям, мы пускали в ход топоры. За несколько часов работы при ветре и тумане мы сумели продвинуться вперед только на два километра. Дальше нас встретило большое невзломанное поле льда, которое покрывало всю бухту от материкового берега до косы, и только у самой косы оставалась узкая полоска воды. Этой полоской мы и решили воспользоваться для того, чтобы пробраться на воду, видневшуюся за этим полем.

Только мы вошли в этот канал, держась вплотную ко льду, как днище посудины начало цеплять дно. Полынья постепенно сужалась, и нас прижимало все ближе и ближе к берегу. Наконец, вельбот оказался на мели. Мы вышли на льдину и с остервенением начали рубить, крошить лед, выталкивать его на чистую воду. За два с половиной часа мы изрубили громадную льдину, все время продвигая вельбот к самому ее краю.

Но как мы быстро и упорно ни работали, так же быстро и упорно полынья мельчала. Шел отлив, воды становилось меньше. Мы поняли, что сейчас ничего сделать больше не сможем. Надо было ждать большой воды.

За время работы мы вымокли все, как мыши, на нас не было, что называется, сухой нитки. В довершение наших злоключений, дувший с утра ветер значительно усилился, мокрый туман, висевший пеленой над бухтой и тундрой, перешел в крупный, падающий мокрыми тяжелыми лохмотьями снег. Он густо падал и скоро покрыл

белой пеленой и тундру, и косу, а лед, обычно серый, местами даже черный, тоже покрылся снегом и стал по-зимнему белым.

Когда вода поднялась достаточно высоко и вельбот всплыл, мы с большим трудом переползли нашим каналом на чистую воду и на веслах пошли дальше. Вдалеке виднелось еще несколько перемычек льда. Это были все же только перемычки, а не поля, и мы с ними сравнительно легко справились.

К концу следующего дня мы были в конце бухты. Несмотря на то, что устали мы зверски, иззябли основательно, отдыхать мы не решились, потому что лед мог в любой момент двинуться обратно и прижать вельбот так, что от него и щепок бы не собрали. Поэтому мы сейчас же продвинули вельбот как можно дальше к берегу, начали его разгружать, подальше вытащили его на берег, положили доски, на них — катки и на этих катках постепенно перекатили вельбот из бухты в море. Там, как только мы его свели в полынью, мы опять в него все погрузили, поставили мотор, вывели на большую воду и занялись окончательным монтажем и заправкой двигателя.

Промысловый лагерь, состоявший из нескольких палаток, которые мы разбили в устье реки «Нашей», был плох. С неба беспрерывно сеяло влагой, мы очень быстро промокли, и в палатках было так сыро, как и снаружи. Мы по возможности старались от этой сырости избавиться, но наши старания не приводили к утешительным результатам.

На первых порах наш промысел моржа в этом месте был неудачен. Беспрерывно дувшие, небольшие правда, но разводившие волну ветры не позволяли нам выходить в море. Мы несколько раз пытались на волне гоняться за моржами, но никаких результатов это не давало. По несколько дней мы сидели бездеятельно, в полном смысле слова ожидая у моря погоды.

Находясь в «лагере», я получал первые робкие сведения о том, что на материке спешно готовится судно для похода на остров.

13 августа наша радиостанция перехватила телеграмму, посланную капитану парохода «Ительмен» Бессмертному, стоявшему у Чукотского побережья. Телеграмма гласила:

> «Своему усмотрению заготовьте полярное снаряжение эскимосов и нарты для перехода по льду к острову Врангеля 12 августа выходит «Гагара» в рейс к острову Врангеля под моим командованием. Уголь выгрузите 100 тонн по северную сторону Дежнева. Капитан Дублицкий, АКО Федотов».

Это были первые сведения о походе тральщика «Гагара». Была уже половина августа, а лед не внушал никаких надежд, неподвижно стоял и, как видно, вовсе не собирался уходить. Те полыньи, которые были в устьях рек, постепенно увеличивались, разрушая ледовый покров, но это совершалось очень медленно.

13 августа мы получили более определенные сведения о тральщике «Гагара». Уже непосредственно мне была адресована пароходом «Ительмен» следующая телеграмма:

> «В целях успешного продвижения тральщика «Гагара» острову Врангеля сообщайте ежедневно снабженцу «Ительмен» состояние льдов, направление, силу ветра, температуру полночь, полдень, капитан снабженца «Ительмен» Бессмертный».

Уже в момент гибели «Чукотки», судя по состоянию льда, я был уверен, что легкое судно типа погибшей шхуны острова достичь не сможет. Но к нам вновь посылалось судно, при чем под руководством такого многоопытного полярного капитана, как Константин Александрович Дублицкий. Это давало некоторую уверенность в том, что он и на «Гагаре» — на маленьком суденышке — сможет многое сделать. Однако в ледовых условиях, бывших в то время у острова, и опыт и сила были бессильны.

Я все проверил, правильно ли я поступаю, отказываясь и в этот раз от помощи. Ведь это касалось не только меня одного, но и моих сотрудников и эскимосов. Поэтому, получив эти сведения, я обсудил вопрос о рейсе «Гагары» с Павловым.

— Ну, Павлов, что ты думаешь насчет «Гагары»?

— Не знаю, товарищ Минеев.

— Как твое мнение: стоит итти ей к нам или не стоит?

— Пришла бы она — хорошо, только не придет наверно, лед-то больно тяжелый.

— И я так думаю, что не дойдет. А хорошо, если бы пришла. Многое бы нам привезли, а самое главное — уголь, да и Петрика от нас забрали бы. Но плохо будет, если их где-нибудь далеко от берега зажмет лед.

— Да, тогда на берег они не выскочат. Хорошо, если это будет близко от острова. К нам пойдут. Если же это будет посередине дороги — миль двести от нас, да столько же от материка, тогда надо будет снаряжать экспедицию за ними.

— Так. Ну, а как ты думаешь насчет телеграммы, чтобы «Гагару» не посылали?

— Не знаю. С одной стороны, правильно, конечно, — чего им итти, рисковать, — а с другой стороны, и нам плохо будет.

— Но мы-то ведь здесь не погибнем, если «Гагара» не придет?

— Погибнуть, конечно, не погибнем. Угля вот у нас только мало.

— Но плавник у нас на озере еще есть?

— Есть немножко. Плохой он, правда, почти весь гнилой, мокрый.

— Ничего не поделаешь, будем возить, какой есть.

Разговор с Павловым укрепил во мне мысль о необходимости отказа от рейса «Гагары».

14 августа я пошел на факторию, чтобы отправить телеграмму. Дома я обсудил этот вопрос и с Власовой. Да,

отсутствие топлива за полярным кругом — это не пустяк. Но мы привыкли к северу, трудности нас не пугали, и перспективы третьего года не всегда рисовались нам безвыходными. Мы очень быстро, с двух-трех слов, пришли к заключению, что рейс «Гагары» чрезвычайно рискован, что мы обязаны, в интересах дела, поступиться своими личными интересами и отказаться от помощи. И я послал на материк в адрес Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета Севера и Краевого Комитета ВКП(б) следующее радио:

«По имеющимся сведениям остров послан тральщик «Гагара». Ледовые условия Врангеля этом году необычайно плохие, лед до сих пор плотно стоит по всему южному западному и восточному побережью с небольшими полыньями в устьях больших рек. По моему убеждению посылка «Гагары» нерациональна. При экономии угля, возможной заготовке дров водой и на собаках зиму продержимся. Продуктов хватит, наибольшим осложнением является больной, но на север едут не дети, справимся и с этой трудностью. Завтра произведу дополнительную разведку льда, молнирую".

Тут же я предложил Званцеву отправиться на вершину горы Атернон, как наиболее высокий пункт в этом районе южного побережья, и обсервировать лед на протяжении всего видимого горизонта. Результаты обсервации я велел немедленно сообщить мне в лагерь моржевой охоты.

15 августа я возвратился на реку «Нашу» и сейчас же, как пришел, дал распоряжение Павлову и Синадскому подняться на вершину мыса Гавайи и осмотреть лед.

К 17 августа уже были результаты обсервации с вершины Атернона и с мыса Гавайи. Положение было чрезвычайно плохим. Званцев с высоты приблизительно в 500 метров над уровнем моря обнаружил по всему видимому горизонту сплошной непроходимый лед без разводий и полыний. По его сообщению, море производит «сухое впечатление», то-есть воды не видно совершенно. Лед под солнцем так же искрится и блестит, как ранней весной, когда о таянии и говорить еще нельзя. Это слу-

жит показателем того, что лед еще очень крепок и, по крайней мере в ближайшее время, не собирается взламываться. Приблизительно то же увидели Павлов и Синадский с мыса Гавайи.

Результаты своих наблюдений Званцев отправил на «Ительмен», как только возвратился, я же только 19 ав-

Наш дом ночью (осень 1931 г.).

густа послал телеграмму, подчеркнув еще раз, что ледовые условия этого года для навигации сравнительно с прошлым годом исключительно неблагоприятны. В телеграмме Крайкому ВКП(б) и Крайисполкому я подтвердил свои предположения о полной непроходимости льда.

Часть зимовщиков, особенно наши радисты Шатинский и Боганов, были крайне недовольны моими телеграммами с отказом от судна. Все мы в течение долгого

времени обсуждали между собой приход судна, встречу людей с материка, доставку газет, свежих овощей и прочего. Каждый из нас, ожидая судно, мечтал о получении писем от близких и товарищей, необходимых вещей, заказанных телеграфом, фотографий детей, родных. Мы уже предвкушали вкус свежей картошки, моркови, репы, капусты. За два года, проведенные на острове, эти немудрые вещи стали для нас более желанными деликатесами, нежели шоколад и прочие сласти. И вдруг крушение всех надежд!.. Для некоторых были совершенно непонятны мотивы моего отказа, сколько я ни пытался разъяснить им, что все наши трудности, по существу, ничтожны в сравнении с трудностями экспедиционного судна, идущего к нам на помощь. Но мы так и не договорились, и радисты остались при «своем особом мнении», считая меня виновником того, что в 1931 году к нам не пришел корабль. Мне старший радист так и сказал:

— Если вы, товарищ Минеев, будете посылать на материк такие благополучные телеграммы, то к нам еще пять лет пароход не придет.

О том, что рейс «Гагары» отменен, мы узнали не сразу. Я принужден был несколько раз запрашивать материк по этому поводу. Слухи об отмене рейса были, но уверенность в этом отсутствовала. Я посылал телеграммы на пароход «Ительмен», в Хабаровск и только много дней спустя, 1 сентября, наконец, получил ответ:

> «Рейс «Гагары» отменен. Если для вас не обременительно, сообщите ледовое состояние, предыдущие ваши ледовые все получались аккуратно, переданы Дублицкому, материал очень ценный для будущего рейса. Привет. Бессмертный».

После этой телеграммы для нас стало совершенно ясно, что в этом году нам с материка ждать нечего.

Глава XX

ЗИМА 1931—32 ГОДА

Как прошла зима 1931—1932 года?

Вполне благополучно. Остаток наших угольных запасов я по осени распределил между домами. Прежде всего я обеспечил в полной мере радиостанцию, радистов и метеоролога. Они были всегда связаны своей работой и не могли отдавать много времени заготовке топлива. У нас же было и время и собаки. Для себя мы взяли только остатки угля, в общей сложности не больше $3^1/_2$ тонн. Из этого же «запаса» угля мы выделили топливо и для больного Петрика. Отдельного угольного запаса я решил для него не создавать, так как потребление им топлива необходимо было контролировать. Это удобнее было делать при пользовании из нашей угольной ямы.

Недостаток топлива восполнялся заготовкой дров из плавника. Первоначально мы возили плавник из бухты Предательской. Правда, понятие «возили» не совсем подходящее, потому что мы смогли сделать всего только один рейс. 4 сентября я выехал в сопровождении Павлова и Власовой, — причем я был «чиф инженер», Павлов сидел на руле — капитанил, а Власова была палубной командой. Больше я взять никого не мог: врач в это время покинул работу [1], а метеоролог и радист из-за работы не могли

[1] *В сентябре 1931 года Синадский подал рапорт об уходе с работы и самовольно уехал на север острова, где жил в семье эскимоса Таяна, на сестре которого женился. Подача рапорта была*

поехать. Мы в один день добрались до бухты Предательской, пройдя 70—80 километров чрезвычайно тяжелой дорогой во льдах. В некоторых местах нам казалось, что мы не вылезем, и только опытность Павлова выводила нас из затруднительного положения. Из бухты Предательской мы смогли уйти только 13-го, так как нас держал там ветер.

Он начался в ночь нашего приезда и до 13-го дул без перерыва, с крайним остервенением. Он был так силен, что песок и гравий на косе вздымались в воздух, как тонкая пыль; ко всему этому, с неба падало много снега, и он с промерзшей и сухой тундры сносился в бухту. На воде его сбивало к берегу косы, где стоял наш вельбот.

Пока не было толстого пласта сала, вельбот, стоя на двух якорях, плясал как пробка. Когда же вокруг него образовалось плотное сало, волны разбивались у кромки, и вельбот медленно вздымался, как будто бухта размеренно дышала. Ночью на 13-е ветер спал, утром он еще был, но очень тихий, волна на море уже утихомирилась. Быстро нагрузившись, двинулись во-свояси. Дорогой у нас закапризничал мотор, и нам пришлось в бухте Сомнительной устраивать генеральную разборку и чистку его. Только 14-го поздно ночью, — нам пришлось долго плутать во льдах, — мы были в бухте Роджерс. Бухта тоже была покрыта салом, ночи были по-осеннему темны, и мы почти два часа колесили по бухте, в поисках удобного места для подхода к берегу. На этом вывозка дров из бухты Предательской и закончилась.

Дальше ездить было некогда. 16-го бухта стала, а 20-го мы уже ездили по ней на собаках. Но всю зиму мы ездили за плавником на «Озеро». Первоначально мы его употребляли как подспорье к углю, чтобы сэкономить уголь, а когда он кончился, мы перешли целиком на плав-

---

вызвана нежеланием выполнять тяжелые и «неприятные» работы, которыми были заняты все зимовщики. Вернулся Синадский в октябре, только после приказа с материка снять его за уход со всех видов довольствия.

ник, всячески экономили топливо и тепло. Плохо было только с больным. Он нам причинил много неприятностей. Как будто на-зло, он усвоил себе привычку: натопит крепко баню, а потом откроет дверь и сидит у открытой двери. Остудит баню и — снова начинает ее топить. Пока угля было достаточно, это еще было терпимо, но когда топливо приходилось возить на собаках, — а на собаках много не увезешь, — это крайне раздражало.

В остальном зима прошла, как обычно. Мы так же, как и в предыдущие зимы, работали, промышляли песца. Страшной полярной гостьи — цынги — у нас, как и первые два года, совершенно не было.

Зима прошла. Зная, что летом 1932 года к нам должно придти судно и привезти на смену новых людей, новое снабжение, мы судили и рядили, какое именно судно пошлют.

— Хорошо бы «Литке» послали, — говорил кто-нибудь из нас, — уж он бы протолкался, даже если бы и лед был плохой.

Мы не видели других ледоколов, более мощных, чем «Литке», и все наши симпатии были на его стороне.

Но это были только мечты. Пока надо было выполнять обычные обязанности, типичные для весенне-летнего периода, хотя в эту весну и лето мы были заняты не совсем обычной для нас работой. Еще в 1931 году я телеграфно запросил Московский зоологический сад, нужны ли ему островные животные: медведи, песцы и др. Мне ответили, что очень нужны. Поэтому в марте месяце, когда идет массовый убой весеннего медведя, мы начали собирать медвежат с целью вывезти их на судне, которое к нам придет, и доставить в Москву.

Эскимосы относятся к медведю, как к существу высшего порядка. Живых медведей или медвежат они ловить считали недопустимым. Первоначально мы, в порядке развлечения, сами добывали медвежат. Они жили у нас, но сами мы добыть большого количества медвежат, конечно, не могли. Нужно было заинтересовать в этом и

эскимосов. Я обещал уплачивать за каждого медвежонка определенную сумму денег и в виде премии выдавать некоторые дефицитные товары. Это их заинтересовало, и они начали возить медвежат.

Медвежат они начали доставлять густо. Кроме того, в эту весну, то-есть весну 1932 года, поехал на охоту на медведя Званцев. С помощью эскимоса Ннокко он ухитрился убить 32 медведя. Он также снабдил нас медвежатами. На протяжении марта и первой половины апреля мы заготовили 13 живых медвежат. Кроме того, мы заготавливали песцов. Я объявил эскимосам, что за каждого молодого песца я плачу определенную сумму денег, и они тащили нам молодых зверьков.

Весной, при поисках гусиных яиц, нам удалось поймать с Павловым взрослую живую полярную сову. Кроме того добыли живого самца, а потом, когда у совы вывелась молодь, мы притащили пуховых птенцов и выкармливали их. Ко времени прихода корабля они уже были в полном смысле слова взрослыми птицами, но, в отличие от взрослых, пойманных в диком состоянии, они были полуручными. Во всяком случае к нам с Власовой они крайне привязались и жили в нашей жилой комнате. Были у нас и другие птицы. Кроме того, я решил привезти в Москву живых леммингов. Для этого я устроил большую клетку, выложенную внутри железом, наложил по дну толстый слой дерна. Одна стена была заколочена мелкой сеткой. Наловив живых леммингов, я пустил их туда; чувствовали они себя не плохо.

За три года мы собрали несколько больших коллекций. Их также нужно было подготовить к отправке, упаковать, при чем упаковать так, чтобы в пути ничего не попортилось и не промокло. Этим мы занимались в свободное от других работ время.

Много было в эту весну работы и по хозяйству, которое необходимо было подготовить к сдаче. Каждый год мы проводили инвентаризацию, учет имущества нашего хозяйства. Это мы делали для того, чтобы знать, что мы

имеем. Теперь нам надо было сделать все это так, чтобы люди, пришедшие вновь на остров и сменившие нас, легко во всем без нас разобрались. Пришлось все заново перевешивать, перемерять, пересчитывать, тщательно маркировать. Пересчитывали все очень точно, чтобы не вводить в заблуждение наших преемников.

Званцев, Ста́рцев и Павлов отдыхают после работы в складе (лето 1932 г.).

Остальные зимовщики также много работали над приведением своего хозяйства в удобное для сдачи состояние. Званцев заканчивал окончательную обработку метеорологических материалов, готовил копии месячных метеотаблиц. Надобность в них для зимовки, особенно новым людям, очень велика.

Радисты в эту весну много работали над рацией и

подготовляли всю техническую часть так, чтобы, как говорят, «комар носа не подточил». До сих пор, надо сказать, она была не на достаточной высоте.

Туземцы тоже готовились к приходу судна. Они также предвкушали бесчисленное множество удовольствий. Они обсуждали, кто из них поедет на материк, кто останется. Этот вопрос и меня крайне интересовал. Некоторым эскимосам надо было выехать с острова потому, что продолжать жить на острове им, по состоянию здоровья, нельзя было.

Вообще же, туземцы жили на острове значительно лучше, чем на материке. Они сами рассказывали нам, как плохо им жилось там: не было кухлянок, часто не было камусных торбозов, ходили в нерпичьих. Мяса добывали мало. На острове было гораздо лучше. Тем не менее, на материк их тянуло.

Таких желающих первоначально находилось очень много: хотел ехать Тагью, Кмо, Етуи, Паля. Мне пришлось с ними долго разговаривать о том, стоит ли ехать на материк только из-за того, чтобы посмотреть, как там живут родственники, — ведь, уехав с острова, вернуться можно не раньше чем через три года, да и то не наверняка. Нужно подумать, прежде чем ехать. Ехать никому не запрещено, но лучше все обдумать заранее. И ко времени, когда судно должно было придти, многие возвращаться на материк раздумали. Некоторые из эскимосов спрашивали, нельзя ли выписать с материка их родственников. С такой просьбой обращался ко мне Таяна, у которого на материке в районе Анадыря живут два брата — прекрасные промышленники, которых он хотел бы перевезти на остров, где они дали бы много в смысле промысла.

С такой же просьбой обращался ко мне и Тагью — у него тоже там, на материке, была родня, и Кивьяна — у него на материке был брат.

Я запросил по этому поводу материк, но так как у нас была очень скверная связь, ответа я не добился.

Глава XXI

ПОХОД „СОВЕТА“

Первые сведения о подготовке судна к рейсу на остров мы получили совершенно неожиданно из... Москвы от Н. П. Савенко, бывшего с 1926 по 1929 год врачом на острове.

22 мая из Москвы поступила телеграмма, в которой Савенко сообщал, что по постановлению СТО ответственность за рейс возложена на Наркомвод. Для рейса выделено судно «Сучан». Это новое судно, имеющее ледовой пояс, сильное крепление и приспособленное к плаванию во льдах. Кроме того, Савенко сообщал, что снабжение уже отгружается на Владивосток. Весьма вероятно, что судну будет придан самолет для обеспечения ледовой разведки. Он просил сообщить, в чем мы более всего нуждаемся, кто из туземцев-промышленников хочет выехать на материк.

24 мая от него же я получил телеграмму уже из Владивостока. Савенко сообщал, что на остров Врангеля в этом, то-есть в 1932 году, завозится колония в 150 человек, забрасываются специальные пловучие средства, утильзавод. Научные работы, а отсюда и научный персонал в связи со Вторым Международным Полярным Годом увеличиваются. Эта телеграмма нас крайне поразила. 150 человек населения на острове Врангеля! Большинство людей должны быть промышленниками, так как даже са-

мые широкие научные работы не могли занять более полутора или двух десятков научных работников.

Не понимая, почему так форсировался этот вопрос, я послал в Крайком ВКП(б) и Крайисполком телеграмму, в которой изложил свои сомнения в целесообразности завоза на остров Врангеля столь большого количества людей. Я указал, что без завоза топлива салотопенное производство на местных топливных ресурсах поставить нельзя. Кроме того, я выражал удивление по поводу назначения на пост начальника острова Савенко. Не имея ничего против этого товарища, я все же считал его кандидатуру совершенно неподходящей для этой работы, тем более, что, судя по телеграмме, задачи зимовки крайне расширялись и усложнялись. Из того, что мне поневоле пришлось узнать о нем на острове, я считал, что он и с теми задачами, которые были возложены на нас, не справился бы. Вот почему я написал в телеграмме о нецелесообразности посылки Савенко начальником острова. Но мы все же были благодарны Савенко за отзывчивость, за то, что он без наших просьб подробно информировал нас о положении дела.

10 июня получаем иные сведения. На остров Врангеля посылается другое судно — пароход «Совет». Мы не имели представления, что он собой представляет. Перемена названия судна нам ничего не сказала, а потому мы были спокойны. Но вот в одной из сводок «Дальроста», которые мы время от времени получали, мы узнали, что «Совет» — судно, совершенно неприспособленное к ледовым плаваниям, и, значит, оно непригодно для похода на остров Врангеля. Вот так «обрадовали»! Как мы ни досадовали, но факт оставался фактом: к нам шел «Совет».

Лед в этом году не внушал особых надежд, хотя большинство зимовщиков, желая уехать с острова, стремилось видеть только хорошее. Званцев несколько раз говорил мне, что лед уйдет к 20 июля и навигация в этом году будет лучше, чем в прошлом.

20 июля получаем сообщение из Хабаровска о том, что «Совет» 16 числа вышел из Владивостока. Из этой же телеграммы мы узнали, что начальником на остров едет Остапчик, а Савенко является его заместителем. Приятно было узнать, что на острове будет, по тем местам и временам, крупная партийно-комсомольская организация: 9 членов партии и 4 комсомольца. Заброшенный в заснеженную полярную даль, советский форпост будет жить одной жизнью с нашим великим и родным Советским Союзом.

20 июля море, вопреки предсказаниям Званцева, не очистилось от льда, хотя частично он был прав, так как у берега лед взломало. 17 июля в середине дня неожиданно ударил крепкий нордвест, очень быстро перешедший в сильный шторм. Лед на бухте взломало и сбило к берегу косы. На море лед стоял пока неподвижно. Все население Роджерса собралось у большого склада и внимательно следило за тем, что делается на море. Совершенно неожиданно для нас от высокого берега у мыса Пролетарского по направлению к косе обозначилась резко черная тонкая линия. Мы не поняли сразу этого явления и несколько мгновений недоумевали. Но тут мы заметили, что эта линия становится шире, и все хором оголтело заорали: «Лед пошел, лед оторвало!»

Люди на материке вряд ли смогут понять наши ощущения в тот момент. Лед оторвало от берега, — значит, мы скоро будем на материке. Бешеный ветер взломает лед, угонит его от острова далеко, а по чистой воде и «Совет» легко дойдет. А что это значило для нас, просидевших три года за полярным кругом, почти полностью оторванных от материка, в течение двух лет имевших под боком буйного сумасшедшего! Событие было чрезвычайно радостным. Мы едва не поздравляли друг друга с «тронувшимся льдом».

Целые сутки бушевал ветер. Тончайшая вначале темная линия становилась все шире и шире. По прошествии первых нескольких десятков минут полоска воды на-

столько расширилась, что ветер начал баламутить воду, и у кромки льда вздымались фонтаны брызг и водяной пыли. К вечеру лед угнало далеко. Полынья расширилась до трех — четырех километров, и мы, ложась спать, думали: «встанем завтра, и море будет чистое до горизонта, а там уже недалеко останется до парохода». Но наши ожидания не сбылись. Утром лед был на том же месте, что и накануне вечером. Ветер продолжал свирепствовать. На море в полосе чистой воды ходили беляки, и море пожелтело от ила, поднятого волнами на поверхность.

К середине дня ветер спал, а к вечеру лед постепенно прижало обратно. Он закрыл полынью до самого берега. Это уже не был сплошной ледяной панцырь, а ледяные поля и битый лед, беспрестанно двигавшийся по воле течения и ветра. Но за полосой битого льда виднелся до самого горизонта тяжелый матерой полярный пак. Все же наше настроение немного поднялось. Казалось, что половина дела сделана и стоит еще ударить хорошему шторму, и неподвижный лед окончательно взломает и угонит прочь.

Почти ежедневно в сопровождении Павлова или Старцева я всходил на вершину одного из окружающих факторию холмов, в среднем на высоту 120 метров над уровнем моря, и в сильную зрительную трубу вглядывался в лед, пытаясь разгадать, что он готовит нам в будущем. Но каждый наш подъем гасил наши настроения и вселял с каждым днем все более безнадежные мысли.

На побережье от мыса Дежнева до устья реки Колымы 1932-й год был годом невиданного дотоле в этом районе оживления. По отрывочным сведениям, время от времени получаемым нами, мы знали, что из Владивостока движется целая флотилия различных судов, от крупных, в несколько тысяч тонн водоизмещения, до сравнительно небольших катеров, предводительствуемых нашим старым знакомцем — славным краснознаменцем «Литке».

Волей партии, под гениальным водительством Сталина, призывались к жизни на служение нашей великой социалистической родине заброшенные до того Колымские приполярные районы, бывшие в царской России самым гиблым местом ссылки борцов за освобождение народа. Теперь эти «отдаленные места» втягивались в орбиту социалистического строительства.

17 июля мы получили с парохода «Сучан» телеграмму за подписью заместителя начальника экспедиции Остальцева и капитана Хренова. Они приветствовали нас и сообщали о походе «Совета». С этого момента между островом и Колымской экспедицией установилась довольно частая телеграфная связь. Мы со своей стороны регулярно посылали им метеорологические и ледовые сведения, а они сообщали нам о делах и продвижении на запад.

Первую телеграмму с «Совета» мы получили 26 июля. Дублицкий и Остапчик сообщали, что они подходят к Петропавловску-на-Камчатке и 27-го предполагают выйти на север.

До начала августа мы не получали больше сообщений с «Совета». Только начиная с 1 августа, мы довольно регулярно стали получать сообщения с идущего к нам судна.

4 августа «Совет» предполагал быть в Анадыре. Из этого сообщения было видно, что они запаздывали, хотя торопиться особенно не было смысла: лед у острова стоял плотно. В этой же телеграмме Дублицкий запрашивал «подробную информацию о ледовом режиме», а кроме того просил сообщить наши «соображения о подходе к острову на обычном судне, каким является «Совет».

Что могли мы ответить? Мы привыкли ждать от льда самых неожиданных каверз, никаким расписаниям не подчиненных.

Еще задолго до получения этой телеграммы я установил систематические наблюдения за состоянием льда на восточном и юго-восточном побережье, отмечая ма-

лейшие изменения в лучшую сторону. Плохо одно — отмечать было нечего. Ежедневно ходил сам, посылал Званцева, Павлова и эскимосов, но каждый раз сведений, хоть мало-мальски утешительных, не было.

3 августа я послал Дублицкому малоутешительную телеграмму: «... от реки Клер до бухты Сомнительной тянется узкая береговая полынья приблизительно от полутора до четырех километров ширины, наполненная пловучим мелкобитым льдом, предполагаю окончание полыньи у скалы «Большевик». За полыньей по всему видимому горизонту сплошное море льда редкими полыньями...»

В Беринговом проливе сгрудился пришедший с севера лед. Он мешал «Совету» выйти в Чукотское море. Но 16 августа «Совет» вышел на чистую воду Чукотского моря и быстро пошел к острову.

Пока «Совет» шел по чистой воде, мы часто получали с него бодрые сообщения радиста и других членов команды. Нас заверяли, что судно скоро будет у цели, несмотря на то, что я в своих телеграммах каждый раз сообщал о тяжести льда.

Остапчик просил меня готовить строительную площадку для жилого дома размером 15 на 50 метров, провести инвентаризацию имущества, подготовить приемо-сдаточную ведомость, спрашивал, можно ли рассчитывать на наши кунгасы для ускорения разгрузки. Под килем у «Совета» была чистая вода, она отгоняла мысли о предстоящих трудностях во льдах. Люди рассчитывали через пару суток ступить на остров.

На острове, в связи с бодрыми оптимистическими телеграммами с «Совета», радист которого просто сообщал: «через несколько часов рассчитываем быть на острове», началась предотъездовая кутерьма.

Работа по подготовке хозяйства к сдаче сменщикам, в основном, была проделана давно. Времени свободного имелось много, и каждый с большим рвением занялся разборкой своего личного имущества. Ко мне поочередно

приходили все зимовщики, требуя ящиков для вещей. Я поручал Павлову или Старцеву разыскивать нужные ящики, но многим они не нравились.

— Чего вы жадничаете, товарищ начальник? Все равно через пару дней придет «Совет». Не все ли вам равно — в мешке вы сдадите товар или в ящике? Дайте ящик получше.

Я принужден был несколько умерить демобилизационный пыл зимовщиков и, указывая на море, говорил:

„Совет" во льдах на подступах к о. Врангеля (1932 г.).

— Чего вы суетитесь зря? Смотрите, какой лед. Вы думаете, «Совет» будет прыгать по торосам наподобие блохи? Успеете еще. Найдете ящики, упакуете все.

Но зимовщиками овладел какой-то психоз скорого прихода судна. Они слушать ничего не хотели. Даже Званцев немного поддался этому настроению, хотя, правда, он не занимался укладкой «барахла».

18 августа «Совет» вошел в лед, и скорость продвижения упала до двух миль в час. 19-го, дойдя до невзломанного пакового льда, судно остановилось в 30 милях от острова. С этого времени начались беспрерывные попытки судна, руководимого одним из наших опытнейших ледовых капитанов, пробиться к острову. Но лед был очень тяжел, и все попытки «Совета» были напрасны.

К полудню 20 августа «Совет» несколько приблизился к острову. Дублицкий сообщил, что «... до мыса «Большевик» 24 мили. Начинаются небольшие разводья, пробуем пробиваться».

Каждая такая телеграмма вселяла в нас надежды, но время безжалостно разбивало их.

Вечером 21 августа я получил от Дублицкого сообщение, исключавшее всякие надежды. Если со льдом не случится чего-либо из ряда вон выходящего, «Совету» к нам не пробиться. Вот сообщение Константина Александровича:

„Врангеля, Минееву. 21, полдень, широта 71—52, долгота 176—44. Стоим круто ломанном льду. Дрейф льда все время зюйд-вест. Пешеходная разведка до пяти километров показала: в направлении острова через два километра начинаются сплошные непроходимые массивы пака, насколько видно. Состояние гребного вала очень плохое, хронически срезает болты, крепящие фланцы вала. Это обстоятельство не позволяет давать переменных ходов, а также полного хода. Задевание гребного винта, даже небольшое, за лед также недопустимо. Вероятно, придется выбираться на восток в разреженный лед. Дублицкий".

В момент получения телеграммы я отсутствовал — ходил на вельботе к мысу Гавайи на разведку льда. Возвратился со Званцевым и эскимосами очень поздно и устал страшно. Не раздеваясь, прочел телеграмму, и тут же с Власовой обсудили положение. Мы решили остаться на четвертый год, если судно не подойдет. Иного решения не было. Бросить остров на произвол судьбы, как бы мрачно ни рисовались перспективы четвертой зимы, мы не считали возможным. После обсуждения я вызвал Павлова.

— Ивась, останешься еще на год на острове, если не придет «Совет»?

— Если ты и Варвара Феоктистовна останетесь, то я тоже остаюсь, — сказал он, прочтя телеграмму. — Но если почему-либо вы должны будете улететь с острова, то меня с семьей тоже пусть вывозят.

Остальные зимовщики меня интересовали мало. «Часть людей, — думал я, — вывезу на материк, а другим предоставлю выбор: захотят остаться — не возражаю, захотят улететь — тоже не возражаю».

Отвечать на телеграмму в тот же день, за поздним временем, я не стал. Спать улеглись с твердым решением: оставаться на острове!

Утром я засел писать ответ Дублицкому, но не успел взять перо в руки, как в дверь постучали, и в комнату вошел старший радист Шатинский. Поздоровавшись, он обратился ко мне:

— Товарищ начальник, нас интересует, намерены ли вы предпринимать что-либо в связи с телеграммой Дублицкого?

— А почему это вас так интересует? Даже придти не поленились?

В ответ на это он разразился нервной речью и раскричался так, что мне пришлось попросить его не кричать.

— Если «Совет» не дойдет до острова, я не имею намерения сидеть четвертый год и погибать тут.

— Это вы о себе лично говорите?

— Я это говорю и за себя, и за Боганова. Его ждет семья. Нас так или иначе обязаны в этом году вывезти. Договор с нами только на три года, а не на четыре. Если мы будем сидеть сложа руки, нас еще десять лет не вывезут, а я еще хочу на своих детей посмотреть. Надо дать телеграмму, чтобы прислали самолеты и доставили нас на мыс Северный или в Уэллен. Кроме того, имейте в виду, что я не намерен зимовать где-нибудь вроде мыса Северного или даже Уэллена, так как там мы тоже будем

обречены на гибель. Надо принять меры, чтобы там нас ждало судно, на котором мы сможем добраться до Владивостока.

Я его не перебивал. Выговорившись до конца, он как будто немного успокоился. Я, желая успокоить его, сообщил ему, что сейчас занят тем, что пишу телеграмму об оказании помощи самолетом. Но это сообщение его не успокоило, и он еще битых полчаса ныл, ахал и охал о своей «несчастной судьбе». Только, видно, вконец утомившись, он ушел.

21 августа я дал Дублицкому телеграмму:

„Пароход „Совет" Дублицкому. Судя вашему 46, положение „Совета" тяжелое. Поддерживаю ваше намерение итти на восток; положение острова в отношении продуктов удовлетворительное, смело можно зимовать еще один год, правда совершенно нет топлива, но это не так страшно; есть возможность устроиться довольно сносно и без топлива. Необходимо забросить на остров 2—3 тонны кое-каких товаров. Главное — вывезти умалишенного, двух — трех европейцев и пушнину. Это можно сделать на самолетах. Они есть поблизости. По-моему, нет смысла рисковать людьми, грузом и судном. В этом году по ряду признаков, предполагаю раннюю зиму. Положение усугубляется. Двадцать первого поднимался на мыс Гавайи. Туман позволил наблюдать лед только 50 метров уровнем моря. Видимость 10 километров — крепкий, битый, годовалый, сплоченный лед. Береговая полынья от мыса Гавайи на север забита сплотившимся льдом. При условии согласия с моими предположениями зимовки без парохода, информируйте положение льдов, судна ДКИК. Прошу Остапчика информировать этом же Крайком партии. С своей стороны подробно информирую указанные органы, буду настаивать заброске по воздуху минимально необходимого и вывоза части европейцев и пушнины. Учтите, Константин Александрович, что в случае если „Совет" не подойдет и упустит время для работы самолетов, остров останется без соли, мыла и еще кое-чего наиболее необходимого. Думается, что СССР совершенно не нужно подтверждение мрачной славы, установленной за островом в результате неудачных попыток иностранной колонизации".

На это я получил от Дублицкого следующий ответ:

„Повторяю, состояние льда, также техническое состояние судна гарантии достижения острова не дает, поэтому всемерно поддерживаем проект оказания помощи аэропланами. „Совет" тем не менее до последней возможности будет продолжать попытки достижения острова. Сейчас пробираемся на норд-ост в намерении подойти к острову Врангеля в районе острова Геральд. Сообщите ваше мнение о целесообразности оставления для вас части продуктов на острове Геральд, а также на северо-восточной части острова Врангеля. Сообщите, сколько времени потребовалось бы в настоящий сезон пройти собаками от Роджерса до района косы Бруч? Сколько имеете собак?.."

Оставлять для нас снабжение на острове Геральд было немногим лучше, чем оставлять его, скажем, на мысе Северном. Добраться до острова Геральд можно. С пустой нартой это не особенно трудно. Но одно дело — проделать этот путь один раз, и совсем другое — работать систематически над переброской оставленных там грузов. Лед в проливе между островами часто взламывается, здесь постоянно происходит интенсивное торосообразование. Зимой и летом в этом районе свирепствуют ветры страшной силы. Справиться с вывозкой мы не смогли бы. Отрыв же туземцев на транспортные работы сведет к нулю эффективность промысла.

Конечно, лучше будет, если судну удастся подойти в каком-либо месте к острову, даже отдаленном от фактории. В таком случае мы могли бы своими средствами постепенно перебросить все выгруженное здесь, вплоть до топлива. Обдумав все это и обсудив с Власовой, Павловым и Званцевым, я дал Дублицкому телеграмму:

„Забрасывать снабжение остров Геральд не следует вследствие почти полной непроходимости пролива груженными нартами. К тому же в проливе даже зимой образуются обширные полыньи; торосообразование интенсивно. Если вам удастся добраться до косы Бруч, проблема разрешается удовлетворительно. На собаках до косы и обратно двое суток, летом четверо и больше. Собак достаточно..."

В тот же день, то-есть 22 августа, я послал эскимоса Паля, чтобы он прошел вѐрхом берега от бухты Роджерса до мыса Уэринг и хорошо рассмотрел бы лед. После Уэринга он должен был добраться до зимовья

Таяна и выяснить ледовое состояние там. Я поручил ему итти, не останавливаясь на ночевку, до тех пор, пока он не будет валиться от усталости. Я растолковал ему важность скорейшего возвращения с этими сведениями, да он и сам прекрасно понимал значение поручения.

Для информации туземцев, живших на севере острова, я дал Паля копию карты с проложенным на ней курсом «Совета», начиная с момента входа в Чукотское море и до последнего дня.

Кроме всего я поручил ему передать эскимосам, что если они в своем районе заметят большое количество воды, позволяющее пароходу подойти в этом месте к берегу, то заметивший должен все бросить и бежать, сколько есть сил, на Роджерс с этим сообщением.

Паля ушел. Что-то он нам принесет?

В Хабаровск, в адрес Крайкома ВКП(б) и Крайисполкома я послал телеграмму о помощи острову самолетом только 23 августа:

„Ледовые условия острова Врангеля в текущем году необычайно суровые. Достижение острова „Советом" маловероятно. Техническое положение судна усугубило положение. Острове. есть группа европейцев, один из них — умалишенный, которых совершенно необходимо вывезти на материк... Легкую ценную пушнину также надо вывезти. Топлива, части продуктов нет, промыслового снаряжения, оружия, патронов мало. Это ставит под удар остающееся острове европейское и туземное население. Необходимо в ближайшие дни на самолетах вывезти людей, пушнину и забросить на остров около двух тонн грузов. Проведение этих мероприятий даст возможность благополучно провести седьмой год советской колонизации острова. Убедительно прошу торопиться посылкой самолета причине скорого наступления полосы осенних штормов. Кроме этого по ряду признаков предполагаю раннее наступление зимы. Если „Совет" не подойдет и не будет самолета, положение на острове в наступающую зимовку будет бедственное. Пока на острове все благополучно. Заготовка мяса проходит удовлетворительно. Предполагаем в наступающем году хорошую добычу песца. Минеев".

Зная, что у Колымской экспедиции, шедшей под руководством старого нашего полярника Николая Ива-

новича Евгенова, имеются два самолета, о которых, правда, мы не имели представления, — я в тот же день обратился к Евгенову с просьбой помочь нам. Я просил торопиться. Евгенов оказался на-редкость отзывчивым человеком и, несмотря на крайнюю загруженность делами по своей экспедиции, все же нашел возможность уделить нам время. В ответе, который мы получили от него, он сообщал, что при экспедиции имеются два двухместных самолета. Поплавковый самолет не может быть использован для помощи нам из-за малой его вместимости. Другой самолет типа «Савойя» — летающая лодка — более вместительная машина, но даже в три или четыре рейса она не разрешит всех задач, связанных с помощью нам. Но Евгенов решил, что лучше что-нибудь, чем ничего. Он выгрузил горючее для самолета на мысе Северном, откуда самолет и должен был совершить полет к нам.

Ведя переговоры с «Советом» и Евгеновым об оказании нам помощи самолетами, я тем временем обдумывал всесторонне наше положение и принял кое-какие меры и на тот случай, если бы к нам не дошел «Совет» и не прилетели бы самолеты.

Зимовать четвертый год нам всем было бы крайне трудно. У нас совершенно не было топлива. Уголь, который мы с собой привезли в 1929 году, был почти сожжен, только на радиостанции осталось небольшое количество его. Кроме того, мы ощущали недостаток многих продуктов, промыслового снаряжения и прочего. Среди зимовщиков были люди, которые, несмотря на то, что прожили три года на острове, не научились потреблять мясо морского зверя и не желали считаться с обстоятельствами.

Как-то ко мне пришел старший радист Шатинский. Я был чем-то занят.

— Товарищ Минеев, мне бы надо мясо получить.

Я не понял первоначально, о каком мясе идет речь.

— Товарищ Шатинский, — ответил я ему, — сколько угодно, вон в кухне на столе стоит таз, там что хотите —

и мясо, и печенка, и почки. Что хотите — берите, мясо свежее, только что привезли.

— Нет, товарищ начальник, мне надо консервированного. Вы знаете — я не ем моржевого.

Я ему ответил, что консервированного мяса выдать сейчас не могу, потому что у нас его осталось очень немного.

1 сентября я написал обязательное распоряжение по острову Врангеля и дал его для прочтения каждому зимовщику под расписку. Это был план проведения зимовки четвертого года в случае, если к нам не придет пароход и не будет самолета.

„В виду позднего времени и тяжелого состояния льдов не следует ожидать, что посланное для снабжения судно „Совет" достигнет острова.

Это ставит население острова перед новой зимовкой в трудное положение и требует от каждого члена колонии и всех вместе взятых дисциплинированности и сознательного отношения при проведении мероприятий, намечаемых управлением острова для наиболее благополучного проведения зимовки.

Количество продуктов питания, оставшихся на сегодняшнее число в складах фактории, не дает основания рассчитывать на полное удовлетворение всех запросов наличного населения острова. Кроме голодного пайка, фактория ничего больше отпустить не может.

К сему прилагается раскладка на наличные пищевые продукты. Все граждане должны отнестись к этому возможно внимательней, так как, очевидно, на помощь извне рассчитывать особенно нельзя.

Управление острова предупреждает всех граждан, что выменивать пищевые продукты или на пищевые продукты строго воспрещается. Замеченные в таком обмене будут сниматься со снабжения продуктом, которым обменивались. При повторении обмена с другими продуктами снятие со снабжения будет распространяться и на эти продукты.

Особенно остро стоит вопрос с отоплением помещений. Топливная проблема может быть разрешена более или менее удовлетворительно переселением большей части членов колонии из бухты Роджерса в места, обильные дровами. Оставшаяся для проживания в бухте Роджерса часть населения обязана будет перейти жить в меховые полога, что позволит обойтись без топлива.

Остатки плавника, сохранившиеся к данному времени на косах лагуны „Озеро", а также у мыса Гавайи на косе пади „Вьюжной", заготавливать кому-либо для отопления строго воспрещается. Указанный плавник будет заготавливаться и вывозиться факторией для весеннего времени, дабы можно было просушить наличные помещения и сохранить оборудование. Кроме того, плавника, имеющегося на „Озере" и на „Вьюжной", нехватит для отопления жилых помещений в течение всего зимнего времени.

Исходя из этого, предлагаю всем европейцам в двухдневный срок обдумать вопрос о месте поселения и сообщить об этом Управлению острова для возможного оказания помощи в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЕ: Наиболее богатые плавником районы следующие. По южному берегу: бухта „Предательская" и прилежащий к ней берег в восточном направлении до так называемой „Скалы", мыс Блоссом — хотя плавника там не в изобилии, но на один отопительный сезон хватит. Северное побережье от мыса Литке до бухты Песцовой. Западное побережье по косам наличных бухт.

Оставшиеся в бухте Роджерса и имеющие (или думающие приобретать) собак должны учитывать, что наличные запасы моржевого мяса мизерны и, если не удастся дополнительно заготовить потребное количество моржей, количество собак будет ограничено до минимально необходимого. Кроме того, предлагаю всем рассчитывающим иметь собак и не имеющим к данному времени нарт озаботиться об этом заранее. Фактория не имеет достаточного количества готовых нарт для удовлетворения посторонних заявок.

Разрешение каких-либо жилищных, топливных, продовольственных или других вопросов, могущих нарушить или ухудшить в какой-либо мере проведение предстоящей зимовки, без ведома Управления острова строго воспрещается. Если кем-либо будет заключено условие, договор или что-либо в этом роде, вопреки вышеизложенному, — такие договоры силы иметь не будут и должны быть расторгнуты с отнесением убытков, если таковые возникнут, на счет договаривавшихся.

Начальник острова Врангеля А. Минеев".

Перед этим я произвел детальнейший подсчет наличных продуктов, определил, какие продукты должны были бронироваться только для европейцев-зимовщиков, какие продукты распределялись между всеми зимовщиками.

Цифры получились довольно неутешительные. Например: мяса консервированного оставалось... одна банка,

то-есть 400 граммов на человека, на три месяца, и приблизительно такое же количество сахара и консервированного молока. Из этого видно, что мы не могли обеспечить зимовщиков-европейцев полной нормой продовольствия.

Как-то к нам в комнату, когда у нас были Павлов и Званцев, пришел Шатинский.

— Что скажете, Федос Тарасович?

— Да я относительно раскладки продуктов.

— А что такое?

— Я хочу сказать, что для меня мало молока, мяса и сахара, тем более теперь не будет консервированных фруктов, шоколада и прочего.

— Что же сделаешь, Федос Тарасович, — если не придет пароход, придется брюхо туже стянуть ремешком. Взять больше нам неоткуда.

— Не надо давать продуктов, которых нам нехватает, чукчам. Тогда нам больше будет.

— Кое-чего они и не будут получать, но такие продукты, как сахар, я не могу не выдавать им.

— Я не могу жить на этот паек, я старик. Я буду жаловаться на вас, товарищ Минеев.

— Что вы старик, это верно. Но могу ли я отнять молоко у кормящих грудью матерей и отдать его вам? Не забывайте, что мы живем не в капиталистической колонии. Ради вашего благополучия обрекать на голодовку эскимосов я не буду.

Шатинский ушел сердитым.

Со стороны других зимовщиков я не слышал ропота на раскладку. Только врач через несколько дней пришел с требованием мяса для Петрика. Ему я тоже отказал.

До зимы еще было далеко. Можно еще надеяться, что судно сумеет добраться и снять нас, а люди уже начинают впадать в панику. Что же будет зимой, в Большую ночь?

Вот почему я решил, в случае прилета самолета, вывезти всех лишних людей, и прежде всего больного. Это

было абсолютно необходимо. Затем нужно было вывезти обоих радистов, так как топлива у нас не было, отапливать как следует радиостанцию мы не могли, поэтому она и при наличии радистов работать бы не могла. Держать же их на острове без работы было бесцельно. К тому же, и люди эти не совсем приспособились к условиям жизни полярной зимовки. При недостатке продуктов и топлива, они могли зацынговать и погибнуть. Решил я также вывезти и врача, его жену эскимоску Пувзяк и ребенка. Врача я решил вывезти с острова еще потому, что он плохо знал свое дело. Его медицинская практика на протяжении трех лет привела к тому, что ни туземцы, ни европейцы, как правило, его помощью и советами не пользовались и пользоваться не хотели. Единственное, что они от него время от времени требовали, — это иод и бинты. Оставление его на острове больше пользы не даст: минимальную, элементарную медицинскую помощь мы могли оказать сами. А при уменьшении населения на три человека, потребовалось бы значительно меньше продовольствия.

Помимо них, я решил вывезти с острова промышленника Скурихина, так как особой надобности в нем на острове не было. Званцеву я предоставил право выбирать: захочет он лететь на материк — может лететь; хочет остаться, пусть остается. При предварительных переговорах по этому поводу Званцев решил остаться на острове и начал подготовку к переселению на мыс Блоссом, так как там был еще плавник, и он рассчитывал поселиться в хижине Скурихина, перевезти туда аппаратуру и установить там метеостанцию. Я не возражал против переноса станции на сотню километров к западу, потому что обсепечить на Роджерсе Званцеву сносные условия существования и возможность заниматься работой я не мог.

Я не объявлял намеченным мною к вывозу с острова людям об этом, дабы напрасно их не нервировать.

Занимаясь всеми этими делами, мы ни на минуту не бросали промысел моржа. Надо было постараться заготовить как можно больше мяса. Каждый день, если только не мешала погода, на вельботе и байдаре мы отправлялись в лед, били моржей, разделывали их и возили мясо к складу. Не прекращали и сбора материалов для пополнения коллекций. Власова занималась сбором, сушением, спиртованием, шкурками птиц. На ней же лежал весь уход за нашим зверинцем — лохматым и пернатым. Вся прочая хозяйственная работа нами была закончена задолго до этого времени и больше нас не беспокоила.

Когда на «Совете» стало ясно, что в этом году судно острова не достигнет, со стороны Остапчика был выдвинут проект перебраться на остров с двумя-тремя спутниками, а с острова вывезти всех европейцев, включая и меня. Попутно он запрашивал, сколько у нас муки, пыжиков, постелей, готовой меховой одежды и другого.

Отвергая проект Остапчика, я писал ему:

> «Категорически возражаю против вашего проекта перебраться на остров с двумя-тремя спутниками, а с острова снять всех европейцев. Заданий, полученных от правительства и от хозяйственных организаций, выполнить не сможете, так как не будет материальной базы, выгрузить же ее всю будет невозможно. Я не ставил вопроса о моем уходе с острова во что бы то ни стало, поэтому вам нет смысла рисковать собою и товарищами. А риск большой. В случае, если судно не пробьется к острову, чего, надеемся, не случится, я остаюсь на острове с женой и частью сотрудников. Остальные европейцы обязаны будут перебраться на судно, — конечно, если это будет возможно, так как оставление на острове лишних европейцев породит новые трудности, которых и без того будет много...»

Остапчик ответил: «Поговорим об этих вопросах, когда встретимся». Значит он все же, несмотря на мои возражения, намеревается перейти по льдам к острову?

Люди «Совета» тем временем делали все возможное, чтобы преодолеть ледяной заслон и проникнуть к острову. Несмотря на трудности, судно подходило к острову все ближе. Мы со своей стороны стремились сделать и делали все, что, по нашему мнению, могло бы облегчить

миссию судна. Ежедневно, вооруженный сильной зрительной трубой, я поднимался на один из окружающих холмов, чаще всего на гору Маячную. Эскимосы, без побуждения извне, также ежедневно всходили на горы и всматривались через бинокли, пытаясь разгадать состояние льда.

В один из дней, кажется 25 августа, я с Павловым поднялся на один из окружающих факторию холмов. Альтиметр показывал 165 метров над уровнем моря. Как обычно, вооружились зрительной трубой и биноклем. Я начал устанавливать трубу, а Павлов сел на камень и шарил в бинокль по горизонту. Вдруг он истошным голосом заорал: «Пароход, пароход!» Я думал, что он шутит, и ругнул его.

— Какого чорта ты орешь, напугал только.

— Нет, правда, Ареф Иванович, пароход! Глянь в бинокль, вон туда.

Я поднял бинокль и посмотрел в указанном Павловым направлении. Совершенно ясно во льдах на горизонте я увидел пароход довольно больших размеров, серой сумрачной массой торчавший из белых льдов. Я опустил бинокль и невооруженным глазом начал всматриваться в этом направлении и через несколько мгновений различил небольшое продолговатое темное пятнышко — пароход был виден простым глазом. Но я еще не верил себе. Не отрывая глаз от этого пятна, я поднял к глазам бинокль и взглянул через него: да, это был пароход! Потом я начал рассматривать его в трубу. В поле зрительной трубы пароход был виден столь ясно, столь близко, что видны были даже мелкие детали. Мне казалось, что я угадываю ванты, идущие от вершины мачт к бортам. Из трубы парило, и нам казалось, что судно движется на запад, — так по крайней мере показывали некоторые верхушки торосов, относительно которых мы замечали движение судна.

В этот раз мы пробыли с Павловым на вершине дольше обычного. Мы попеременно смотрели на «Совет»

то в трубу, то в бинокль, то силились различать его невооруженным глазом. Пароход казался так близко, что надежда вспыхнула в нас с новой силой. Нам казалось, что пароходу осталось преодолеть такие пустяки... Но «пустяки» эти состояли из крайне тяжелого матерого полярного пака и были непреодолимы для судна. И мощный ледокол застрял бы, но вид корабля тем не менее вселил в нас надежду, что он доберется до острова. Даже я, относившийся к этому наиболее трезво, поддался надежде и вернулся в приподнятом настроении на факторию. Нас, как всегда после возвращения, обступили эскимосы.

— Ну, как лед?

Мы вместо обычного ответа «плохо», сообщили, что видели пароход. Нам не поверили. Пришлось долго уверять их, рассказывать, как мы обнаружили пароход, как и где он стоит. Потом началось «паломничество» на вершины холмов. Эскимосы брали с моего разрешения трубу. Ходили не только мужчины, но и женщины, и дети. Каждому хотелось хоть глазком посмотреть на пароход, о котором мы уже давно слышали, с людьми которого мы переговаривались по телеграфу, но который к нам никак попасть не мог.

Тут же по возвращении я сообщил Константину Александровичу, что «Совет» виден. Дублицкий для того, чтобы точней ориентироваться, просил меня зажечь на берегу достаточно большой огонь, такой, чтобы его можно было увидеть с корабля. Огонь нужно было расположить так, чтобы он находился в створе входа бухты. При наличии топлива зажечь большой огонь дело нетрудное. У нас же не было не только сухой древесины, но и сырой в количестве, достаточном для большого костра. Задача осложнялась тем, что нужен был не дым, а большое пламя. На темном фоне острова и при облачном небе на расстоянии 15—20 миль заметить дым, как бы густ он ни был, дело трудное.

Единственный материал, имевшийся у нас в большом количестве, был мох, и я решил из него устроить большой

костер. Сам по себе мох, если и горит пламенем, то очень небольшим. Верхний слой кучи мха, обугливши́сь, перестанет пропускать огонь к центральным частям кучи, и пламени не будет. Куча будет только густо дымить. Да и мха нужно много, чтобы горящая масса была большой. Решил пожертвовать пустыми бочками из-под сахара. Отправил на гору, которую потом стали звать «Маячной», две бочки, при чем расположил их не на вершине, а несколько ниже, чтобы пламя не меркло в пространстве, а освещало большую площадь вокруг себя и огонь был бы заметнее с большого расстояния. Бочки с выбитыми днищами поставили друг на друга, наполнили и обложили с внешней стороны грудами мха. Получился высокий, в три слишком метра конус. Если бы нам удалось заставить сложенный материал интенсивно гореть, получился бы большой огонь, видимый издалека. Принесли два боченка негодного керосина, бывшего на радиостанции. Он был смешан с машинным маслом и был негоден к употреблению. Время зажигания огня мы согласовали по телеграфу, чтобы на судне приготовились наблюдать, а с фактории об этом нам должен был дать сигнал Званцев при помощи фонаря. Уже стояли довольно темные ночи.

Увидев сигнал, мы зажгли мох, перед этим немного смоченный керосином. Ветра почти не было, и пламя быстро поползло вверх. При помощи насоса мы поливали огонь распыленным керосином. Получился гигантский костер. Пламя поднималось вверх метров на 6—7, клокотало и бурлило.

Когда мы после сожжения костра запросили Константина Александровича, видели ли на судне огонь и хорошо ли, — Дублицкий ответил, что огонь был виден прекрасно. Он удивлялся, каким это образом нам удалось учинить такой большой костер.

Издалека казалось, что это не просто костер горит, а словно воспламенилась часть острова: так много света было от нашего костра.

Телеграфное сообщение между судном и островом было самое оживленное. За эти несколько дней мы получили и отправили так много телеграмм, что в обычной обстановке на это потребовалось бы, пожалуй, года полтора.

Евгенов 28 августа сообщил, что на Уэллен прилетел самолет «Комсеверопуть — 1» под руководством геолога Обручева и командира самолета Петрова. Он обрисовал Обручеву наше положение и просил его оказать нам помощь. Обручев и Петров оказались отзывчивыми людьми и согласились сделать один полет на остров и обратно при условии обеспечения самолета бензином. Мы ухватились за возможность прилета этого самолета, как утопающий хватается за соломинку. Большой лодочный самолет типа «Дорнье-Валь» даже в один рейс забрал бы намеченных людей, вывез бы пушнину, а нам забросил бы около тонны груза.

Это сообщение я получил от Евгенова уже тогда, когда они закончили свои работы у мыса Северного и двигались дальше. Он поэтому предлагал нам держать связь с Обручевым непосредственно, при чем указывал, что до конца договориться с ним не мог из-за перерыва связи. На наше несчастье, и наша радиостанция, работавшая перед тем с Уэлленом, тоже потеряла связь с ним, и мы больше ничего не могли узнать ни об Обручеве, ни о том, где последний в данный момент находится.

Время шло... «Совет» находился в тяжелом положении. В ответ на одну из наших телеграмм, Дублицкий 28 августа сообщил:

> «... стоим вынужденном дрейфе, лед сплоченный, тяжелый, сцементированный молодым льдом до трех дюймов, выдерживающим человека. Уверенности достижения острова при данных обстоятельствах нет, сейчас нельзя даже ручаться, что мы вообще сумеем вылезть на чистую воду. Может выручить только сильный шторм».

С своей стороны мы ничего утешительного сообщить судну тоже не могли. Лед стоял крепко, а в полыньях и

разводьях так же, как у судна, начинал образовываться молодой ледок. Тундра к этому времени окончательно замерла. Уже несколько дней мы не слышали птичьего гомона, только бургомистры еще летали и орали. Растительность давно поблекла.

О самолете Обручева не было ни слуху ни духу. Настроение зимовщиков за это время несколько раз менялось, надежды то потухали, то разгорались вновь. Нас все больше и больше разбирала неуверенность — полетит ли к нам Обручев или не полетит?

Тридцатого я отправил Обручеву телеграмму в Уэллен. Хотя связи с ним не было, но я все же решил послать ее. Может быть, хоть случайно она попадет адресату, вести же для них я должен был передать важные.

«По просьбе Евгенова сообщаю. Горючее для врангелевского рейса выгружено мысе Северном. Грузы острова Врангеля на фактории мыса Северного, там же несколько газет, журналов, которые убедительнейше прошу захватить...»

Удастся ли получить Обручеву это сообщение или нет, мы не знали, как не знали и того, полетит ли он вообще на остров Врангеля.

Наконец Обручев о себе подал голос. 3 сентября из Уэллена пришла телеграмма:

«Самолет экспедиции Арктического Института вылетает второго мыс Северный, третьего, в случае благоприятной погоды, исправности машины — на остров Врангеля. Можем сделать однократный перелет мыс Северный вывезти семь человек. Обручев».

Мыс Северный нас не устраивал, но можно еще было договориться и повернуть самолет к «Совету», а уж потом пускай летят и на Северный. Плохо только, что «Совет» прочно застрял во льдах. Если ко времени прибытия самолета ему не удастся выбраться на чистую воду, то людям волей-неволей придется лететь на мыс Северный. Вести с корабля были малоутешительны, хотя в последней телеграмме Дублицкий обнадеживал, уверяя, что положение изменится к лучшему.

В тот же день «Совету» удалось вырваться из ледяного плена и выйти на чистую воду. Нам сообщили, что самолет у парохода можно принять.

Третье число наступило, а самолета не было, да и не слышно было о нем ничего. Наступило 4-е, а о самолете попрежнему известия отсутствовали. Дублицкий сообщал, что судно идет вдоль кромки льда к острову Геральд и что посадка самолета у корабля вполне возможна.

Наступил следующий день. В середине дня с «Совета» сообщили, что их постепенно окружает льдом, но посадка все еще возможна.

Мы, жители острова — и те, кому предстояло лететь, и те, кому предстояло остаться зимовать на четвертый год, были одержимы одной мыслью: «прилетит или не прилетит?» Все выходившие наружу прежде всего обращали свои взоры к горизонту, высматривая в небе стальную птицу. Но пуст и молчалив был горизонт, озаренный лучами солнца.

5 сентября мы работали в комнате, и вдруг услышали снаружи какие-то дикие вопли. Потом кто-то торопливо протопал по сходням, открыл дверь и крикнул «летят!»

Набросив кухлянку, я выскочил за дверь, следом вышла Власова. У юрт стоял истошный вопль. Люди как будто с ума сошли, особенно эскимосы. Они бегали и прыгали у юрт, бросали в воздух все, что у них было в руках, показывали друг другу руками на море и беспрестанно вопили: «самолет! самолет!»

Мы услышали рокот винтов, а потом увидели и самую машину. Она уже была над косой, промелькнула над бухтой и пошла над нами. С самолета приветственно махали нам руками люди. Мы отвечали им тем же. Сделав два круга, самолет пошел на посадку.

Не успел самолет вспенить воду бухты, как снова послышались крики «самолет!» С запада летел еще один самолет, он не стал кружиться над нами, а с хода пошел на посадку. Как оказалось, на втором самолете был пилот

Кошелев, который уже прилетал однажды на остров, поэтому он хорошо знал, что бухта Роджерса достаточно глубока и не имеет подводных камней.

Все население острова, собравшееся на берегу внутренней косы, у здания радиостанции, встречало гостей. Из самолета выходили все новые и новые люди. Мы

„Савойя" в бухте Роджерс (лето 1932 г.).

отвыкли от свежих людей. Это были первые люди за три года, прилетевшие к нам с материка, и нам показалось, что прилетел целый полк людей. Их же на двух самолетах всего было десять человек.

Как только они сошли на берег, с нашей помощью самолеты были устроены, чтобы их не сорвало и не унесло ветром. Потом гурьбой отправились к старому дому. Начальник летной группы Колымской Экспедиции

Б. Л. Красинский привез нам немного продуктов, газет и журналов.

— За последнее, — сказал он, — благодарите журналиста Макса Зингера, корреспондента газеты «Известия». Все, что у него было, он прислал вам.

За три года мы зверски истосковались по свежей литературе, поэтому благодарны были Максу Зингеру за его заботливость бесконечно.

Мы с Власовой хорошо знали, что прилетевшие голодны, что их нужно как следует накормить, но предложить им мы могли только мясо морского зверя. Власова раньше ушла в дом, и к нашему приходу в кухне гудела целая артель примусов, жарилась моржатина и варился чай. Для такой оравы людей у нас не было посуды, пришлось мобилизовать все, что было, даже у эскимосов.

По приходе в дом, пока люди мылись и чистились, я с Обручевым, Петровым и Красинским обсудили положение. Я настаивал на полете на «Совет».

Они не возражали против полета на «Совет», если там имеются достаточные пространства свободной воды для посадки и если мы можем обеспечить им горючее. Горючего у нас было много. У нас было несколько тонн грозненского авиационного легкого бензина, и, кроме того, у нас был бакинский бензин второго сорта, который мы употребляли для двигателя нашего вельбота. Но двигатели самолета были отрегулированы на бакинский бензин и на грозненском работать не могли.

— Если невозможно лететь на «Совет» из-за недостатка бензина, доставьте людей хоть в Уэллен, — предложил я.

— А не все ли равно, где зимовать — на Северном или в Уэллене? — спросил Обручев.

— Из Уэллена их скорее подберет какое-нибудь судно, да и «Совет» должен проходить мимо, — ответил я.

— С мыса Северного мы должны лететь прямо на Анадырь.

— Тем лучше, отвезите людей в Анадырь.

— На это мы рискнуть не можем. Придется идти прямиком через хребты, а с перегруженной машиной в такой рейс лететь нельзя.

Положение создавалось как будто безвыходное. Но к нам прилетели советские люди. Они знали лозунг нашего вождя: «Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики».

Командир корабля Петров подумал и сказал:

— Ладно, товарищ Минеев, полетим.

— А как же с горючим? Вы думаете, что вам хватит его для полета туда и обратно и потом до мыса Северного? — беспокоился Обручев.

— Нет, я этого не думаю. Я хочу разбавить наше горючее бочкой грозненского бензина.

В общем, решили, что лететь можно. У меня, как говорится, после этого «гора с плеч спала». Если бы я отправил людей на мыс Северный или в Уэллен и если бы им там пришлось зимовать, — а зимовать пришлось бы в чрезвычайно трудных условиях, — я чувствовал бы на себе моральную ответственность за все невзгоды, которые пришлось бы им перенести.

Когда было решено, что летим на «Совет», я дал распоряжение всем вывозимым людям приготовиться к отлету. Помимо людей, на «Совет» надо было отправить еще 1017 песцовых шкурок. Груз этот легкий, но не компактный, и те 25 мешков из белого брезента, в которые мы заранее зашили шкурки, требовали много места для размещения. Отлет был назначен на утро 6 сентября.

Когда вопросы были разрешены и прилетевшие насытились, наша комната опустела... Гости разбрелись по фактории, осматривали наш зверинец, медведей, песцов, сов и остальное. Особенно их поразили совы, жившие в нашей комнате и совершенно не боявшиеся людей. Гостили в юртах у туземцев, расспрашивали нас, как прожили мы прошедшие три года. Званцев устроил у себя в комнате «роскошный банкет» для своих друзей, случайно оказавшихся среди прилетевших.

Вечером он пришел ко мне.

— Товарищ Минеев, а что, если я полечу на материк?

— Ну что-ж, Константин Михайлович, летите. Я не считаю возможным задерживать вас.

— Мне хочется лететь, но я боюсь бросить работу, не хорошо, если будет перерыв на целый год.

— Работу мы сделаем не хуже вас и будущим летом привезем материалы.

— Только вы не подумайте, что я боюсь.

— Я знаю, Константин Михайлович, вас не первый день и уверен, что страх тут не играет никакой роли.

На материк его звали прилетевшие друзья. Кроме того, он получил письмо от жены, она также звала его домой.

Сидевший у нас в это время геодезист Салищев поддержал меня.

— Если вас начальник отпускает, а тем более говорит, что порученная вам работа не прервется, — нужно лететь.

— Летите, Константин Михайлович, отдыхайте, а потом опять поедете на север.

— Я все же боюсь. Будет очень неприятно, если на материке будут думать, что я не выдержал и сбежал с поста. Я еще подумаю, товарищ Минеев.

И он действительно ночью думал. Ему очень хотелось попасть на материк, но и не хотелось нас оставлять. Он боялся, что на материке его будут обвинять в том, что он сдрейфил и дезертировал.

Выяснилось, что при желании и я, пожалуй, могу полететь на «Совет». Мне было крайне нужно это — не только потому, что хотелось посмотреть на людей. Нужно было хоть коротко с ними потолковать. Важно было обсудить с Дублицким и Остапчиком ряд вопросов, надо было передать отчеты и документы, посылаемые мною в Крайком партии, Крайисполком и АКО, сдать пушнину, принять грузы и — самое главное — доказать Остапчику, почему я должен остаться на острове.

И 6 сентября я полетел на «Совет».

Глава XXII

НАД ЛЬДАМИ НА „СОВЕТ“

В ночь с 5 на 6 сентября неожиданно пошел снег. Он продолжался и утром. Тундра и горы побелели. С «Совета» сообщали, что у них небольшой туман, льды начинают понемногу сжиматься, но есть много больших прогалин, на которые самолет может свободно спуститься.

Начали погрузку на самолет пушнины, погрузили людей и багаж. Я также взошел на самолет. Отдали концы, и нас ветром отнесло вглубь бухты. В течение нескольких минут мы крутились по бухте, разогревая моторы, но вот Страубе дал полный газ, и самолет пошел на подъем. Машина была загружена больше чем следует и поэтому с трудом оторвалась от воды. Под нами поплыла в обратную сторону вязь бухт, бухточек, кос и островков. Потом вышли за косу и полетели над прибрежной полыньей. Мы не поднимались высоко и летели на высоте 50 метров, чтобы удобнее было наблюдать за состоянием льда, над которым летели. Слева от нас громоздились обрывы мыса Гавайи и высокого берега за ним до реки Клер. Вершины скал были окутаны туманом. Облачность была низкой, но видимость неплохой.

От скалы «Большевик» мы повернули на восток и пошли над льдами. Береговая полынья кончилась сейчас же за устьем реки «Нашей». Пока мы летели у берега, лед был мелко-битый, хотя и довольно сплоченный, а как

только пошли в море, под нами показались почти невзломанные поля годовалого льда, кое-где изборожденного линиями торосистых гряд. Изредка виднелись черные полосы узких трещин. Состояние льда особых надежд не внушало.

Минут через тридцать лёта вдалеке зачернела отдельными лоскутами вода, отражаемая облаками. Потом лоскуты превратились в сплошное водное пространство, только кое-где виднелись белые пятна льдов. Мы пристально вглядывались в пространство, разыскивая пароход.

— Вон виднеется «Совет»! — прокричал Салищев, сидевший рядом со мной. Я различил в указанном им направлении у самой кромки льда небольшой серый дымящий утюжок, приткнувшийся к большому ледяному полю.

И вот мы уже над «Советом». На корабле все высыпали наверх. Некоторые, наиболее нетерпеливые, поднялись на ванты и смотрели на самолет. Мы сделали круг над судном, и Страубе пошел на посадку. Он покружился некоторое время над водой, выбирая наиболее удобное место для посадки. На полынье ветром подняло волну, и на ней играли осколки льда. Сверху осколки казались такими мелкими, что, казалось бы, никакой опасности от столкновения с ними быть не могло, но при скорости, с какой самолет должен был бы коснуться воды, удар днищем лодки даже о небольшой кусок льда мог причинить много неприятностей.

Наконец, мы на воде. Винты угомонились и затихли. С корабля, от которого мы сели довольно далеко, спешно спускали шлюпку. Один из людей копался у мотора, беспрерывно крутил его, но мотор чихал, плевался, а работать не хотел. Люди сели за весла и погребли к нам. Скоро они были у самолета, и мы пошли на буксире шлюпки к кораблю. Ветерок, дувший нам в скулу, беспрестанно разворачивал самолет и сбивал вельбот с курса. Гребцы явно не справлялись. Я перешел на шлюпку, взялся за весло, чтобы помочь гребцам. Один из гребцов

оставил весла и занялся мотором, он еще раз двадцать раскручивал его, наконец мотор нехотя затарахтел, потом разошелся и больше уже не останавливался.

Мы убрали весла в вельботе, но мощности двигателя нехватало. Я и матрос, свободный от мотора, уселись опять за весла и нажали.

Гребущий рядом со мной матрос обратился ко мне:

— А баба-то тебя не узнает.

Я удивленно воззрился на него.

— Какая баба?

— Ну, какая баба, — жена твоя, вон она стоит на пароходе.

— Моя жена осталась на острове.

— Так ты разве не Скурихин? — спросил он.

— Нет, я — начальник острова, а Скурихин вон, на самолете.

— А! А я думал, что ты Скурихин.

В это время мы подошли к большой льдине. Я сошел с вельбота на лед и пошел к судну.

Вот я уже у самого борта. С мостика меня приветствовал Константин Александрович.

— Добро пожаловать, Ареф Иванович!

— Здравствуйте, Константин Александрович, здравствуйте!

С бака был спущен штормтрап, но у меня на руках был тяжелый сверток с документами, предназначенными для отправки на материк. Сверток мешал мне подняться. Я крикнул, чтобы мне спустили конец. С палубы подали конец, я привязал к нему документы, и они пошли наверх. Я пошел к носу и неуклюже полез по штормтрапу, — ведь по штормтрапу я не лазил с 1929 года, когда последний раз спускался с «Литке» в вельбот перед его отходом. Наверху меня приветствовали работавшие на баке, и я пожал кому-то руку. Самолет тем временем подошел к левому борту, и люди поднялись на судно одновременно со мной. Пассажиров с острова тесно обступили и бесконечно долго расспрашивали.

Наконец, я добрался до каюты Дублицкого. Мы пожали друг другу руки и расцеловались. Три года я не видел этого матерого моряка, и он не показался мне много изменившимся. Только я успел снять с себя меховую рубаху и сказать несколько фраз Константину Александровичу, как в каюту вошел человек, который сам представился мне:

— Остапчик.

— Здравствуйте, приятно встретиться.

Он сейчас же потащил меня к себе в каюту, и мы с ним принялись толковать по вопросам, затронутым мною еще в телеграфных переговорах. 5 сентября, в день прибытия самолета, Остапчик телеграммой спрашивал у меня:

«Мне непонятно ваше желание во что бы то ни стало остаться на острове Врангеля. Категорически настаиваю смене всей колонии, если будет возможность. Прошу сообщить причины нежелания смены всей колонии. Остапчик».

Я ему ответил:

«Вылетаю самолетом, обо всем переговорим.

Минеев».

И разговор наш начался моим ответом на его вопрос, поставленный в телеграмме.

— Товарищ Остапчик, я вовсе не хочу, да еще «во что бы то ни стало» оставаться на острове. Я думаю — никто не бросит в меня камнем, если я откровенно скажу, что мне до чортиков надоело сидеть на острове, и я ушел бы на материк с превеликим наслаждением. То же самое скажу и о своей жене. Но уйти с острова так, как вы предлагаете, я не могу. Вот если бы судно добралось до острова, тогда другой коленкор. Я сдал бы вам остров и с большим удовольствием пошел бы на материк. Но если пароход не подойдет, я с острова не уйду, вовсе не потому, что я не хочу этого, а потому, что считаю это нерациональным. Ведь на зимовке нет топлива, и забросить его туда нельзя будет, кроме как на пароходе. Нет на острове целого ряда продуктов, которых в достаточ-

ном количестве на самолете не доставишь. Придется новым людям сразу впасть в лишения. Мы с женой прожили на острове, как-никак, три года и ко многому привыкли. Нас прекрасно знают эскимосы, мы их знаем хорошо, нам не надо привыкать друг к другу. А если вы туда приедете — без продуктов, без топлива и прочего, вам нужно будет находить общий язык с людьми, нужно будет разбираться в характере этих людей, привыкать к ним, а им привыкать к вам. Кроме того, мы с женой сжились с целым рядом особенностей зимовочной жизни. Например, мясо. Мы можем есть всякое мясо, лишь бы это не была падаль. Вам нужно будет ко всему этому привыкать. Я не склонен думать, что вы не привыкнете, но привыкать будет трудно. Может быть, придется жить в меховых комнатах — аграх, отапливаться жиром. Тут нужна не только приспособленность, не только физическая выносливость, но нужны особые знания и навык. Ну, а самое главное — это я уже сообщал вам по телеграфу: так как выгрузить материальную часть будет невозможно, вы не сможете взять всех людей. Значит, не сможете выполнить заданий, полученных от правительства, партийных и хозяйственных организаций. Посудите сами, какой смысл сменять меня во что бы то ни стало? Все равно, если я уйду теперь с острова, летом 1933 года необходимо будет посылать судно к острову с новой сменой. Стоит ли так сильно рисковать, чтобы просто просидеть на острове один год? Еще год я и жена на острове выдержим. Могу на основе своего опыта сказать более или менее определенно, что проживем эту четвертую зиму благополучно, если, конечно, не стрясется что-нибудь из ряда вон выходящее. Сохраню людской персонал, и работать люди будут, и сами не помрем. А если вы полетите, можете ли вы дать гарантию, что все будет хорошо? Кроме всего, за прошедшие три года я и Власова, изучая остров, собрали довольно большой материал. На самолете его не вывезешь; у нас набралось десятка полтора ящиков, бросать их жалко,

требовать же от вас, чтобы его сохранили в этой труднейшей обстановке, просто язык не повернется.

Остапчик выслушал меня очень внимательно, не перебивая, и потом сказал:

— Все это, пожалуй, верно. Я не понимал, почему вы так упорно не желаете уходить с острова. Ну, хорошо, что вы прилетели. Вопрос для меня теперь совершенно ясен. и я не настаиваю на смене в таких условиях.

— Ну вот и хорошо, что договорились.

— Хорошо-то хорошо, да не очень. Вам на острове этот год будет, как видно, страшно трудно, и нам весьма неприятно возвращаться на материк, не выполнив заданий. Я уже не говорю, что мне лично здорово хотелось добраться до этого проклятого острова.

— Ледок капризничает, придется испытать нам трудности, а вам неприятности. А что касается острова, милости прошу будущим летом, — пошутил я.

После этого мы занялись выяснением, что можно немедленно отгрузить на остров. Тут же с нами сидел заведующий хозяйством острова Врангеля и записывал все, что я указывал. Хуже всего дело обстояло с винтовками и капканами. Капканов на остров не везли совершенно, везли только много ловушек-кормушек. Винтовок также почти не везли. Несколько старых винтовок, бывших на судне перед отправкой на остров, привели в порядок. Из всех винтовок, предложенных мне, я отобрал только четыре «Винчестера». С патронами дело обстояло несколько лучше, но мы не могли из-за небольшой грузоподъемности самолета взять желаемое количество их.

Я особенно просил Остапчика о соли. Мы и первые три года испытывали недостаток соли, так как нам ее не выгрузили в 1929 году, и теперь забыть соль было бы совсем плохо, так как для выварки соли из морской воды у нас топлива не было.

Когда мы закончили разговоры по всем хозяйственным вопросам, я передал ему документы и просил вручить их адресатам.

Закончив дела, мы отправились обедать. За столом, кроме Константина Александровича, сидел весь летный состав. Обед прошел оживленно. После обеда мы поднялись в музыкальный салон совещаться о дальнейшем.

Обручев по прибытии на «Совет» написал Дублицкому о результатах своих наблюдений льда при полете с мыса Северного на остров Врангеля и с острова к «Совету». Ничего утешительного в этой записке не было. Тяжелые непроходимые льды по пути с мыса Северного на остров и не менее тяжелые льды по пути на «Совет» не давали оснований надеяться, что судно пройдет к острову Врангеля. Это же мнение высказали Обручев и Петров на совещании. Они рекомендовали еще некоторое время выждать.

Попросив слова, я сказал:

— Мы просидели три года, и мне кажется, что вряд ли кто-либо другой больше желает прихода судна к острову, чем мы. Но мы убеждены в непроходимости льдов. Есть ли смысл в дальнейших попытках? Люди с острова вывезены, мы получаем с «Совета» некоторое количество необходимых нам продуктов, состояние самого судна чрезвычайно плохое. Мы с женой твердо решили сидеть четвертый год и уверены, что и этот год мы прозимуем благополучно. Нет особенного смысла рисковать людьми и судном. Время позднее, уже начинается образование молодого льда, особенно между льдами, где воды немного и где ее не баламутит ветром. «Совет» в ближайшее время может очутиться в таком положении, что и обратно не сможет выбраться.

Я рекомендовал поворотить «оглобли» к югу. Потом говорил Константин Александрович Дублицкий.

— Несмотря на очень тяжелое состояние судна, несмотря на то, что оно уже основательно помято, нет полных и задних ходов, — все же я не считаю возможным уходить на юг, пока мы не сделаем ряд попыток проникнуть к острову в любом пункте. Только после того, как и по времени и по обстановке будет совершенно ясно,

что все попытки тщетны, что нам грозит зимовка во льдах, — только тогда мы, скрепя сердце, повернем обратно.

Закончив совещание, мы едва успели подписать протокол, как в салон вбежал в крайнем возбуждении Страубе и громко крикнул:

— Товарищи, надо кончать, самолет зажимает льдом и уже немного повредило руль глубины!

Нас всех как ветром сдуло с мест. На-бегу мы жали руки, прощались, на-ходу же одевались и через несколько мгновений были на самолете.

Уходя из каюты Остапчика на обед, я не захватил с собой предназначенные для острова буссоль и часы и, только очутившись в самолете, вспомнил о них. У нас не было карманных часов, имелся только хронометр и будильник, поэтому карманные часы были нужны, как воздух. Буссоль Шмалькальдера тоже была нужна, так как раньше мы принуждены были работать с помощью геологического компаса. Я закричал с самолета:

— Буссоль, буссоль и часы я оставил в каюте!

Но Остапчик вспомнил про них еще до моего крика и послал за ними человека. Он спустился по трапу на самолет и сам передал мне их. Я в последний раз пожал руку Остапчика, он сошел на вельбот, и мы отошли от борта.

Все население корабля собралось у борта и приветствовало нас. Люди махали руками, что-то кричали, но рев винтов мешал что-либо расслышать.

Самолет быстро взмыл в воздух, сделал прощальный круг над судном и пошел на запад. Вдалеке, справа от нас, из тумана выступали заснеженные вершины острова Геральд. Они горели и искрились на солнце. Прямо по носу виднелась прикрытая туманом тяжелая сумрачная масса восточного берега острова Врангеля. Мы быстро приближались к нему.

Перед полетом на «Совет» Обручев предполагал сделать небольшой крюк, обогнуть восточное побережье и

потом приблизительно от мыса Литке взять прямиком через остров на Роджерс, но перед отлетом бортмеханик сообщил, что горючего немного. Пришлось лететь напрямик.

Вот уже ясно видна скала «Большевик». Почти у самого берега мы повернули к югу. Летели так близко к скалам, что, казалось, вот-вот крылом коснемся камней, местами торчавших подобно зубам. Потом мы увидели змеящуюся ленту реки «Нашей». Опять потянулась под нами вязь бухты Роджерс, и вскоре самолет с легким плеском сел на воду.

На берегу нас встречали Власова, Павлов и эскимосы.

Первый вопрос с берега был:

— Гости есть?

Обручев ответил:

— Нет, гостей мы вам не привезли, только товарища Минеева.

Еще с самолета я распорядился приготовить чай и закуску для летчиков, чтобы они могли перекусить перед отправлением на материк. Время было позднее, летчики торопились.

Через три часа они начали погрузку, так как перед полетом на «Совет» все свое личное имущество они выгрузили с машины.

Но вот все готово. Концы, крепившие самолеты, отданы. Уже ревут винты, рябя воду. Мы помогли лодкам сойти с грунта на воду, их медленно относило от берега. Наконец, машины пошли на взлет.

Маленькая «Савойя» быстро, почти прыжком поднялась в воздух и понеслась над бухтой, а с мотором «Дорнье» что-то случилось. Ветерок, дувший с берега, постепенно уносил самолет к косе. Нам, стоявшим на берегу, казалось, что его вот-вот прибьет к берегу. Наконец, оттуда донесся рев винтов, самолет сначала неуверенно заскользил и потом быстро оторвался от воды. «Савойя», ожидая спутника, кружилась над нами, а как только с нее заметили, что «Дорнье» пошел на взлет, они

взяли курс на материк. Последний раз махали нам руками с самолета, и мы тоже посылали последний привет улетавшим.

Самолеты становились все меньше и меньше: вот они уже напоминают чаек, вот уже как маленькие ласточки, а потом растворились вдали.

Мы остались одни.

Что-то принесет нам наступающая четвертая зима?..

Глава XXIII

НАКАНУНЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЗИМЫ

Шестого сентября самолеты улетели. Остались на острове, кроме меня и Власовой, Павлов с женой и детьми, Степан Старцев с семьей и эскимосы. Всех остальных европейцев вывезли. Сумасшедшего с нами больше не было. Это одно уже давало уверенность, что хоть в моральном отношении зимовка будет благополучной. Но зима все же предстояла трудная.

Что мы имели к этому моменту помимо того, что нам привезли с «Совета» на самолете?

Муки, мучных изделий и различных круп у нас было много. В течение ближайшего года даже и при ненормированном употреблении их мы потребить всего запаса не смогли бы. Достаточно было также и жиров. Всего остального было в-обрез. Очень мало консервированного мяса, консервированного молока, сахара; витаминозных продуктов, если не считать сухого гороха и гречневой крупы, у нас совершенно не было. Каменного угля у нас также не было, если не считать небольшого, в полтонны, остатка его от прошлого года на радиостанции. В связи с тем, что радиостанция подлежала консервации, у нас оставалось керосина количество, достаточное только для фактории. Туземцам отпускать керосин мы не могли. Только на период медвежьей охоты, когда они уезжают на длительное время из юрт, я выделил и забронировал для примусов необходимое количество горючего.

На самолете с «Совета» нам завезли небольшое количество консервированного молока, мыла, соли, которой у нас не было в последние годы; кроме этого, нам привезли два небольших боченка засахаренных апельсинов. Лимоны, засахаренные, килограммов десять, нам доставили на «Савойе» с мыса Северного.

Апельсины и лимоны, как витаминозный противоцынготный продукт, очень хороши, и цынги мы не боялись.

Предметы широкого потребления на складах имелись в достаточном количестве; кое-чего нехватало, но мы приспособились. Не было, например, промысловых ножей. Собственно, ножей было очень много, но совершенно негодных. Какой-то «умник» решил, что «финка» — крайне нужна на севере, и «финок» у нас была тьма! Этот нож— совершенно непригоден на севере; туземцы вовсе не хотели его брать и сами делали себе ножи или из сломанных полотен поперечных пил, или из капканных пружин.

Как только самолеты улетели и мы в течение одного дня справились с необходимейшими работами, я в сопровождении Павлова, Старцева и двух эскимосов — Паля и Таяна — отправился на вельботе к лагуне «Озеро», чтобы собрать там всю имевшуюся древесину.

На Роджерсе осталась одна Власова, на нее я взвалил метеорологические и хозяйственные обязанности. В эти дни бухта Роджерс была женским поселком.

Вообще, древесины на озере было порядочно, но она была крайне низкого качества. Больше двух третей ее было таким гнильем, что употреблять ее на топливо было невозможно. Остальная древесина была густо пропитана влагой и требовала перед сжиганием предварительной просушки. Но нужно было и об этой, мокрой, гнилой древесине позаботиться с осени. Если не сложить плавник как следует, то его забросает снегом, и потом в полярную ночь, в темноте, разыскать дрова не удастся.

С огромным трудом мы добрались до «Озера». Хотя оно находится в каких-нибудь 15 километрах от бухты

Роджерс, но шли мы туда целый день. Льды беспрестанно преграждали путь, приходилось выискивать щели между ними и пробираться из разводья в разводье. В течение четырех суток пять человек двумя бригадами обходили «Озеро» и все, что попадалось деревянного, подтаскивали вплотную к воде. То, что было велико, распиливали на удобные куски и ставили в костры. Если бы снег и занес их, то хоть верхушки были бы видны, а раскопки и в темноте произвести можно.

Закончив сбор плавника, мы возвратились на Роджерс. К этому времени на море начал образовываться довольно крепкий лед. Надо было торопиться с заготовкой пищевого мяса. Добыть моржевого мяса можно было — это не особенно трудное дело, но как сохранить его? Мы не могли потреблять несвежее мясо, как это делали эскимосы.

К тому времени, когда начинает становиться море, на воздухе уже довольно крепкие морозы — до десятка и ниже градусов. Я рассчитал, что если мы по самой последней воде набьем моржей, разрубим их на куски и повесим мясо на вешалах, оно быстро промерзнет насквозь и уже не будет подвергаться порче. Я сообщил об этом Павлову, Старцеву и бывшим на фактории эскимосам. Никто из них никогда не консервировал мяса таким способом. Все они сомневались в успехе.

В две поездки мы убили четырех моржей. Позже оказалось, — как я и предполагал, — что мясо в течение нескольких часов после того, как мы его подвесили, превратилось в смерзшиеся комки. На протяжении всей зимы, до самой поздней весны, пока не началось бурное таяние, мы имели в достаточном количестве прекрасное свежее мясо. Этот способ сохранения мяса хорош тем, что жир предохраняет мясо от заветривания. Он служит как бы оболочкой. Когда его снимешь, мясо появляется совершенно свежим, словно животное было только-что убито. Кожу необходимо снимать, потому что, замерзая,

она крайне затруднит разделение кусков на мелкие части, сохранению же мяса она особо не способствует.

Для работ, связанных с устройством зимовки на фактории, я не считал возможным мобилизовать туземцев. Это оторвало бы их от важных для них дел. Мы рассчитывали только на самих себя, и только при заготовке плавника на «Озере» я использовал Таяна и Паля на условиях взаимопомощи: я обещал им нашу помощь зимой.

Закончив заготовку мяса, втроем принялись за тщательное утепление жилых помещений. Топлива, которым мы располагали, было недостаточно. Качество его было крайне низкое. Особенно рассчитывать на его теплотворность не следовало. Мы забивали и заделывали каждую щель, чтобы тепло из комнат не улетучивалось. Все внимательно осматривали, стеклили окна, конопатили стены дома, насыпали потолще накат на потолок, ремонтировали двери, приводили в порядок завалины. Печи тоже приводились в порядок, так чтобы они отдавали как можно больше тепла.

Дом радиостанции должен был пустовать эту зиму. Но его нужно было так устроить, чтобы внутрь не проник снег. Дом нужно было сохранить, чтобы люди, которые придут летом 1933 г. на смену нам, могли сразу в него въехать и начать в нем жить. Поэтому дом рации тщательным образом осмотрели; окна, в которых недоставало стекол, мы забили фанерой и тщательно замазали замазкой, чтобы в дом не проникало ни капельки снега, отремонтировали двери. Все имущество, которое осталось от радиостанции, было сгруппировано в машинном отделении. Приняты были все меры против его порчи и гибели.

С отбытием самолетов у нас не стало метеоролога, заниматься же метеорологической работой нужно было. Хотя мы и не имели теперь радиосвязи и не могли сообщать своевременно метеорологических сведений на материк, все же, чтобы избежать разрыва в наблюдениях, ведшихся в течение 6 лет, я считал совершенно необхо-

димым продолжать метеорологическую работу. Но кому вести метеорологическую службу? Мы решили, что наиболее удобно делать это Павлову, на что он и согласился.

Павлов раньше никогда не занимался метеорологией. Бывали, правда, случаи, еще в бытность на острове Ушакова, когда ему поручалось, на время отсутствия Савенко, производить в течение одного или двух суток наблюдения, но обработки материала он не вел. Проще сказать, эта работа была для него совершенно незнакомой.

Готовятся снять флюгер для переноса в другое место (1932 г.).

В течение нескольких дней мы с ним сидели над инструкциями, разбирались в материалах и, в конечном итоге, он делал эту работу неплохо. Я тоже раньше не занимался метеорологическими наблюдениями, но, как более грамотный человек, помог ему разобраться в инструктивном материале.

Метеорологическая станция по приходе «Литке», то-есть в 1929 году, была установлена на внутренней косе

к востоку от фактории и находилась, примерно, в 150 метрах от дома рации. Мы же все жили в старом доме, находившемся в 200—300 метрах от дома рации. Таким образом, расстояние от дома, где жил наблюдатель, до метеорологической станции равнялось почти полукилометру. В хорошую погоду пройти полкилометра — сущий пустяк, но зимой, во время свирепой пурги, когда ничего не видно, проделывать этот путь—дело не легкое. Поэтому мы решили перенести метеорологическую станцию на то место у старого дома, где она находилась с 1926 по 1929 год.

Мы перенесли все, за исключением гелиографа Кемпбеля: он понадобится только после того, как взойдет солнце. Кроме того, установка гелиографа — дело довольно кропотливое. Из комнаты, в которой жил Званцев, перенесли инструменты: чашечный барометр, барограф, анероид, и расположили все это в жилье Павлова, чтобы он имел возможность производить отсчеты непосредственно дома.

Перед отлетом с острова Званцев передал нам телеграмму. В телеграмме говорилось, что 1932—1933 год установлен Вторым Международным Полярным Годом — поэтому на всех полярных метеорологических станциях программа работ расширяется. Если раньше наблюдения брались в три срока, а четвертый был контрольным, то теперь необходимо брать отсчеты в пять сроков. К ранее практикуемым срочным наблюдениям прибавлялось еще одно — в час ночи.

На протяжении всего последующего времени Павлов занимался отсчетами в пять сроков.

Мы отправили на «Совет» весь наличный запас песцовых шкур, но помимо песцов у нас имелось еще большое количество ценностей в виде медвежьих шкур, мамонтовой кости. Хранить моржевый клык, мамонтовую кость — дело несложное: этот материал не подвергается быстрой порче под влиянием температуры и влаги. Медвежьи шкуры, если их хранить неаккуратно, могут увлаж-

ниться и с первыми теплыми днями попреть, погибнуть. Мы их упаковали в плотные тюки и уложили в складе на брезенты. Брезентами же плотно укрыли тюки и обвязали веревками, чтобы снег и влага не имели доступа к шкурам. Ни одна шкура на протяжении этой зимы не погибла.

Все остальное хозяйство также было полностью подготовлено к зиме.

На пороге — четвертая зима.

Глава XXIV

ТРУДНАЯ ЗИМА

Осень, следовавшая за отлетом самолетов, прошла у нас обычным порядком. К тому моменту, когда зима вступила в свои права, мы были солидно подготовлены к ее встрече. Во всяком случае, все, что нужно было сделать для того, чтобы с наименьшими невзгодами провести зиму, было нами сделано. Но в эту зиму у нас, помимо продовольственных, топливных и других трудностей, были еще особенные условия, отличавшие ее от предыдущих зим.

Прежде всего, полностью отсутствовала связь с материком. Связь с материком, бывшая у нас до этих пор, вообще не была блестящей. Часто случалось, что, послав телеграмму, мы получали на нее ответ только... год спустя. Это не потому, что наши корреспонденты были неаккуратны, а потому, что радиосеть была несовершенна. Но мы все же имели возможность время от времени получать общественную информацию и личные телеграммы.

Общественная информация, получаемая нами, была очень скудна и крайне нерегулярна: то мы много месяцев ничего не получали, то получали сразу за месяц и более и, как правило, в обратном порядке. Чтение этих «собраний сводок» за месяц напоминало чтение книги с конца. Но, как говорят, на безрыбьи и рак рыба; в нашем положении и те крохи информации, которые мы получали,

были благом. А тут — ничего! Ничего! — в полном смысле этого слова. Топлива у нас не было, чтобы эксплоатировать радиостанцию, — мы ее законсервировали, радистов отправили, никаких других способов связи с материком не было.

Первое время, следовавшее за отлетом самолетов, мы еще не так остро ощущали отсутствие связи. Благодаря заботливости сотрудника «Известий» Макса Зингера мы получили несколько газет. С «Совета» я привез от Остапчика небольшое количество газет и журналов. Вот эти-то журналы и газеты, довольно старые, но для нас свежие, скрашивали первое время существование и не давали остро почувствовать отсутствие связи.

При той жажде знать, что делалось на материке, что там и как строилось, как жила прошедшие три года наша далекая и родная страна, — ничтожного количества газет и журналов надолго хватить не могло. Мы не собирались поступать так, как поступал какой-то не то анекдотический, не то всамделишный губернатор Камчатки: он велел своему камердинеру ежедневно подавать к утреннему чаю газеты, привезенные ему однажды за весь год сразу. Таким образом, он имел каждый день «свежую» газету... с годичным запозданием. В ближайшие три, максимум четыре недели мы исчерпали весь запас журналов и газет, а дальше в перспективе была полная «темнота».

Из-за отсутствия радиостанции мы превратились в глухонемых, потому что ни о себе мы не могли сказать на материк, ни нам с материка передать что-либо было невозможно. Состояние полной оторванности было для нас крайне неприятным. Мы не могли без борьбы согласиться стать глухонемыми. Решили попытаться установить хотя бы одностороннюю связь с материком, наладить слушание какой-нибудь широковещательной станции.

Работая до отъезда на остров на Дальнем Востоке, мы хорошо знали о Хабаровской широковещательной ко-

ротковолновой станции. Мы знали, что действие этой станции распространяется на очень большую территорию. Поэтому мы решили оборудовать хотя бы элементарное приемное устройство. Может быть за три года, в наше отсутствие, где-нибудь в пределах Дальнего Востока была построена еще какая-нибудь мощная станция, но мы об этом ничего не знали и рассчитывали только на Хабаровскую станцию.

Но одно дело — решить, другое — выполнить решение.

Ни я, ни Власова, ни Павлов, ни тем более кто-нибудь из эскимосов никогда до этого радиоделом, хотя бы в любительском порядке, не занимались. Все мы были полнейшими профанами в этом деле, и поэтому оно казалось нам крайне трудным.

Правда, мы находились в несколько лучшем положении, чем, скажем, Робинзон, потому что у нас осталась радиостанция, осталась аппаратура, нужно было только освоить эту аппаратуру, научиться, как с ней обращаться, знать, как она действует.

У нас была довольно сносная радиобиблиотека. В ней не было, правда, последних новинок, но все необходимое для элементарного радиолюбительства там было. И вот засел я за эту литературу и начал упорно грызть немолодыми уже зубами «гранит» радионауки. В процессе учебы, чтобы перебросить электромагнитный мост с острова на материк, я занялся «монтажем» радиоприемного устройства. Перетащил с радиостанции приемник, усилитель, собрал все это; поставили у нашего дома мачты: одну взгромоздили на крышу тамбура, другую поставили невдалеке от дома, натянули антенну, все честь-честью. Нужно было заземление. Но устроить заземление в мерзлоте — дело нелегкое. Даже в разгаре лета почва на острове Врангеля не оттаивает больше чем на полметра — это в лучшем случае. К тому времени, когда мы начали заниматься установкой радиоприемной аппаратуры,

в октябре месяце, — земля уже промерзла, и даже этого оттаявшего полуметрового слоя не было.

Пробовали кайлить, но успехи были мизерны. Решили попытаться оттаять почву. Но у нас не было угля или дров, а был только бензин и сравнительно небольшое количество керосина, который всячески нужно было беречь. У нас была большая паяльная лампа, служившая для обжигания почвы, в целях ее обеззараживания в зверопитомниках. Вот эту паяльную лампу с громадной горелкой на гибком каучуковом шланге я и решил применить для оттаивания почвы. Кстати сказать, это была первая проба лампы, — до того мы ни разу ее не зажигали.

Налили в резервуар керосина, истратили 300 кубиков спирта, чтобы нагреть горелку, накачали в резервуар достаточно воздуха и пустили газ. Горелка ревела так, как будто в непосредственной близости работал мотор самолета. Эскимосы, жившие в палатках в нескольких стах метрах от места работы, выскочили из жилищ, испуганные шумом. Пламя, чуть ли не в метр длины, создавало вокруг много тепла, но тем не менее для оттаивания почвы лампа была непригодна. Огонь, направленный на нужное место, раскалял докрасна камни, и они с треском лопались, а грунт оттаивал максимум на сантиметр, земля быстро превращалась в грязь, вода закипала и выпаривалась, а под этим слоем была мерзлота.

После двух десятков минут работы лампы мы начинали кайлить, но через 3—4 сантиметра встречались с такой твердой мерзлотой, как будто бы лампа здесь вовсе не работала. Очевидно, нужно было сжечь целую бочку керосина, — литров этак 300—400,—для того чтобы оттаять почву на нужную для заземления глубину. Мы не могли позволить себе такой «роскоши», и я отказался от мысли выкопать котлован для заземления.

Знающий радист, может быть, с самого начала не стал бы этого делать, но мы брели ощупью. Не сразу мы пришли к заключению о невозможности устроить зазем-

ление. Только потом его заменили противовесом из протянутой на потолке веером звонковой проволоки.

Но вот все устроено: и мачты поставлены, и антенна подвешена, противовес на месте, смонтированы приемник и усилитель. Нехватало «пустяка»: энергии, чтобы питать лампы приемника и усилителя. Ко времени ухода «Литке» на остров Врангеля на материке не было аккумуляторов, и поэтому Управление связи снабдило нас материалом для монтажа батарей из медно-цинковых элементов типа Мейдингера. На радиостанции для питания анода приемника в течение трех лет пользовались небольшой батареей в 40—50 банок.

Я решил собрать батарею из этих элементов и за счет ее питать приемную установку. В общей сложности, я собрал батарею из 90 банок, так что питание анода было обеспечено.

Аккумуляторы накала, бывшие на рации, были заряжены, и поэтому мы могли, как только собрали батарею Мейдингера, опробовать приемник и узнать, работает он или нет. Приемник работал. Задача, казалось, была разрешена, однако... несмотря на то, что приемник работал еще много дней, мы не слышали ничего, кроме множества телеграфных станций. Они пищали как комары и хрюкали как свиньи на разные лады, с различной силой. То их тончайший звук еле улавливался ухом, то громкие точка и тире били в ухо как молоток. Но нам от этого было не легче. Принимать телеграфную передачу никто из нас не мог.

Радиостанции работали с предельной быстротой, и научиться принимать их сигналы нечего было и думать. Все свободное время я сидел за приемником и искал Хабаровскую широковещательную. Никто из нас не знал ни ее позывных, ни времени работы, — мы знали только, что она работает на волне 70 метров. Каждый день в определенное время я садился за приемник и вслепую шарил по эфиру и ждал, не натолкнусь ли случайно на широковещательную станцию, на человеческую речь. Ее мы

услышали сравнительно быстро, но это была непонятная для нас английская и японская речь; а так хотелось нашей родной, понятной! Сидя у приемника, мы напоминали новорожденных котят, которые слепо тычутся в разные стороны, чувствуют, что родительница где-то

Распилка плавника на топливо (зима 1932—33 г.).

здесь, а где именно, найти не могут. Мы хорошо знали, что Хабаровск «где-то здесь», «рядом», но найти его долго не могли.

Однажды, как обычно, я сидел с наушниками у приемника, а Власова и Павлов сидели тут же и почти не дышали, чтобы не мешать мне. Я же, как кудесник, вращал ручки приемника и вслушивался до боли в ушах. Эфир жил своей жизнью и вопил на все лады точками и тире телеграфа. Но вот в ухо ударило что-то знакомое, и я

чуть не закричал. Я услышал речь, родную, членораздельную, живую человеческую речь.

— Нашел, — сообщил я, но мне не поверили. Пришлось дать телефон поочереди Власовой и Павлову.

— Ну как, слышите?

— Верно, наша станция.

— Какая же это станция? — вслух подумала Власова.

Но на это никто из нас пока ничего сказать не мог, только некоторое время спустя выяснили, что это Хабаровск, которого мы так долго и с таким нетерпеньем искали. С тех пор мы сравнительно сносно информировались о том, что делалось на материке. Но слушание на один телефон нас удовлетворить, конечно, но могло. Слушавший обычно записывал все, что говорилось, и потом рассказывал. Все же это не удовлетворяло. Это был слишком пассивный способ слушания. Я задался целью улучшить нашу «рацию» так, чтобы можно было устраивать массовые слушания. Но для этого у нас нехватало тока.

Аккумуляторы накала я заряжал от батареи Мейдингера. Потом я сделал 80-вольтовый аккумулятор малой емкости, заряжал его от той же батареи и, таким образом, увеличил напряжение на анод. Это позволило организовать трансляцию по нашему дому.

Мы провели из нашей комнаты, служившей аппаратной, провод в комнату Павлова и Старцева, устроили штепсельные розетки для телефонов, и — трансляция готова. Каждый вечер, если слышимость была удовлетворительной и Хабаровская широковещательная станция работала, до поздней ночи, часов до трех, в доме, как правило, не спали, тихо сидели с наушниками и внимательно слушали передачи. Мы были, вероятно, самыми аккуратными и наиболее постоянными слушателями из всех, кто слушал в те времена Хабаровскую широковещательную станцию, потому что не было такой передачи, которая бы нас не интересовала.

Потом я наладил громкоговоритель, и у нас в комнате появился... «хрипейло», как мы назвали наш репро-

дуктор, потому что он очень часто вместо музыки и членораздельной человеческой речи издавал дикое хрипенье.

Хотя мы устроили хорошо слушание, — была у нас трансляция, и «хрипейло» постоянно звучал, — все же это было только слушание. Мы не могли сказать о себе ничего. Мы излечились от глухоты, но немыми мы продолжали оставаться, а нам хотелось говорить, хотелось сообщить на материк общественным организациям, товарищам и близким людям о том, как мы живем, как проводим зимовку.

Первые успехи вселили в меня уверенность, что при желании и упорстве можно и эту задачу разрешить. В свободное от обычной работы время мы занялись двумя делами: с одной стороны, организовали «курсы» по изучению азбуки Морзе, работы на ключе и приему на слух, с другой стороны — я занялся постройкой передатчика.

На радиостанции был 150-ваттный передатчик, но запустить большую рацию из-за отсутствия топлива мы не могли, даже если бы у нас были необходимые знания. Поэтому я решил построить маломощный передатчик, который мог бы работать на имевшихся у нас источниках тока.

Решив заняться постройкой передатчика, я прежде всего выяснил, что имеется из материалов, необходимых для постройки, но, к нашему несчастью, оказалось, что их почти не было. И тут мне пришлось изобретать. В постройке передатчика участвовали все: Власова, Павлов и даже иногда Старцев старались помочь советами. Иногда советы были удачны, а чаще неудачны и только злили меня. В таких случаях я сердито говорил:

— Послушайте, товарищи, идите ко псам, не мешайте мне!

В течение месяца я занимался передатчиком; кроме того, наладив зуммер и ключ, втроем занимались работой на ключе и приемом на слух. Успехи нарастали медленно. Во всяком случае за время, ушедшее на постройку пере-

датчика, никто из нас не научился хотя бы мало-мальски принимать на слух.

Но вот передатчик построен. Все в порядке, по всем требованиям схемы. Ток проходит везде, где он должен проходить, и не проходит там, где он не должен проходить. Конденсаторы, построенные мною, действовали очень хорошо, их не пробивало. Но нам показалось, что передатчик не работает.

Мне, да и всем нам, так хотелось наладить двухстороннюю связь с материком. Я крепко вошел в это дело, забросил все остальное. И днями и ночами сидел я за схемами, чертил, рассчитывал, делал и переделывал детали, разбирал и собирал вновь всю схему, включал ток и пробовал по многу раз. Я так погрузился в работу, что незаметно для себя начал разговаривать сам с собой. В это время со стороны, наверно, было неприятно смотреть на меня. Я чертыхался, размахивал руками, издавал нечленораздельные восклицания, не отвечал на обращения ко мне. Власовой показалось неладным мое поведение, и она боялась, как бы я на этом деле серьезно не «запсиховал». Однажды она мне заявила:

— Вот что, приятель, брось-ка ты это дело, а то я тебе все твое передаточное хозяйство изломаю и выкину. Не выходит — надо бросить. Слушаем мы Хабаровск, ну и хорошо. Понятно, было бы значительно лучше, если бы мы могли и передавать, а не только принимать, но ведь нет же у нас необходимых материалов. Из ничего передатчика не построишь.

На первых порах мы повздорили. Мне казалось, что еще немного усилий, и дело будет сделано, но под нажимом Власовой я пересмотрел все «имущество» заново, обдумал все возможности и пришел к заключению, что требование правильное, и с тех пор я больше не занимался работой и опытами по установлению двухсторонней связи с материком.

В слушании Хабаровска мы наловчились, и осечек у нас не случалось. Только Хабаровская станция часто не

работала. Иногда на самом интересном месте вдруг без предупреждения станция «пропадала», и мы уже ничего не слышали. Только на другой день или через несколько дней, когда станция начинала работать, сообщали, что «по техническим причинам» работу пришлось прервать.

Трансляция наша работала регулярно. Когда к нам приезжали эскимосы, мы угощали их музыкой и человеческой речью с материка. Эскимосы внимательно слушали не только музыку, но и речь, хотя понимали очень мало. В таких случаях Павлов или его жена Анна переводили и разъясняли эскимосам. Однажды Хабаровская станция устроила передачу на языках народностей Севера. Эскимосов в это время не было, но станция анонсировала, что в такой-то день будет передача на чукотском языке. Мы оповестили близко живших промышленников, и они все с большой охотой собрались к тому времени на фактории. Но, на наше несчастье, в этот день, как мы внимательно ни слушали, чукотской передачи не было. Разочарование эскимосов было крайне велико, да и наше также: наобещали, а обещанное не выполнили.

Несколько раз я пытался разъяснить туземцам, как получается, что говорят и играют в Хабаровске, а мы на острове Врангеля слышим. Они внимательно слушали и мой рассказ, и перевод Павлова, но не понимали явления. Они верили нам, что люди говорят и играют в Хабаровске, но относили это к миру сверхъестественному, полагая, что на это способны только русские.

Несмотря на то, что у нас в эту зиму не было двухсторонней связи и мы не могли получить телеграмм и послать от себя, как в первые три года, все же информировались мы о жизни нашей социалистической родины и капиталистического мира регулярнее и полнее, чем раньше. Теперь мы каждый день слушали и хронику событий, и разные доклады. Однажды нам посчастливилось: была хорошая слышимость, и Хабаровск передавал текст речи тов. Сталина на январском (1933 г.) пленуме ЦК ВКП(б) об итогах первой пятилетки. Слышанное произвело на

нас грандиозное впечатление. Только после этого доклада нам стало ясно, как невыразимо много было сделано на родине в наше отсутствие. Нас окрыляла гордость за партию, за всех соотечественников, трудовыми руками которых, под гениальным водительством великого Сталина, сделано было все то, о чем он так просто и убедительно говорил с трибуны пленума. Было немного досадно, что мы просидели все эти годы вдали от жизни. Во всех этих завоеваниях мы, как нам казалось, принимали крайне пассивное участие зрителей, да и зрители-то мы были липовые.

Мы, понятно, знали, что выполняем дело, хоть и малое, почти микроскопическое, но являющееся составной частью общего дела. Тем не менее часто возникала обида, что сидим здесь, а не там, в самой гуще великой стройки.

Помимо отсутствия двухсторонней связи, у нас в эту зиму не было врача. Врач отсутствовал, а болезни присутствовали. Люди понемногу болели и требовали помощи. Медпомощь мы взвалили на свои плечи, так как кроме нас, меня и Власовой, заняться ею было некому.

До сих пор мы никогда врачебной практикой не занимались, если не считать завязывания тряпицей порезов на пальцах. Теперь же нам пришлось иметь дело с различными заболеваниями, в большинстве случаев нам неизвестными.

Самое первое время за врача ходила больше Власова; я, как видно по причине неврастении, долго не мог привыкнуть к ранам. Не зная этого, я брался перевязывать раны, но, как только я приступал к перевязке, у меня начинала кружиться голова, возникала тошнота, лоб покрывался испариной, во рту пересыхало, в глазах темнело, шли разноцветные круги. В таких случаях я обращался к Власовой, и перевязки делала она. Охотясь на моржей и разделывая их, я видел очень много крови. Руки, как правило, бывали по локоть в крови, ноги тоже по самые колени смачивались кровью. Это не мешало мне

работать, я мог видеть раны у людей и делать перевязки во время промысла, но дома я не мог делать их даже на собственной руке и звал Власову. Только позже, когда Власова не могла заниматься этими делами, я приучил себя не бояться ран, делал любую перевязку, мог смотреть на раны, и это уже не вызывало во мне прежних ощущений.

Только занявшись медицинской практикой, мы в полной мере оценили все значение разносторонней, всеобъемлющей библиотеки для зимовки. В нашей библиотеке была литература по самым различным отраслям медицины — от элементарных справочников до солидных руководств включительно. Ухо, горло, нос, глаз, урология, гинекология, акушерство, дерматология, ряд руководств по болезням сосудистой системы, по нарушениям обмена; множество вспомогательной литературы по анализам мочи, крови, фармакологические руководства. Наибольшей нашей любовью пользовалось руководство для студентов и врачей академика Чистовича, — «Частная патология и терапия внутренних болезней». Краткость, ясность и простота изложения, как нам казалось, безусловная научность и большая широта взгляда привлекали к себе. Немаловажным было еще и то, что на страницах двух сравнительно небольших томов были показаны почти все людские страдания, с которыми нам приходилось сталкиваться.

Чтобы с успехом и без большого труда пользоваться специальной литературой, необходимо быть грамотным в этой области. У нас же и этого не было. Относясь добросовестно к каждому заболеванию, как бы мало и незначительно на первый взгляд оно ни было, мы принуждены были тратить много времени на чтение и поиски в руководствах описания симптомов и картины заболевания, наблюдаемого или выясненного путем анализа у пришедшего к нам пациента. Не сразу нащупаешь, где искать сведения по данному случаю, приходилось подолгу рыться в книгах и находить нужное. И мы, волей об-

стоятельств, стали и «врачами», — притом «врачами всех специальностей», и «аптекарями» и... пациентами. В связи с этим бывало много юмористических и грустных моментов.

Приходит как-то эскимос, жалуется:

— Начальник, немного болит.

— Где болит? — Зовешь Павлова и при его помощи выясняешь, в чем дело.

— Тут болит, тут болит и тут болит.

Наш пациент, оказывается, чувствует боль или неприятные ощущения сразу в нескольких местах. Кто его знает, чем он болен! Больной уходит, а ты садишься за литературу и ищешь, находишь и помогаешь. Иногда же попадаешь на «редкий» случай, не поддающийся разгадке. Долго роешься в разных источниках, прочтешь не одну сотню страниц, наконец, кажется, найдешь нужное, разберешься, изберешь средство для лечения и тогда зовешь больного.

— Ну как, Паля, дела — все болит?

— Нет.

— Что нет?

— Не болит.

— Как не болит? Совсем не болит?

— Да, не болит, уже хорошо.

— Значит, ты выздоровел?

— Да, хорошо.

Ну что ж, хорошо, так хорошо. Мы, обычно, в таких случаях не досадовали, что потратили много времени, и были довольны, что дело обошлось без нашего вмешательства.

В большинстве же случаев необходимо было принимать какие-то меры, прописывать показанное средство.

У нас была богатая и разнообразная аптека, но все медикаменты находились уже в хранении три года, а оставшиеся от Савенко хранились шесть лет. Зная, что долговременное хранение действует разлагающе на некоторые лекарственные средства, мы не знали, какое из-

менение в каждом из них происходит. Чтобы не случилось чего-либо непредвиденного с людьми, которых мы пользовали, нам приходилось подолгу рыться в фармакологических руководствах и выяснять, как действует на организм то или иное средство вообще до и после длительного его хранения.

Не все показанные средства были у нас в готовом виде, многое приходилось составлять из нескольких частей. Хорошо, если указывалось подробно, как делать и что употреблять, в большинстве же случаев указывалось лишь наименование средства. Снова начинались длительные поиски подробных указаний.

Мы, стремясь применять необходимые средства, никогда не становились на легкий путь избрания какой-либо помощи. Нам казалось, что такое поверхностное отношение к страданиям наших пациентов пахнет недостойной большевика недобросовестностью. Хорошо еще, если научное средство бывало само по себе безобидно, но значительно хуже, если оно было ядовито и требовало при применении сугубой осторожности. Давая это лекарство, мы чувствовали себя крайне скверно, опасаясь, как бы не произошло несчастного случая.

Но, как видно, нам везло: не было ни одного случая, чтобы в результате приема назначенных нами средств наши пациенты чувствовали себя хуже.

Основные болезни, с которыми нам приходилось иметь дело, требовали для лечения бинта и иода. Работая с ножами, — а без ножа на острове ничего не сделаешь, — промышленники очень часто резались. Однако гнойных осложнений почти не было. Это объясняется, конечно, не тем, что эскимосы, раня руку, сразу употребляли антисептические средства, — нет, обычно рана попадавшего к нам пациента бывала крайне загрязнена. На острове Врангеля, как видно, совершенно отсутствуют гнойные бактерии, и поэтому, как бы ни была загрязнена рана, это было загрязнением, не влекущим за собой гнойного процесса.

Для характеристики этого можно рассказать один случай — правда, случай крайне типичный.

Эскимосская девушка Лавак играла со своими сотоварками в мяч. Прыгая, она наступила на дно разбитой бутылки и основательно порезала себе пятку. Ко мне пришел ее отец — Паля.

— Начальник, Лавак нога стекло ходи.

— Как стекло ходи?

Он рассказал мне, как было дело.

— Стекла в ноге не осталось?

— Нет.

— Ничего в ране нет?

— Нет, все хорошо.

Взяв перевязочный материал, я отправился на место происшествия. Поверив тому, что в ране нет осколков стекла, — потому что в отношении ранения эскимосы имеют довольно большой опыт, — я не пытался исследовать рану. Лавак на каждое прикосновение к ране реагировала криками, которые я отнес за счет общей болезненности ранения, но не за счет присутствия стекла. Промыв рану, я наложил сухую повязку.

Я каждый день заходил к больной, ожидая увидеть на ноге нагноение, но рана была совершенно чистой и постепенно зарастала.

Но однажды к нам прибежал взволнованный Паля и сообщил, что у Лавак из раны... выходит стекло.

— Как стекло? — спросил я его, — ведь ты же говорил мне, что стекла нет.

— Да, я думал, что нет стекла.

Я отправился к больной. Разбинтовав ногу, я увидел осколок стекла, торчащий из раны. Я извлек его, но за ним с сукровицей из раны вышел довольно большой тампон из пыжика. Оленья шерсть, свалявшаяся в плотный комочек, находилась в ране в течение долгого времени. Теперь я уже уверенно ожидал, что вот-вот должен был появиться гной. Но, против ожидания, гноя не было, и

дня через три Лавак опять прыгала как коза, а от раны не осталось никакого следа.

Все это необычно, если учесть, что эскимосы никогда не моют ног и ходят в меховых чулках мехом внутрь, причем от пота и грязи мех этот превращается в грязную зловонную массу. Комок пыжика, пропитанный грязью, казалось бы, должен был вызвать крайне сильное нагноение, а на самом деле нагноения не было совершенно. Из этого видно, что на острове даже... грязь стерильна и загрязнение раны нагноения за собой не влечет.

В нашей практике было несколько значительных поранений, и все они, как правило, протекали без гнойных осложнений.

То же можно сказать и о нас, зимовщиках-европейцах. Если о туземцах можно предположить, что их организм, в течение длительного времени оставаясь без медпомощи, мог приобрести своеобразный иммунитет против гнойных возбудителей, то мы сами за сравнительно короткое время приобрести такого иммунитета не могли. Мы неоднократно резали себе руки, нас кусали собаки. Власову неоднократно кусали и царапали медведи, и эти ранения также никогда не имели гнойных осложнений.

Кстати, на острове среди ездовых собак распространено заболевание особым видом бешенства. Заболевшая собака становится скучной, перестает есть и пить, через некоторое время развивается драчливость. Больная бросается на каждую собаку и грызется до тех пор, покуда ее не оттонишь. Здоровые собаки с больными в драку не вступают, даже если больная слабее. Но на людей бешеные псы не бросаются. Укушенные собаки бешенством не заболевают, люди также. Летом 1930 года Званцев пытался удержать бешеную собаку руками, и она его в нескольких местах покусала. Не зная особенностей этого рода бешенства, мы крайне встревожились. В аптеке были препараты Пастера, но наш врач не знал, как их применять, пришлось запрашивать по радио Крайздрав, но пока пришел ответ, выяснилось, что надобности в лечении не

было, так как прошли все инкубационные сроки, а Званцев и не думал проявлять признаков бешенства. Бешеных собак мы сажали на цепь. До самой гибели животное металось на цепи, беспрестанно выло и пыталось освободиться. Из расспросов туземцев нам удалось выяснить, что этот род бешенства распространен на Чукотке повсеместно. Павлов сообщил, что однажды он был свидетелем выздоровления больного животного. По его словам, животное по неизвестной причине вырвало, и после этого животное стало лучше себя чувствовать и скоро восстановило работоспособность.

Врач лечить собак отказывался, ссылаясь на то, что... он не ветеринар.

За ранами следовали различные заболевания желудочно-кишечного тракта. Чаще всего наблюдались запоры и острые катарры желудка. Иногда приходит взрослый эскимос, или приводят ребенка.

— Ну, — спрашиваю, — что скажешь?

— Да вот, — говорит, — не знаю — брюхо болит.

— Отчего?

— Не знаю, много кушай, потом ничего нет...

Дашь такому пациенту известное количество касторки, и через небольшой промежуток времени — и пациент доволен, и «врач»...

Среди живущих на острове эскимосов был один промышленник с круглой язвой желудка — эскимос Етуи. Язва желудка у Етуи была, как видно, застарелая, так как уже на острове Врангеля у него было несколько кровотечений, иногда очень бурных. Етуи был крайне истощен, он постоянно жаловался на боли в желудке и мучительные изжоги, работоспособность его была пониженной. Пока на острове был врач, Етуи обращался к нему, а теперь стал обращаться к нам. С такого рода заболеванием бороться, насколько нам удалось выяснить из литературы, можно было или диэтетическим путем, или путем активного хирургического вмешательства. Мы могли стать только на первый путь, причем и он для нас был крайне

затруднен, так как выбор продуктов для диэтетического питания был весьма ограничен, да и то, что было, имелось в небольшом количестве. Но главная беда была в том, что Етуи жил от нас в 70 километрах.

Что делать в данном случае, мы неплохо знали из имевшейся у нас литературы. Но одно дело — знать, что делать, другое дело — сделать. Одно рекомендованное средство — двууглекислую соду — Етуи принимал охотно, она приносила ему большое облегчение, избавляя от стойких мучительных изжог; а вот диэту, нужную для него, нужно было как-то растолковать, так как Етуи был неграмотен и из-за бездорожья часто к нам ездить не мог. Обсудив вопрос с Власовой, мы составили для Етуи таблицу иероглифов. Каждый иероглиф нашего «рецепта» означал определенное кушание, количество и время его приема. Для дозировки выдали ему градуированный стакан. Заставили Етуи вызубрить эту таблицу иероглифов. Тут же мы научили его приготавливать необходимые блюда из продуктов, которые мы ему отпускали.

Етуи в течение некоторого времени практиковал эту систему и чувствовал себя неплохо. За два года, без врача, у больного ни разу не было желудочных кровотечений.

Однажды он приехал к нам, и мы заметили в нем резкую перемену. Правая половина лица была мертвенно неподвижна, глаз был полуприкрыт, угол рта опустился, вся правая половина лица была длиннее левой, правая бровь опустилась ниже левой, лицо производило впечатление составленного из разнородных половин. Он нам сообщил, что у него отказывается работать одна половина тела. Видно, у него был приступ паралича, поразивший правую половину тела.

Непосредственно после удара он совершенно не мог двигаться. Рука не работала, глаз ничего не видел, правый угол рта он не мог закрыть, и изо рта постоянно вытекала слюна.

Происшедшее с ним крайне напугало и самого Етуи, и его семью.

Мы не могли точно выяснить, в чем тут дело, почему Етуи был разбит параличем, не знали также — какие лечебные средства нужно применить для лечения больного. Однако, нужно было что-то предпринимать, чтоб Етуи чувствовал, что мы его лечим и помогаем ему. Кроме того, мы постарались объяснить, насколько мы сами представляли, и ему и бывшим в это время на фактории эскимосам, что в болезни Етуи нет ничего сверхъестественного, что заболевание произошло от совершенно понятных, хотя и невидимых, причин.

Мы решили дать Етуи... валериановых капель. Вреда это не принесет, а самое главное — он будет знать, что мы его лечим.

Не то ему помогли эти валериановые капли, не то процесс сам по себе постепенно исчез, но во всяком случае через пару недель Етуи уже был работоспособен. Незначительная асимметрия лица еще осталась, но и она постепенно исчезла, и через месяц-полтора после заболевания Етуи был таким же нормальным человеком, как и раньше.

Практиковать наши медицинские знания на туземцах нам нужно было чрезвычайно осторожно. Удача порождала среди них громаднейшее доверие к нам, в случае же неудачи наш врачебный авторитет был бы сведен к нулю, и они перестали бы к нам обращаться. Кроме того, потеря доверия толкнула бы туземцев к суевериям. Поэтому в каждом отдельном случае, прежде чем решить, что предпринять, мы всегда тщательно обсуждали между собой намечаемые мероприятия.

Чтобы эскимосы не разуверились в нас, как во врачах, мне пришлось однажды возвратиться с дороги, не доехав до больного. Я был уверен, что он погибнет через день, максимум два после моего приезда. Зимой 1931 года жена эскимоса Тагью, Айнана, очень серьезно обожглась — на ней загорелось платье. Наш врач долго лечил ее. Весной

1932 года ее привезли на факторию, и несколько недель она была на попечении врача. Он сообщил мне, что Айнана уже в хорошем состоянии и может возвратиться домой, так как дальше его помощь не нужна. По последнему санному пути она уехала в свое становище. Но процесс, как видно, обострился, и к декабрю 1932 года больная чувствовала себя очень плохо. В разгаре полярной ночи за мной приехал ее сын Нанаун. Расспросив его о состоянии Айнаны, я быстро собрался, взял с собой все необходимое и отправился на реку Гусиную, где жил тогда Тагью. Но нам удалось добраться только до бухты Предательской — до юрты Етуи. Мы остановились у него на ночь. Пока мы спали, поднялся очень сильный ветер и в течение двух недель остервенело дул без перерыва, температура упала ниже 30 градусов.

На исходе второй недели в бухту Предательскую приехали Тагью и Кмо; они с Гусиной поехали на розыски Нанауна, думая, что он где-нибудь погиб. На Гусиной все время после того, как уехал Нанаун, стояла тихая погода, но за хребтами были туманы, и дул свирепый ветер. Когда они напились чаю и отдохнули, я выяснил, в каком состоянии находится больная. Из рассказов Тагью было видно, что больная находится при смерти. Я понял, что если опытный квалифицированный врач в условиях стационара, может быть, и смог бы сделать что-нибудь для спасения больной, то что мог сделать я, с моими куцыми знаниями, вернее без всяких знаний, в эскимосской юрте? Но если я приеду и больная погибнет при мне, эскимосы отнесут ее гибель на мой счет. Что делать? Ехать на Гусиную — значит потерять и тот ничтожный авторитет врача, какой мы к тому времени завоевали. Если не ехать, как объяснить Тагью мое возвращение с пути на Гусиную? Я долго думал, и пришел к заключению, что единственно правильным будет откровенное объяснение Тагью мотивов возвращения.

Я сообщил ему, что Айнана находится в таком состоянии, когда спасти ее уже нельзя, к тому же у меня нет

средств и возможностей поднять ее на ноги. Она умрет независимо от того, приеду я или не приеду. Но если я приеду и она умрет при мне, когда я начну ее лечить, то он, Тагью, и все остальные эскимосы будут думать, что она умерла потому, что я плохой доктор, и будут бояться лечиться у меня, а если она умрет без меня, они этого думать не будут.

— Да, начальник, ты говоришь правду, — согласился он со мной.

Позже я узнал, что больная умерла во время отсутствия Тагью. Если бы я приехал на Гусиную, я ее уже не застал бы.

Могу рассказать случай, когда мне пришлось выступить в роли... акушера, хотя никто из нас до того времени в этой роли не выступал.

Как-то мы с Власовой поздно над чем-то работали. В дверь постучали. Вошел Старцев.

— Ареф Иванович!

— Что такое?

— Синеми родила, и мы не знаем, что делать.

— И мы не знаем, что делать, — сказал я.

Но делать что-то нужно было. Стали рыться в книжках, искать, что нужно делать, когда рождается ребенок, как отрезать пуповину и так далее. Но как на-зло в книжках было много всяких теоретических рассуждений, а нужных нам практических указаний не было. Потолковав с Власовой, я вооружился ножницами, хирургическим шелком и отправился на место происшествия.

Обычно родовспоможение всем роженицам на острове оказывали «бабки», таких у нас было две. К врачу в этих случаях, как правило, не обращались, даже жена врача, Пувзяк, рожала под наблюдением «бабки» — своей матери Инкаль. Старцев обратился к нам не потому, что был очень высокого мнения о наших акушерских познаниях и опыте, а потому, что в это время под боком не было «бабки».

У эскимосов и чукчей женщина рожает сидя. Синеми

сидела на кровати, и перед нею лежало голенькое тельце крепкого мальчика. Мальчишка орал. Я обмыл руки и ножницы спиртом. Шелк постоянно находился в спирте. Отступя от живота на три пальца, перевязал потуже шелком пуповину и перерезал ее ножницами. Края разреза смочил иодом и легонько прибинтовал марлей. Вот и все.

Сделал я все это в течение двух-трех минут, но лоб у меня взмок, как от тяжелой и продолжительной работы.

Ребенок остался жить и рос здоровым пареньком.

Это был единственный случай, когда я принимал новорожденного.

Павлов отдыхает.

В разгаре зимы серьезно заболел Павлов. Он работал и кладовщиком и метеорологом, кроме того ежедневно, если не было очень сильного ветра, ездил за плавником. Ему, как и всем нам, хотелось слушать радио, поэтому он ежедневно не досыпал, перерабатывал.

Рабочий день наш в эту зиму складывался так: вставали в 6 часов утра, так как Павлов в 7 часов должен был

делать отсчеты на метеостанции. После этого запрягали и ехали за плавником и возвращались к 13-часовому отсчету. До вечера занимались разными работами, после обеда немного спали. Павлов же в 18 часов, в 21 и 1 час должен был делать отсчеты, поэтому он не имел возможности как следует выспаться. Несколько месяцев такой изнуряющей жизни при неполноценном питании к добру привести не могли. Я не досмотрел, что такой образ жизни может привести Павлова к очень неприятным последствиям. В результате у Павлова появился довольно упорный кашель и температура почти круглые сутки держалась выше 37°. По ряду признаков можно было заключить, что у него развивается какой-то процесс в легких. Мы его уложили на две недели в постель, запретили курение, изъяли у него табак, организовали определенную диэту, следили за тем, чтобы комната регулярно проветривалась и чтобы в ней было тепло. Всю его работу я взял на себя. Через некоторое время он стал себя чувствовать лучше. Потом мы разрешили ему выходить ненадолго на воздух, постепенно увеличивая время прогулок. В течение полутора-двух месяцев он пришел в хорошее состояние, прибавил в весе, температура была нормальной, улучшился аппетит. Курить он перестал. Наконец, Павлов заявил мне, что может работать.

Но и после того, как он приступил к работе, мы выдерживали его в определенном режиме. Следили за питанием, сном. Он ложился аккуратно в 22 часа, ночное наблюдение в 1 час ночи я вообще взял на себя, чтобы он имел возможность спать 8 часов без перерыва; слушанием радио он мог заниматься только до 22 часов, — мы рассказывали ему ежедневно о том, что мы слышали вчера. В общем, поставили его снова на ноги.

Сами мы тоже понемногу болели. Больше всего досаждали почки. Это объяснялось тем, что мы потребляли, в основном, мясо морского зверя, богатое пуриновыми телами. В результате, моча содержала большое количество уратов. Это нам удалось выяснить путем элементарных анализов.

Мы часто сажали себя на безмясную диэту, но долго выдержать на хлебе, гречневой каше не могли и до следующих недомоганий опять переходили на мясо. Чтобы не нагружать бесцельно почки, мы прекратили совершенно потребление богатых пурином перца, горчицы, чая, шоколада. Власова с середины зимы прекратила курение, я же хотя продолжал курить, но уже значительно меньше.

У нас обоих развились какие-то сердечные симптомы, очевидно невротического характера. Одно время у Власовой они были довольно острыми, я же испытывал их значительно меньше. Я лично для борьбы с ними время от времени применял, как я именовал, «сердечную гимнастику». Заключалась она в восхождении на вершину одного из холмов в медленном темпе — своего рода теренкур — с равномерным глубоким дыханием. Этим путем я избавился от одышек при восхождении, но сердцебиения остались. Правда, наблюдались они реже чем раньше и не так интенсивно.

Цынги и в этом году у нас не было совершенно. Ожидая, что эта страшная полярная гостья к нам пожалует, мы внимательно следили за собой и за туземцами, осматривали приезжавших к нам и расспрашивали о живущих с ними. Но мы не обнаружили даже начальных симптомов острой цынги.

Из витаминозных продуктов унас были, как мы говорили раньше, только два небольших боченка засахаренных апельсинов, вывезенных с «Совета», и немного засахаренных лимонов, присланных с мыса Северного. Потребление их я отнес на весенние месяцы, как наиболее опасные по цынге. У туземцев был заготовлен «Нуниваk» — сквашенная в бочке трава, собираемая летом. Они потребляют ее как гарнир к мясу. Несомненно, «Нуниваk» имеет противоцынготные свойства, в чем мы имели возможность убедиться весною 1934 года.

Не имея острых проявлений цынги. мы, тем не менее, замечали у себя некоторые явления, близко напоминаю-

щие явления, именуемые академиком Чистовичем «хронической цынгой». Они проявлялись в виде незначительной кровоточивости десен. Десна нормального цвета, не увеличена, но иногда, чистя зубы, мы замечали, что щетка чуть розовела, или иногда после нажатия пальцем на десну появлялся слабый кровяной след. Несколько раз во рту неожиданно появлялся тепло-соленый вкус. Впечатление такое, как будто бы где-то в десне лопнул сосуд и кровь хлынула струей. Кровотечения эти молниеносны; возникая неожиданно, они тут же прекращаются. Стоит два-три раза после этого сплюнуть, и слюна приобретает нормальный прозрачный вид. Чтобы ослабление десен не зашло слишком далеко, мы регулярно практиковали применение укрепляющих полосканий и смазываний.

Других признаков цынги у нас за все это время совершенно не было.

Глава XXV

ВЕСНА И ЛЕТО 1933 ГОДА

Четвертая зима прошла, в общем, благополучно. Никаких особенных происшествий у нас за время зимовки не случилось. Голода не было, хотя экономить во многом нам приходилось жестоко. Не было также, как уже сказано выше, и цынги. Промысел песца и белого медведя проходил нормально. Промышленники не были оторваны от своей основной работы — заготовки пушнины. Она была во-время сдана на склад в хорошем виде. Опять у нас в складе висело несколько сот хвостов, а на вешалах висели колеблемые ветром, желтевшие на солнце десятки медвежьих шкур.

Как мы и предполагали осенью, год в промысловом отношении был удачным. Несмотря на уменьшение охотничьих хозяйств, было выловлено 430 песцов. Собственно, выловлено было больше, но несколько некондиционных шкурок были оставлены у туземцев.

По медведю год был тише прошлого. В прошлом году было убито 128 взрослых медведей, в этом было добыто немногим больше полусотни. Заготавливались также моржевый клык и мамонтовая кость.

Четвертая зимовка была во всех отношениях удачной. Во всяком случае она не была хуже предыдущих.

Но вот зима прошла. Солнце уже высоко поднималось над горизонтом. Дни становились все длиннее и

ярче. Весна вступала в свои права. С наступлением ее мы, как и каждый год до этого, были заняты обычными весенними работами: копали канавы в снегу вокруг дома, чистили склады от снега. В общем, жизнь протекала на зимовке так, как будто бы ничего особенного не случилось. Единственное, чем отличалась эта весна от прошедших весен, это то, что мы каждый день внимательно следили за тем, что творилось на материке.

Прежде всего нас крайне интересовало, какое судно к нам пошлют, когда пошлют, кто пойдет на остров и делается ли вообще что-либо для подготовки экспедиции. Но, к нашему сожалению, сообщений об этом не было. Говорили о чем угодно, но только не об острове. Почти каждый день из Хабаровска сообщали об организации какой-нибудь экспедиции. Говорили об экспедициях в Уэллен, на мыс Северный, на мыс Шелагский, на Колыму, даже в бухту Провидения, но об острове Врангеля — упорно молчали, как будто бы его вовсе не было на карте.

Это упорное молчание будило у некоторых зимовщиков сомнения в посылке судна в этом году. Мне приходилось уверять сомневающихся. На материке прекрасно знают, что мы сидим без топлива, без многого необходимого, что помощь, оказанная нам самолетом, была неполной. Нельзя допустить мысли о том, что нас на материке забыли.

Убеждая в этом своих товарищей, я все же в тайниках сознания иногда сомневался. Мелькала мысль, что к нам могут послать малопригодное судно, как это было в 1932 или в 1931 году, сочетав рейс на остров Врангеля с какой-нибудь посторонней задачей.

Но все это было гаданием на кофейной гуще, потому что мы ничего не знали.

Переходя от сомнений к надежде, мы ни на минуту не прерывали работ по подготовке к приходу судна. Как и в прошлом году, мы с Власовой решили заготовить для

московского зоологического сада различных животных. В марте, когда проходил массовый убой весеннего медведя, мы заготавливали живых медвежат и заготовили их девять штук. Можно было бы заготовить больше, но мы устали, да и прихварывали понемножку. Так же, как и в прошлом году, мы имели песцов, полярных сов, леммингов.

Так же, как и в прошлом году — к приходу парохода «Совет» — мы тщательно упаковали наши коллекции и научные материалы.

Весна прошла, тундра совершенно освободилась от снега. Многие цветковые отцвели. В засушливых местах тундра уже успела выгореть. Лед на море все больше и больше раскисал, а о пароходе все еще сведений не было.

Как обычно, в середине июля лед от берега оторвало и угнало. Правда, он не ушел совсем, а стоял стеной на юге и на юго-западе и только с востока и юго-востока, куда хватал глаз, виднелась чистая вода. По всей видимости, ледовое состояние для навигации летом 1933 года было сравнительно благоприятным, а с востока прямо хорошее. «Судно к нам легко попадет, — думали мы, — даже если оно и не будет приспособлено для плаваний во льду».

Всем приезжавшим к нам эскимосам, особенно живущим по южному побережью, я давал указания тщательно следить за состоянием льда у берега и в море. Для этого я выдал им тетради, чтобы они по установленной мною форме записывали свои наблюдения. Понукать их в этом отношении нечего было, все они ждали судна с крайним нетерпением и прекрасно понимали, что успех рейса на остров зависит от состояния льда и точных сведений о нем.

Промысел моржа начали во-время. Несмотря на то, что мы собрались уйти этим летом с острова, однако, как и в прошлый год, мы стремились заготовить для наших преемников достаточное количество моржевого мяса.

В. Ф. Власова с собаками на прогулке (ранняя весна 1932 г.).

Промысел моржа проходил вполне удачно, и ни разу мы не возвращались с охоты без поклажи.

В прошлом году с весны наш моторный вельбот из-за пустяковых технических поломок не работал. Будучи на «Совете», я раздобыл необходимые инструменты и еще по осени 1932 года при помощи Павлова исправил мотор, и летом 1933 года моторный вельбот не имел и часа простоя.

Ничего не зная о готовящейся экспедиции к острову, мы с Власовой не собирались к отъезду и не укладывали вещей, полагая, что это можно сделать в любой момент. Но среди туземцев шли деятельные сборы к отъезду, словно пароход уже стоял у острова. Некоторые хозяйства собирались уезжать на материк. Для некоторых из них выезд был необходим во что бы то ни стало. Собирались выезжать Аньялик, Паля, Тагью. Аньялик с братьями по этой причине перебрался с моего разрешения из бухты Сомнительной в Роджерс и охотился с нами на моржей.

Сборы туземцев к отъезду повлияли на заготовку моржа. Собравшиеся уезжать считали, что мясо можно заготовлять только для текущих надобностей, а о зиме думать нечего, так как все равно мясом пользоваться не придется. Эти демобилизационные настроения перекидывались и на других туземцев и грозили сорвать заготовки мяса.

Каждому из них я неоднократно втолковывал, что они должны охотиться так же, как если бы и не думали уезжать с острова. Если будет пароход, мясо не пропадет, даже если не будет завезено новых людей. В этом случае я приму мясо на склад фактории и уплачу деньги. Но, кроме того, я им напоминал о прошлом годе, когда пароход был послан, и он был уже близко у острова, — мы его все хорошо видели, — а тем не менее он к нам не подошел. А ведь если бы мы тем летом не запасли достаточного количества мяса — у нас зимой был бы голод.

Это убедило их, и эскимосы стали серьезно охо-

титься. Благодаря этому во всех основных становищах были сделаны достаточные запасы мяса.

Так мы провели и вторую половину июля и первую половину августа. По радио говорили, играли, но о рейсе на остров ничего не сообщалось.

12 августа 1933 года мы с Власовой устроили генеральную стирку. Весь день работали и, закончив, отдыхали Находясь в комнате, мы услышали какие-то крики и вопли. Я выскочил на двор и увидел знакомую по 1932 году картину: люди орали и вопили, а с запада над землей летел самолет. Он вырастал, рос гул и рокот моторов и винтов. Самолет несся почти над самой землей. Вот он уже над нами, мы видим на фюзеляже и на плоскостях наше родное «СССР» и марку корабля — «Н — 8». Самолет сделал над нами круг и пошел на посадку.

Гурьбой, со всех ног, бросились мы на косу приветствовать прилетевших людей. Самолет, типа «Дорнье-Валь», подрулил вплотную к берегу, и из недр его появились люди. Прилетело четыре человека: пилот и командир самолета Леваневский, штурман Левченко и бортмеханики Крутский и Маторин. Крутский прилетал к нам в 1932 году с Обручевым.

— Ну, как прозимовали, как здоровье?

— Прозимовали мы сносно; правда, зимой было изрядно холодно, но зима прошла, и теперь ничего — тепло Особенно больных у нас не было, а понемногу прихварывали почти все.

— Если есть больные, я могу их с собой захватить на материк, — сказал Леваневский.

— Больных, которым нужен был бы срочный вывоз с острова на материк, у нас нет. Я на всякий случай спрошу людей, и, ежели найдутся желающие вылететь, не ожидая парохода, я сообщу вам.

С своей стороны я осведомился у Леваневского:

— Чем вызван ваш прилет на остров, кем вы посланы?

— Нас, собственно, никто не посылал на остров.

К вам летит другой самолет с пилотом Бухгольцем. Летит он на гидросамолете типа «Савойя». Я к вам прилетел случайно. Я вывозил из Анадыря на Аляску в Ном кругосветного путешественника летчика Маттерна, а потом, возвратясь оттуда, должен был, базируясь на мысе Северном, обеспечить ледовой разведкой суда Колымской экспедиции. Но к тому времени, когда мы прибыли на мыс Северный, суда Колымской экспедиции уже прошли, и поэтому надобность в разведке миновала. Так вот, товарищ Минеев, сидели мы на Северном, на лагуне и скучали. Знали мы, что вы сидите тут год без связи, и решили вас проведать. Снялись и полетели.

Мы сердечно поблагодарили товарищей за заботу о нас, за отзывчивость.

— Нет ли у вас случайно газет? — спросил я.

— Кажется, нет. Английские журналы есть, а наших как будто нет. Мы ведь не предполагали, что полетим к вам, поэтому не взяли.

Мы просили их, чтобы они пошарили у себя на самолете, и, если нет газет, то мы, мол, люди не гордые, не побрезгуем даже оберточной газетной бумагой. Но, к великому нашему огорчению, на самолете не оказалось даже обрывка газеты.

— Скажите, товарищ Леваневский, вы не знаете, какое судно к нам идет?

— К вам, кажется, идет «Челюскин».

— Что это за судно?

— «Челюскин» — это новый ледокол, построенный за границей и только что принятый.

— Это большое судно?

— Да, это очень крупный и мощный ледокол. Во всяком случае он значительно крупнее и мощнее «Красина».

Я сообщил Леваневскому, что в этом году с востока к нам подошел бы, судя по состоянию льда, не только ледокол. Но Леваневский сказал, что «Челюскин» идет с

запада Северным Морским Путем. Наши надежды несколько ослабели.

— «Красин» тоже, кажется, идет сюда, — сообщил Леваневский. — Точно, впрочем, не знаю: не то «Челюскин» идет сюда, а «Красин» его сопровождает, не то «Красин» идет, а «Челюскин» его только сопровождает, на всякий случай: ежели где-нибудь «Красин» заклинится во льду, то «Челюскин» поможет ему выколоться.

Опять наши настроения несколько поднялись. Путь, правда, далек, а льды тяжелы и коварны, но больно уж мощны посланные к острову суда, и, думалось нам, может быть, они пробьются.

По сведениям, часто получаемым от туземцев, живших и охотившихся на западе, я знал, что там лед очень тяжел и что подойти к острову с запада, по крайней мере в данный момент, крайне трудно, если не невозможно. Но, может быть, к тому времени или льды станут менее тяжелы, или судам удастся быстро пройти на восток к мысу Дежнева и потом уже идти по чистой воде к острову Врангеля.

Несмотря на то, что мы получили свежую информацию о походе к острову, детали этого похода для нас были совершенно неясны. Мы знали только одно, — что к нам идут с запада корабли. Как они идут, где сейчас находятся, этого мы не знали. По существу, мы знали почти столько же, как и до прилета Леваневского.

— Если у вас есть какие-нибудь грузы, требующие отправки на материк, я мог бы их захватить с собой.

— Если вы можете подождать до завтра, я за ночь приготовлю груз. Отправлю с вами песцов.

— Ждать я не могу. Мы должны торопиться и сегодня же вылетаем обратно.

— В таком случае послать с вами ничего не могу.

Я решил использовать прилет самолета для сообщения на материк о положении дел на острове. Я попросил Леваневского захватить с собой написанные мною теле-

граммы и постараться их передать по назначению. Я писал:

«Хабаровск, Далькрайисполком, копию Крайком партии. На острове Врангеля все благополучно. Зимовку провели удовлетворительно. Население, в основном, здорово. Упромышлено 430 песцов и 50 медведей. В этом году покидают остров три эскимосских хозяйства, дополнительно забросьте. Следует пополнить собачью стаю. С нетерпением ждем судна. Если на судне, идущем Врангель, будет радиотелефонная станция, прошу вызывать нас от 14 до 17 часов московскому времени. На острове есть приемник. В случае, если судно не сможет подойти к острову, совершенно необходимо вывезти с острова на самолетах большую часть европейцев, трех туземцев. Также дополнительно забросить продукты: сахар, соль, молоко, компот, мясные консервы. Лед в этом году значительно лучше прошлого года, но достаточно тяжел.

Минеев».

Кроме этого, не зная того, что у острова уже другой хозяин, я отправил телеграмму в адрес АКО. Нашим хозяином теперь являлось Главное Управление Северного Морского Пути.

Часов около 7 вечера летчики собрались обратно. Быстро запустили мотор и пошли на взлет. Набрав высоту, машина сделала прощальный круг над нами и взяла направление на материк. Самолет уже был за косой, но вдруг повернул обратно, пошел на посадку и скоро был опять у берега.

— Что случилось? Почему вернулись обратно?

Сошедший на землю Леваневский спокойно сообщил мне, что второй бортмеханик Маторин, наливая в радиатор воду, забыл закрыть спускной кран. Вода ушла, и вся охлаждающая система была пуста.

Внешне Леваневский был совершенно спокоен, но видно было, что он крепко сердит на виновника возвращения.

— Большой, а дурной, растрепал губы и забыл закрыть кран. Как только мы поднялись в воздух, я глянул на приборы, — они показали, что моторы начали греться. Крутский начал выяснять, в чем дело, и обнару-

жил пустоту в водяных баках. Пришлось возвратиться обратно.

— Можете ли вы, товарищ Минеев, быстро доставить для самолета ведер двадцать воды?

— Воды можно достать сколько угодно.

— Воды нужно пресной, хорошей, не тяжелой, чтобы в ней было немного примесей солей, иначе потом много волынки будет с промывкой радиаторов.

— Качеством воды будете довольны. Вода у нас не хуже дестиллированной. Я такой водой заливаю аккумуляторы.

По моему распоряжению, Павлов мобилизовал все взрослое мужское население, все ведра и банки, и через двадцать минут радиаторы были полны. Теперь уже кран был закрыт.

Опять заревели винты. Самолет быстро взмыл в воздух и через несколько минут потонул в синеве неба. Мы стояли на берегу и долго еще смотрели вслед самолету, хотя самолета давным-давно не было видно.

Опять мы одни...

Но теперь уже было легче. Мы знали, что к нам идут суда. Правда, идут путем еще непроторенным, путем, которым только несколько раз, и притом с огромными трудами, прошли отважные люди. Мы знали, что в ближайшем будущем к нам прилетит самолет. На самолете должна быть почта, кое-какие продукты. Это делало ожидание менее тягостным, чем было до прилета Леваневского.

Продолжаем промышлять моржа, работаем по хозяйству. Вот уже конец августа. Сведений нет никаких. Скоро наступит сентябрь, а за ним придут холодная осень и зима. Обещанного самолета тоже нет.

31 августа я и Власова шли берегом бухты, отыскивая выброшенных приливом животных и водоросли. Я поднял глаза и увидел далеко над самым горизонтом странную птицу.

— Смотри, Варя, вон летит чайка, издалека чрезвычайно напоминающая самолет.

Колония о. Врангеля в бухте Роджерс (лето 1933 г.).

Поглядев на заинтересовавшую нас птицу, мы пошли дальше.

Через несколько мгновений мы услышали позади себя у юрт громкие крики. Мы повернулись и поняли, что летит самолет. То, что я принял за странную птицу, был самолет. Он уже был довольно близко, и в тишине слышался слабый рокот моторов, все время нараставший.

Самолет был почти над нами. Это был большой, как нам удалось рассмотреть, трехмоторный поплавковый самолет. На фюзеляже мы прочли «СССР — Н — 4». Через некоторое время самолет, покружив над факторией, взбаламутил воду и подошел к берегу. Из самолета начали выходить люди. Мы увидели Г. Д. Красинского, бывшего у нас в 1932 году. Остальные были незнакомы. С ним пришли: летчик Куканов, второй пилот Чернявский, бортмеханики Шадрин и Демидов и радист Траутман.

Когда люди сошли на берег и закончились первые приветствия, я спросил у Красинского:

— А Бухгольц отложил полет, что-ли?

— С самолетом Бухгольца и с ним самим случилось большое несчастье, — сообщил нам Красинский. — По пути на восток произошла авария, самолет и весь экипаж погибли.

Позже Красинский показал нам вырезку из газеты, говорившую об этой безвременной гибели одного из лучших наших пилотов...

Когда закончили возиться с самолетом, я пригласил прилетевших «отведать хлеба-соли».

— Привезли мы вам несколько сот кило некоторых продуктов, — сказал Красинский.

— А газет не привезли?

— Немного привез. Я ведь не думал быть у вас. Захватил на всякий случай немного.

— Спасибо и за то, что привезли. В нашем положении любой обрывок газеты — ценность великая.

Угощая летчиков нехитрой снедью, приготовленной Власовой тут же на примусе и состоявшей, в основном,

из моржевой печенки, лахтажьего мяса — этих основных наших «деликатесов», мы расспрашивали товарищей обо всем, что нас интересовало.

— Товарищ Красинский, где находится сейчас «Челюскин»?

— Не знаю. Мне неизвестно, где он, хотя я и пытался это выяснить. Могу только сказать, что сейчас его нет еще в устье Колымы. Он где-то на западе, но где — не знаю.

— А «Красин»?

— «Красин»? Он на западе и сюда не идет.

— Как не идет?

— Он проводит Ленскую экспедицию и сюда идти не должен.

— Вот тебе фунт! Нам Леваневский сообщил, что и «Челюскин» и «Красин» идут сюда, только он не мог точно сказать: не то «Челюскин» идет сюда, а «Красин» его сопровождает, не то наоборот.

— То-есть, как это так «Челюскин» ему помогает? Ведь «Челюскин» не ледокол! Это крепкое транспортное судно для плавания во льдах, и помочь «Красину» во льдах он не может.

Прилетевшие товарищи информировали нас более полно.

Узнав, что «Челюскин» не только не сильнее «Красина», но что он и не ледокол, а обычное коммерческое грузовое судно, — правда, специально построенное для плавания во льдах, и зная состояние льда к западу от острова, я понял, что и в этом году нам корабля не видать.

— Товарищ Минеев, — обратился ко мне Красинский, — надо выгрузить все, что мы вам привезли. Кроме того, я предполагаю сделать еще один рейс на остров. Завтра самолет пойдет обратно, я же останусь здесь. С мыса Северного самолет возьмет нужный вам груз; чтобы использовать всю грузоподъемность, сюда приле-

тят только двое: Куканов и старший бортмеханик Шадрин, а потом мы возвратимся обратно.

— Это хорошо, я составлю списки необходимых нам товаров. Хорошо было бы, если бы был не один, а два-три рейса. Думается мне, что и в этом году мы парохода не увидим и что придется нам сидеть пятый год.

— Еще один рейс сделать мы не можем, — в один голос заявили Красинский и Куканов, — у нас есть еще другие задания, которые необходимо выполнить.

— Жаль.

— «СССР Н — 4» будет круглый год базироваться на мысе Северном, — сказал Чернявский, — поэтому не исключена возможность его прилета к вам в течение поздней осени или с началом весны.

— Это уже веселее. Ивась, — позвал я Павлова, — возьми людей и прими с самолета все, что привезли. Напиши на имя Красинского расписку на принятое.

Комната разгрузилась от людей.

— Товарищ Минеев, я хочу вас сменить, — обратился ко мне Красинский. — Я привез вам смену.

— Ну? Смену привезли? Это неплохо. Кого же вы привезли?

— Наш радист Траутман и второй бортмеханик Демидов останутся вместо вас, а вас мы вывезем. Все же, как-никак, вы прожили здесь четыре года, при чем нелегкие четыре года: то с сумасшедшим, то без топлива. Устали вы, наверное, измотались страшно. Вам надо отдохнуть.

— Верно, устали мы порядком, и надоела нам до чортиков оторванность от материка и культурной жизни. Все это правильно. Вы что, имеете полномочия меня сменить?

— Полномочий я не имею. Я это сам решил сделать, зная, что вам здесь тяжело и что в случае, если не подойдет корабль, то зимовать вам пятый год, пожалуй, невозможно будет.

— Видите ли, товарищ Красинский, все это так. Но ежели вы не имеете полномочий, чтобы меня сменить, то сдать остров не могу. Ни вам, ни Траутману.

Он согласился со мной, и вопрос о смене был снят.

Еще после отлета Леваневского мы обсуждали с Власовой, как нам быть в случае, если «Челюскину» не удастся добраться до острова. И мы дотолковались, что если судна не будет и не будет нормальной смены или приказа покинуть остров, мы должны остаться на пятый год. Несмотря на то, что мы прекрасно видели всю трудность возможной зимовки и перспективы рисовались нам самые мрачные, иного выхода не было.

Предложение Красинского, таким образом, не застигло меня врасплох. Легче было согласиться просто покинуть остров, чем согласиться на такую внеплановую смену. Люди, предназначавшиеся для замены, раньше на севере не были, — если не считать севером Иркутск, — новичку же справиться с предстоящими трудностями было бы значительно труднее. Мы не были дезертирами ни с одного участка работы, порученного нам большевистской партией и советской властью. Уйти же с зимовки в такой момент мы считали дезертирством, хотя, вероятно, ни у кого не нашлось бы смелости упрекнуть нас за уход с острова.

— Если вы не хотите уходить с острова, я могу оставить вам этих людей для установления связи.

— Это другое дело. Связь — штука важная, об этом стоит подумать.

Красинский обиделся.

— Ну, вот странные вы люди. Предлагаю вам свежих людей, чтобы они установили связь, а вы говорите «об этом стоит подумать». Как будто вам не нужна связь!

— Неверно, товарищ Красинский, и связь нам нужна, и новым людям мы очень рады, но вы должны учесть, что, находясь в крайне трудных условиях, в каких находимся мы, прием всякого лишнего человека, даже и очень нужного, чреват многими осложнениями. Нужно крепко

подумать, прежде чем решиться оставить на острове двоих людей. Люди они новые, на севере не бывали. Привыкнуть к суровым условиям им будет очень трудно. Фактически вся забота о них будет лежать на наших плечах.

Мы обсудили это предложение с Власовой и решили, что, как нам ни трудно будет, — два новых человека потребуют уменьшения и без того полуголодного пайка; нам придется больше работать, уделять много внимания новым людям, — однако, связь с материком нас так прельщала, что мы решили поступиться личными удобствами и пойти на всяческие невзгоды и принять предлагаемых Красинским людей. После обсуждения я сообщил ему, что мы согласны оставить Траутмана и Демидова.

В присутствии Красинского, Куканова и других я обратился к Траутману:

— Так вот, товарищ Траутман, вы остаетесь здесь у нас в качестве радиста. Вы хорошо знаете это дело? Сможете наладить связь с материком?

Мой вопрос, как видно, задел его, и он ответил мне обиженным тоном:

— Если я берусь за дело, значит, я его знаю. Связь я вам налажу через три дня после отлета самолета.

Я был удовлетворен.

Я счел необходимым предупредить и Траутмана и Демидова, что в случае зимовки я не могу обеспечить им хорошего питания, что основой питания будет мясо морского зверя, хлеб да каша; предупредил я также и об отсутствии топлива и керосина для освещения, так что возможны холод и темнота. Они мне ответили, что об этом их предупредил Красинский и они знают, на что идут.

Коль скоро у меня возникли сомнения в приходе к нам судна, я решил отправить людей, которых надлежало отправить на судне, с самолетом. Всего на этот раз с острова должно было уйти одиннадцать человек, из них шестеро взрослых и пятеро детей. Должен был покинуть остров Павлов, — состояние его здоровья требовало отъезда, — кроме него и его семьи, необходимо было вы-

везти с острова эскимоса Аньялика с семьей и двумя взрослыми братьями — Югунхаком и Пинехаком.

В первый рейс, то-есть когда Куканов должен был возвратиться на мыс Северный за продуктами, я решил отправить Аньялика с домочадцами, а во второй рейс — Павлова.

Я также решил отправить на материк наличный запас пушнины. Песцовых шкурок было немного — 430 штук, но и это количество нужно ухитриться сохранить, а так как я уже тогда решил зимовку перебросить на север, ближе к дровам, а на Роджерсе все законсервировать, то можно было ждать, что часть пушнины, несмотря на все наши усилия, может погибнуть.

Павлов и Старцев с помощью туземцев в одну ночь упаковали всю пушнину. К утру она была готова к погрузке.

На другой день, 1 сентября, самолет должен был лететь. Обсудив как следует с Власовой положение зимовки, мы пришли к заключению, что надеяться на приход к нам «Челюскина» нечего и поэтому мы не имеем права сидеть сложа руки и ждать у моря погоды. Нужно предпринимать какие-то меры для того, чтобы предстоящая — пятая — зима не застала нас неподготовленными и невооруженными для борьбы с трудностями.

Придя к такому заключению, я решил послать следующую телеграмму на материк в Крайисполком и Крайком партии:

> «По моему убеждению надежд на прибытие к Врангелю парохода «Челюскин» нет. Несмотря на заброску минимальных запасов самолетом «Н-4», предстоит пятая зима в архитрудных условиях. По причине отсутствия топлива, начинаю переброску зимовщиков на северную сторону острова, где есть плавник. Придется строить зимовья из плавника, по возможности оборудовать их для перенесения зимы. Жилые помещения, склады в бухте Роджерс законсервирую со всем содержимым. Всего этого можно избежать при условии посылки какого-либо судна, находящегося в данное время у Дежнева с грузом угля максимум 30 тонн. По условиям льда судно может свободно подойти к острову к северу от Геральда. У острова Врангеля — чистая

вода. По сообщениям туземцев, в указанном районе лед ушел в средине августа. Расстояние от Дежнева до Врангеля двое ходовых суток при хорошем море. По состоянию моря можно думать, что образование льда начнется не раньше конца сентября. Времени мало, но при быстром разрешении вопроса хватит. Благодаря заброске самолетом «Н-4» необходимейших продуктов и вывозке больных, дополнительная заброска угля обеспечит относительно благополучное проведение зимы. Без доставки топлива не могу поручиться за благополучное проведение пятой зимовки.

Минеев».

1 сентября эта телеграмма с Кукановым была послана на материк.

Имел ли я право ставить так вопрос? Мог ли я утверждать, что надеяться на приход «Челюскина» нельзя? И мог ли я утверждать, что судно, посланное от Дежнева, беспрепятственно дойдет до острова Врангеля? В то время, когда я совещался с Власовой и обдумывал этот животрепещущий для всех нас вопрос, я не знал целого ряда обстоятельств. Они только несколько позже выяснились и подтвердили мою правоту. Но я рассчитывал так: если будут приняты указанные мною меры и «Челюскин» к нам дойдет, больших убытков государство не понесет. Если же меры эти не будут приняты и «Челюскин» не дойдет, нам будет крайне трудно. Уже одно это соображение давало мне основание и право просить помощи помимо «Челюскина».

Сообщение Красинского, вылетевшего с материка 31 августа, о том, что местонахождение «Челюскина» неизвестно и что его во всяком случае нет близко к устью Колымы, дало мне понять, что корабль к нам не попадет, тем более, что, по сведениям прилетевших, у северных берегов материка лед очень тяжелый и надеяться на быстрое продвижение там судна — нельзя. У острова в конце сентября, как правило, уже невозможно плавать. Бухта обычно становится в середине сентября, а море замерзает в начале октября, только иногда бурная погода взламывает молодой лед, угоняет его далеко к югу, но как только ветер прекращается, в 2 — 3 спокойных дня море по-

крывается таким крепким толстым льдом, что свободно можно ездить по нему на собаках.

Наконец, мы сами этим годом, во время промысла моржа, часто уходили далеко к востоку и видели состояние льдов там.

Эскимосы, приходившие с севера, наблюдали с высот состояние моря и, по их утверждению, к востоку от острова Врангеля лед был легкопроходимым. Относительно состояния льда на востоке я получил уже 8 сентября сведения, которые точно подтвердили мои предположения. Павлов, вылетевший 3 сентября с острова Врангеля, прислал по моей просьбе с мыса Северного подробное сообщение с планом расположения льда у острова Геральд и в проливе между островами Врангеля и Геральд. К югу от острова Геральд отходила полоса битого разреженного льда. Севернее и восточнее острова Геральд лед имелся только отдельными небольшими сравнительно скоплениями, разделенными друг от друга расстоянием во много миль.

Павлов писал мне, что от острова Геральд до бухты Сомнительной и дальше на запад они шли на высоте 900 метров. К югу от Роджерса и на запад был виден очень тяжелый паковый лед. Таким образом то состояние льда, которое я рисовал себе на основании сведений, полученных от туземцев и личных наблюдений, подтвердилось разведкой, произведенной по моей просьбе Павловым.

Павлов имеет долгий опыт и вряд ли мог ошибиться. Последующие события с «Челюскиным» и другими судами, зимовавшими на побережьи, целиком и полностью подтвердили наши соображения.

Во второй рейс самолет дополнительно завез нам заказанные нами продукты и забрал на обратном пути Красинского и Павлова с семьей.

Мы остались с Власовой. Кроме того, с нами были два свежих человека: радист Траутман и моторист Демидов.

Впереди — пятая зима.

Глава XXVI

ПЯТАЯ ЗИМОВКА

На материк пошла телеграмма о том, что в случае неприхода судна мы с женой остаемся на пятый год. Одновременно намечалась организация самой зимовки.

Население острова, как было уже указано, уменьшилось на 11 человек. Среди уехавших был опытный промышленник Павлов, проживший с нами 4 года, помощь которого в трудную минуту бывала ощутительной. С нами были Траутман и Демидов, оба — впервые попавшие на север, да еще при таких трудных условиях. Это влекло с собой лишние тяготы. Нужно было постоянно думать о них и следить, чтобы они не зацынговали.

Со стороны материального обеспечения мы находились в еще худшем положении, чем в прошедший год.

На самолетах было привезено очень мало, населения же, вместе с нами, было 52 человека. У нас имелся достаточный запас муки, риса и масла. Мяса добыть можно было сколько угодно. Но особенно были плохи дела с топливом. Уголь отсутствовал совершенно. В прошлом году неподалеку была хоть кое-какая древесина. В этом году и ее не было. Места с большими запасами плавника находились далеко. До мест на северном побережье, богатых древесиной, было самое меньшее 60—65 километров. Возить дрова на собаках через хребты, да еще зимой, — дело почти неосуществимое. По южному

побережью плавник был самое близкое в бухте Предательской — в 70—75 километрах от фактории. Хотя дорога морем легче, чем в горах, все же из-за частых ветров и пург и оттуда возить дрова трудно. Наконец, в прошлом году у нас был достаточный запас керосина, теперь же и керосина оставалось всего около 80 килограммов. Рассчитывать на керосин, как на отопительный материал, нечего было; его и для освещения хватит ненадолго. У нас, правда, было несколько тонн бензина, но использовать его для отопления надо умеючи. Поэтому, размышляя о топливе, я его во внимание не принимал.

Лишения в наступавшем году предстояли большие. Утешением было одно: при жесточайшей экономии, при установлении твердых норм на продукты питания, можно было... не умереть с голоду. И только. Скверно было с витаминозными продуктами. За исключением трех килограммов засахаренных лимонов, и то не менее чем трехлетней давности, у нас ничего не было. Я сообщил тузем-

цам, что у нас витаминозных продуктов нет, и предложил им заготовить «нунивак» и другую траву, употребляемую как противоцынготное средство. Но главное — топливо. Прожить зиму без топлива трудно и в низких широтах. За полярным кругом топливо, как и продукты питания, является основой человеческого существования, а этой основы мы почти не имели.

Еще в телеграмме от первого сентября я писал, что в случае неприхода судна придется перебросить зимовку на север. Топливо было и на южном побережье, в бухте Предательской, но если там могло хватить древесины для топлива, то для постройки жилья материала не было совершенно. Чтобы перебросить туда зимовку, нам нужно было построить четыре юрты.

Несмотря на то, что юрты были запроектированы микроскопические, для них все же нужно было много плавника, необходимое количество которого мы могли найти только на севере. Как только улетели самолеты, я

Наш дом (осень 1933 г.).

составил списки необходимых материалов для производства работ на севере. Демидов, по моему предложению, проверил большой лодочный мотор и подготовил его к длительной работе. Кроме того, я решил приспособить на кунгас прицепной мотор, дабы кунгас легче было буксировать. Это Демидов срочно сделал с помощью Старцева и Таяна.

Все предназначенное для переброски на север было собрано у берега в удобном для погрузки месте. Груз был заранее распределен по посудинам.

Через день-два после отлета самолетов я мог бы уже двинуться на север, но мы ждали ответа с материка на мое предложение послать вспомогательное судно от мыса Дежнева. Я просил Комитет Севера сообщить нам через Хабаровскую широковещательную станцию о намеченных мероприятиях.

5 сентября перед вечером я находился в кухне. Вдруг Власова открыла дверь из комнаты и каким-то странным голосом крикнула:

— Нас вызывают!

Я закончил работу и пошел к себе в комнату.

— Кто нас вызывает?

Но Власова толком ничего не могла сообщить, вызов ее застал врасплох. Первый раз за четыре года нас, именно нас, а не кого-нибудь другого, вызывали по радио с материка. Поэтому Власова так растерялась, что не разобрала как следует, в чем дело. Несмотря на то, что мы знали о вызове и ждали его, вызов все же был необычен. Как странно было услышать мое имя, произносимое репродуктором!

— Остров Врангеля! Остров Врангеля! Вызываем остров Врангеля! Товарищ Минеев, товарищ Минеев! Слушайте после наших передач сообщение Крайисполкома.

Конец передачи по нашим часам происходил около трех часов ночи. Мы сидели до конца передачи и слушали. Наконец, нас еще раз вызвали и сообщили:

«Товарищ Минеев, ваша радиотелеграмма получена

Крайисполкомом через пароход «Микоян». «Челюскин» первого сентября 1933 года прошел мыс Челюскина, идет против устьев Лены к Новосибирским островам. Красинскому даны указания о заброске вам продовольствия. Принимаем меры к отправке парохода с просимым вами топливом. Привет, Комитет Севера».

Кроме этого 7 числа обещали сообщить окончательные результаты о посылке судна.

Я не счел возможным уехать из бухты Роджерс до получения окончательного ответа с материка. Если к нам будет послано судно, то мое присутствие на фактории будет необходимо. Кроме того, незачем было бы городить огород с поездкой на север и отрывать много людей от работы.

Мы с нетерпением ждали наступления сентября.

Но вот пришел и условленный день, но нас не вызывали. Восьмого также.

Не получив окончательного ответа, я решил выйти на север 9 сентября. Дальнейшее ожидание могло причинить нам много всяких неприятностей.

Время уходило. Уже стояли довольно ощутительные морозы, бухта временами покрывалась салом, море в некоторых местах стеклянело молодым льдом.

Утро 9 сентября не сулило ничего хорошего. Темное облачное небо посылало на землю порции влаги в виде неразличимой глазом водяной пыли. Ветер взбаламутил море, и оно казалось темным и холодным. Редкие беляки льдин нарушали мрачную однотонность, но и это не уменьшало сумрачности картины. Хорошо, что хоть льда было мало и мы, по всей видимости, могли еще проскочить на север.

Я отправился в сопровождении Демидова, Старцева, Таяна, Кивьяна и Нанауна. В бухте Роджерс оставалась Власова, несшая обязанности метеоролога. Моим заместителем остался Траутман. Я написал ему специальную инструкцию. Главное, что ему было поручено, это установить в кратчайший срок связь с материком. В этой ин-

струкции я постарался предусмотреть мероприятия на случай прихода «Челюскина», угольщика или прилета самолетов.

Часам к десяти, закончив все приготовления, мы двинулись на север. Подходя к мысу Гавайи, встретили первых вестников льда в виде отдельных льдин, медленно двигавшихся навстречу нам. Чем дальше шли мы вперед, тем больше и больше встречали льда, довольно быстро двигавшегося нам навстречу.

У косы Скурихина лед был уже настолько густ, что двигаться дальше без опасности потерять посудину было невозможно. Я решил «повернуть оглобли». Начали вовсю уходить, но лед не отступал. Он следовал за нами, и просвет между нами и льдом не увеличивался.

Когда мы подошли к лагуне реки «Нашей», поднялось довольно большое волнение, еще больше затруднившее наше движение. Я решил оставить кунгас в лагуне реки, поставив его на якорь, а самим на вельботе поскорее уходить в бухту Роджерс. Пока мы ставили кунгас на якорь, лед подошел вплотную, и мы еле-еле ушли из его цепких, холодных объятий.

9 сентября нас вызвали, но ничего путного сообщить не могли.

Вернувшись, я занялся разработкой плана похода на север пешком. В тундре снега совершенно не было, и ехать на собаках было невозможно. Отход назначили на 12-е. Я составил подробнейший список всего, что нужно было взять. Все нужно нести на самих себе. Кроме самого необходимого инструмента и очень небольшого количества строительных материалов в виде гвоздей и моржевых желудков для окон, ничего с собой не думали брать. Весь наш груз состоял главным образом из продуктов питания и одежды.

Все намеченное к переноске было тщательно взвешено и разложено. Каждый участник похода имел одинаковый по весу компактный тюк. Кроме этого обязательного груза, каждый из нас должен был озаботиться

одеждой и специальными принадлежностями для себя. Кукулей тащить мы, конечно, не могли, приходилось устраиваться сугубо по-походному, палатку также брать не решились.

Днем одиннадцатого на горизонте показался самолет. В бинокль я определил, что летит «Н—4». Шел он довольно высоко и направлялся на восток. Часа через полтора он появился вновь и сел на бухту. Она во многих местах уже покрылась салом, и машина долго выбирала удобное для посадки место.

Прилетевший на самолете Красинский сообщил мне, что угольщик пока еще к нам не идет.

— А где сейчас находится «Челюскин»?

— У устья Колымы. Мы делали разведку льда для него.

— Хороший лед или плохой?

— Результаты разведки неутешительные.

— А имено?

— На запад от бухты Роджерса и дальше льды совершенно непроходимы. На востоке положение тоже изменилось к худшему. Лед поджало к берегу и довольно сильно сплотило. Если не задует NW или W, то и здесь проходимых фарватеров не будет.

— А каков лед у материкового берега?

— Лед у побережья, который мы видели, хоть и проходим, но все же достаточно тяжел.

— Из этого можно сделать вывод, что мы не можем питать особых надежд на приход «Челюскина»?

— Если положение льда останется таким же, то вряд ли судно в этом году доберется до вас.

«Надо ехать на север, — думал я, — иного выхода нет, хотя и этот выход заставит хватить горя».

Рано утром 12 сентября самолет от нас ушел.

В этот день неожиданно пошел снег. Тундра быстро побелела. Я решил подождать, так как даже небольшой снег на тундре давал возможность двигаться на собаках, а это уже меняло к лучшему план нашего похода; мы

могли взять с собой значительно больше строительных материалов, продуктов и спальные принадлежности. Работоспособность людей и продуктивность труда значительно возрастали.

Пока шел снег, мы срочно готовили нарты, проверяли упряжь, лежавшую без дела в течение всего лета и не у всех бывшую в порядке.

В ночь на 13-е снег перестал падать, но остался лежать на тундре. Рано утром, еще в темноте, я разбудил всех спутников, и мы быстро собрались к отъезду. Я решил взять с собой из новых людей только Демидова. Траутман заверил меня, что самое большее через три дня связь с материком будет установлена.

13, 14 и большую часть 15-го мы с большим трудом продвигались через горы к назначенному месту. Снега в горах совсем не было. Там, где можно было пользоваться руслами рек со старыми залежами снега, мы двигались сравнительно быстро, но на перевалах, на взлобках и на вершинах холмов снега не было, и собаки не могли собственными силами тащить нарт, хотя и не тяжело нагруженных. Каждый из нас становился в таких случаях тяговой силой. В некоторых особенно трудных местах мы перетаскивали каждую нарту соединенными усилиями упряжки собак и всех людей.

Наконец цель нашего путешествия достигнута. Я решил устроить зимовье на северной стороне, у юрт живших там ранее эскимосов. К этому времени там оставалась только юрта Аналько, жившего со своими сыновьями. В тот же день, как мы приехали, я послал Анакуля за байдарой, которая находилась в заливе Дублицкого у мыса Литке, так как другой пловучей посудины в этом месте не было. Поздно ночью Анакуля возвратился с байдарой, и чуть свет я поднял всех людей, и мы отправились на заготовку плавника.

Трудность этой экспедиции состояла в том, что плавник не находился в каком-либо одном месте. Его разбросало на косах, отделенных от материкового берега до-

вольно широкими бухтами; эти бухты не имели ни одного перешейка, соединяющего их с косами. Поэтому древесину приходилось доставлять к месту постройки по воде.

В течение целого дня соединенными усилиями всех людей мы обходили громадные территории кос, выискивая все пригодное для построек. Отбирали, распиливали на нужную величину, складывали в компактные, удобные для погрузки кучи. Все негодное для построек мы складывали отдельно. Это — топливо для будущей зимовки.

На следующий день одни занялись доставкой плавника на байдаре, другие подготовляли площадку для строительства. Копался необходимый котлован. Когда начал поступать лес, его раскалывали пополам на плахи и грубо обтесывали, получая тем самым «вдвое больше» материала. Толщина стен особенно большого значения не играла, так как поверх стен и потолка должна была быть насыпка из песка. Таким образом каждое жилье наше представляло по проекту песчано-глинистый холм с двумя отверстиями для окна и двери.

Строительство подвигалось быстро, но в самый разгар работ, 19 сентября, неожиданно ударил крепкий мороз градусов до двадцати. Опресненный слой воды на поверхности бухты замерз, и бухта покрылась довольно толстым звонким льдом. Человека выдержать он еще не мог, а для нашей байдары представлял непреодолимое препятствие. Работы прекратились. Возить плавник стало невозможно, и из заготовленного дерева мы ничего еще построить не могли. Нужно было ждать или полного ледостава, чтобы возить плавник на санях, или искать какой-то другой способ доставки его. Ждать, вообще говоря, можно было, но ожидание грозило опасностью: вместе с водой замерзала и земля. И к тому моменту, когда можно будет возить на санях лес, строить уже нельзя будет, — земля превратится в монолит. С крупными мерзлыми глыбами мы ничего не сумеем сделать.

Ночью все люди, истомленные дневной работой, крепко спали. Я же ворочался в своем кукуле и до боли

Становище эскимоса Аналько на северной стороне острова (осень 1933 г.).

Подготовка материала для постройки зимовий (осень 1933 г.).

в висках думал о том, что делать. Оставаться здесь? Рискованно! Мы и тут ничего не сделаем, и упустим время подготовки к зимовке на Роджерсе. Ехать на Роджерс? Как же там устроить зимовку без топлива?

Решил возвращаться. Как ни трудно нам будет, но там все же есть жилье, хотя и нет «только» топлива. Я решил устроить зимовку в аграх — меховых комнатах.

Утром, разбудив людей, я тут же сообщил им о своем решении. Обсудил со Старцевым, Таяна и Кивьяна возможность зимовки в аграх, и они нашли мое предложение правильным.

Тут же, не теряя времени, мы запрягли собак и двинулись на юг. Чтобы облегчить нарты, часть ненужного нам сейчас груза оставили на севере, вверив его попечению Аналько. Лес, заготовленный нами в довольно значительном количестве, я струппировал, сложил в костры, пересчитал и поручил Аналько сохранить его и ни в коем случае не сжигать. Зимой придется ездить в разные стороны за дровами. Имея же здесь приготовленные сухие дрова, можно было, хоть и с трудом, вывезти их на Роджерс.

Через два дня мы были на фактории.

В наше отсутствие 15 сентября на остров на самолете прилетел Отто Юльевич Шмидт с новым начальником острова Буйко. Самолет шел на остров Врангеля с целью разведки льда с запада, оставив «Челюскин» где-то у мыса Биллингса. Лед в западном секторе острова, по наблюдению прилетевших, был для «Челюскина» непроходим. Будучи уверены, что «Челюскин» этим летом все же достигнет острова Врангеля, они ничего нам не привезли, кроме подарка лично мне и Власовой — двух бутылок «Боржома», коробки шоколада и нескольких десятков луковиц. Они рассказывали, что хотели взять с собой ящик лимонов, но из-за перегрузки самолета лимоны пришлось выгрузить.

Буйко в сопровождении Траутмана осмотрел хозяйство, насколько можно это было сделать в такое корот-

кое время. Он обошел все строения и осмотрел склады, открытые для него Траутманом.

О. Ю. Шмидт, не застав меня на Роджерсе, выражал сожаление и осведомлялся у Власовой, почему я не поменял с отъездом. Власова сообщила ему, что мы ничего не знали о его прилете. В беседе Отто Юльевич выражал твердую уверенность в достижении острова. Шмидт спросил у Траутмана, как обстоит дело со связью и скоро ли он надеется установить ее с материком.

— Связь, Отто Юльевич, будет установлена через три дня, — отрапортовал Траутман.

На другой день рано утром самолет улетел.

Вернувшись на факторию, я всерьез занялся организацией зимовки. Прежде всего я спроектировал агры и рассчитал, какое количество оленьих шкур на них потребуется. Размеры агры я установил следующие: 3 метра длиной, 2,7 метра шириной и 2,2 метра высотой. На каждую полную агру должно было уйти от 35 до 45 так называемых «постелей» — шкур взрослого оленя. Агры, в отличие от эскимосских и чукотских, я решил сделать жесткие, то-есть не в виде полога, — шатра с колеблющимися стенами, а в виде почти нормальной комнаты.

Вообще говоря, меховые агры, как зимнее жилье, распространены на Чукотке давно. Применение их не было ни в малейшей степени новинкой, но тот вид агр, которым пользуются туземцы, мы применить не могли. Агры в туземном жилье представляют собою полог в полном смысле этого слова. Это больший или меньший меховой мешок, шерстью наружу, подвешиваемый за углы к четырем стоякам, или к углам основного жилья. Стены свободно свешиваются до самого пола. Дверей и окон или вентиляционных отверстий такой мешок не имеет. Обычно агра — ниже роста человека, и поэтому даже низкорослый эскимос не может в ней выпрямиться. Все концы свисающих стен, за исключением одной, укрепляются к полу вещами, находящимися в агре. На полу разостланы оленьи

шкуры, служащие и мебелью и постелью. Вход и выход осуществляется через ту стену, низ которой у пола не закреплен. Входить и выходить можно только ползком.

«Отапливаются» агры, как правило, жировиками. Эскимосский и чукотский жировик представляет собой сосуд из обожженной глины с выступом посредине, разделяющим его пополам. В сосуд наливается ворвань. Особого вида мох, высушенный и заготовленный впрок, размельчается при помощи ножа в труху. Эта мелкая труха насыпается в жировик, и, когда она пропитается жиром, ее собирают деревянной лопаточкой к одному краю лампы и поднимают над жиром в виде продолговатого валика. Этот валик, пропитанный жиром и постоянно всасывающий его, горит как фитиль. Если за жировиком тщательно следить и часто поправлять, он горит довольно ярким пламенем, почти без копоти; но как только за ним перестанут смотреть, он сейчас же начинает чадить и вонять.

Но большую часть тепла в агре дают не жировики, а теплота людских тел. Обычно в эскимосской агре до того тесно, что люди живут буквально друг на друге. От испарения голых тел в агре становится жарко. Эскимосы находятся в аграх, как правило, без одежды: женщины имеют только узенькую набедренную повязку, мужчины — чаще в брюках, но без рубах, дети же толкутся совершенно нагие, сверкая лоснящимися животами.

Для очищения агры от мусора, а главное — от шерсти, набирающейся в большом количестве с мехов, эскимосы раз в сутки поднимают полы агры, засучивают их кверху, как чулок, выносят на воздух постели и тщательно вытряхивают. Пол же подметают, а если он покрыт моржевой шкурой, протирают его мокрой тряпкой. Выбитые меха вносятся и располагаются на своих местах, вносятся предметы, коим надлежит быть в агре, полы мешка опускаются, задавливаются вещами, и агра принимает свой обычный «жилой» вид.

Эскимосы обычно ютятся на полу, он у них является и столом для еды, и постелью, и местом работы.

Я не мог обречь и себя и своих сотрудников на прозябание в такого типа «жилье».

Заниматься какой-либо работой в такой агре крайне трудно, почти невозможно. Меблировки, необходимой для работы, в нее не поставишь, а без стола и стула — какая же работа! А мы должны были продолжать научную, хозяйственную и прочую работу, которой занимались на протяжении прошедших четырех лет. Для меня важно было не только физическое сохранение зимовщиков. Необходимо было сохранить в полной мере нашу работоспособность, чтобы жизнь на острове текла попрежнему, невзирая на лишения, вполне нормально. В обычных эскимосских аграх осуществить это невозможно.

Поэтому, взяв основную идею агры у эскимосов, я настолько ее видоизменил, что за исключением материала, то-есть оленьих шкур, ничего общего от агры этой не осталось. Наши агры представляли собой небольшие по размеру, но все же достаточные для работы и для жилья комнаты нормального типа, с окном, с дверью, потолком, за который не цепляется голова, и с плотно натянутыми на каркас меховыми стенами.

Несмотря на то, что для агр шкуры выделываются самым первобытным способом, все же выделка совершенно необходима. Невыделанные шкуры ломки и быстро пришли бы в негодное состояние. Для выделки шкур нужно время и люди, а чтобы организовать сносно зимовье, нужно было выделать по меньшей мере 120 шкур.

Для этой работы я мобилизовал всех туземных женщин. Распределил я шкуры между женщинами так, чтобы эта работа не целиком отрывала их от домашних занятий.

Чтобы ускорить выделку, я устроил нечто вроде конкурса между женщинами, пообещав наиболее быструю и наиболее доброкачественную работу премировать. Помимо этого я установил три премии, которые обещал выдать

тем, кто сделает в определенное время наибольшее количество шкур и сделает их лучше, чем обычно. При определении успешности учитывалась степень занятости женщин в своем хозяйстве.

Пока выделывались шкуры, мы наготовили необходимого размера деревянные части, как следует выстрогали их, чтобы на острых гранях шкуры не изнашивались быстро. Из них в жилых комнатах был построен каркас.

Готовые шкуры были раскроены и сшиты в большие полотнища эскимосками Инкалью и Агекой. Этими полотнищами были обшиты каркасы. Гвоздей мы почти вовсе не употребляли; только к полу, да в нескольких местах у окна к наличнику шкуры были прибиты гвоздями. В стенах были вырезаны нужной величины отверстия для дверей. Двери в аграх были нормального типа, только дверное полотнище состояло из того же меха, что и стены. В каждой агре было по одному окну. Сами агры были расположены так, что мех стены, прибитой к наличнику окна, включал окно дома в стену агры. Вентилировалась, следовательно, агра обычным порядком — через форточку.

Всего нужно было построить четыре агры: одну для нас, одну для радистов и по агре для семей Старцева и Таяна. Первые две агры мы установили в первых числах, остальные — в середине декабря.

Подсчитали все затраты. За исключением стоимости древесины и гвоздей, 4 агры обошлись по тогдашним ценам около 500 рублей.

Агры получились довольно хорошие, хотя и были очень малы. Если, скажем, я сидел у стола и работал, а Власовой нужно было выйти из комнаты или войти, то я должен был вставать и убирать стул под стол. Теснота досаждала и радистам, они часто раздражались, дело доходило до ругани, и мне приходилось мирить их, как маленьких детей.

С поселением в аграх мне пришлось ввести особые правила пользования ими. В аграх не разрешалось иметь

дело с водой: мыться, стирать, что-либо варить или кипятить. Все это создает сырость, и стены, впитав влагу, быстро сквасятся, агра перестанет отвечать своему назначению. Было воспрещено курение. Оно быстро сделало бы воздух негодным для дыхания, а отсутствие топлива и необходимость беречь тепло не разрешали часто вентилировать воздух агры. Длительное же нахождение в атмосфере, отравленной табачным дымом, могло сказаться крайне отрицательно на физическом состоянии зимовщиков. Я сам перестал курить совершенно, как только были поставлены агры. Власова прекратила курение значительно раньше. Я пытался воздействовать и на Траутмана и Демидова в этом отношении. Демидов после обещания бросить курить не выдержал и двух дней, Траутман же с месяц не курил, а потом, как-то зайдя ко мне, объявил, что он больше терпеть не может и начнет курить. Несмотря на мои строжайшие запрещения курить в агре, эти великовозрастные люди, из-за отсутствия самодисциплины, пускались на школярский обман — курили в агре тайком от меня.

Старцев и Таяна жили в своих аграх так, как обычно живут эскимосы. Для них это было более привычно; кроме того с большим количеством детворы трудно было соблюсти правила, установленные мною. Не могли они также не общаться с приезжавшими на Роджерс туземцами, так как все они были в близком родстве друг с другом.

Построенные агры прекрасно сохраняли тепло. Еще не окончив полностью их сооружение, мы убедились в этом. За время, прошедшее до постройки агр, в наших комнатах на окнах намерзло много льду, и он не стаивал даже тогда, когда протапливали печи. Но как только агры были поставлены, окна сейчас же усиленно «заплакали», пришлось подставить банки и часто вытирать подоконники, чтобы на полу не образовалось лужи. Через два дня от наледей на окнах не осталось и следа. Окна и впредь были чисты.

Но как бы хорошо агры ни сохраняли тепло, к сожа-

лению, сами по себе они тепла не вырабатывали. Поэтому, как только они были построены, встал вопрос об отоплении. Первое время, пока у нас был керосин, вопрос отопления агр разрешался крайне просто. Мы употребляли для отопления... пятнадцатилинейные лампы. От двух таких ламп в нашей агре, когда они горели, развивалось достаточно тепла для работы. Правда, температуры в агре были крайне неровные. В безветреную погоду, когда на улице тихо, в агре у потолка ртуть поднималась до + 20° по Цельсию, но положенный на пол термометр показывал — 7-8°. Разница в температуре в градусах бывала обычна. В ветреные дни когда за стенами свирепствовала пурга и дом трясло как в лихорадке, в такое время, даже если лампы горели беспрерывно, термометр и у потолка опускался до плюс десяти и ниже градусов, а на полу в это время температура была, как правило, ниже нуля.

Автор на острове за работой по освобождению из льда бочек с горючим.

Несмотря на то, что в агре было сравнительно тепло, на полу, под линолеумом, у нас постоянно был лед. Ходишь по полу, а он трещит, как будто какой-то шутник рассыпал под линолеумом жареный горох.

«Ламповый» вид отопления имел много недостатков. Как только лампы тушились, через полчаса, максимум через час, в агре становилось адски холодно. Собственно, этот недостаток свойственен ей. Для ее обогревания необходим очень небольшой источник тепла, но работающий по возможности беспрерывно. Лампы же мы принуждены были гасить, ложась спать или выходя из агр. За ночь температура в агре так низко опускалась, что вода замерзала в стакане. Кроме того, лампы, как тщательно ни следи за ними, неизбежно портили воздух отходящими газами, а экономя тепло, мы не могли часто проветривать жилье. Это влекло за собой довольно частые головные боли.

Но все это, хоть и было неприятно, но не так страшно, так как работать можно было. Руки не мерзли. Такое же отопление было и в остальных аграх.

Керосина к началу зимовки у нас оставалось только 80 килограммов, надолго его хватить не могло. Чтобы мобилизовать все ресурсы, я поручил Старцеву и Таяна осмотреть все старые керосиновые бочки и извлечь из них всё, что только в них было. В бочках на дне оставались кое-какие остатки грязного, смешанного со ржавчиной керосина. В некоторых бочках набиралось до литра такого «керосина».

Без предварительной очистки употреблять его было невозможно ни в лампах, ни в примусах, — так много было в нем грязи. Но после фильтрования он, хоть с грехом пополам, все же горел.

В процессе этой работы совершенно неожиданно среди пустых бочек, оставшихся на радиостанции, была обнаружена полная закупоренная бочка. Пробка ее была так измолота, измочалена, что не представлялось никакой возможности ее извлечь. Как видно, радисты пытались

открывать эту бочку бесчисленное количество раз, но попытки их были тщетны. Я поручил Демидову помочь Старцеву и Таяна открыть бочку. Через некоторое время ко мне пришел Старцев.

— Бочку мы открыли, товарищ начальник.

— Ладно. А что же в бочке?

— Кажется, керосин.

— Как, полная бочка керосина?

— Да. Бочка почти полная, только вот не знаю, много ли там керосина. Может быть, внизу вода.

К нашему счастью, при ближайшем исследовании оказалось, что бочка наполнена чистым керосином. Таким образом, у нас появилось еще около 150 килограммов керосина. Однако и эта находка не могла нас обеспечить на все холодное время.

Чтобы возможно дольше растянуть «запас» керосина, я еще с осени прекратил отпуск его для примусов, переведя их целиком на бензин. Я и раньше знал, что бензин можно употреблять как горючее в примусах, но я знал также и то, что такая практика часто приводит к взрывам и пожарам. В нашем положении ни то ни другое было недопустимо. Тщательно проинструктировав Старцева и Таяна, я перевел приготовление пищи на бензин. Весь год до прихода «Красина» мы жгли бензин в примусах. Но и это не могло помочь: керосина становилось все меньше и меньше. Каждый день ко мне приходил Старцев, — ему был поручен расход керосина, — и сообщал, сколько осталось керосина.

Недели за две до того, как керосин должен был иссякнуть, я предложил Демидову и Траутману, как людям опытным в технике, обдумать, чем и как заменить керосин для отопления. Они оба «думать отказались», заявив мне, что не знают, как с этим делом быть. Демидов прибавил, что «можно обойтись без керосина и без топлива вообще». Мои настояния не дали результата.

Пришлось самому заняться этим делом. Решил я построить печь для сжигания бензина. Сжигать бензин,

вообще говоря, дело нетрудное, но сжигать его так, чтобы было достаточно тепло, безопасно и чтобы отходящие газы не отравляли воздуха в аграх, не так уж просто. При отсутствии инструмента, нужных материалов, литературы, а главное знаний, «бензино-топливная проблема» осложнялась.

Отправляясь в свое время в поездки по острову, я обдумывал проект отопления палаток во время походов. После многих попыток мне удалось сделать из жести своеобразный ребристый калорифер, который ставился на примус, как кастрюля, и нагревался от огня примуса. Имея довольно большую поверхность нагрева, он отдавал окружающему воздуху много тепла. При помощи такого калорифера мы в самую холодную пору имели возможность в палатке раздеваться, находясь в довольно сносной температуре.

Этот способ отопления имел два недостатка: во-первых, быстрое нагревание резервуара примуса. С этим мы боролись просто: ставили примус в чашку со снегом, из которой только что ели суп или еще какую-нибудь снедь. Снег в чашке быстро превращался в воду и охлаждал резервуар. Во-вторых, наполнение палатки отработанными газами. В палатке второй недостаток нами не ощущался по причине «особого» свойства парусиновых стен, способных легко самовентилироваться, но внутренние стороны палатки закапчивались и из белых скоро превращались в грязно-серые.

Вот этот-то опыт со всеми его удачами и неудачами и натолкнул меня на мысль использовать примус как топку для сжигания бензина.

Я рассуждал так: если мне удастся устроить такое приспособление, которое при помощи примуса работало бы круглые сутки без перерыва, не нагреваясь (то-есть резервуар примуса, содержащий бензин, не нагревался бы), то все остальное устроить пустяки. Я знал, что резервуар нагревается за счет отражения тепловых лучей от горелки, причем, если примус горит в свободном со-

стоянии, если на нем ничего не стоит, то он нагревается не так быстро, как если на него поставить кастрюлю или чайник. Значит, резервуар нагревается тем больше, чем больше падает на него тепловых лучей. Конечно, некоторое нагревание происходит и за счет трубки горелки. Нужно было, значит, как-то изолировать резервуар и сделать трубку, на которую навинчивается головка, возможно длинней.

Решил испортить один примус для опытов. Отрезал патрубок для головки у самого резервуара, добыл медную трубку нужного сечения и обрезок патрубка припаял серебром к этой трубке, а уже самую трубку обычным третником припаял к резервуару примуса. У меня получился примус с удлиненной шейкой и высоко расположенной головкой. Верхние ножки я отпилил совершенно. Получился необычный по форме примус. Из толстой жести я согнул квадратную печку, вытянутую кверху на высоких ножках, закрыл ее крышкой с отверстием для трубы, а дно печи устроил глухим. Только в самом центре вырезал небольшое отверстие, чтобы только-только проходила головка примуса. Внутри печки устроил нагревательный калорифер, состоявший из двух слоев железа, расположенных близко друг над другом. Пламя должно было ударять непосредственно в это железо и раскалять его докрасна. От него должно было нагреваться верхнее железо, более широкое, чем нижнее, расположенное невысоко над ним, и горячие газы, отходя от этого железа и обтекая его по краям, должны были нагревать стенки печи. Для разжигания примуса в одной из стенок была устроена небольшая, свободно открывающаяся дверца с несколькими отверстиями для притока воздуха.

Кроме того, мною были устроены тонкие трубы, выведенные за стены агры в печную трубу, чтобы продукты горения не загрязняли воздуха в агре, а выбрасывались наружу. Кроме того, эта труба создавала тягу воздуха, необходимую для нормального горения примуса.

Горячие газы, проходя по трубе, нагревали ее стенки

и тем самым увеличивали теплоотдачу всего приспособления.

Строил я печку наугад. Работать приходилось в помещении, в котором температура стояла постоянно ниже —15°. Манипулировать с железом и инструментом было крайне неприятно, поэтому с печкой я возился в течение недели или полутора недель. Мои «сотрудники» Траутман и Демидов во время работы над печкой не скрывали от меня своего скептицизма, но я не обращал на это внимания и продолжал работать.

Вот наконец печка готова, установлена. Выход трубы через мех агры изолирован так, чтобы не было и малейшей опасности пожара и чтобы, в то же время, холодный воздух извне не попадал в агру. Наконец, я в первый раз налил полный резервуар бензина, зажег примус и закрыл дверцу. В комнате раздался тихий шипящий шум. Шум был настолько незначителен, что совершенно не раздражал. Я уселся рядом с примусом и беспрестанно щупал резервуар — нагревается он или нет. Сидел до тех пор, пока не выгорел совершенно весь бензин и примус не потух. Печка сразу же, как только был зажжен примус, накалилась, стала горячей настолько, что брызги воды, попадавшие на нее, мгновенно испарялись. Трубы на всем протяжении в агре и на некотором расстоянии за агрой были теплые, и очень быстро температура в агре поднялась до +25°. К тому же, температура стала значительно ровнее, чем при «отоплении» лампами.

Топливная проблема была разрешена блестяще! Через несколько дней, когда керосин совсем уже подходил к концу, мы лампы зажигали только для освещения. Обогревались бензиновой печкой. Траутман и Демидов все чаще заходили и справлялись:

— Ну, как печка?

— Ничего, печка работает прекрасно.

Они пробовали, горяча ли она, и отдергивали руки. Наконец Траутман попросил меня отпустить материал на устройство такой печки. Материал я ему отпустил, они

вдвоем быстро соорудили печь и поставили ее у себя. Старцев и Таяна печей у себя не ставили в аграх, а отапливались жировиками, так как для них этот способ отопления был более привычным, чем бензиновая печь.

Кроме этого нам нужно было как-то разрешить задачу с освещением. Керосина уже не было не только для отопления, не стало его и для освещения. Еще с прошлых времен на складе сохранился небольшой остаток стеариновых свечей. Их было так немного, что на всю зиму не хватило бы. Я распределил свечи между сотрудниками так, чтобы по возможности удовлетворить всех на темные месяцы. Каждый раз, как только выходили из агры или не было надобности в работе — мы сейчас же тушили свечи, оставаясь в темноте. Для кухни и других помещений отпустить свечей я не мог. Огонь же был необходим и там. И здесь мы тоже заставили служить бензин, устроив несколько бензиновых свечей для освещения. В этом деле был большим специалистом Демидов — первая бензиновая свеча была сделана им по собственному проекту.

Бензиновые свечи не были верхом совершенства, но как ни плохи они были, свое назначение — светить — выполняли. Без крайней надобности мы их не зажигали, но в темноте каждый пустяк кажется крайней надобностью. При недосмотре свечи густо коптели, покрывая «все живущее под ними» жирным слоем сажи.

Но все же это был свет!

Вернувшись еще 20 сентября с севера в бухту Роджерс, мы, против ожидания, не нашли связь с материком установленной.

— Где же обещанная вами связь, товарищ Траутман?

— Связь будет, товарищ начальник.

— Когда же она будет? Прошло уже значительно больше обещанных вами трех дней.

— Я был занят, но связь будет обязательно.

Мы уже долго жили без двухсторонней связи с материком и, можно сказать, привыкли к этому, поэтому я

не был особенно огорчен отсутствием связи. Я потребовал все же от Траутмана приложения всех усилий к скорейшему установлению связи, а от Демидова — технического обеспечения этого.

Несмотря на то, что у нас уже не было никаких надежд на приход «Челюскина» или вспомогательного судна, все же я стремился как можно скорее установить связь с материком. Но, на наше несчастье, Траутман, взявшийся за это, не был... радистом.

Может быть как радиотехник он и имел кое-какие знания, но принимать на слух и передавать он не умел, или умел очень плохо.

Беда была еще и в том, что, не зная дела, он не только не хотел учиться, но и не хотел откровенно об этом сказать и стал на путь прямого очковтирательства.

Я пытался выяснить, почему не налаживается связь. Первоначально Траутман мотивировал это недостаточной мощностью рейдового передатчика и добивался разрешения построить самодельный, более мощный. Я ему разрешил, и он построил то, что хотел, но связи опять не было.

— В чем дело? Теперь есть то, что вы хотели. Передатчик работает? Верно?

— Да, передатчик работает лучше рейдового.

— Почему же связи нет?

— Слышимость плохая.

— Бросьте, товарищ Траутман, дело не в слышимости.

— Ну, а в чем же дело?

— Я вас и спрашиваю об этом. Слышимость здесь приплетать не к чему. Слушаем же мы Хабаровск, а вы под боком мыс Северный услышать не можете.

— Нас не зовут. Сколько ни слушал, нас не зовут.

— Ну ладно, нас не зовут, а вот вы стучите часами, но ответа нет. Почему?

— Не знаю. Наверно, нас не слушают.

— Опять двадцать пять. Да что вы думаете — там плюнули что ли на нас?

Но, что я ни делал, какие меры ни принимал, толк был один — связи у нас не было.

Несколько раз он объявлял, что связь уже установлена то с бухтой Амбарчик, то с мысом Северным, но нам от этого было не легче. Стоило мне написать телеграммы, говорящие о положении на зимовке и дать ему для передачи, как сейчас же «связь прекращалась».

Мы с Власовой продолжали слушать широковещательную станцию при помощи приемника, установленного мною еще зимой 1932 года. Каждый раз мы слышали целую бурю точек и тире, наполнявших эфир, но мы не могли определить — наши это, советские станции или, как говорил Траутман, только «иностранцы». Мы знали, что на мысе Северном имеется мощная станция, в Уэллене, в Анадыре также есть станции. «Не может быть, — думалось мне, — чтобы ни разу Траутман не наткнулся на нашу советскую станцию».

Однажды я ему предложил установить круглосуточное прослушивание по всему диапазону коротких волн и выяснить, какие советские станции и в какое время работают, и записывать все, что он ни услышит. Он пытался уклониться от этого, ссылаясь на незаконность приема не нам адресованных передач. Но мне нужно было проверить возникшее у меня предположение об очковтирательстве, поэтому я приказал ему сделать однократные записи всех обнаруженных станций, сняв с него ответственность за «подслушивание».

По прошествии установленного срока он подал мне рапорт, в котором сообщал: «Я не специалист радист, а радиотехник и летчик-наблюдатель, могу работать, передавать и принимать в пределах самолетной связи до 60 знаков в минуту, радисты же, работающие на наших станциях, работают слишком быстро, и я не могу ничего принять или принимаю с пропусками».

Все разъяснилось... Ждать многого или даже не очень многого от такого радиста нечего было!

На протяжении всего этого года, до тех пор, пока нам не привезли нового радиста, мы связи так и не имели.

Наша рация работала полным ходом, для наших целей она была больше чем достаточна, но толку из этого не было. Надо сказать, что все механизмы работали. Двигатели, бывшие на попечении бортмеханика Демидова, отказов в работе не имели; во всяком случае, по его вине наша рация ни разу не стояла. Все наши неудачи в этом деле коренились в радисте Траутмане. Красинский, побуждаемый лучшими чувствами, оказал нам медвежью услугу, оставив для такого серьезного дела, как связь на крайнем севере, непроверенного специалиста.

Несмотря на организацию зимовки в меховых комнатах-аграх и разрешение топливной проблемы без дров, последние, хотя и не в таких больших количествах, тем не менее нам были совершенно необходимы. Положение осложнялось еще тем, что мы не имели в этом году дров поблизости от бухты Роджерс. Я мобилизовал все дровяные ресурсы, какие только можно было мобилизовать. В устье реки Клер километрах в 30 от Роджерса, имелась одна полуразрушенная юрта, в которой никто не жил и которую не растащили на дрова лишь только потому, что это было мною строжайше воспрещено в свое время. Кроме того две пустых юрты были в бухте Сомнительной. Я решил все эти юрты разобрать и вывезти на Роджерс.

В остальных местах, где были дрова: в бухте Предательской на расстоянии 75 километров от Роджерса и на северном побережьи за хребтами — самое меньшее 60—65 километров от нас, дров было много, но возить их на собаках в зимних условиях дело не легкое.

Впрочем, можно было просто разрешить проблему вывозки топлива. Стоило лишь мобилизовать всех эскимосов и их собачьи упряжки с нартами и приказать им возить дрова. В общей сложности, можно было бы составить обоз в 10—12 нарт. Такое количество нарт даже и

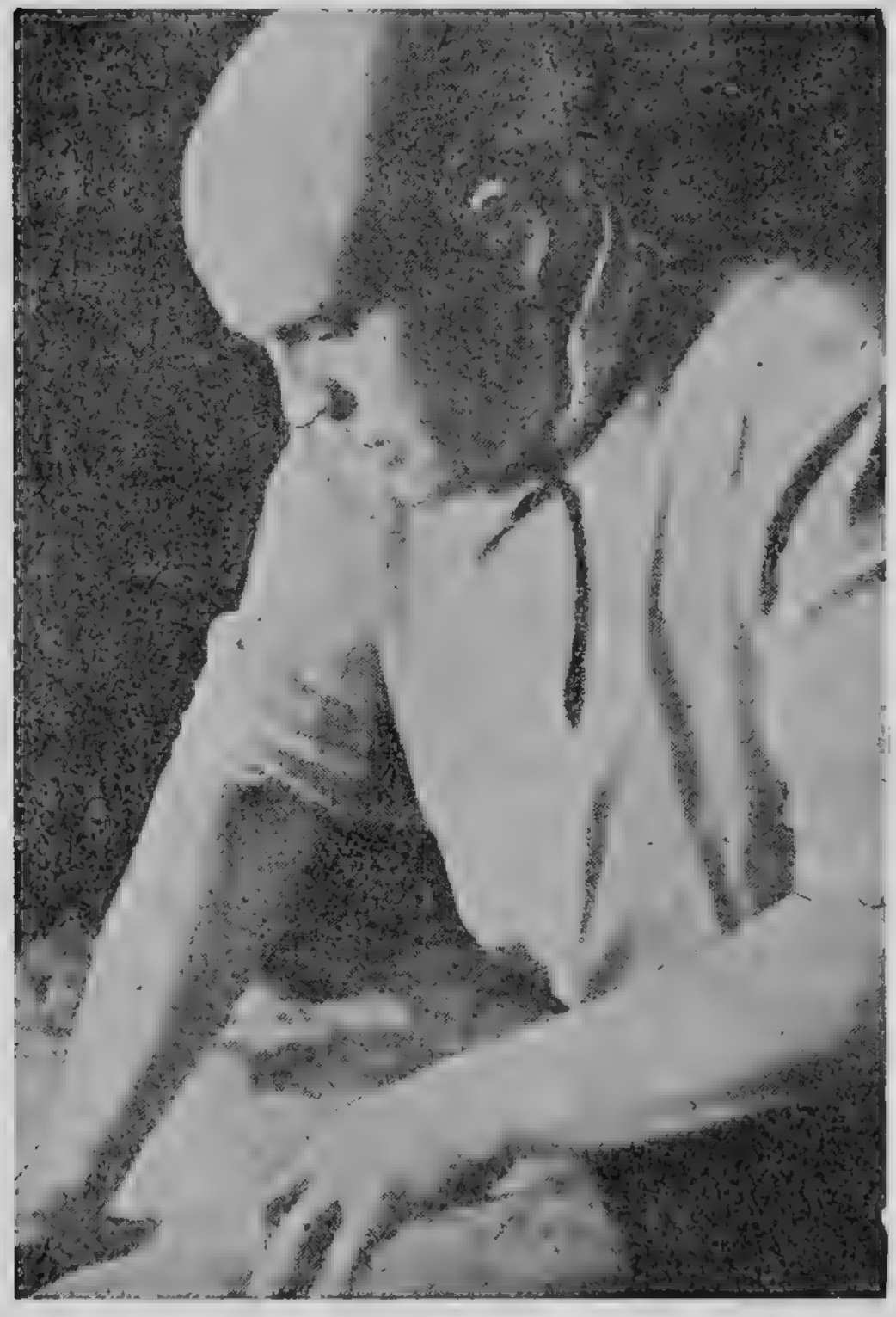
по очень трудной дороге и в плохих условиях обеспечило бы нас, хотя и минимально, топливом. Однако я не собирался, как и в прошлом году, отрывать эскимосов от промысла песца, медведя. Для подвозки дров туземцев использовали только в тех случаях, когда они по собственным надобностям ехали в бухту Роджерс. В этих случаях я вменил всем им в обязанность не приезжать на Роджерс на пустых нартах. Каждый из них должен был со становища вывозить предельно возможное количество древесины. За это я установил плату. Такой косвенной подвозкой, по пути, были вывезены юрты из бухты Сомнительной, некоторое количество дров, заготовленных в бухте Предательской еще с осени 1931 года, а также все дрова, заготовленные нами осенью 1933 года во время работы по постройке жилищ на севере.

Дрова мы всячески экономили и употребляли в очень ограниченном количестве — на выпечку хлеба, для протапливания железных печурок, стоявших в комнатах за аграми. Делать это было необходимо, иначе за аграми температура упала бы далеко ниже нуля. В комнате радистов и в нашей комнате за аграми было большое количество различных ценностей: в комнате радистов находилась вся аптека, много литературы, разный инструментарий; в нашей же комнате за агрой находились литература и различные ценные инструменты в виде микроскопов, теодолита, фото- и киноаппаратуры. Если бы допустить там резкие температурные колебания, неизбежно эти ценные приборы или погибли бы полностью, или в значительной степени попортились. Несмотря на то, что мы крайне экономили дрова, нам все же нужно было их довольно много. Конечно, «довольно много» — понятие относительное, так как для отапливания дровами даже двух комнат нам потребовалось бы раз в двадцать больше древесины, чем мы израсходовали на протяжении всего этого года.

В расходовании дров я ввел систему пайка. Распиловка и рубка была поручена определенным людям; они

же ежедневно отпускали на каждую печь установленную норму нарубленных дров.

Только после того, как была закончена охота на медведя и наступила пора, если можно так выразиться, междустрадья, я использовал всех эскимосов и их упряжки для вывозки дров с севера. Необходимо было заготовить возможно большее количество древесины на весеннюю пору. Когда наступит теплая пора и начнется таяние снега, дома начнут после зимних морозов оттаивать и основательно сыреть. Чтобы просушить их и не допустить появление грибков, я и заготавливал древесину как неприкосновенный запас. Из этого запаса никому не разрешалось брать ни одной щепки.



Месим тесто для вкусных вещей.

С коммунальными „услугами“ в этом году было очень трудно. Прежде всего с выпечкой хлеба. Часто печь хлеб мы не могли, выпекали его один раз в десять суток.

В это время мы, как правило, готовили впрок такие

вещи, как гречневую кашу, бульон и др. Наваривали мы их тоже на десять дней сразу, а потом выносили на мороз и по мере надобности расходовали. Время выпечки хлеба мы использовали и для бани.

Баня, вообще говоря, была у нас «усовершенствованная», с душем-самотеком. За время, что комната, в которой пекли хлеб, стояла переохлажденной, потолок основательно промерзал, снизу на нем набиралось большое количество инея, а сверху на потолок через щели в крыше наметало много снега. Хотя мы снег регулярно счищали, все же небольшое количество его оставалось. Во время отопления бани, когда помещение основательно нагревалось, иней на потолке таял и превращался в воду, часть снега поверх потолка тоже превращалась в воду и просачивалась вниз. Все это обильно капало с потолка на голову и спину моющегося. Если бы кто-нибудь посторонний в момент мытья в «бане» находился в соседней комнате, он слышал бы беспрерывные восклицания и руготню. Я, когда мылся, чертыхался беспрерывно. Моешься горячей водой, а тут на тебя течет ледяная вода, при чем вода грязная. Но, несмотря на это, мы не обходились без бани и регулярно — раз в десять суток — мылись.

Первое время много маялись с приготовлением воды. Когда у нас было топливо и в кухне топили, тогда приготовление воды разрешалось просто. В баки для воды набивался снег, и он постепенно превращался в воду. Когда нужно было ускорить приготовление воды, ведра со снегом ставились на плиту или примуса и снег быстро таял.

Но теперь кухня не топилась, и температура в ней была обычно ниже нуля. Во время обеда, завтрака или ужина мы садились за стол в меховой одежде с шапками на голове. Пар, поднимавшийся от кастрюль с приготовляемой пищей или из тарелок с супом во время приема пищи, замерзал на потолке, образуя сталактиты из инея. На примусах натопить потребное количество снега было очень трудно, хотя мы всячески экономили воду. Держать баки с водой в аграх нельзя было, потому что для

этого не было места. Главное же — нахождение воды в аграх, как уже говорилось, повело бы к порче агр.

На радиостанции имелась обычная двухлитровая паяльная лампа, и вот ее-то я и использовал как «машину для приготовления воды». В бак накладывался снег, нижние части его пропитывались остатками воды, внизу подставлялась паяльная лампа, и через некоторое время в баке была вода. Мало растопить снег, нужно еще поднять температуру воды градусов на 5—6 выше нуля, чтобы вода в баке не превратилась в глыбу льда. У нас однажды такой казус случился, и чуть было не погиб единственный наш бидон.

При горении лампы развивалось много тепла, и мы начали пользоваться ею, чтобы ко времени приема пищи нагревать воздух в кухне; это позволяло не сидеть в шапках и не кутаться в меха за столом.

Лампа, давая много тепла, крайне загрязняла воздух отходящими газами. Загрязнение бывало иногда так велико, что ело глаза. В результате этого у меня развился стойкий фарингит (острый катарр глотки). Полагая, что это результат простуды, я перестал выходить на воздух и всю лежавшую на мне работу взвалил на Власову. Истратил массу всяких лечебных средств, но толку не добился. Я знал, что стойкие фарингиты могут развиться в результате отравления слизистой оболочки глотки какими-либо газами, но я не знал, что виной этому — лампа. Только случайно я понял, что виновата именно она. Как только я несколько дней не посетил кухню — где работала лампа — от фарингита не осталось и следа. Учтя это, мы стали более редко пользоваться лампой, только в случаях крайней необходимости. Опять мы стали принимать пищу, кутаясь в меха. Тут уж мы предпочли меньшее зло: лучше иметь холодный воздух, но чистый, чем теплый, но загрязненный вредными газами.

Стирка белья и сушка мокрой меховой одежды были сопряжены с большими трудностями.

От постоянного общения с холодом и холодной во-

дой у некоторых из нас на руках начали возникать язвы. Первоначально возникал волдырик, как от ожога, потом он прорывался, и вместо него образовывалась небольшая, постепенно увеличивающаяся язвочка. Потом возникала вторая, третья. Первоначально мы лечили их мазями и примочками, но язвочки упорно росли и возникали вновь. Потом я «прописал» страдающим отепленную воду, воспретив совершенно касаться руками холодной воды. и оставлять их на морозе без рукавиц. Через несколько дней такого лечения от язв не осталось и следа. В дальнейшем, чтобы избежать язвенных поражений рук, мы практиковали элементарную профилактику. Больше они не появлялись.

Несмотря на трудности, мы с Власовой научной работы не бросали. Правда, в этом году мы не смогли отправиться в поездку по острову, так же как и в прошлом году, с одной стороны, по состоянию здоровья, а с другой потому, что метеорологическая служба требовала нашего присутствия на фактории. Метеорологическую работу, которую вел в прошлом году Павлов, я решил взять на себя.

Кроме двух случаев (в один из зимних пуржливых дней, когда сила ветра была столь велика, что сбивала меня с ног, и я, чтобы добраться до дому, принужден был ползти на брюхе, как пресмыкающееся) — не было пропущено ни одного наблюдения.

К моменту появления солнца, когда нужно было пустить в работу гелиограф Кемпбеля, я обнаружил, что среди материалов, оставшихся у нас, совершенно нет бланков для этого инструмента; прекратить же его работу я не считал возможным. Я нашел выход из положения: сам сделал нужные бланки. У нас было некоторое количество александрийской бумаги, и, вооружившись карандашом, циркулем и одним бланком как лекалом, я иногда по-многу часов под-ряд сидел и вычерчивал со скрупулезной точностью бланк за бланком, прочерчивал их необходимыми линиями, потом вырезал ножницами, окрашивал и пускал в дело.

До самого прихода «Красина» наш гелиограф работал на этих самодельных бланках. Сделать мне их пришлось не одну сотню штук.

Нехватало еще кое-каких материалов, но заменить их было значительно проще и быстрее, чем бланки гелиографа.

Не прекращали мы и работы по собиранию материалов для пополнения наших коллекций. Так же, как и в прошлые годы, когда прилетали птицы, я бил их, а Власова снимала шкурки, чистила, сушила, набивала тушки. Выкапывали и сушили растения, собирали всяких насекомых. В этом году мы пополнили свои коллекции главным образом залетными птицами, обычно на острове не обитавшими. Единственное, чего я не решился сделать, — это заготовить животных для зоологического сада. Уже дважды — в 1932 и 1933 г. — мы уничтожили заготовленных животных; 11 медведей мы уничтожили в 1932 году и 8 медведей в 1933 году. Поэтому, обсудив со всех сторон этот вопрос, мы пришли к заключению, что переводить животных зря нет смысла. Кроме того, за время, пока кормишь медведя и ухаживаешь за ним, к нему так успеваешь привязаться, что расстреливать его больно, — как будто бы расстреливаешь родное существо. У нас были заготовлены только полярные совы, и то больше в порядке развлечения, так как эта прелестная птица, живя у нас, скрашивала очень много часов нашего одинокого существования.

Кончалась и эта невероятно трудная зима.

В первых числах мая 1934 года я велел снять агры. Хотя на дворе еще стояли изрядные холода, но до теплых дней оставалось недолго, а к холоду мы привыкли.

Сняв агры, я попробовал бензиновую печь просто в комнате, и оказалось, что она довольно хорошо обогревает и комнату. За стенами дома уже не было так холодно, как зимой.

И вплоть до прихода «Красина» мы отапливались этой бензиновой печкой, прозванной нами «шипейло».

Глава XXVII

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ОСТРОВ

Остров Врангеля[1] является наиболее восточным из островов, разбросанных на материковом уступе к северу от берегов Евразии, — конечно, если не считать скалы Геральда, расположенной несколько восточнее.

Находясь между 178°31′ у мыса Гильдер и 182°30′ у мыса Уэринг и между 70°43′ и 71°37′, этот наиболее восточный остров не является наиболее северным. Есть в Арктике острова, расположенные значительно севернее. Даже материковая береговая полоса в большом количестве мест проходит дальше к северу, чем остров Врангеля. Но, несмотря на это, можно сказать, что остров является наименее доступным местом нашего Союза. Это объясняется особой ледовитостью пролива Лонга и Северо-восточного и Чукотского морей, омывающих западные и восточные берега острова. Малая доступность острова объясняется слабой исследованностью ближайших районов и посылкой неприспособленных к ледовым плаваниям судов.

Остров Врангеля не очень велик, но он, конечно, не

---

[1] Остров назван именем лейтенанта русского флота Фердинанда Врангеля, впервые в 1820—23 г. опубликовавшего сведения о земле, виденной им при описании устья реки Колымы. На самом острове Врангелю побывать не удалось, и его именем остров был назван позднее английскими моряками.

может быть отнесен к островам-карликам. Если пройти с мерной цепью от мыса Гильдер на западном побережье до мыса Уэринг на востоке, то получится 140 километров, а от бухты Давыдова на юге до острова Находка на севере получится 80 километров. Очертания острова, если подойти к этому с капелькой фантазии, напоминают остатки черепа доисторического человека.

Береговая линия острова разнородна. Восточное побережье от мыса Гавайи до мыса Литке и западное от мыса Фомы до горы Драм-Хед обрывисто падает в море или в виде скалистых отвесных стен, или крутых каменистых осыпей. На всем протяжении идет песчаный приплесок, в некоторых местах закрываемый приливом, а кое-где приплесок поднят выше за счет осыпавшихся пород. Северный берег от мыса Литке до горы Драм-Хед низменно-тундровый и только местами поднимается на 5—6 метров над уровнем моря. От мыса Литке начинается гряда песчано-галечниковых кос, идущих параллельно материковому берегу до бухты Песцовой и заканчивающихся островом Находка. Эти косы образуют длинную узкую бухту в 75—80 километров, очень удобную для судоходства на мелкой промысловой посуде.

Западное побережье имеет несколько бухт, отделенных от моря песчаными косами. Южное побережье имеет ряд удобных для поселения бухт. Берег южной части в ряде мест поднимается над морем до 10—15 метров, скалисто обрываясь в воду и не имея даже приплеска.

Рельеф острова, в основном, гористый. Когда пересекаешь остров с юга на север или обратно, то можно легко различить два горных кряжа, между которыми заключено плоскогорье, размытое руслами рек и речушек и разделенное ими на холмы, имеющие почти одинаковую высоту, в среднем 100—120 метров над уровнем моря. Южный кряж проходит от мыса Гавайи до мыса Фомы почти у самого берега, только в некоторых местах отделяется от моря незначительными участками тундры. На

севере же горы отделены от моря тундрой, достигающей 30 километров ширины.

Почти посредине острова находится центральный узел гор, высшей точкой которого является пик Берри, имеющий 760 метров высоты. Со склонов центрального узла берут начало важнейшие реки — «Наша», Клер, Мамонтовая и другие.

Скала „Большевик" (вид с севера).

Девять месяцев из двенадцати остров плотно укрыт снегом. Таяние начинается к средине июня, и к средине июля остров почти совершенно освобождается от снега. Снег задерживается на все лето только в надувных местах, куда не достигает солнце. На вершинах же гор снег, как правило, стаивает. Ледников на острове нет совершенно.

Растительный мир острова крайне беден, но во всяком случае не беднее тундр северной части материка.

Тундра и горы голы из-за отсутствия лесных насаждений, поднимающихся над поверхностью земли. Но это не значит, что на острове нет совершенно древесных растений. Они есть, но приспособленность их к условиям Арктики зашла так далеко, что деревья эти совершенно не напоминают обычных деревьев. По тундрам в довольно большом количестве распространена ива, стелющая крону по самой земле. Только в центре острова, в глубоких долинах, защищенных горами от ветров, кроны ивы поднимаются над землей до метра. В остальных же местах, подверженных ветрам, дерево обнаружишь, только наступив на него ногой. Туземцы летом собирают этот ивняк и употребляют его как топливо.

Обычно тундры голые. Кое-где торчат кустики травы. Только в сырых поемных местах или внизу склонов гор, над которыми есть залежи тающего снега, растительный покров достигает значительного развития. Некоторые участки тундр бывают сплошь покрыты цветами, напоминая луга средних широт. Тут и желтый мак, и ромашка, и синий колокольчик, и незабудки, а в солнечные дни над ними вьются бабочки, шмели и всякие другие насекомые.

По сухим склонам гор растут разные виды мха и лишайников, от белого до мрачно-черного. Черные мхи и лишайники на острове очень часты, и в некоторых местах из-за большого развития их желтые или серые глинистые склоны холмов окрашиваются в черный цвет.

На острове не бывает больших холодов. В этом отношении его нельзя сравнивать, скажем, с Верхоянском или другими местами Якутии. За пять лет у нас ни разу термометры не отмечали холодов больше 48 градусов. Но и лето на острове не жаркое. Обычно летом днем 5—6 градусов тепла, и только однажды максимальный термометр показал 11 градусов тепла. Летом мы ходили тепло одетыми, а в море выходили, как правило, имея в запасе меховую одежду.

В безветреные дни даже сильные морозы переносятся легко, но если мороз приправляется ветром, то он

переносится значительно хуже. Правда, нужно сказать, что чем сильнее ветер, тем выше лезет ртуть в термометрах, но иногда случалось, что, несмотря на сильный ветер, ртуть замерзала. Обычно это бывало, если ветер дул с острова. При ветре же с моря, особенно с востока, наступало значительное потепление, до образования сосулек на крышах.

Ветры на острове довольно часты, достигают большой силы и продолжаются помногу дней и даже недель. Очень часто ветер начинается внезапно. Особенно неприятно это летом. Иногда выйдешь в море в ясную, тихую погоду. В поисках моржей, уходишь далеко от берега. Убьешь несколько животных и спокойно работаешь на льду, разделывая их. Вдруг море темнеет, налетает бешеный шквал. Лед начинает сжиматься. Приходится наскоро грузить разделанное и уходить во-свояси. Воду быстро взбаламучивает, посудину швыряет как пробку и заливает. И случалось, что только доберешься до берега и выгрузишь мясо, как ветер начинает спадать, и скоро как будто бы его и не было вовсе. Если бы не волна, катящаяся в море, можно было бы подумать, что напрасно подняли панику. Зимою тоже эта особенность часто отравляла нам много часов и дней.

Несмотря на то, что на острове в течение двух месяцев солнце не поднимается над горизонтом, общее количество лучистой энергии, получаемой островом, пожалуй, не меньше, чем в любом другом районе нашей родины. Особенно богаты солнцем весенние месяцы — март, апрель и май. Показываясь над горизонтом 22 января, солнце к середине марта поднимается высоко и все дольше остается на небе. В это время стоят еще крепкие, до 35 градусов, морозы, но солнце уже здорово греет. Когда едешь в это время на нарте и ветра нет, то одна половина тела мерзнет, а другой жарко. Если едешь лицом к солнцу, то спина мерзнет, а передней половине становится жарко. Снимаешь рукавицы, сдвигаешь на затылок шапку и открываешь, насколько возможно, капюшон.

Наконец, спине становится очень холодно, и это вынуждает поворачиваться спиною к солнцу. Через некоторое время спина согревается, а передняя половина начинает мерзнуть. Натягиваешь плотнее шапку, зашнуровываешь капюшон, рукавицы уже давно на руках, и время от времени сандалишь рукавицей нос, чтобы он не превратился в сосульку.

Небо в эти месяцы в большинстве случаев совершенно безоблачно, а если и есть облачность, то, как правило, высокая, тонкая, прекрасно пропускающая солнечные лучи. Только изредка небо укрывается толстой облачностью, полностью закрывающей солнце.

С началом таяния и разрушения льда небо чаще заволакивается плотной облачностью. Чем больше чистой воды на море, тем больше облачности на небе. Летом же, когда море полностью вскроется, небо почти беспрерывно облачно, часто все заволакивается плотным как молоко туманом, идут осенние моросящие дожди. Грозовая деятельность, обычная в низких широтах, на острове почти совершенно не наблюдается. За пять лет мы наблюдали всего одну грозу, но и она была какая-то немощная.

В самый разгар лета у нас случались снегопады, настолько интенсивные, что вся округа покрывалась снегом и становилась по-зимнему белой. Но снег, выпавший летом, бывал недолговечным и, как только переставал падать, так стаивал быстро и без остатка.

В течение 9—10 месяцев окружающее остров море сковано мощным льдом.

Разрушение льда с поверхности начинается с момента таяния снега на острове, то-есть с первой половины июня, но очищается море во второй половине июля, запаздывая иногда до второй половины августа. Лед никогда не уходит от острова совершенно. Иногда штормом угонит лед за горизонт. Остаются только громадные, причудливых форм стамухи. День-два море почти чисто, но потом лед поджимается ветром к берегу или бродит из стороны в сторону, послушный течению и ветрам.

Геологически остров совершенно не изучен. Трудно сказать, что он таит в своих недрах. Несомненно одно, — что там есть уголь, железо. И то и другое было найдено в выносах рек. В смену 1935 года на остров послан геолог, который подробно обследует остров и выяснит, какие ископаемые и в каком количестве имеются на острове.

В ближайшие годы население острова увеличится, и он еще больше будет призван со всеми своими богатствами на службу строящегося и растущего социализма. Относительная недоступность острова будет окончательно побеждена более совершенными мореходными средствами.

Арктика — прекрасный край. Остров Врангеля — прекрасный остров!

Глава XXVIII

ПРИХОД „КРАСИНА“

Благодаря нашему приемнику мы регулярно следили за тем, что делается вне острова. Прежде всего нас интересовали события, происходящие на кораблях, шедших во Владивосток.

Мы знали, что «Челюскин» уже не может итти к нам, но тем не менее с большим интересом ловили все, что нам удавалось услышать о нем. Мы слышали, что «Челюскин» уже вошел в Берингов пролив, но его зажало льдом между островами Малым и Большим Диомидами [1]. Мы ждали, что в ближайший день-два лед разредится и «Челюскин» быстро доберется до Владивостока, вписав еще одну славную страницу в историю полярных походов отважных советских моряков.

Но неожиданно мы услышали, что «Челюскин» вместе с зажавшим его ледяным полем начал дрейфовать прямо на север с невероятной быстротой — сорок миль в сутки. Потом последовали сообщения о злоключениях судна, зажатого льдами. Оно носилось по воле льда, течений и ветра — то удаляясь, то приближаясь к желанному проливу Беринга.

Время шло. Уже осенние морозы сковали льды, и

---

[1] *Острова эти называются именами Ратманова и Крузенштерна.*

дальше надеяться на благополучное окончание рейса не следовало.

Мы слышали, что «Челюскин» зазимовал, но отважный коллектив советских моряков не унывал и в условиях тяжелой зимовки вдалеке от берега продолжал жить одной жизнью с Советским Союзом. С радостью отмечали мы благополучное прохождение зимовки и рассчитывали, что придет день, когда море под вешними лучами солнца вскроется, судно освободится и, хоть с годичным опозданием, но все же благополучно прибудет во Владивосток.

Но вот однажды мы получили сбивчивое сообщение, что челюскинцы построили мачту и подняли на ней красный советский флаг, который над мертвыми льдами так же гордо реет, как на материке. Мы поняли, что случилось нечто непоправимое. Позже последовали сообщения, подтвердившие наши догадки. «Челюскин», раздавленный льдами, затонул, а сотня советских людей, выбравшись на лед, организованно и мужественно продолжала бороться за свою жизнь и за достоинство Советской Республики. Жизнь в ледяном лагере протекала нормально. На материке, как мы слышали, были приняты спасательные меры, достойные только нашего великого СССР. Со всех сторон летели самолеты, самолеты же шли на кораблях, из Ленинграда через все океаны был отправлен краснознаменный ледокол «Красин».

Я поручил Траутману во что бы то ни стало связаться с какой-нибудь станцией и передать слова приветствия героическим челюскинцам. Но и в этот раз ему не удалось связаться, и наше приветствие челюскинцев не достигло.

Все время, пока челюскинцы были на льду, мы переходили от надежды к отчаянию. Однажды мы услышали, что летчик Ляпидевский и наш знакомец штурман Петров, вылетев из Уэллена, добрались до лагеря Шмидта, благополучно опустились там и в один рейс вывезли всех женщин и детей. Теперь на льдине остались только полные сил мужчины. Потом пришли самолеты — и на кораблях и

лётом из Хабаровска и Аляски. Начались дни незабываемого упорства и героизма наших советских летчиков, в жесточайших условиях Арктики успешно вывозивших со льда группу за группой.

Мы слышали о болезни О. Ю. Шмидта. Знали о директиве правительства и партии сдать лагерь Боброву и отправиться на материк.

Вот и последние четыре человека вывезены со льда. Затем мы почти каждый день слышали о триумфальном шествии героических людей через весь Советский Союз.

Мы были глубоко удовлетворены и горды тем, что люди, посланные советской родиной на освоение труднейших участков нашей страны, очутившись в трудных условиях, не были оставлены. Иначе и быть не могло! Наше советское отношение к человеку не могло допустить гибели челюскинцев на льду.

Через некоторое время после того, как челюскинцы были спасены и они уже следовали на материк, к нам 24 мая 1934 года пожаловал самолет. Мы с Власовой были у себя в комнате. Вдруг наша дверь открылась, и Демидов каким-то не своим голосом прокричал:

— Самолет! Самолет летит!

Мы с Власовой оделись, выскочили наружу. Аппарат уже кружился над бухтой, выбирая, как видно, место для посадки.

Я дал распоряжение Траутману и Демидову разложить на бухте в наиболее удобном месте посадочное «Т».

Посадка предстояла трудная. Бухта осенью прошлого года замерзла скверно. Перед самым ледоставом в бухту натащило торосов, их сковало льдом. Так они и остались. Рассчитывая, что с наступлением светлой поры к нам может прилететь самолет, я еще в конце марта озаботился подготовкой посадочной площадки. Несколько дней мы выбирали место, но и на море и в бухте не было ровной площади нужных размеров. Пришлось изрубить много торосов на бухте. Крайние торосы я окрасил метиленовой синькой, чтобы их сверху было лучше заметно.

Но ко времени прилета самолета стояли довольно теплые дни, и бухта «рассолодела»; снег, покрывший лед, во многих местах основательно подтаял, и образовались большие лужи. Вода в последние дни была скована морозами, и лужи покрылись коркой льда; корка выдерживала свободно человека, но все же она не была достаточно крепкой для того, чтобы выдержать тяжесть самолета, приземляющегося с большой скоростью.

Приготовленная нами площадка была совершенно негодна: знак был выложен на узкую ровную полосу льда параллельно берегу.

На самолете, как видно, был опытный пилот, и он сверху правильно ориентировался, найдя место среди луж, где самолет мог безопасно для себя сесть.

Машина клюнула носом и пошла на посадку. Мотор перестал рокотать, в наступившей тишине был слышен шум рассекаемого самолетом воздуха. Машина все ниже, вот скоро коснется лыжами льда, но вдруг она как будто-бы потеряла на миг скорость, находясь на метр или немного больше от льда, и потом почти отвесно плюхнулась на лед. Первоначально я думал, что произошло какое-то несчастье, но самолет, прыгая на кочках, покатился, накренившись на одно крыло как подбитая птица. Мы всей гурьбой, проламывая ногами корку льда, проваливаясь и падая, бросились к самолету. Из него выпрыгивали люди. Один, два, вот уже четыре человека стоят около самолета. Подбежав, мы второпях жали руки прилетевшим.

— Почему так поздно прилетели?

— Не могли раньше, были заняты другой работой.

— Лететь так поздно — безрассудно.

— Почему? — осведомился пилот.

— Бухта тает. Ваше счастье, что последние дни стояли холода, а то вряд ли сумели бы сесть.

— Иного выхода не было, — сказал кто-то.

Прилетели, как мы уже сказали, четыре человека: начальник зимовки на мысе Северном — Петров, пилот Фа-

рих, бортмеханик Бассейн и радист — челюскинец Иванов. Они прилетели, оказывается, к нам по поручению правительства: привезти нам опытного радиста Иванова и узнать, что делается на острове.

Самолет, оказывается, еще двадцатого числа прилетел на остров, но побережье было плотно укрыто туманом, и пилот не мог ориентироваться. Найдя потом среди тумана «окно», рискнули сесть. Где они сидели, точно не знали. По их рассказам я установил, что сели они несколько западнее бухты Сомнительной. Если бы они сели у самой бухты, их неизбежно обнаружили бы люди, а тут, несмотря на то, что они в течение трех с лишним дней сидели на острове, их никто не заметил, и они не знали, как далеко сели от жилья и в каком направлении это жилье находится.

При посадке они потерпели небольшую аварию: лонжерон, поддерживающий правую лыжу, был сломан. Сломаны были также два шпангоута. Пришлось долго возиться с ремонтом самолета, и только упорство помогло им выйти из этого затруднения. Ремонт самолета осложнялся еще тем, что у них совершенно не было деревообделочных инструментов. За все шел перочинный ножик, случайно оказавшийся у Петрова. Кое-как починив машину, они стартовали. При посадке в бухте Роджерс весь ремонт пошел на смарку, и самолет опять был негоден для полета.

Иванов, как только был устроен самолет, с Траутманом и Демидовым отправились на радиостанцию, а мы тем временем с летчиками и Петровым отправились в старый дом. Власова уже хлопотала, приготавливая закуску и чай для гостей.

Не успели мы расположиться, как пришел эскимос и сообщил мне, что меня просят на радиостанцию.

На радиостанции Иванов мне отрапортовал:

— Товарищ начальник, связь с мысом Северным установлена, с Уэлленом — тоже.

Это еще более укрепило меня в убеждении, что Траутман не знал радиодела, что на протяжении целого года он обманывал меня, ссылаясь на плохую слышимость и на другие «объективные» условия.

Я поблагодарил Иванова. Наконец, мы имели связь — то, чего добивались в течение почти двух лет! Я пригласил товарищей к завтраку.

Пока люди мылись, а потом ели, я наскоро набросал несколько телеграмм и передал их Иванову.

Вечером этого же дня мы обсудили вопрос об отлете с острова. Прежде чем лететь, надо было отремонтировать самолет. Бассейн и Демидов — бортмеханики. Металлистов было больше, чем нужно, но вот деревообделочников не было совершенно. Бассейн и остальные откровенно заявили, что за изготовление нового лонжерона и шпангоутов они не берутся. Я предложил свои услуги, так как на острове на протяжении всего этого времени мне приходилось делать большое количество различных столярных работ, и я, что называется, специализировался в столярном деле.

Бассейн только разъяснил мне, что такое лонжерон, какого он должен быть сечения. Желательно сделать его из двух слоев, клееным. Шпангоуты делать целиком не надо, можно использовать остатки старых, нарастив их кусками на клею. Все остальное — дело рук механика.

Ремонт был закончен 29 мая. Люди собирались улетать.

Я решил отправить на материк Траутмана. С прилетом Иванова, он был у нас лишним человеком.

Я предложил Траутману собрать свое имущество, передать радиостанцию и все дела Иванову и быть готовым к отлету.

30 мая, утром начали подготовку к старту. Фарих со Старцевым на нарте объехал бухту, нашел удобную по его мнению площадку для взлета.

Самолет на льду. Люди по местам. Мотор работает. Фарих дает полный газ, и самолет ринулся вперед. Но вот

он на полном ходу остановился. Мы бросились к нему. Оказалось, что башмак костыля попал в трещину, зарылся под корку льда и остановил самолет. Минут пятнадцать мы возились, чтобы освободить башмак, а потом вывели самолет немного дальше. Через несколько минут машина была уже в воздухе.

Часа полтора после отлета самолета мы провели тревожно, ожидая известий с мыса Северного о прибытии улетевших. Потом Иванов сообщил, что самолет благополучно опустился на мысе Северном.

Теперь мы имели связь с материком и могли в любое время запросить и получить нужные сведения. Радист Иванов держал связь регулярно, причем, так как у нас был недостаток в радиолампах для большого передатчика, Иванову после прилета пришлось работать с мысом Шмидта не передатчиком, а помощью регенеративного приемника. Включив в цепь антенны ключ, он прекрасно работал с мысом Шмидта.

Насколько мне помнится, ему почти совсем не приходилось пользоваться большим передатчиком.

В июне мы начали получать телеграммы от вновь назначенного начальника острова Семенчука, готовившегося к отъезду на остров.

Как и в прошлые годы, я с помощью Старцева и Таяна все перемеривал, перевешивал, пересчитывал, записывал в инвентаризационную опись, готовил акты сдачи и приема хозяйства.

К моменту отправления «Красина» к острову Врангеля лед значительно улучшился и был проходим даже и не для ледокола.

Все складывалось к тому, что нам, наконец, удастся вырваться с острова и закончить нашу столь затянувшуюся зимовку. Понемногу начали готовиться к отъезду. В предыдущие годы нам и в голову не приходило укладывать личные вещи. Не до них было. Вероятность прихода судна была невелика, и мы не беспокоили себя сборами.

Теперь же мы занялись и личным багажом.

Наконец мы получили сообщение, что «Красин» вышел в бухту Провидения. Туда же из Владивостока несколько позже ушел пароход «Совет», на котором было снабжение для острова Врангеля и зимовщиков. 10 августа пароход «Совет» добрался в бухту Провидения, где его уже несколько дней ожидал «Красин», который, приняв грузы и людей, должен был отправиться к нам. Наконец узнаем, что «Красин» вышел к острову.

20 августа я получил от начальника экспедиции на «Красине» Петра Ивановича Смирнова телеграмму, из которой было видно, что они подошли к острову у мыса Пиллер и сейчас идут параллельно берегу — к бухте Роджерс — и через несколько часов предполагают быть у нас.

Все, за исключением радиста, вышли наружу. Кто мог, вооружился биноклем. От зрительной трубы не отходили, вглядывались в ту точку горизонта, где из-за мыса Гавайи должен был показаться корабль.

Сначала показался легкий дымок. Мы спорили — дым это или облачко. Но вот и корпус судна выдвинулся из-за мыса. Он был еще очень далеко, неразличимый простым глазом. В бинокль был виден небольшой «утюжок» с дымящимися трубами. Нам казалось, что судно идет очень быстро и что оно вот-вот будет у нас.

Совершенно неожиданно навалился туман и скрыл от нас ледокол. Уже к склону дня за косой в конце бухты Роджерс мы начали различать какую-то темную громаду, смутно проступавшую через туман. Мы решили, что это «Красин».

С ледокола нам телеграфировали, что они принуждены остановиться, опасаясь из-за тумана и из-за мелкого дна сесть на мель.

Ночью туман совсем рассеялся. «Красин» был прекрасно виден и казался очень близким. На ледоколе зажгли прожектор, и его лучи, попадая через окно в нашу комнату, освещали ее так ярко, как будто бы мы зажигали

сильную — во много сот ватт — электрическую лампу. «Красин» остановился на ночь.

Нам казалось, что он близко — рукой подать. Издали виднелись большие разводья, и я решил добраться до ледокола. Взяв с собой Старцева и Таяна, я отправился к «Красину». Но чем дальше мы отходили от берега, — тем гуще становился лед, а «Красин» ближе не становился. Дальше, без риска быть раздавленными, мы двигаться не могли. Остановились у большого ропака, выбрались на него и в бинокли и невооруженным глазом смотрели на судно. Судно было так близко, что совершенно ясно были слышны шум пара, голоса людей и лай собак. Какой-то эскимос, очевидно, кормил собак, кричал на них и ругался. Таяну казалось, что он по голосу узнает этого эскимоса.

Мы долго еще крутились по воде, но потом, убедившись в тщетности своих усилий, повернули обратно.

Эту ночь никто не спал на Роджерсе, а если и спал, то в «полглаза», то-и-дело выбегая взглянуть, не подошел ли «Красин».

Рано утром «Красин», как-то незаметно для нас, подошел, как казалось, почти вплоть к Роджерсу. Он стоял на чистой воде, за ним же громоздились льды.

Я взял с собою Иванова, Демидова, Таяна и Старцева и на вельботе отправился на судно. Подходя к «Красину», мы видели на нем все население его, он был до самого мостика завален строительными материалами и всяким снаряжением и больше походил на грузовоз, чем на ледокол. Приземистая, утюгообразная громада становилась все ближе и ближе. Вот мы уже у самого борта. Подходим к трапу. Сверху нас приветствовали люди, хлопали затворы аппаратов, кинооператор неутомимо крутил ручку аппарата.

Подойдя к трапу, я поднялся на судно. У трапа меня встретили начальник экспедиции Смирнов, начальник острова Семенчук и весь остальной состав экспедиции. Тут же был наш старый знакомец, — правда, только по теле-

графу, — Евгенов, оказавший нам такую большую помощь летом 1932 года. Тут увидел я Березкина, с которым вместе плыл на «Литке» в 1929 году на остров.

Было радостно увидеть и старых знакомцев, и новых людей.

После первых слов приветствий, рукопожатий и поцелуев, я отправил вельбот обратно, испросив разрешение начальника экспедиции привезти на корабль эскимосов.

Через некоторое время на корабле было все население острова Врангеля, а на суше остались только собаки.

... Так закончилась наша зимовка, начатая пять лет назад — 29 августа 1929 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1921 году к острову Врангеля подошло судно под британским флагом. Это был не случайный заход. Не наука, не обстоятельства, а хищническое стремление оторгнуть от РСФСР затерявшийся во льдах кусок его территории двигало людьми, пришедшими на судне.

В. Стеффансон образовал компанию для эксплоатации богатств острова. Была организована колонизационная группа из 4 канадцев во главе с А. Крауффордом. Кроме того, они взяли с собой в качестве поварихи и швеи эскимоску Блекджек. Группа имела задачей закрепление острова за Британией, сохранение ее интересов и эксплоатацию пушных и прочих богатств острова Врангеля.

Люди были прекрасно снабжены. Лишь мясные запасы они должны были пополнить охотой на зверя, а летом 1922 года за ними должно было прийти судно и вывезти всех на материк.

В самом начале зимовки партию Крауффорда постигли разные несчастья. Запасы, выгруженные с судна, не были убраны. Их разграбили медведи и песцы. Осенью колонисты охотой не занимались и свежего мяса не заготовили. Уже в первую зиму среди колонизаторов появились признаки цынги.

Посланное летом 1922 года судно к острову не подошло. Люди, прождав всю осень, решили перебраться на материк по льду пролива Лонга. Но к этому времени на ногах были только трое: матрос Найт, пораженный цынгой, был малоспособен к походу. В конце декабря 1922 года трое здоровых бросили больного Найта и эскимоску Блекджек и ушли с острова на материк, решив повторить опыт капитана Бартлета. Ушедшие, как видно, не выдержав трудностей похода, погибли во льдах.

Летом 1923 года к острову подошло судно экспедиции Нойса, имевшей целью снять группу Крауффорда и оставить новых колонистов. Но англичане нашли труп Найта, эскимоску Блекджек, да услышали рассказ об уходе троих через лед на материк...

Чем объяснить разницу в исходе двухлетней канадской и пятилетней советской зимовок?

На первый взгляд может показаться, что все дело только в людях, осуществлявших эти, так непохожие друг на друга, зимовки. Конечно, люди играли не последнюю роль, но основное все же не в них.

Главная причина — в тех социально-политических системах, в которых эти люди выросли, которые определяли сознание этих людей. Диаметрально противоположные условия социалистической и капиталистической систем породили и диаметрально-противоположные результаты двух зимовок, причем, как видел сам читатель, трудности, стоявшие перед советской зимовкой, были во много раз серьезней.

Все объясняется тем, что «у них» частные интересы зимовщиков не могли быть объединены с интересами предпринимателей. Это же мешало им быть сплоченным коллективом, болеющим интересами и судьбою каждого зимовщика. Вот почему они решились оставить больного Найта и женщину, предоставив им самим бороться за жизнь. Не следует, конечно, объединять с этим научно-спортивных экспедиций, когда во главе стоял идейный вдохновитель и персонал подбирался из людей, заражен-

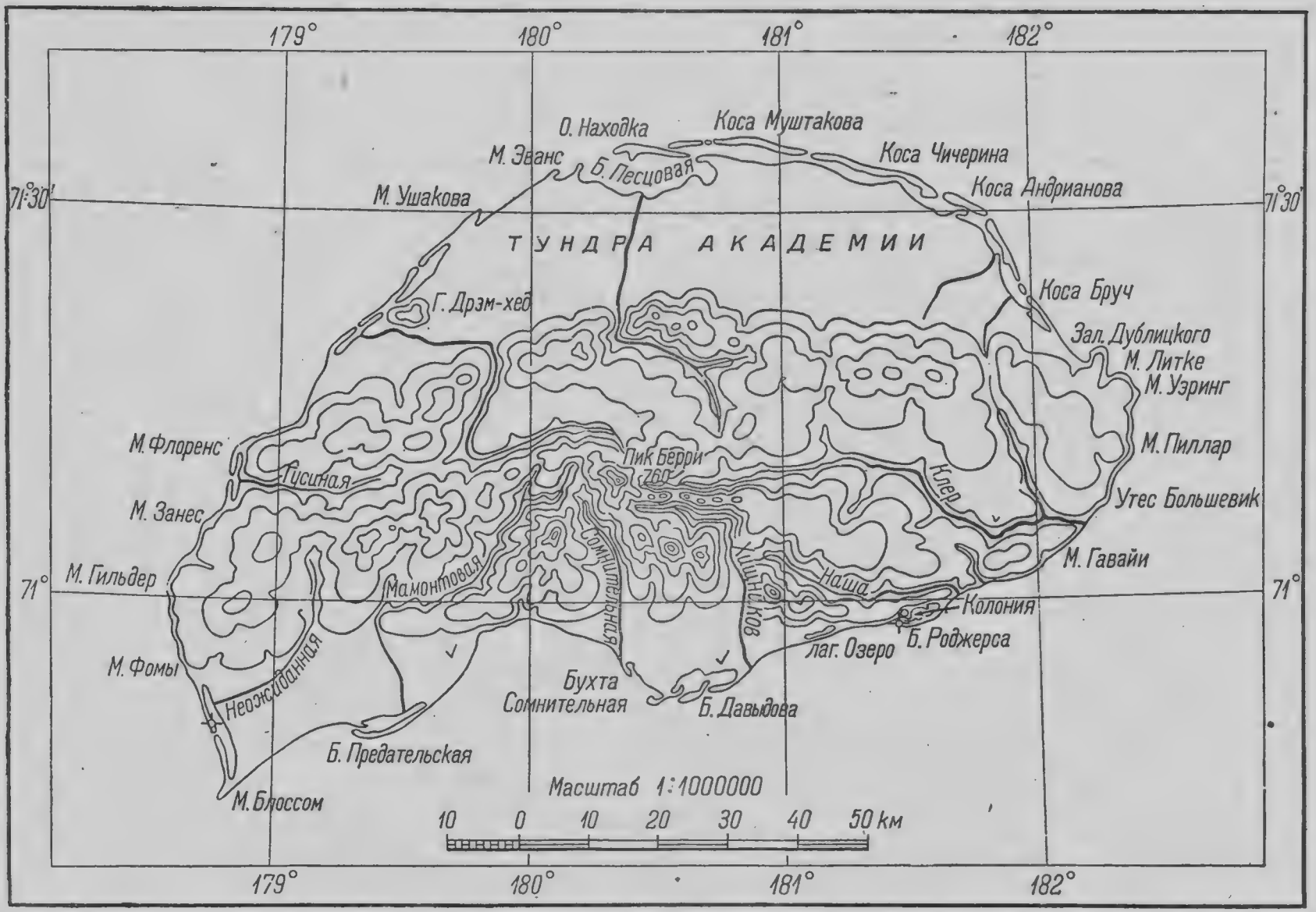
ных идеей руководителя. Эта идейность делала коллектив сплоченным и способным на подлинный героизм в преодолении трудностей.

Совсем другое дело у нас, в стране социализма. На какое бы дело ни посылался человек, как бы необычно оно ему ни казалось, как бы далеко ни было оно от его личных интересов, он прекрасно сознает, что дело это не только государственное, но и его кровное личное дело. Тут уже не подходит старая русская поговорка «своя рубаха ближе к телу», — теперь всякая рубаха своя, все они одинаково близки.

Это стало потому возможным в нашей стране, что принцип «человек человеку волк», являющийся основой отношений в эксплоататорских обществах, выкинут из советской практики. Вот почему так диаметрально-противоположно поступили две группы зимовщиков — одна с больным Найтом и эскимоской Блекджек, другая — с сумасшедшим Петриком.

Это, наконец, стало возможным потому, что начальник зимовки перед отправлением на остров прошел одиннадцатилетнюю партийную выучку и школу гражданской войны.

Только благодаря неусыпному руководству коммунистической партии, нашего великого вождя, товарища Сталина, стали возможными величайшие завоевания социализма во всех областях, в частности и на фронте завоевания и освоения Арктики, небольшим кусочком которой является остров Врангеля.



Карта о. Врангеля.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
ВВЕДЕНИЕ		3
ГЛАВА	I. Отъезд на остров Врангеля	11
ГЛАВА	II. В пути	29
ГЛАВА	III. У цели	45
ГЛАВА	IV. После ухода „Литке“	67
ГЛАВА	V. Песец и охота на него	89
ГЛАВА	VI. Полярная ночь	105
ГЛАВА	VII. Поиски Эйельсона и Борланда	123
ГЛАВА	VIII. Полярное утро	129
ГЛАВА	IX. Белый медведь	138
ГЛАВА	X. Нерпа и лахтак	168
ГЛАВА	XI. Пернатое население острова	172
ГЛАВА	XII. Прием пушнины и сырья	188
ГЛАВА	XIII. На сбор гусиных яиц	198
ГЛАВА	XIV. Летние хозяйственные работы	208
ГЛАВА	XV. Вскрытие бухты и моря	215
ГЛАВА	XVI. Моржи	222
ГЛАВА	XVII. Осень	250
ГЛАВА	XVIII. Петрик	258
ГЛАВА	XIX. Рейс „Чукотки“	281
ГЛАВА	XX. Зима 1931—32 года	295
ГЛАВА	XXI. Поход „Совета“	301
ГЛАВА	XXII. Над льдами на „Совет“	329
ГЛАВА	XXIII. Накануне четвертой зимы	339

ГЛАВА XXIV. Трудная зима 346
ГЛАВА XXV. Весна и лето 1933 года 371
ГЛАВА XXVI. Пятая зимовка 390
ГЛАВА XXVII. Замечательный остров 423
ГЛАВА XXVIII. Приход „Красина“ 430
Послесловие 440
Приложение: карта острова Врангеля.

Отв. редактор *Г. Мишкевич.* Техн. редактор *З. Коренюк.* Корректор *А. Сарибан.*

Книга сдана в набор 3/II 1936 г. Подписана к печати 4/IV 1936 г.
Инд. Ю-2. М. Г. № 3076. Тираж 25000 экз. Ленгорлит № 410. Заказ № 426.
Бумага 72×105 см. Авт. л. 20,81. Печ. л. $27^{3}/_{4}$. (113136 тип. знак. в 1 бум. л.). Бум. л. $13^{7}/_{8}$.
Цена книги 6 р., переплет № 7—1 р. 25 к., переплет № 5—70 к.

2-я типография „Печатный Двор“ треста „Полиграфкнига“. Ленинград, Гатчинская, 26.

Книжн. маг. Изд-ва
Г. У. С. М. П.
кв. 1986
ц. Р. ____ к. ____

М.2 М
461-П